

Международные дискуссии марксистов

КАКОЕ БУДУЩЕЕ ОЖИДАЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО?

Материалы международного обмена мнениями, организованного редакцией журнала «Проблемы, мира и социализма» и Центром марксистских исследований (СЕРМ), в Руайомоне в мае 1961 года

Под общей редакцией члена-корреспондента АН СССР

А. М. РУМЯНЦЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«МИР И СОЦИАЛИЗМ»

П РАГА . 1964

Редакторы-составители: Пьер Энтжес Е. П. Ситковский Э. А Араб-Оглы

Редактор- М. К. Мамардашвили

Перевод с французского: И. А. Егоров

Л. И. Свободова В. Л. Шелепин

СОДЕРЖАНИЕ

Общественный прогресс и будущее человечества (вступительная статья) 7

Вступительное слово А. Ложье 26

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОГРЕССА

I. Стадии исторического развития 24

Обсуждение с участием П. Вилара, А. Соболева, Е. Жукова, Ж. Валя

II. Исторические формы перехода от одного общества

к другому 64

Обсуждение с участием В. де Магала-Вилена, Ш. Парэна, П.-М. Шуля, С. Райерсона, Л. Мортонна, Б. Поршнева

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОГРЕССА

I. Пути развития экономически слаборазвитых стран 101

Обсуждение с участием Ж. Шено, Ф. Клаэссенса, А. Монестье, Ж. де Кастро, Нгуен Хак Вьена, Р. Барбе, Л. Лавалле, Джонсона

II. Общество и технический прогресс 144

Обсуждение с участием Ж. Фурастье, (э) Кольмана, А. Сови, А. Баржонэ, Б. Лаверня, "о Лабрусса, Э. Араб Оглы, А. Клода

III. Перспектива социализма 212

Обсуждение с участием Ж Гурвича, А. Арзуманяна, Ю. Францева, Ч. Лупорини, Л. Гольдмана, А. Соболева, Ж. Мюри

IV. Мирное сосуществование и социальный прогресс 240

Обсуждение с участием Е. Каменева, Планти-Бонжура, И. Сровнала, Ж. Булье, П. Энтжеса, Р. Гароди

НАУЧНЫЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОГРЕССА

I. Биологические факторы прогресса 271

Обсуждение с участием П. Шошара, Ч. Лупорини, Табуре-Келлер, Р. Гароди, Б. Мюлдуорф

II. Гуманизм и прогресс 292

Обсуждение с участием П. А. Шомбар де Лова, Л. Штолла, Л. Гольдмана, П. Вилара, К. Гулиана, Ю. Францева, А. Соболева, Н. Семенова, Ж. Валя, Ж. Мюри, Дж. Бернала, М. Корнфорта, Г. Бесса, М. Раля, Веркора, Р. Гароди, П. Шошара, Э. АрабОглы, Ж. Мадоля

Заключительное слово А. Ложье 431

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. Шафф. Марксистская теория общественного развития	437
Ж. Ошавков. Технический прогресс и прогресс социальный	461
М. Кадлец. Экономический прогресс и развитие личности	474
К. Янагда. Свобода и прогресс знания	483
Список участников	497

1

2

3

Книжная серия «Международные дискуссии марксистов», выпускаемая теоретическим и информационным журналом коммунистических и рабочих партий «Проблемы мира и социализма»

Вышли из печати: Новые формы эксплуатации и рабочее движение. 1960. «Общий рынок» и рабочий класс. 1960.

Современное освободительное движение и национальная буржуазия. 1961.

Экономическая роль государства при социализме. 1961. Структура рабочего класса капиталистических стран.

1962.

Коммунисты и молодежь. 1962. Антикоммунизм — враг человечества. 1962. Аграрный вопрос и национально-освободительное движение. 1963.

Роль женщины в современном обществе. 1963. Проблемы современного капитализма и рабочий класс.

1963. Проблемы создания единого антиимпериалистического

фронта. 1963. Коммунисты и демократия. 1964

Готовятся к изданию: Пути развития стран, завоевавших национальную независимость

4

Quel avenir attend l'homme?

PARIS

Press universitaire de France 1961

RENCONTRE INTERNATIONALE DE ROYAUMONT 17-21 MAI 1961

President : HENRI LAUGIER Directeur de l'Institut de Développement économique et social.

Vice-Presidents: Я. BIANCHI BANDINELLI

Professeur de l'Université de Rome, Membre de l'Académie Lincei, Président de l'Institut Gramsci.

JEAN DRESCH Professeur à la Sorbonne.

JEAN FOURASTIE Directeur d'Études à l'École des Hautes Études.

ROGER GARAUDY Directeur du Centre d'Études et de Recherches Marxistes.

ERNEST LABROUSSE Professeur à la Sorbonne.

ALFRED SAUVY

Directeur Général de l'Institut National d'Études Démographiques. Professeur au Collège de France.

ADAM SCHAFF Membre de l'Académie des Sciences de Varsovie.

NICOLAI SEMENOV Membre de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S., Prix Nobel.

JEAN WAHL Professeur à la Sorbonne.

Secrétaire Général: PIETRE VILAR Directeur d'Études à l'École des Hautes Études.

Secrétaire général adjoint : ED. A R A B O G L Y Agrégé de l'Université de Moscou.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

(Вступительная статья)

За последние годы в связи с дальнейшим обострением общего кризиса капитализма, возникновением и консолидацией мировой социалистической системы, строительством коммунизма в СССР, успехами национально-освободительного движения проблема общественного прогресса, естественно, приобретает все большее значение как в общественных науках, так и в современной идеологической борьбе.

Обсуждению этой проблемы и была посвящена состоявшаяся в мае 1961 г. в Руайомоне, близ Парижа, международная встреча ученых на тему «Какое будущее ожидает человечество?». Проведенная по инициативе редакции журнала «Проблемы мира и социализма» совместно с Центром марксистских исследований Французской коммунистической партии (СЕРМ) конференция в Руайомоне привлекла

весьма широкий круг участников — видных ученых различных специальностей, а также общественных деятелей из социалистических и капиталистических стран, как марксистов, так и немарксистов.

На конференции развернулся содержательный и оживленный обмен мнениями по следующим основным вопросам: 1) исторический прогресс и закономерности перехода от одного общественного строя к другому; 2) социальные и экономические проблемы отставших в своем развитии стран; 3) научно-технический прогресс и его социальные последствия; 4) критерии и идеалы общественного прогресса.

В обмене мнениями приняли участие свыше пятидесяти ученых — философов, социологов, естествоиспытателей,

==7

экономистов, историков, писателей, общественных деятелей, — людей, придерживающихся разных, нередко противоположных политических и религиозных взглядов. Наряду с марксистами из Франции, Англии, Италии, Канады, Бельгии, из социалистических стран — СССР, Чехословакии и других — на конференции были широко представлены прогрессивные ученые-специалисты, писатели и общественные деятели, не стоящие на марксистских позициях, а также наши прямые идеологические противники, в том числе видные католические теологи, экзистенциалисты, сторонники технократических теорий и др.

Прогрессивная печать единодушно расценила встречу в Руайомоне как выдающееся идеологическое событие. «Следует по-настоящему и от всего сердца поздравить себя в связи с этой международной встречей в Руайомоне, - отмечал еженедельник «Леттр франсэз». — Речь шла не о том, чтобы противопоставить оптимизм пессимизму, но о том, чтобы повсюду высвободить оптимизм. И как только материалы этой конференции будут опубликованы (как мы уже упоминали), над ними нужно будет склониться с большим вниманием, ибо они подтверждают, что подлинная Европа отнюдь не сводится к тому, к чему ее хотят свести, и что обмены мнениями подобного характера и подобного содержания могут лишь эффективно содействовать делу мира и свободы, которые столь дороги всем людям доброй воли. Всем, кто превыше всего желает и стремится, чтобы у человечества было будущее и чтобы это будущее наконец принесло счастье всем» 1.

Подчеркивая значение встречи в Руайомоне для широких кругов интеллигенции на Западе, журнал «Фэн э суаф» констатировал «Какое будущее ожидает человечество? Иначе говоря, какая судьба уготовлена нам, живущим сейчас, и от чего зависит близкое будущее, предстоящее нашим детям и нашим внукам? В то время как весь мир задает себе вопрос о вероятности гибели и о шансах на спасение, подобная проблема предоставила участникам международной встречи в Руайомоне, состоявшейся весной этого года, случай для широкого сопоставления взглядов, принадлежащих наиболее просвещенным людям нашего времени, представляющим все тенденции — от христиан до марксистов, и приехавших со всех континентов. Это была

1 См. «Les Lettres frangdisés», N 887, 25—31 mat, 1961, p. 5. 8

==8

в своем роде «встреча в верхах» между марксистской и прогрессивной мыслью, где все стороны проблемы — научные и экономические, социальные и национальные, материальные и духовные —

были рассмотрены и обсуждены в атмосфере крайней вежливости, несмотря на глубокое расхождение мнений, которое часто противопоставляло собеседников друг другу»¹.

Французская печать с известным основанием назвала конференцию в Руайомоне «идеологической встречей в верхах». Учитывая, однако, острую полемику между марксистами и немарксистами в ходе этой встречи, ее следовало бы скорее назвать открытым, публичным столкновением двух мировоззрений.

Встреча в Руайомоне приобрела значение, далеко выходящее за пределы научного обмена мнениями между специалистами. Она вызвала большой интерес со стороны широких кругов французской интеллигенции, сопровождалась пространными комментариями в газетах «Юманите», «Фигаро», «Круа» и др., в еженедельниках «Франсувель», «Экспресс», «Леттр франсэз» и по радио. Материалы этой встречи были подробно освещены в журналах «Проблемы мира и социализма», а также в «Пансе», «Нувель критик» и «Фэн э суаф» (Франция), «Литерарны новины» (Чехословакия), «Нова мысл» (Болгария), «Экономия и полития» (Греция) и ряде других. Стенограмма конференции была опубликована во Франции отдельной книгой, которая и положена в основу настоящего издания на русском языке. В Чехословакии обзор и материалы конференции были изданы в специальном сборнике.

I.

Проблема общественного прогресса и будущего человечества не случайно стала темой широкого обмена мнениями и полемики между марксистами и немарксистами. Как свидетельствует современная идеологическая борьба между двумя социальными системами, вокруг этой теоретической проблемы концентрируются наиболее острые и насущные вопросы нашей эпохи, связанные с перспективами общественного развития всего человечества.

¹ См. «Falm et soit», N 42, sept.— oct. 1961, p. 16. 9

==9

Проблема общественного прогресса приобретает за последнее время все большее внимание со стороны не только ученых, но и самых широких кругов населения. И это понятно, ведь мы живем в эпоху наиболее революционных преобразований в истории человечества.

Глубокие социальные изменения в жизни всех народов, а также сопровождающее их бурное развитие науки и техники за какие-нибудь полвека буквально преобразили наш мир. Ныне уже не мыслители-одиночки, не передовое образованное меньшинство, а подавляющее большинство человечества убеждено в неизбежности дальнейших радикальных перемен в жизни общества, начиная от социального строя и кончая мелочами быта. Теперь даже заядлые консерваторы не решаются повторять свои излюбленные поговорки: «так было, так будет», «ничто не ново под луной», «чем больше все изменяется, тем больше все остается по-прежнему», с помощью которых они оберегали раз заведенный уклад жизни и свое привилегированное в ней положение. Общественное развитие в нашу эпоху совершается столь стремительными темпами, что, быть может, впервые в истории для массы людей стало очевидным: не грядущие поколения, не их дети и правнуки, а они сами будут жить в мире, еще менее похожем на современный, чем современный мир похож на вчерашний, на общество конца XIX — начала XX столетий. Вместе с тем они, естественно, задаются вопросом, почему происходят все эти социальные изменения и каким будет мир завтрашнего дня?

Проблема общественного прогресса как раз и сочетает в себе обе стороны этого вопроса: стремление теоретически осмыслить причины развития в обществе со стремлением научно предвидеть будущее человечества. Этой теме за последние годы посвящены сотни статей и десятки книг, среди которых

можно отметить содержательные работы Дж. Томсона «Предвидимое будущее» (1958), Дж. Д. Бернала «Мир без войны» (1958), Ф. Бааде «Взгляд в 2000 год» (1960), Ст. Гейма «Космический век» (1959), сборник «Репортаж из XXI века» (1958) и ряд других. Эта же тема практически не сходит с повестки дня многочисленных конференций и семинаров ученых разных специальностей, испытывающих насущную потребность обменяться мнениями о движущих силах истории, поделиться своими знаниями и сомнениями насчет будущего, ожидающего

==10

человечество. В подтверждение достаточно сослаться на три последних Всемирных социологических конгресса в Амстердаме (1956), в Стресе (1959) и в Вашингтоне (1962), на состоявшийся в декабре 1955 г. международный семинар ученых в университете штата Миннесота (США), на франко-польский семинар по социологии в 1956 г., на организованную ЮНЕСКО в Париже весной 1961 г. встречу ученых за круглым столом на тему о прогрессе, на проведенную летом того же года в Вене конференцию, посвященную предвидимому будущему, в рамках ежегодных так называемых «Европейских чтений» и т. д. 1

Обсуждение проблемы общественного прогресса, однако, не могло, да и не может быть замкнуто в узком кругу «посвященных», ибо по своему политическому характеру и социальному значению эта проблема непосредственно затрагивает судьбы всех народов и касается жизни каждого человека в отдельности. Вот почему не приходится удивляться тому, что тема общественного прогресса и открывающихся перед человечеством исторических перспектив ныне вышла далеко за пределы академических обсуждений, за стены университетов и научных учреждений, стала предметом острой идеологической борьбы, страстной полемики, затрагивая сознание и деятельность сотен миллионов людей во всем мире

В то время как ученые спорят между собой о том, закономерен ли вообще прогресс в истории, насколько объективны его критерии и достижимы ли связанные с ним социальные идеалы, подчас вдаваясь в только им понятные детали и тонкости, реальный общественный прогресс прокладывает себе дорогу в ходе ожесточенной борьбы между передовыми и реакционными силами общества, происходящей в нашем мире и в наше время; он воплощается в жизнь в процессе освободительного движения народов против всех форм социального и национального гнета, в повседневном созидательном труде и историческом творчестве трудящихся масс

Общественный прогресс в нашу эпоху — это ликвидация отжившего свой век эксплуататорского строя и строительство

1 См. «Transactions» III, IV и V Всемирных социологических конгрессов, изданные Международной социологической ассоциацией; «Ецгора - Gespräch 1961. Die voraussehbare Zukunft», Wien 1961; Dale B. Harris (ed.) «The Concept of Development» Minneapolis 1957

==11

нового, справедливого, коммунистического общества; это освобождение колониальных народов от империалистического гнета и завоевание ими политической и экономической независимости; это борьба за демократию и право народов самим быть хозяевами своей судьбы; это распространение знаний, культуры среди широких народных масс и пробуждение их к сознательной исторической деятельности; это развитие науки и техники, обращенное на благо трудящегося человечества, это предотвращение мировой термоядерной бойни во имя сохранения и умножения богатств созданной человеком цивилизации.

Какими бы отвлеченными ни казались подчас споры ученых о прогрессе, они имеют самое непосредственное отношение к происходящей в мире политической и идеологической борьбе, к классовым конфликтам, к соревнованию двух социально-экономических систем — социализма и капитализма. Больше того, эти споры сами являются неотъемлемой частью этой борьбы. В самом деле, отрицая прямо или косвенно закономерный характер прогрессивного развития в обществе, реакционные философы и социологи, экономисты и историки в сущности пытаются посеять сомнения у трудящихся масс в достижимости социальной справедливости, лишить перспективы их освободительную борьбу, заставить их примириться с эксплуататорским строем и тем самым способствовать его увековечению.

Напротив, для передовых ученых и общественных деятелей защита и теоретическое обоснование идеи прогресса неразрывно связаны с выявлением исторической обреченности эксплуататорского строя, с убеждением народных масс в реальности лучшего будущего человечества, с научным предвидением перспектив исторического развития.

II.

Само отношение к идее общественного прогресса служит не только хорошим показателем классовой позиции того или иного ученого, но и объективным критерием исторической роли и судьбы того класса, идеологом которого он является.

Как только выявились первые признаки упадка капитализма, вступившего в свою последнюю, империалистическую стадию развития, в буржуазной философии и социологии наметилась явная тенденция к отрицанию

==12

поступательного развития общества вообще, к фальсификации самой проблемы прогресса (Эд. Мейер, О Шпенглер, Н Бердяев и др.) Особенно ярко это проявилось с наступлением общего кризиса капитализма, ознаменовавшегося становлением новой, истинно человеческой эры — эры социализма и коммунизма. Развитие социализма углубило общий кризис капитализма, приведя его к третьему этапу, когда уже не капитализм, а социализм превратился в решающий фактор истории, в силу, определяющую ход поступательного развития общества и будущее человечества.

Отношение современных буржуазных идеологов к проблеме общественного прогресса весьма симптоматично, оно объективно является не только оправданием внутренней и внешней политики империализма, но и косвенным отражением безысходности капитализма, его ускоряющегося упадка и разложения. «На протяжении нескольких десятилетий эволюционистские и рационалистические концепции в целом не пользуются большой благосклонностью, — констатировал недавно английский социолог Моррис Гинсберг. — Этот скептицизм имеет много причин. Прежде всего он вытекает из крушения надежд, которые питали мыслители-гуманисты XVIII и XIX веков, верившие в возможность быстрого прогресса. В результате двух мировых войн и последовавших за ними социальных потрясений мы, несмотря на некоторые успехи, уже достигнутые «гуманистическим» сознанием, пришли к тому,

чтобы задать себе вопрос, существуют ли серьезные основания верить, что движению, порожденному этим сознанием, суждено восторжествовать».

Буржуазная идея прогресса, исторический оптимизм буржуазии не смогли пережить социальных катастроф, в которые капитализм вверг человечество в XX столетии «Ибо то, что случилось в течение трех десятилетий XX века, было катаклизмом бесконечно более могущественных реальностей, повлиявших на изменение позиции людей, чем просто следствием эрозии идей, — отмечал американский социолог Хейлброунер — С 1914 по 1945 г Европа испытала конденсированный ужас, не имеющий себе параллели в истории резня первой мировой войны, истощение, вызванное депрессией, агонизирующее впадение Германии в нацистский ночной кошмар, самоубийство Испании, унижение Италии, разложение Франции, упадок Англии и, наконец, завершающая фурия второй мировой

==13

войны Перед соединенной трагедией этих лет все оптимистические взгляды потерпели крах В самом деле, отныне очевидным вопросом было уже не то, являются ли силы технологии, демократии и капитализма агентами многообещающего будущего, но то, до какой степени на них можно возложить ответственность за невыразимо злодейский исход прошлого» 1

В поисках объяснения краха идеи прогресса буржуазные ученые, вроде Гинсберга и Хейлброунера, справедливо указывают на социальные конфликты и потрясения, в которые империализм вверг человечество в XX веке Однако они вместе с тем упускают из внимания то обстоятельство, что поход против идеи общественного прогресса объективно преследует своей целью предотвратить поиски выхода из того исторического тупика, куда капитализм завел современное общество

Не будет преувеличением сказать, что подавляющее большинство буржуазных социологов, буржуазная социология в целом, заняли за последние годы явно отрицательную позицию по отношению к общественному прогрессу, причем наиболее распространенными формами отрицания и извращения идеи поступательного развития общества являются следующие: 1 Отрицание правомерности самого представления о прогрессе и попытки заменить это понятие неопределенным и ни к чему не обязывающим понятием «социальные изменения» (например, в выступлениях буржуазных идеологов на III Всемирном социологическом конгрессе, на франко-польском семинаре социологов в 1956 г и др.), отрицание объективных критериев понятия «прогресс» и его релятивистские и агностические интерпретации

2 Отрицание всеобщего и необходимого характера поступательного развития в обществе, протаскивание расистской концепции об «избирательном характере прогресса», сопровождающееся оправданием неравномерности развития отдельных стран и народов (П. Гордон-Уолкер, С. Д. Дарлингтон, Дж. Хаксли и др.)

3 Стремление подменить поступательное развитие общества его мнимоциклическим характером, что ведет к разрыву всемирной истории во времени и пространстве на

1 R. L. Hellbroner «The Future as History», N.-Y 1959, p. 46

==14

взаимно не связанные обрывки — «цивилизации» (школа А Тойнби, Х Ортега-и-Гассет, В Дausон и др.).

Несмотря на внешнее разнообразие, все эти концепции современной буржуазной социологии объективно преследуют одну цель — опровергнуть внедрившееся в сознание народных масс убеждение в неодолимости общественного развития, внушить им представление о вечности и неустрашимости социального и национального гнета, войн и нищеты, обосновать недостижимость социальной справедливости, нереальность коммунизма

В то же время многие идеологи крупной буржуазии пытаются ныне сформулировать и возможно шире распространить такие концепции общественного развития, которые бы отвечали интересам государственно-монополистического капитализма и обосновывали бы его мнимые «исторические права» на будущее. К их числу относятся концепции «индустриального общества» У Ростоу и Р. Арона, различные варианты технократических теорий Дж. Бернхэма, А. Фриша, Ж. Фурастье и др.

Наряду с перечисленными выше концепциями буржуазных идеологов, претендующими на наукообразность, на капиталистическом Западе приобрели большое распространение также всевозможные иррациональные пророчества о мрачном будущем, якобы ожидающем человечество, апокалипсические настроения и проповедь безысходности. Участники встречи в Руайомоне имели возможность лично убедиться в этом, побывав на выставке «Апокалипсис» в Музее современного искусства. Продолжавшаяся с 15 марта по 15 мая 1961 г., эта выставка привлекла десятки тысяч посетителей, которым демонстрировалось современное издание «Апокалипсиса», включавшее в себя различные вариации на эту тему семи крупнейших французских писателей и иллюстрации семи крупнейших художников. Эта книга, написанная каллиграфически на пергаменте и инкрустированная драгоценными камнями, обошлась издателю Жозефу Форэ в несколько миллионов франков и принесла в десять раз больше прибыли. Оптом или в розницу «каждому свой апокалипсис» — таков был лейтмотив ее содержания; писатели изощрялись в описаниях предстоящей гибели цивилизации, вырождения человеческого рода и т. п., а художники как могли постарались воплотить все эти предсказанные писателями ужасы в конкретные образы.

==15

Марксистский анализ этих реакционных пророчеств дает возможность ярко и убедительно показать вырождение капиталистического строя и сопутствующей ему идеологии. Подобная апокалипсическая по своим настроениям литература воспроизводит такие же трагические ноты, как в свое время это имело место в идеологии господствующих классов в период упадка и гибели рабовладельческого строя и феодализма.

III.

Диалектический материализм как науку создали К. Маркс и Ф. Энгельс. В. И. Ленин развил ее в новых исторических условиях и обогатил рядом важнейших положений.

Ленинский этап марксистской философии представляет поэтому новую, высшую ступень в развитии философской мысли.

Большой вклад внес В. И. Ленин в разработку проблемы общественного прогресса.

Марксистская наука об обществе, материалистическое понимание истории не только дает единственно правильное объяснение поступательного развития общества, но и служит одновременно могучим средством ускорения общественного развития, средством сознательного творчества миллионов и преобразования социального строя на справедливых началах. В борьбе против буржуазных социологов, подвергающих непрерывным и настойчивым нападениям представление о поступательном развитии

общества, большое значение приобретает обоснование объективных критериев прогресса, отражающих развитие материального производства, социального строя и культуры.

Выявив причины неравномерности общественного развития в условиях антагонистического общества, марксизм-ленинизм вместе с тем указывает нам реальные пути быстрого подъема экономически отставших стран до уровня передовых в условиях социалистического общества. В связи с этим важное теоретическое и практическое значение для деятельности многих коммунистических партий в условиях третьего этапа общего кризиса капитализма приобретает марксистско-ленинское учение о возможности некапиталистического пути развития экономически отставших стран к социализму.

==16

С переходом человечества в коммунистическую формацию кончается, по выражению Маркса и Энгельса, предыстория человечества и начинается его подлинная история, когда общественный прогресс протекает уже не в форме социальных конфликтов, а в форме планомерного поступательного развития, опирающегося на научное познание объективных закономерностей общества и сознательное историческое творчество всех трудящихся и всех народов.

Теория научного коммунизма наложила свою поистине неизгладимую печать на всю историю человечества за минувшее столетие. А в современную нам эпоху ее воздействие на ход событий в мире не перестает возрастать. Это проявляется не только непосредственно — в процессе воплощения в жизнь идей коммунизма в социалистических странах, представляющих ныне уже треть человечества, но и дает о себе знать опосредованно. Еще каких-нибудь полвека тому назад, до победы социалистической революции в России и последовавших за ней исторических социальных преобразований, практически ни одно правительство в мире не помышляло о том, чтобы сознательно содействовать поступательному развитию своей страны, а ограничивалось лишь текущими, насущными вопросами. Ныне же, после второй мировой войны, в мире нет ни одного правительства, ни одной правящей или оппозиционной партии, которые так или иначе не ставили бы вопроса о необходимости общественного прогресса, не разрабатывали бы ширококонтурных программ экономического и социального развития, не предусматривали бы ежегодного прироста производства на несколько процентов, не старались бы видеть течение событий в исторической перспективе. Идея общественного прогресса, следовательно, приобрела ныне такую историческую необходимость и такую привлекательность в глазах человечества, что никто и ничто не может ей противостоять и противодействовать. Выступить прямо и откровенно в нашу эпоху против общественного прогресса значит оказаться безнадежно скомпрометированным политически и быть сметенным всеобщим недовольством.

Вот почему даже противники поступательного развития общества, убежденные реакционеры и неисправимые консерваторы ныне вынуждены выступать под флагом поборников прогресса, вынуждены «держат нос по ветру истории». Этикетка «прогресс» наклеивается ими на

2 »

==17

любое мероприятие, призванное укрепить существующий строй, чтобы придать ему привлекательность в глазах общественного мнения и обеспечить поддержку масс. Одним из таких наиболее вопиющих злоупотреблений понятием «прогресс» может служить разрекламированный американской администрацией «Союз ради прогресса» между США и странами Латинской Америки, ставящий своей

целью предотвратить революционные преобразования на этом континенте. Даже правая американская печать вынуждена теперь, два года спустя после провозглашения широковещательной программы помощи США, признать, что «Союз ради прогресса» не является союзом и не делает прогресса. Это лужа, в которую мы плюхнулись»¹. И этого следовало ожидать, ибо общественный прогресс — не заявочный столб, который можно водрузить на золотоносную жилу, объявив ее своей собственностью.

Между политическими деятелями буржуазии и ее идеологами, таким образом, складывается своего рода «разделение труда»: первые демагогически сулят народу прогресс и лучшее будущее, если массы во всем будут следовать за ними, тогда как вторые в общем пытаются теоретически оправдать в глазах общественного мнения, почему из этих обещаний, несмотря на благие намерения, ничего не получается.

Сознание исторической обреченности капитализма все больше охватывает его идеологов. Они, разумеется, далеко еще не отказались от его защиты, от надежды на благоприятный для себя поворот событий в будущем. Но чем дальше, тем все более смутными и неопределенными становятся подобные надежды, тем все более явными и серьезными становятся их опасения за судьбу существующего строя. И, быть может, красноречивее всего такие настроения передает лаконичная формула «дела будут идти все хуже, прежде чем они пойдут лучше!», которая получила широкое распространение на капиталистическом Западе именно в последние годы. Эта формула, соответствующая хорошей мине при плохой игре, ныне на устах и у американских социологов, и у политических обозревателей, и у героев литературных произведений, и у самого президента США. Ее смысл в сущности сводится к следующему: «рассчитывать не на что, но надеяться надо!».

¹ См. «New York Herald Tribune», June 28, 1963 (European Sediton).

==18

«Иначе говоря, — рассуждает уже упоминавшийся нами Роберт Л. Хейлброунер, — по всей вероятности, «история» будет идти против нас долгое время, а ход событий как дома, так и во вне будет настойчиво идти в направлении, которое мы считаем чуждым и враждебным нам. Было бы глупостью претендовать на такую степень точности в предвидении будущего, которой нас не может снабдить самый обстоятельный анализ, или же быть доктринером по отношению к течению событий. Все же ожидать лучшего в такой ситуации, где каждое событие готовит нас к ожиданию худшего, — это вряд ли способ подготовиться к будущему. Оптимизм, как философия исторических ожиданий, отныне уже не может рассматриваться в качестве национальной добродетели; он стал опасным национальным заблуждением..., ибо наш оптимизм ослепляет нас в оценке главной реальности нашей исторической ситуации, а именно — после продолжительного путешествия, в ходе которого благоприятные течения истории несли нас в том направлении, куда мы сами стремились плыть, мы теперь оказались в открытом море, где могучие противные ветры пришли в прямой конфликт с нашим путем»¹. Хейлброунеру нельзя отказать ни в наблюдательности, ни в здравом смысле. Можно вполне согласиться с первой частью формулы: дела у капитализма чем дальше, тем будут идти все хуже. Но вместе с тем можно быть уверенным в том, что они никогда уже не пойдут лучше.

Осуществив победоносную социалистическую революцию, советский народ широко распахнул двери в будущее всему человечеству. Новая Программа КПСС, принятая на ее XXII съезде, раскрывает перед народами земного шара реальную перспективу торжества коммунизма. «Построение коммунизма в СССР, — говорится в Программе, — будет величайшей победой человечества за всю его многовековую историю... Когда советский народ будет пользоваться благами коммунизма, новые сотни миллионов людей на земле скажут: «Мы за коммунизм!». Не путем войны с другими странами, а примером более совершенной организации общества, расцветом производительных сил, созданием всех условий для счастья и благополучия человека идеи коммунизма завоевывают умы и сердца народных масс.

¹ L. Hellbroner «The Future as History», pp. 178, 58. »

Силы общественного прогресса будут неизбежно нарастать во всех странах, и это явится поддержкой строителям коммунизма в Советском Союзе.

Партия исходит из марксистско-ленинского положения: народ — творец истории, построение коммунизма — дело рук народа, его энергии, его разума. Победа коммунизма зависит от людей, и коммунизм строится для людей» 1.

IV.

Международная встреча в Руайомоне была задумана и с самого начала приняла характер открытого, публичного диспута между представителями двух мировоззрений о путях развития человечества. Обмен мнениями проходил в присутствии многочисленной аудитории, а на заключительное заседание конференции, состоявшееся в Сорбонне, пришло свыше пятисот человек.

Непосредственная полемика, как известно, всегда предъявляет к ее участникам особые требования: умение свободно владеть материалом, а также быстро и лаконично реагировать на выступления идейных противников; тщательно взвешивать аргументы и убедительно отстаивать и развивать свои взгляды; сочетать положительное изложение вопроса с полемической страстностью оратора. Читатель этой книги, надо полагать, сам убедится в том, что участники встречи в Руайомоне, марксисты, с достоинством и весьма успешно выдержали испытание и в конечном итоге одержали верх над своими идейными противниками. Однако на протяжении всех пяти дней дискуссия носила довольно острый и напряженный характер.

В ходе обмена мнениями многие его участники, сторонники немарксистских социологических концепций, пытались оспаривать марксистскую теорию общественного развития, противопоставить ей свое понимание прогресса. Стремясь неоднократно перейти в идеологическое контрнаступление, они с позиций экзистенциализма и технократической доктрины произвольно интерпретировали исторические события и перспективы развития человечества, бросали в адрес марксистов обвинения в научной ограниченности и духовном сектантстве.

Так, священник-доминиканец Планти-Бонжур

* «Программа Коммунистической партии Советского Сою. М.. 1961 г.. сто. 143.

за», М., 1961 г., стр. 143

утверждал, будто марксистский, материалистический монизм ограничивает духовный прогресс человечества, который возможен лишь на путях плюрализма, синкретизма различных идеологических течений современного мира. По его мнению, мирное сосуществование двух социальных систем якобы невозможно без идеологического сосуществования; идеологическая же борьба, от которой не собираются отказываться марксисты, уверял он, дескать, логично ведет к «холодной войне» и таит в себе угрозу мировой войны. Социолог Люсьен Гольдман обвинял коммунистов в идеологическом

сектантстве и догматизме на том основании, что они ограничивают марксизм Марксом — Энгельсом — Лениным и по политическим соображениям не желают усваивать идеи, содержащиеся в сочинениях идеологов социал-реформизма и ревизионизма.

Видный представитель технократической теории Жан Фурастье изображал прогресс как чисто количественный рост, увеличение производства предметов потребления на душу населения и распространение достижений современной науки и техники в быту. Согласно ему, проблемы, с которыми ныне сталкивается человечество, являются не столько социальными, сколько техническими и должны решаться путем реформ, а не революции. Профессор Сорбонны Жорж Гурвич, в прошлом русский меньшевик, в своем выступлении демагогически отождествлял социальные структуры в СССР и на капиталистическом Западе, пытаясь втиснуть явно противоположные общественно-экономические процессы в прокрустово ложе модной технократической доктрины. Профессор Поль Шошар стремился свести общественный прогресс к процессу постепенного раскрытия биологических способностей человеческого мозга, заложенных в нем при возникновении 50 тыс. лет тому назад современного биологического вида «человек-разумный» (кроманьонец). Социальное же развитие общества изображалось им лишь как создание внешних благоприятных условий для этого биологического процесса.

Во многих выступлениях буржуазных ученых звучала тревога, что «человек вообще» может обратиться против самого себя созданные им могущественные силы науки и техники. Социальная же природа этого злоупотребления научно-техническим прогрессом в условиях антагонистического общества сознательно или же бессознательно оставлялась при этом в стороне. Патриарх французского

==21

экзистенциализма Жан Валь, в соответствии со своей философской теорией, говорил о трагическом характере современной цивилизации, о ее противоречивости, неустойчивости и шаткости, критиковал воинствующий оптимизм марксистов и призывал к волюнтаристскому взгляду на историю общества и будущее человечества.

Здесь, во вступительной статье, нет необходимости пускаться в критический анализ перечисленных выше взглядов: как убедится читатель, они были опровергнуты в ходе самого обмена мнениями его участниками-марксистами.

Многие выступления, интересные по содержащемуся в них материалу, вместе с тем подменяли проблему общественного прогресса и будущего человечества различными частными вопросами, нередко уводящими в сторону от основной темы обмена мнениями.

Тем не менее в целом международная встреча в Руайомоне завершилась убедительной победой передового марксистского мировоззрения над различными его идейными противниками, а также, несомненно, внесла определенный вклад в научную теорию общественного прогресса, во всестороннее освещение перспектив исторического развития современного человечества.

В ходе открытого сопоставления взглядов по коренным проблемам общественного развития в нашу эпоху были опровергнуты и концепция «индустриального общества», проповедуемая У. Ростоу и Р. Ароном, и взгляды идеологов технократической теории, вроде Ж. Фурастье и Дж. Бернхэма, и теория цивилизаций А. Тойнби, и модные экзистенциалистские представления о бессмысленности истории. Одновременно ученые-марксисты в непрерывной полемике со своими противниками аргументировали и всесторонне обосновали материалистическое понимание истории и теорию научного коммунизма. С позиций марксистско-ленинской науки об обществе они раскрыли перспективы исторического прогресса при социализме, изложили идеалы и цели, за которые должно бороться все прогрессивное

человечество. На главный вопрос конференции — «какое будущее ожидает человечество?» — участники встречи, марксисты, дали обоснованный, прямой и недвусмысленный ответ: социализм и коммунизм!

Обмен мнениями был полезен для всех его участников. Марксистам он позволил лучше понять вопросы, которые

==22

волнуют широкие круги интеллигенции на Западе, а также дал возможность отточить и проверить свои аргументы в непосредственной идеологической полемике. В этой полемике с идеологами буржуазии ученые-марксисты нашли себе союзников в лице представителей прогрессивной интеллигенции — ученых и писателей, которых также вдохновляло стремление к миру, социальной справедливости и прогрессу человечества.

Международная встреча в Руайомоне носила с очевидностью характер острой идеологической борьбы между представителями различных мировоззрений. Тем самым она убедительно подтвердила справедливость марксистско-ленинского положения о невозможности распространения принципа мирного сосуществования на область идеологических взаимоотношений между двумя социальными системами. Убежденные в правильности своего мировоззрения, марксисты не могут отказаться от воинствующего утверждения и пропаганды своих идей, не изменяя делу коммунизма. Мирное сосуществование как принцип внешней политики как раз предполагает перенесение противоречий между двумя социальными системами из области военных столкновений в сферу экономического соревнования и идеологической борьбы.

Вместе с тем встреча в Руайомоне опровергла распространенные еще кое-где примитивные и догматические представления о задачах и характере идеологической борьбы в современных условиях. Вопреки этим представлениям, идеологическая борьба предполагает не отказ от культурных контактов, а их расширение, не уклонение от непосредственной и открытой полемики, а прямое столкновение с идейными противниками, не самоизоляцию марксистов, а стремление изолировать своих противников. Главным и определяющим методом идеологической борьбы, как продемонстрировала встреча в Руайомоне, является сила убеждения, которой обладает передовое революционное учение — теория научного коммунизма. Обращение же в полемике к привходящим средствам может лишь нанести ущерб идеологической борьбе. Веские аргументы, которыми оперировали в Руайомоне марксисты, оказывались всякий раз действенной различных инсинуаций, к которым прибегали подчас их оппоненты, эти аргументы ломали стену предрассудков против марксизма, насаждаемых на Западе.

==23

Идеологическая борьба — это не крестовый поход против неверующих. Идея крестового похода принадлежит • эксплуататорским классам, в нашу эпоху — реакционной буржуазии, а не марксистам. Идеологическая борьба, в необходимости которой убежден каждый марксист, направлена в первую очередь против реакционных взглядов, заблуждений и предрассудков, а не против их носителей как таковых; она ставит своей целью не истребление и преследование инакомыслящих, а их идейное переубеждение; она навязывает людям правильные взгляды не физическим насилием, а силой разума;

ее основное оружие — не инквизиция, но просвещение масс. Всеми этими методами, столь необходимыми в идеологической борьбе, марксисты обладают в полной мере.

Конференция в Руайомоне лишней раз продемонстрировала, что идеи марксизма, научного коммунизма являются преобладающей силой в общественном сознании нашей эпохи. Обмен мнениями также подтвердил идейную нищету и научную убогость воинствующего антикоммунизма. Тот, кто в нашу эпоху пытается игнорировать марксизм, отгородиться от его благотворного влияния в своей профессии и общественной деятельности,— тот сам себя обрекает на заточение в идеологическом «гетто» буржуазии. И если многие участники встречи перед обменом мнениями, до личных контактов со своими коллегами из социалистических стран, еще задавались вопросом: «как можно быть марксистом?», то к концу конференции некоторые из них задавали себе уже прямо противоположный вопрос: «как можно не быть марксистом?».

Общественный прогресс в нашу эпоху возможен лишь на путях борьбы за мир и социальную справедливость. Именно эти благородные, величественные и одновременно вполне реальные цели вдохновляют современное человечество. Социализм, а затем коммунизм, как общественный строй, воплощающий в себе объективные потребности развития материального производства, науки и техники, национальной независимости и мира между народами, подлинного равенства и счастья людей,— это повелительное требование нашей эпохи.

Социализм дает людям господство над обстоятельствами и отношениями их собственной жизни, т. е. подлинную свободу, а не «право» подчиняться случайностям капиталистического общества, произволу власть имущих, что

==24

идеологи буржуазии пытаются выдать за «личную свободу».

Война или мир, скачок в небытие или скачок в величественный космический век — такова дилемма нашей эпохи, которая стоит не только перед правительствами и народами, но и перед каждым отдельным человеком, будь то политический деятель или рабочий, верующий или атеист, коммунист или консерватор, инженер или ученый.

Все более широкое осознание народными массами необходимости социализма и мира — необходимое условие осуществления извечных идеалов человечества уже при жизни современного поколения. Ибо общественный прогресс отнюдь не является фатальной закономерностью, действующей помимо исторической деятельности народных масс. Историю, как подчеркивал Маркс, делают сами люди, и именно от них зависит, окажется ли прогресс мучительным и долгим или же сравнительно безболезненным и быстрым.

Убежденные в превосходстве социалистического экономического и социального строя, марксисты оптимистически заявляют: пусть история рассудит, какие общественные формы лучше всего соответствуют объективным потребностям нашей эпохи и счастью каждого человека. В беседе с корреспондентами американской радиотелевизионной компании «Колумбия бродбастинг систем» товарищ Хрущев справедливо отмечал «Если вы немножко знакомы, — а вы, наверное, знакомы по истории, — с тем, как изменялись общественные порядки, то вы знаете, что мы являемся наследниками отжившего капиталистического строя, которому на смену пришел социалистический строй, самый прогрессивный строй. И ваши внуки будут жить при социализме и в Америке. Это я вам предсказываю. Вы не пугайтесь за своих внуков, они будут удивляться своим дедушкам, как это те не поняли такого прогрессивного учения, каким является учение научного социализма».

Значение международной встречи в Руайомоне как раз и состоит в том, что она во многом содействовала пониманию и осознанию прогрессивного характера марксистско-ленинской общественной теории

А. М. РУМЯНЦЕВ, Э. А. АРАБ-ОГЛЫ

1 Н. С. Хрущев «За прочный мир и мирное сосуществование». М., 1963 г, стр. 58.

»

[==25](#)

[00.htm - glava01](#)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОГРЕССА

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

АНРИ ЛОЖЬЕ (Франция)

Участие в обмене мнениями видных специалистов в самых различных областях естествознания и общественных наук, представителей разных стран и противоположных мировоззрений придает встрече в Руайомоне большой научный интерес и вместе с тем будет способствовать международному взаимопониманию и сотрудничеству ученых. А это сотрудничество сейчас необходимо, как никогда прежде. Время, когда общество могло позволить себе, чтобы индивидуальные открытия и изобретения стихийно вторгались в жизнь человека, прошло бесповоротно. В нашу эпоху общественный прогресс все больше зависит не столько от научных открытий самих по себе, сколько от их разумного, организованного применения на благо человечества.

Успехи биологической науки предвещают, что уже в недалеком будущем, скажем, в течение нескольких поколений, родители смогут заранее предопределять пол своих детей. Другая вполне реальная перспектива — наделение живых существ, в том числе и человека, желаемыми физическими и духовными качествами. Сейчас трудно предвидеть возможные социальные последствия таких открытий. Они могут взорвать традиционные семейные и другие отношения и институты в обществе столь же эффективно, как ядерная бомба угрожает сейчас испепелить наши города. Чтобы избежать подобных социальных потрясений, человечество должно стать сознательным творцом своего будущего.

[==26](#)

[==27](#)

[==28](#)

I.

СТАДИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

ЭКОНОМИКА И ИСТОРИЯ 1,

ПЬЕР ВИЛАР (Франция)

С некоторого времени история все более предстает перед нами как «постижимая» — постижимая через изменения ее материальных структур, через экономику. Но справедливо и обратное утверждение. Экономика, со своей стороны, кажется нам непостижимой вне истории. В самом деле, хотя «чистая» экономика обещает нам расчеты, с помощью которых можно будет когда-нибудь организовать гармоничное и постоянное удовлетворение растущих потребностей человека, мы живем тем не менее в таких исторических условиях, когда практика этих расчетов не является ни полностью свободной, ни всеми признанной. Таким образом, если порочны исторические схемы, на которых мы основываем наше представление о человеческой эволюции, то возникает опасность поставить под угрозу и само развитие, к которому мы стремимся «

Вот почему в основу своего доклада я положил простое сравнение. Взгляд марксистов на историю и ее расчленение совпадает со взглядом большинства историков: они различают первобытно-общинное общество, общество, основанное на рабстве, затем общество, которое по вполне определенным признакам мы называем «феодальным», капиталистическое общество, в котором мы живем, социалистическое общество, о котором мечтали люди XIX века и которое существует сегодня на части нашей планеты. Но вот несколько лет назад на Западе (особенно среди социологов и экономистов) стала предлагаться другая схема, Другая классификация наиболее характерных типов общества. Утверждается, что в ходе истории важно только одно «изменение»: изменение, связанное в общем с «

»

==29

промышленной революцией». В результате мы имеем, с одной стороны, общества, которые мы сейчас называем «слаборазвитыми» и которые можно было бы назвать с исторической точки зрения «традиционными». С другой стороны — «промышленные общества» Западной Европы, Северной Америки, Японии, СССР, объединяемые в одну рубрику, несмотря на «разнообразие их социальных характеристик. Полезно ли такое упрощение, помогает ли оно познать историю? В этом и заключается вопрос.

Я ставлю этот вопрос, исходя из нашумевшего произведения профессора Росту «Стадии экономического роста»; мне бы очень хотелось, чтобы автор мог присутствовать здесь и защищать свои положения. Но на деле речь идет не столько об этом отдельном произведении, сколько о весьма широком течении в «западной» социологии.

Что же профессор Росту предлагает называть «традиционным обществом»?

С экономической точки зрения — это общество со слабым, неустойчивым производством, связанным с сельским хозяйством, ведущимся на эмпирических основах (зависящим от метеорологических условий), общество, где инвестиции в производство составляют менее 5 процентов общественного продукта.

С социальной точки зрения речь идет об обществе с сильно выраженным разделением на социальные группы, со слабой «вертикальной мобильностью» (переход из одного класса в другой), где господство основывается главным образом на землевладении и где центральная власть с трудом навязывает свою волю властям на местах.

С психологической точки зрения речь идет об обществе, где в течение долгого времени преобладает нечто вроде фатализма, исключающего всякую научную мысль.

И Ростоу заключает: это — общество, не способное «изменять окружающую среду».

На первом международном конгрессе историков-экономистов, проходившем в сентябре 1960 г. в Стокгольме, Ростоу предложил уже внести некоторые нюансы в эту схему и различать не одну, а две «модели» «традиционного общества». Первая — это «малая модель», при которой ограниченность обрабатываемой земельной площади обуславливает почти полностью растительное существование, периодически, через короткие сроки, потрясаемое катастрофами. Вторая — «большая модель». Это модель

==30

«империй» (римской, восточной, китайской), где посредством централизованной политической власти и усовершенствования средств сообщения удается на определенное время повысить уровень производства; но тотчас же проявляющийся демографический рост, коррупция в административном аппарате, войны, вспыхивающие на чрезмерно растянутых границах, быстро низводят это общество до прежнего уровня.

Первое само собой напрашивающееся критическое замечание в адрес этой схемы: имеем ли мы дело с действительной «моделью», выявляющей внутренний механизм определенного общества? Не является ли она просто негативным снимком нашего «развитого», «промышленного», «научного» общества, которому одному приписывается способность к эволюции? Не элиминирует ли в данном случае это мнимое «возвращение к истории» всю историю вплоть до 1780 года? Не связывает ли оно начало истории лишь с появлением промышленного капитализма?

Если все дело в том, чтобы констатировать, что в течение двух последних веков промышленность, наука и техника ускорили преобразование мира, то это всем известная и никому не нужная банальность. Если же этим говорится, каким образом наука и техника — эти «производительные силы» — смогли создать для будущего развития широкий сектор непотребляемых, но производительных благ, то разве мы не возвращаемся просто к понятию «капитала» и «расширенного воспроизводства»? Это значит вернуться к Марксу и к классикам политической экономии. Здесь не ставится никакой новой проблемы.

Единственно интересным в понятиях «традиционного», или «слаборазвитого», общества является то знание, которое дают нам последние исторические исследования «третьего мира» относительно долгое время не известной нам реальности: и двести лет назад, и еще сегодня люди на двух третях земного шара живут очень мало, очень плохо, живут в состоянии неуверенности за завтрашний день.

Означает ли это, как об этом позволяет подумать способ выражения, принятый Ростоу, что предел развития «традиционного общества» является биологическим? Разумеется, нет. Никакая историческая демография не является полностью природной. Я думаю, что Альфред Соби не будет в данном случае оспаривать меня. Как только человек начинает производить и жить в обществе, т. е. как

только он становится человеком, он начинает различными путями изменять ритмы воспроизведения потомства.

Сама экономическая жизнь до «научной» или «промышленной» эры является далеко не элементарной.

В своем письменном докладе я указывал на ошибочное смещение перспективы, к которому привело в одной недавней книге о монетных структурах смешение между состоянием, предшествующим развитию, с современной «слаборазвитостью». Считать, что обращение векселей, чеков и т. д. — это логическое следствие развития банков и кредита — появляется с середины XIX века, значит осуждать себя на непонимание Европы XVI века.

Мой учитель Эрнест Лабрусс, который присутствует здесь, убедительно показал, что резкие колебания производства продуктов питания в экономике старого типа приводят к исторически значимому результату только через 10, что он назвал «законом социальных дистанций», который или в конечном итоге, или через короткий промежуток времени обрушивается не на все общество, а на определенные классы.

Можем ли мы сегодня, когда исторические исследования, учитывая прогресс «количественной истории», позволяют ставить подобные вопросы во всей широте, принимать «теории развития», которые возвращают нас к мифу о библейских «худых коровах» или к «циклическому» взгляду на историю, отвергнутому уже нашими старыми авторами XVI века? Это был бы странный метод открытия «альтернативы Марксу»!

Но против этого упрощенного понятия «традиционного общества» я бы добавил и другое критическое замечание: определение, даваемое этому обществу, не является «специфичным», я имею здесь в виду то, что оно нисколько не охватывает все старые общества и что некоторые из его черт пригодны для нашего общества.

Действительно, по-настоящему первобытное общество не знает социальной иерархии. Есть бесклассовое общество. Клод Леви-Штраус даже хотел бы — что является другим парадоксом — найти в нем уроки гармонии в жизни общества. Бесплезно говорить, что оно не похоже ни на древний Египет, ни на Францию XVII века.

Даже с очень общей точки зрения, с точки зрения «неравномерности урожаев» не надо забывать, что многочисленные формы общества умели ценою других

несовершенств дать этой проблеме самые различные решения. В самом деле, продовольственные катастрофы зависят не только от производства, но и от распределения и возможностей хранения. Племенные общества Северной Африки, общество инков умели бороться с этой угрозой самыми различными средствами. И эта угроза вновь возникла после разрушения их общества колонизаторами.

Но еще чаще, однако, разрушение социальных систем приходило изнутри. И замена устойчивой и непрогрессивной системы системой менее устойчивой, но более способной к росту не начинается в Западной Европе ни с той, ни с другой «модели» Ростоу: ни с «малой» модели с частыми катастрофами, ни с «императорской» модели с более удлиненным циклом. Она начинается с активных очагов — морских портов, районов, которые, как, например, Фландрия, полностью использовали начиная с XIV века связь интенсивного сельского хозяйства с промышленностью. В конечном счете она начинается в XVI веке на основе прочно сложившейся национальной экономики: в Испании, Франции, Англии, в странах, которые очень трудно свести к той или другой «модели». Однако подобные очаги, подобные районы — существование которых свидетельствует, между прочим, о до сих пор неравномерном характере исторического развития — очень быстро изменяют свои традиционные социальные структуры, как в силу темпов своего обогащения, так и в силу новых типов власти.

И это происходит задолго до Ньютона, которого профессор Ростоу, неизвестно почему, избрал в качестве символа внезапного озарения западного человека «научным духом». На деле «научный дух», выступающий таким образом, как *Deus ex machina*, ничего не объясняет. Мы бы охотно поверили, что он объясняет все, но при условии, если мы видим его присутствие с самого первого производительного жеста человека. Затем он непрерывно создает самого себя и, создавая себя, создает человека. Каждая из ступеней его развития представляет собой то, что Люсьен Февр называл «умственным оснащением», соответствующим более высокому уровню рациональности, миропонимания. Итак, мы находим требование научного духа задолго до Ньютона. Но начало роста производства в XVIII веке обязано более всего сочетанию целого ряда изысканий и открытий в технической области, в области

==33

производительности труда. Харгривс оставил в мире более глубокий след, чем Ньютон. Это не отрицает постоянной — и, впрочем, диалектической — связи между теоретической наукой и техническим применением. Определенные теоретические озарения возможны очень рано. Но расширение связей между людьми (не надо забывать о роли «открытий») и возрастающая производительность труда человека являются процессами медленными, непрерывными, хотя часто они проявляются на основе кумулятивного действия, создающего революционные моменты. Современный взлет науки не должен скрывать от нас исторической роли более скромных стадий, сделавших этот взлет возможным. А критерий преобразований всегда лежит в производительности труда.

Я добавлю — прошу прощения за это нагромождение критических замечаний, — что два действительно характерных элемента общества прошлого, на мой взгляд, совсем не проявляются или, во всяком случае, недостаточно проявляются в изложении У. У. Ростоу. Дело в том, что для обществ с ограниченным, плохо контролируемым, непостоянным производством надежда на рост обычно связана только с победоносной борьбой против соседних групп. А внутри самих этих обществ распределение общественного продукта является очень неравномерным и зависит за исключением самых первобытных группировок от классовой структуры.

Правда, если бы профессор Ростоу подчеркнул эти две характерные черты, он должен был бы сразу же признать, что они относятся не только к «традиционным» обществам, существовавшим до научного и промышленного «периода сдвига», но и в XVIII—XX веках к «промышленным» обществам, которые не вышли за пределы капиталистической стадии развития и в отношении которых действительно трудно утверждать, что они избегают международных конфликтов и не знают классовой борьбы!

В самом деле, можно ли говорить в отношении капиталистических промышленных обществ о «самоподдерживающемся росте», о развитии «со сложными процентами»? Эти формулы профессора Ростоу, которыми завладели популяризаторы, кажутся мне действительно самыми опасными. С их

помощью он стремится убедить в том, что после «периода сдвига» Англия в 1783—1802 гг., Франция в 1830—1860 гг., США в 1843—1860 гг., Германия в

==34

1350—1873 гг. и т. д. вступили в эру автоматического, регулярного, постоянного ускоренного развития.

Однако эти общества испытали кризисы. Несомненно менее смертельные, чем голод в прежние времена, эти кризисы тем не менее приводили к резким колебаниям производства и еще тяжелее отражались на распределении (вспомним о безработных). Эти общества испытали длительные периоды застоя. Англия с 1900 по 1939 г. находилась в состоянии скрытого кризиса; во Франции в 1938 г. многие индексы производства были ниже индексов 1913 г. и даже 1900 года. Все экономические кривые капиталистического мира с 1929 по 1939 г. наводят на мысль о «потолке» длительного роста. Война, правда, дала США возможность удвоить свое производство. Но еще и сегодня они не используют полностью имеющееся оборудование. Западная Европа, несмотря на высокие темпы современного развития, еще должна достичь того, что, если бы отбросить превратности войн и кризисов, было бы кривой постоянного, «самоподдерживающегося» развития. Достаточно посмотреть на кривую французского национального дохода начиная с 1900 года.

Мне могут сказать, что здесь виноваты войны. Но если, как У. У. Росту, считать войну одной из характерных черт неразвитых обществ так же, как и чуму и голод, то осмелимся ли мы сказать европейцам, родившимся до 1914 г., что войны перестали фигурировать среди законов их жизни?

То, что мы ищем, так это как раз появления нового фактора, каким могло бы быть общество без войны. Мы не согласны с тем, чтобы нам говорили о действительно новом типе общества, исходя из одного факта «промышленной революции». В самом деле, последняя сама по себе не создала ни общества без войны, ни общества без классов.

Таким образом, по моему мнению, настоящая опасность теоретического упрощения профессора Росту заключается в следующем: 1) он хочет уверить в том, что прошлое человека не было творческим, в то время как на самом деле мы зависим от длительного наследия; 2) он допускает, что, начиная с того дня, когда некий «научный дух» овладевает обществом, развитие последнего становится регулярно обеспеченным, а это скрывает роль, которую играют в «индустриальном обществе» XIX и XX веков кризисы,

==35

войны, социальная борьба. Поистине Росту поворачивается к истории спиной.

Слабости двойного определения «традиционных» и «индустриальных» обществ проявляются, впрочем, в предлагаемом нам анализе переходных периодов между теми и другими. «Предварительные условия» и «период сдвига» — говорит на своем языке У. У. Росту. «Промышленная революция» — говорится в общераспространенном словаре историков. «Переход от феодализма к капитализму» — говорят марксисты. Совсем не безразлично выяснить, какая из этих формул отвечает наиболее правильному историческому анализу.

Мы не ставим здесь вопроса о рассмотрении определения структуры того или иного общества. Речь идет о том, чтобы выяснить, как эта структура меняется и в конце концов изменяет самую свою природу.

И мои первые возражения будут направлены против метода, использованного профессором Ростом в этом динамическом анализе, где речь идет об истории, а не о чистой экономике. Точнее, против стихийного, инстинктивного дуализма этого метода, который, как мне кажется, накладывает одно на другое два толкования реального, вместо того чтобы «химически соединить» их, как это сумел сделать Маркс, по справедливому выражению Шумпетера.

В анализе «стадий экономического роста» беспрестанно употребляются два отдельных, не объединенных друг с другом способа объяснения. С одной стороны, рассуждения классического экономиста, а то и либерального апологета: экономика развивается стихийно и тем эффективнее, чем она свободнее; случается даже, что эта тенденция к механистическому материализму выражается в формуле по сути своей биологической, применяемой к исторической эволюции в целом.

А с другой стороны, когда речь идет об объяснении перехода от одного типа общества к другому, появляется идеалистический, волюнтаристский словарь: «надо», «должно», «надо было». Эти «должно» нагромождаются, как будто достаточно хотеть и быть преисполненным решимости, чтобы совершить коренное социальное преобразование.

Для уточнения перечислим то, чего «надо» добиться, чтобы перейти от «традиционного общества» к обществу «самоподдерживающегося» развития.

==36

«Надо» свести число лиц, занятых в сельском хозяйстве, к менее чем 50 проц. активного населения. «Надо» перейти от стадии регионального рынка к стадии национального рынка. «Общество должно изменить свои взгляды в отношении детей», т. е. перестать производить на свет просто для продолжения жизни, а стремиться обеспечить молодому поколению определенный экономический уровень. В деле отбора руководящих элементов общество «должно» учитывать личные качества, а не принадлежность к группам, корпорациям и классам. Оно «должно» перемещать накопления из рук расточительных и непроизводительных классов в руки тех классов, которые вложат эти накопления в производство. Оно «должно», наконец, верить в прогресс, в способности человека перед лицом природы.

Если общество выполняет эти условия, то норма инвестирования в целях будущего производства поднимается от менее 5 проц. до более 10 проц. общественного продукта. И вот тогда может произойти «сдвиг». А тогда, говорит Ростом, «нет нужды в институте общественного мнения Гэллопа», чтобы узнать, произошли ли перечисленные выше психологические перемены; достаточно видеть то, что происходит.

Но что же тогда? Вопрос просто поставлен с ног на голову: как можно объяснить эти изменения психологии? В действительности, господина Ростом это не беспокоит. Когда он рассуждает как экономист, он думает лишь о переkreщивании кривых. Когда же он рассуждает как эксперт по проблемам развития, он дает советы: «надо», «должно». Хотя он и хочет быть историком — он сказал мне об этом с подкупающей искренностью, — я не думаю, что он сумел поставить подлинно исторический вопрос: какова доля стихийного движения материальных вещей, какова доля воли людей в социальной эволюции человека, о которой нам говорят факты, что дало людям эту волю и средства навязать ее? Диалектическая связь между стихийностью и волей, между необходимостью и свободой — вот подлинный предмет исторического исследования. Вся заслуга Маркса заключается в том, что он

показал этот вековой процесс взаимного созидания экономики и истории, а следовательно, и материи и духа. У. У. Росту, принимая одновременно механистический материализм и волюнтаристский идеализм, свел вместе недостатки двух

==37

односторонних методов, а не исправил один метод с помощью другого. Прежде чем предлагать «альтернативу Марксу», надо было сначала хорошо понять его.

Для Росту, если прогресс и имеет место, то это происходит в силу «стремления претворить в жизнь научные открытия»; если норма инвестирования повышается, то только потому, что «общество» «соглашается» на «возрастающие жертвы» и потому что «трудящийся» «соглашается» на более монотонную работу.

Нам хорошо известно, что в период возникновения промышленного капитализма движение вызывается как раз распространением способа накопления, дающего богатства в руки одного класса, который, вполне естественно, с этого времени положительно относится к преобразованиям. «Позиция общества» является лишь позицией его руководящих классов. Что касается наемного рабочего, то ему не надо «соглашаться» с новым способом труда. Он просто не может от него уйти.

Эти истины были известны классической политэкономии еще задолго до Маркса. XIX век верил не в сознательное «принятие» условий прогресса, а в достижение прогресса через борьбу за жизнь. Переход к промышленному обществу не был для ранее слаборазвитых стран осуществлением программы, составленной под влиянием этих «надо»; психология, которая обеспечила его, была индивидуалистической и антиплановой.

Схема Росту — биологическое человечество вплоть до промышленной революции, осознание своего окружения на основе этой революции, самоподдерживающийся рост после периода сдвига — исторически не оправдана.

В самом деле, подчинение окружающей среды начинается с первым производительным жестом; а огромное ускорение процесса покорения природы человеком в течение двух последних веков привело к росту лишь через борьбу, неравномерности, противоречия, которые были не менее сильными и широкими, чем в прошлом. Качественный скачок к гармоничному росту, научному человечеству, промышленному обществу без войны требует, чтобы научно «обращались» не только с физической средой окружения, но и с социальным окружением. Этот скачок не совпадает с промышленной революцией.

Все эти соображения могут показаться слишком теоретическими. Но не лучше обоснованы исторически и

==38

некоторые рассуждения У. У. Росту о переходных периодах - «предварительных условиях» и «периоде сдвига» к обществу «с самоподдерживающимся» ростом. Возьмем лишь несколько примеров.

1. О «дополнительном общественном капитале». Так Ростоу называет государственные капиталовложения в области коммуникаций, капитального строительства, технического образования, т. е. в области, которая не может привлечь частного капитала в силу низкой нормы прибыли и долгого периода оборота. Показ роли подобных инвестиций при возникновении современного общества еще недавно выглядел бы очень еретическим делом в глазах теоретиков свободного предпринимательства. Сегодня же, поскольку кое-кому хотелось бы подать мысль о том, что капитализм, государственный капитализм и социализм являются едва отличными друг от друга формами одной и той же исторической стадии, делается упор на инициативе государства в начальный период строительства французских дорог в 1730 г., каналов в Англии в 1780 г., железных дорог в США в 1860 году. Это смещение совершенно не оправдывает предлагаемой нам в то же время хронологии периода сдвига. Действительно, Франция 1730 г. живет еще идеями меркантилизма, в то время, как начиная с 1760—1780 гг. английские лорды, строящие каналы, используют парламент для подкрепления частной инициативы. В истории железных дорог государство большей частью не производит «капиталовложений»; оно дает гарантии и предоставляет субсидии. Будучи хорошо организованными, капиталистические группы берут себе прибыли, а риск оставляют государству. Таким образом, государство является не инициатором, а подчиненным действующим лицом. «Дополнительный общественный капитал» в период сдвига капитализма не является двигателем. Он — побочный продукт. И тот факт, что, когда капитализм начинает развиваться плохо, государство ничего не может и ничего не делает, доказывает это. Здесь очень убедителен пример Испании с ее контрастом между XVIII и XX веками. Неспособность испанского капитализма к постройке железных дорог привела к неспособности государства; а общая неспособность капитализма в области строительства гидротехнических сооружений не была компенсирована государственной инициативой. Прекрасные доклады инженеров и все творчество Ж. Коста дают, на примере Испании XIX

»

==39

века, анализ «порочного круга» «слаборазвитых» стран, который может быть разбит лишь другим типом «сдвига»

Неоспоримая созидательная мощь капиталистической стихийности при ее возникновении не должна скрывать то, что она лежит в основе неравномерности развития. У пресловутого «самоподдерживающегося роста» нет рационального базиса.

2. Об аграрных революциях и открытиях полезных ископаемых. У У. Ростоу настаивает также на необходимой роли аграрных революций или же геологических открытий, которые дают возможность (прямо или путем обмена) обеспечить рабочую силу, необходимую для создания первичного промышленного оснащения. С этим можно было бы согласиться, если бы предлагались полезные различия. Но разве можно смешивать в «аграрных революциях» в одну кучу английское «огораживание», освобождение русских крепостных и сахарные плантации на Кубе? Разве является безразличным тот факт, находятся ли продукты крупного товарного производства в руках национальных капиталистов или колонизаторов? Разве является серьезным анализ, в котором ставятся на одну доску экспорт леса из Швеции, нефти из Венесуэлы и каучука из Малайи?

Обеспечили ли «сдвиг» Испанской Америки золото и серебро Перу и Новой Испании? Постоянное смешение между техническими и социальными революциями, между свободной и колонизированной экономикой делает высказывания У У. Ростоу, даже когда в них содержится доля справедливости, исторически непригодными.

3. Об отношении общества к прибыли и норме прибыли. Здесь я боюсь, что анализ, даваемый в «Стадиях экономического роста», является не только неполным, но и полностью неточным. Надо было бы встать на противоположную точку зрения. Для У У. Ростоу переход от «традиционного» общества к

современному происходит тогда, когда определенное число людей отказывается от высоких норм прибыли, получаемой за короткий промежуток времени и связанной с небольшим риском, и вкладывает свой капитал в промышленные предприятия с большим риском и с отдаленной перспективой получения прибыли. Однако Маркс уже давно показал — и это подтверждается всей экономической историей, — что исчезновение ростовщичества и понижение нормы прибыли от торговой спекуляции

==40

(спекуляция на нехватке зерна или монополия на ценные продукты питания, или игра на риске во время морских перевозок) являются естественным следствием технического прогресса, денежного обращения, создания национальных и мировых рынков, регулирующих цены.

Так как норма прибыли торгового капитала — который, впрочем, существовал на периферии общества, оставшегося глубоко аграрным — уменьшилась, а иногда и резко упала, то начали изыскивать другой тип прибыли. Он был найден в промышленном предпринимательстве, которое в самом начале путем пролетаризации масс, использованием женского и детского труда, новых машин (к тому же относительно дешевых) дало возможность получать очень высокие прибыли в течение короткого промежутка времени и (несмотря на кризисы) с гораздо меньшим риском, по крайней мере, если сравнивать с прежним авантюристическим капиталом. И если бы У. У. Ростоу захотел оспаривать эти вполне установленные и очевидные вещи, то для их опровержения потребовалась бы совсем другая аргументация, нежели такие формулы, как «кое-кто должен быть готов предоставить свои сбережения...» и т. д. Долгое время сторонники психологического объяснения подъема капитализма изображали его как «стремление к накоплению», несущему в себе некоторые жертвы потребления. Но никогда еще не предлагалось видеть в этом жертву прибылей!

4. Роль социальных структур в условиях периода сдвига. Она вполне допускается У. У. Ростоу, который делает различие, например, между США, «родившимися свободными» в современном обществе, и европейскими странами, где политическое вытеснение консервативных классов кажется даже американским социологам необходимым условием преобразования

Но как же тогда получается, что социальная революция в России изображается как революция, не имеющая никакого значения в процессе индустриализации XX века, который считается полностью зародившимся в «период сдвига», в 1890—1914 годах? Достаточно было бы взять в качестве сравнения Испанию XIX и XX веков, чтобы заметить различие экономической эволюции между странами, претерпевшими революционные преобразования, и странами, где устояли старые социальные структуры. Странно, что экономист, утверждающий, что не хочет

»

==41

замыкаться в экономике, и обращающийся к истории, затем забывает эти очевидные вещи.

5. В этой путанице упоминается также понятие социальной мобильности. Разумеется, верно, что каждая революция приводит к новой степени социальной мобильности. Так было с уничтожением рабства. Немаловажным фактом является и ликвидация привилегий дворянства во Франции. Но в изложении У.

У Ростоу получается, что современное общество как-то вдруг «поняло», что групповые, кастовые, классовые привилегии являются препятствием для справедливого отбора талантов. Однако очевидно, что в действительности новые классы стихийно захватывали более или менее строгую монополию на руководящие функции В Англии до сих пор высшие классы остаются очень замкнутыми Во Франции только 3 проц студентов университета происходит из рабочих семей А школьные реформы вызывают еще большее сопротивление, чем налоговые реформы

Но, более того, само понятие отбора в капиталистическом обществе XIX века было понятием естественного отбора, борьбы за жизнь, в которой некоторые особо сильные личности имели возможность преодолевать как естественные, так и социальные преграды

Сегодня люди замечают, что возможен другой, более высокий тип отбора Это систематический отбор из всей массы населения с помощью школьной системы без классовых привилегий Статистически, т. е. научно, эта система имеет очевидное преимущество Ее эффективность доказывается сегодня социалистическим строем. Чему же тогда служит намек на то, что такой отбор, как его понимали в XIX веке, веке капитализма, был действительно решающим этапом?

6. Наконец, в анализе «Стадий экономического роста» большую роль играет понятие национализма. Когда стихийный «сдвиг» общества кажется плохо подготовленным, то «национализм» дается в качестве объяснения более сознательного сдвига. Здесь еще раз психологическое, экзогенное объяснение заменяет в случае необходимости «биологическое» истолкование исторической эволюции

Но здесь также У У. Ростоу, считая, что он предлагает «альтернативу» марксистским положениям, показывает прежде всего, что он плохо знает их. Маркс и особенно его последователи не упускали из виду важности

==42

национального фактора в деле капиталистического сдвига Они искали диалектических связей (взаимного созидания) между обоими факторами, а не объяснения одного через «психологию» другого. «Исторически сложившаяся» национальная реальность действительно является фактором длительного действия Но стремление национальной группы к образованию государства проявляется с различной остротой В XIX веке это стремление является стремлением буржуазии, регулируемым соображениями рынка. Рынок — это первая школа, где буржуазия учится национализму. Тот факт, что на этом этапе она вступает иногда в союз с народными массами против старого строя, иногда в союз с аристократическими кастами и военной бюрократией против иностранных держав или зарождающегося пролетариата, этот факт является делом момента, особым случаем. Национальный вопрос в различные эпохи служит различным интересам, принимает разные оттенки в зависимости от класса, который поднимает его, и от времени, когда он поставлен. Но достаточно углубиться в историю таможенного союза, испанского протекционизма, отношений между политическим и экономическим либерализмом (отношений, которые совершенно меняются в определенный момент эволюции), чтобы легко убедиться в том, что нация XIX века является «категорией поднимающегося капитализма» Привыкший к этим вопросам историк откажется рассматривать «национализм», даже национализм аристократических каст Германии или Японии, как экзогенную психологию, независимую от классовых структур и их эволюции и способную произвести сознательные экономические революции с политическими целями!

Впрочем, все произведение Ростоу страдает неуклонным переносом современных проблем «слаборазвитости» в изучении истоков капитализма.

Правда, У. У. Росту сам улыбается над сравнениями, которые он делает между Англией Питта и Россией Хрущева, между Америкой Гамильтона и Китаем Мао Цзэ-Дуна, между Германией Бисмарка и Египтом Насера. Но можно ли говорить о серьезных проблемах с такой легкостью?

Создающаяся «количественная история» требует строго хронологического и критического метода. Она не может принять «новый путь» истолкования современной истории, исходящий из факта перехода нормы инвестирования от

==43

менее 5 проц. до более 10 проц., если единственные убедительные примеры касаются лишь Дании, Швеции, Канады после 1860 г. и если нормы в 16—25 проц. характеризуют в настоящее время Колумбию, Венесуэлу и .. Бельгийское Конго, период сдвига которых, по-видимому, ставит очень сложные проблемы!

Многие историки, марксисты и немарксисты, считают в силу этого бесполезным заниматься опровержением положений профессора Росту.

Но последний является видным ученым. Он выступает с санкции солидных исследовательских центров. Даже уже используемый им словарь — «период сдвига», «самоподдерживающийся рост» — становится, как заявляет Раймон Арон, «классическим» у экономистов и социологов. Его «некоммунистический манифест» предстает как «альтернатива Марксу». Разве для нас в 1960 г. безразлично знать, дают ли «Условия экономического прогресса» Колина Кларка или «Стадии экономического роста» Росту более обоснованное толкование прошлого и настоящего (а следовательно, и будущего), чем вся теория и частичные анализы, данные Марксом и его последователями? Я так не думаю.

Следовательно, необходимо напомнить (чтобы не заниматься только лишь критикой), почему категории, выделенные Марксом для общего исторического анализа, кажутся нам незаменимыми и незаменимыми.

Изучение производительных сил — необходимая точка отправления этого анализа. Люди, земля, труд, природа... Человеческая мысль долгое время пыталась определить, какие же из этих элементов являются подлинно созидательными элементами. Пессимистические понятия — люди рождаются быстрее, чем растет производство, природа дает все меньше и меньше — отступили, наконец, перед следующей констатацией: созидание происходит лишь через труд, а производительность труда растет благодаря технике. «Технология обнажает способ воздействия человека на природу», — говорит Маркс. Таким образом, в узком смысле слова «производительной силой» является только технический прогресс. Но история не должна пренебрегать временем, когда перед лицом природных богатств элементарной производительной силой были люди, которым лишь едва помогали незначительные открытия, совокупное действие которых изменило, однако, судьбу Ибо

==44

исторический процесс зависит от развития производительных сил, этого единственного критерия возможностей прогресса, но развитие было медленным, и весь социальный комплекс заключен между экономикой и историей

Именно это и выражается термином «способы производства» Речь идет о взаимных, диалектических связях между человеком и трудом, человеком и продуктом его труда. В прежних обществах они охватывают все то, что историки называют «аграрными структурами», от географии земель до отношения между индивидом и обществом, между общественными классами. Главное заключается в признании того, что эти отношения всегда завязываются вокруг производства. В знаменитых главах «Капитала» «Разделение труда и мануфактура» и «Машины и крупная промышленность» Маркс дал для современного мира образец анализа «индустриального общества», анализа социологии труда. К сожалению, социология труда, по крайней мере на Западе, забывает эти исходные предпосылки Она претендует на изучение психологии трудящегося, не принимая во внимание собственности на средства производства и не поднимая вопроса о присвоении продукта!

Однако в «способе производства», как целом, решающим человеческим элементом являются производственные отношения, поскольку они являются основой юридической, психологической и политической структуры Они определяют мировоззрение различных классов общества Только их изучение может привести к основанию социологии познания.

Основывать «теорию развития»: 1) на исключительно экономических критериях; 2) на мифических объяснениях (научный «дух», «стремления» и т. д.) — значит противопоставлять ребяческую схему всей сложности марксистского объяснения

Дело не в том, что в высказываниях У. У. Ростоу понятия «предварительных условий» и «периода сдвига» бесполезны. Маркс показал историкам, как великие преобразования медленно подготавливаются в тиши экономики, с тем чтобы затем революционно проявиться. Но в таком случае эти «предварительные условия» современного общества нужно отодвинуть к периоду феодального кризиса XIV века, к периоду изобретений и открытий XV века, к периоду денежного переворота XVI века, который

»

==45

разрушает условия ростовщичества и подготавливает мировой рынок, к периоду двух «первоначальных накоплений», необходимых для формирования капитализма: накопление рабочей силы путем пролетаризации крестьянства, накопление денег путем монополии и колониального грабежа.

Почему и когда происходит затем «период сдвига»? Когда появляется «порог», «качественное изменение» одного общества в другое?

Основное явление, как видно, ускользает от анализа профессора Ростоу. Даваемая машиной возможность массового производства на рынок устанавливает стихийно разрыв между заключенной в товаре стоимостью и стоимостью, потребляемой трудящимся. Так делает скачок «норма инвестирования». Но массовое производство на рынок также стремится снизить стоимость товара пропорционально всякому уменьшению необходимого для него рабочего времени. Конкуренция вынуждает предпринимателя постоянно снижать эту меновую стоимость, которую, однако, он бы хотел сохранять более высокой. Противоречие между индивидуальной и общественной рациональностью превращает капиталистическое общество в общество, осужденное на рост. Маркс показал это гораздо лучше, чем Ростоу.

Но оно осуждено расти в противоречии: — экономические противоречия между расширением рынка и давлением на потребление масс, между ростом постоянного капитала и сохранением доли прибыли, между первоначальным принципом конкуренции и фактической тенденцией к концентрации и монополии... — еще более глубокое социальное противоречие, антагонизм классов.

Эти противоречия проходят красной нитью через нашу современную историю. Маркс считал, что они могут быть преодолены при условии их понимания; но они могут быть преодолены лишь классом, который заинтересован в их уничтожении. Таким образом, он ожидал достижения нового порога истории, нового «сдвига» от двух тесно связанных между собой факторов: ликвидации частной собственности на средства производства и «чистого общественного дохода», прибавочной стоимости; и рационального распределения этого чистого дохода между потреблением, инвестированием и созданием общественных благ

Сама история доказала, что через этот порог можно

==46

перешагнуть. Но необходимо, чтобы человек господствовал не только над природой. Надо, чтобы он господствовал и над историей, а для этого он должен ее понять.

Открывая этот обмен мнениями, наш председатель говорил о более далеком будущем: что сделает человека хозяином жизни? И это, может быть, тревожный вопрос. Мы можем утешить себя, еще раз цитируя Маркса: человечество всегда ставит перед собой только те задачи, которые оно в состоянии разрешить.

ДИСКУССИЯ

АЛЕКСАНДР СОБОЛЕВ журнал «Проблемы Мира и социализма»)

Одной из самых важных особенностей современной эпохи является поразительный динамизм, бурное развитие исторических событий, нарастание темпов общественных преобразований.

Капитализм вступил в полосу глубокого кризиса, который охватил все стороны жизни — экономику, политику, культуру, быт, нравы.

С точки зрения социальной мир находится в непрерывных конфликтах и столкновениях. А наряду с этим гений людей делает буквально чудеса, воплощая в жизнь самые сокровенные мечты человечества; он смело вторгся в микромир и заставил атом открыть свои тайны; созданы фантастически «умные» машины, которые все больше и больше облегчают физический и умственный труд человека; в космос заброшены искусственные тела, и они бороздят бесконечные просторы Вселенной. Дерзкий прыжок в космос совершил сам Человек. С подвигом Ю. Гагарина началась космическая эра. Люди находятся на пороге еще более величественных побед над природой.

И всех нас волнует один и главный вопрос: что это даст народам? Какая будет космическая эра человечества? Всем очевидно, что сложилось острейшее противоречие между безграничными возможностями людей овладевать богатствами природы, с одной стороны, и социальным безумием нашего века—с другой. Это безумие состоит в том, что

==47

до сих пор существует угроза использования уходящими классами величайших открытий для истребления человечества.

Имеет ли человечество будущее? Сможет ли оно создать иные социальные условия и стремительно пойти вперед или сгорит в термоядерном пламени? Что делать народам? По какому пути и как идти? Вот вопросы, которые встают ныне перед каждым гражданином, перед каждым общественным деятелем, перед каждым ученым.

Эти вопросы имеют особое значение для нас, социологов, экономистов, историков, так как именно мы изучаем общественные процессы, именно мы анализируем исторические тенденции. Для народов далеко не безразлично, какие ответы мы дадим. Эти ответы касаются судеб человечества, судеб цивилизации.

Мы знаем, что существует немало пессимистических точек зрения на будущее человечества.

Мы, марксисты, не разделяем этих пессимистических взглядов на историю. И вовсе не потому, что будто бы являемся, как это выразил наш французский оппонент Р. Арон, простыми рупорами официального кредо. И вовсе не потому, что кем-то лишены права на пессимизм. Нет. Мы оптимисты по нашему мировоззрению и по нашему жизненному опыту. Мы оптимисты, потому что знаем законы общественного развития, которые открыл Карл Маркс. Мы оптимисты, потому что практически, в жизни, реально участвуем в строительстве того нового общества, общества коммунистического, которое представляет собой будущее всего человечества. Мы оптимисты, потому что, руководствуясь законами, открытыми Карлом Марксом, добиваемся таких результатов, которые признаны всем человечеством и выдвинули Советский Союз на место ведущей силы прогрессивных общественных движений современности, на место ведущей силы научного прогресса. Таким образом, мы — оптимисты, исходя из наших научно-теоретических установок, исходя из нашей практики.

Перед лицом истории, спокойно глядя в глаза всем народам, наедине со своей совестью, мы твердо и уверенно заявляем, что история имеет смысл, что у всего человечества в целом и у каждого народа в отдельности есть светлое будущее. Правда, это светлое будущее следует

==48

завоевывать; его необходимо защищать, по крайней мере на настоящем этапе развития, от многочисленных врагов, которые в угоду своим корыстным интересам готовы цинично растоптать честь и достоинство народов, их свободу и счастье, их надежды на будущее. Мы, марксисты, считаем, что таким будущим для всех народов является коммунизм. Коммунистическое общество дает решение всем тем сложным, тяжелым, трудным и многообразным проблемам, которые в настоящее время так сильно волнуют людей. Прежде всего коммунизм обеспечивает полное удовлетворение материальных и культурных потребностей людей, каждого человека, навсегда ликвидирует всякое угнетение человека человеком: экономическое, социальное, политическое, национальное, расовое, возрастное и т. д. Коммунизм создает все необходимые условия для всестороннего и гармоничного развития личности, обеспечивает высшую свободу человека, является обществом, организованным по закону красоты.

Мы далеки от того, чтобы навязать кому-либо свою точку зрения, мы далеки от того, чтобы расхваливать коммунизм абстрактно. Мы хотим лишь одного — научного обмена научными аргументами. Мы являемся противниками всякого извращения и каких-либо теоретических спекуляций. Мы за джентльменский научный спор и готовы вести его по любому вопросу, с любым научно добросовестным оппонентом. И мы уверены, что в этом споре правда будет на нашей стороне, что в любой дискуссии, в конечном счете, правда будет на стороне марксистов.

Если внимательно присмотреться ко всем событиям, которые совершаются в настоящее время, то за их внешним беспорядочным и хаотическим течением мы можем, руководствуясь научным методом, обнаружить железную и твердую поступь истории, на основе анализа тысячи фактов вскрыть логику общественного движения.

Историческая истина состоит в том, что человечество в целом, каждый народ в отдельности, преодолевая меньшие или большие трудности и препятствия, иногда прямо, иногда историческими зигзагами, но в конечном счете идут к коммунизму. И в мире нет силы, которая смогла бы приостановить этот поступательный ход истории.

Это движение общества осуществляется по законам, которые сформулированы марксизмом-ленинизмом в

==49

полном соответствии с материалистическим пониманием истории.

Нам хорошо известно, что теория марксизма-ленинизма за сто с лишним лет своего существования подвергалась и ныне подвергается острой критике со стороны наших идейных противников. Однако у нас есть все основания утверждать, что до сих пор ни один критик марксизма-ленинизма не поколебал ни одного из его коренных положений, не опроверг ни одного открытого марксизмом закона, не показал несостоятельность ни одного из марксистско-ленинских аргументов. Более того, нам кажется, что сам подход наших идейных противников к критике марксизма-ленинизма является неправильным, иногда недобросовестным, а иногда просто порочным.

Одни критики вырывают отдельные положения из марксизма-ленинизма, абсолютизируют их, превращая в свою противоположность, и затем критикуют. Но это в принципе неправильно. В марксизме нельзя вырывать какое-либо одно положение. Марксистскую теорию необходимо брать в целом. Всякое вырванное положение теряет свое научное содержание.

Другие берут тот или иной закон, открытый Марксом, в том его конкретном воплощении, когда он отражал эпоху промышленно развитого капитализма, и утверждают, что в таком виде этот закон не применим к современной действительности. Но Маркс никогда не утверждал, что его законы в их конкретном воплощении XIX века будут так же выглядеть и в XX веке. Маркс утверждал только одно: что существует объективная материальная основа исторического развития, что объективные законы действуют как тенденция, сталкиваясь с действиями других законов, и конкретный ход истории зависит от конкретного взаимодействия тенденций, законов. Конкретное воплощение, выражение законов меняются на каждом этапе исторического развития. Маркс никогда не рассматривал свою теорию как догму. Он считал, что его концепция будет иметь новый вид с каждым новым поворотом в общественных отношениях.

Наконец, третьи противники просто извращают марксизм-ленинизм, создают вымышленные концепции и, подобно Дон Кихоту, сражаются с ветряными мельницами.

В целом же, повторяю, марксистско-ленинское учение

==50

непоколебимо. В последнее время оно получило дальнейшее творческое развитие и гигантское подтверждение на практике. Оно выдержало все испытания истории, завоевывает все большее число сторонников на свою сторону, является величайшей идейной силой современности. Уже один тот факт, что под знаменем социализма объединилась одна треть человечества и строит по его закону новую жизнь, добиваясь поразительных, всеми признанных результатов, говорит о жизненности марксизма-ленинизма, о научности его концепции.

Одной из важнейших сторон марксистской социологической концепции является учение об общественно-экономических формациях, о неизбежности замены капитализма коммунизмом. Это учение по сути своей и представляет собой подлинно научную теорию социального прогресса, всестороннюю концепцию восходящего, поступательного развития общества. И именно эта часть учения подвергается наиболее ожесточенной критике со стороны немарксистов.

В последнее время они выдвинули несколько теорий, которые, по их мнению, должны заменить марксистскую теорию неизбежности гибели капитализма и торжества коммунизма.

Наибольшее распространение получила теория Ростоу «О стадиях экономического развития», которую сам Ростоу называет «антикоммунистическим манифестом».

Как известно, Ростоу полностью отрицает марксистскую идею смены формаций, снимает вообще проблему замены капитализма социализмом. По его мнению, любое современное общество прошло или проходит пять стадий своего развития: 1) традиционное общество; 2) переходное общество; 3) стадия подъема; 4) зрелое общество; 5) общество высокого благополучия.

Ростоу утверждает, что США уже достигли стадии высокого благополучия, Великобритания и другие европейские капиталистические страны находятся на четвертой стадии, а СССР плетется где-то среди них. Такие стадии, по мнению Ростоу, будет проходить каждая страна, независимо от социально-экономической структуры.

Ростоу утверждает, что его концепция имеет много общего с марксизмом, но лишена его недостатков. Мы, марксисты, никак не можем согласиться с такой точкой

==51

зрения. Мы имеем все основания утверждать, что концепция Ростоу не является научно обоснованной.

Во-первых, концепция Ростоу игнорирует все важнейшие исторические явления и события, и прежде всего такие, как борьба классов, революции и т. д.

Во-вторых, схема Ростоу не дает правильного объяснения историческим фактам. Например, в его схеме общественного развития большое место отводится проблеме накопления, но решается она не научно. По мнению Ростоу, важнейшим условием накопления является создание так называемой бережливой элиты, которая ведет расчетливый образ жизни, экономит на всем и тем самым создает финансовые резервы. Такую точку зрения марксисты давно подвергли весьма убедительной критике. Исторические факты показывают, что промышленное развитие Великобритании объясняется вовсе не тем, что в этой стране вдруг неизвестно откуда появилась бережливая элита. Источниками первоначального накопления в Англии являются, во-первых, разорение огромной массы английского крестьянства, во-

вторых, ограбление колоний, прежде всего Индии. Однако в работе Росту об этих реально-исторических фактах не упоминается ни слова.

Далее, индустриальное развитие ряда стран в работе Росту объясняется национализмом, реакцией на внешнее давление. Однако с этой точки зрения нельзя объяснить, почему, например, такие страны, как Китай и Индия, имевшие в свое время высокий уровень производства и древнюю культуру, но попавшие в зависимость к империалистическим державам, не встали на путь индустриального развития в период, когда их национальному суверенитету угрожало иностранное давление. И почему, например, Япония, которой удалось отбить атаки иностранных захватчиков, гораздо раньше этих стран встала на индустриальный путь.

В-третьих, схема Росту внутренне противоречива. С одной стороны, он утверждает, что процесс индустриального развития является автоматическим, исходит из развития производительных сил, а с другой стороны, при анализе реальных процессов первостепенное значение он отводит внеэкономическим факторам, субъективным явлениям: национализму, политической власти, наличию элиты и т. д.

==52

В-четвертых, в схеме Росту извращается действительность. Создание колониальной системы объясняется им, во-первых, престижем, во-вторых, необходимостью организовать народы, якобы находившиеся в хаотическом состоянии. Спрашивается тогда, почему другие колониальные страны ведут в настоящее время такую жестокую борьбу за сохранение колоний, если они не имеют никакого экономического значения.

Мировые войны Росту выводит из вакуума силы, который якобы имел место в тот период в Евразии.

В-пятых, схема Росту мешает борьбе за мир постольку, поскольку она препятствует вскрытию причин войны, не указывает пути их преодоления. По его мнению, войны — это результат борьбы за престиж, последствия вакуума силы и т. д. и никакого отношения не имеют к империализму, к борьбе за рынки сбыта и сферы влияния. А если так, то, поскольку вопрос о престиже, вероятно, сохранится длительное время, вакуум силы можно также всегда найти, то значит, если быть логически последовательным, войны останутся всегда.

В итоге мы можем сказать, что схема Росту, с точки зрения марксистов, является не только научно несостоятельной, но глубоко пессимистической и в этом смысле антигуманной.

Французский историк Арон делает ряд весьма удачных критических замечаний в адрес Росту, показывает несколько уязвимых мест в его схеме. Взамен он выдвигает идею промышленного общества и утверждает, что всякое промышленное общество имеет единый критерий своего развития, независимо от социального строя той или иной страны. Исходя из этой точки зрения, Арон отрицает в конечном счете различие между капитализмом и социализмом и утверждает, что взамен этих форм будет создано единое промышленное общество. Однако остается неизвестным, как же произойдет образование этого так называемого единого общества, каково будет социально-экономическое устройство этого общества, какова будет его политическая структура, какова будет его идеология. А это означает, что и концепция Арона не вооружает нас ясным пониманием путей исторического развития, не показывает, куда и как идти народам, какая форма более прогрессивна, что им избрать, как спастись от угрозы

==53

войны. Ответ на этот вопрос дает только марксизм-ленинизм.

Марксизм-ленинизм рассматривает общественное движение как целостное явление, в котором действуют различные, в ряде случаев противоборствующие силы. Но в конечном счете развитие общества определяет движение его материальной основы. Конкретный облик исторических процессов находит свое выражение в развитии способа производства, который представляет собою единство производительных сил и экономических, т. е. производственных отношений.

Однако экономические факторы определяют процесс исторического развития не прямо, не непосредственно, а лишь в конечном счете, в итоге взаимодействия социальных, политических, идеологических и других факторов, в котором экономические играют решающую, но не единственную роль. Для того чтобы сравнивать общественно-экономические формации с точки зрения прогресса, необходимо учитывать все основные критерии развитости.

Во-первых, экономический, т. е. уровень развития производительных сил, степень производительности труда. Уровень производительных сил и производительности труда — это есть чрезвычайно важный показатель общественного прогресса. Более того, Ленин утверждал, что производительность труда — это в конечном счете самое важное, самое главное для победы нового общественного строя, и смену общественно-экономических формаций Ленин видел именно в развитии производительных сил, в росте производительного труда. Однако уровень развития производительных сил сам по себе еще не определяет характера общества, его места в историческом прогрессе человечества.

Во-вторых, социальный, т. е. отношение людей в процессе производства, характер собственности, господствующий в обществе, наличие или отсутствие эксплуатации человека человеком и ее формы. В Соединенных Штатах Америки, например, имеется высокий уровень развития производительных сил и много производится товаров на душу населения, однако там основой жизни является частная собственность на средства производства, существует жесточайшая эксплуатация со стороны монополистов огромного числа трудящихся, имеет место анархия производства,

==54

крупные экономические потрясения в виде кризисов перепроизводства, которые в послевоенные годы уже трижды потрясли американскую экономику, огромная армия безработных, аграрный кризис, выражающийся в непрерывном разорении фермеров. Все это говорит о том, что капиталистическое общество устарело, является исторически отживающим обществом и не может служить эталоном социального прогресса. С другой стороны, мы имеем социалистическое общество в СССР или Польше. Уровень развития производительных сил в этих странах, степень производительности труда и производство товаров на душу населения меньше, чем в США. Однако в этих странах экономика развивается планомерно, нет анархии производства, нет и не бывало кризисов, полностью отсутствует безработица, навсегда уничтожена эксплуатация человека человеком. Все это говорит о том, что с точки зрения исторического прогресса социальные отношения, созданные социализмом, неизмеримо выше капиталистических. Однако и этого еще недостаточно для всесторонней оценки исторической прогрессивности общества.

В-третьих, политический фактор, т. е. степень реального участия масс в управлении страной, степень отражения во внутренней и внешней политике коренных интересов народных масс. Между марксистами и немарксистами идут многочисленные дискуссии о формах демократии, о различных видах избирательных систем. Нам кажется, что этот спор о формах демократии имеет второстепенное

значение. Избирательные системы весьма различны в США и во Франции, в Англии и Италии. Есть различие в избирательных системах и в социалистических странах. Конечно, можно спорить о том, какая избирательная система лучше, но, повторяю, самое главное не в этом. Самое главное состоит в том, обеспечивает ли социальная и политическая структура общества реальное, ничем не ограниченное влияние трудящихся на внутреннюю и внешнюю политику страны. Социалистическая демократия обеспечивает действительное, решающее влияние народных масс на формирование внутренней и внешней политики. Всем известны факты, говорящие о том, что трудящиеся Советского Союза на выборах полностью поддерживают политику Советского правительства. Внешняя политика Советского правительства — политика мира. политика разоружения,

==55

встречает одобрение не только народов СССР, но и всего мира. В настоящее время по мере продвижения советского общества к коммунизму происходит дальнейшее развитие социалистической демократии, возрастает роль общественности в решении всех экономических, социальных и политических вопросов.

В-четвертых, важным показателем исторической прогрессивности строя является культурный фактор, т. е. степень соединения культуры с народом, уровень грамотности населения, глубина овладения широкими слоями населения сокровищами культуры.

В-пятых, марксизм-ленинизм учитывает морально-идеологический фактор, т. е. уровень сознательности народных масс, степень гуманизма в поведении каждого человека, добровольность соблюдения им норм человеческого общежития.

В этой совокупности факторов, повторяю, материально-экономический имеет решающее значение. Однако вопреки всем, кто приписывает марксизму идею экономического детерминизма, он не является единственным. Только совокупность всех этих факторов показывает место того или иного общества в историческом прогрессе человечества. Социализм, и в этом его важнейшая отличительная черта, дает нам всеобщий синтетический прогресс, т. е. быстрое развитие и преобразование всех сторон жизни.

Но социализм является только первой фазой коммунизма. Высшую ступень социального исторического прогресса составляет вторая фаза — коммунизм, т. е. зрелое коммунистическое общество.

В настоящее время наступила эпоха практического претворения коммунистической теории в жизнь.

В процессе перехода от социализма к коммунизму советский народ намечает решить и уже практически решает ряд важнейших социально-экономических и культурных задач, которые еще больше изменят облик Советской страны и позволят советскому народу сделать новый скачок по пути прогресса.

Создается материально-техническая база коммунизма, обеспечивается дальнейшее бурное, непрерывное, планомерное, пропорциональное развитие производительных сил. Ближайшая задача — догнать США по уровню производства основных товаров на душу населения. Но на этом мы

==56

не остановимся. Советский народ ставит своей целью превзойти в значительных размерах уровень производства в США и любой другой капиталистической стране, создать высшую против капитализма производительность труда.

Эта задача решается путем комплексной механизации, а затем комплексной автоматизации производства с широким внедрением электронно-счетных машин в технологическую цепочку и всесторонним использованием новейших источников энергии.

На основе новейших технических достижений полностью изменяется характер труда, обеспечивается органическое соединение в процессе производства физического и умственного труда, что позволит навсегда преодолеть существующее ныне разделение и создать принципиально иное разделение труда, при котором полностью ликвидируются всякие элементы его односторонности, монотонности, и на всех стадиях и во всех сферах труд приобретет творческий характер, будет обеспечено полное равенство всех людей в самом процессе производства.

На основе высокой производительности труда создается изобилие предметов потребления, коренным образом меняется механизм распределения. По мере расширения производства будет происходить постепенный переход от социалистического принципа распределения по количеству и качеству затраченного труда к коммунистическому — по потребностям. При этом все более возрастающее значение приобретают общественные формы распределения.

В развитом коммунистическом обществе не будет никаких классовых различий.

Постепенно будет происходить перестройка политической структуры общества. Государственное управление шаг за шагом будет отмирать и заменяться общественным самоуправлением граждан.

Широко разворачивается коммунистическое воспитание трудящихся, которое по сути своей представляет собой завершение процесса очеловечения человека.

Будет достигнуто полное соединение народных масс и культуры.

Будет обеспечено всестороннее и гармоничное развитие личности.

Коммунизм — это торжество гуманизма.

Космическая эра будет эрой коммунизма.

==57

ЕВГЕНИЙ ЖУКОВ (СССР)

Что такое «социальный прогресс»? Каковы его критерии? Существует ли он вообще?

Эти вопросы, несмотря на свою видимую элементарность, являются темой жарких дискуссий, одним из источников расхождений между марксистской социальной наукой и различными социологическими и историографическими идеалистическими тенденциями.

Многие западные ученые — историки и социологи — ставят под сомнение не только идею исторического прогресса, но даже саму возможность объективного научного исследования, устанавливающего какие бы то ни было законы общественного развития.

Еще в начале XX века мысль о прогрессе во всеобщей истории разделялась, правда, в весьма специфической форме, подавляющим большинством историков, в том числе и теми из них, кто стоял на идеалистических позициях.

В 1907 г. редакторы «Кэмбридж модерн истори» отмечали в предисловии, что идея прогресса человечества должна быть принята в качестве научной гипотезы, на базе которой пишется сама история. Историки не боялись идеи прогресса во всеобщей истории, связывая ее или с общим развитием культуры, или с рационализмом, или даже с борьбой за свободу сознания и свободу политических мнений.

Конечно, предпринимались неоднократные попытки для того, чтобы объяснить идею прогресса в спекулятивном и даже мистическом смысле, выводя ее из различных теологических концепций. Но чаще всего под прогрессом понималось развитие определенных идей (толкуемых формально), образования, веротерпимости, рост культурных потребностей и, наконец, повышение материального благосостояния населения.

Эти тенденции в какой-то степени принадлежат прошлому. В настоящее время в США и в странах Западной Европы большинство историков и социологов вообще боится употреблять слова «социальный прогресс».

Основные, господствующие течения западной историографии исходят из отказа признать идею единства мирового исторического прогресса и его законов и развивают циклическую теорию общественного развития, в соответствии

==58

с которой в жизни человечества якобы постоянно повторяются некоторые «циклы».

Всеобщая история рассматривается или как сумма изолированных цивилизаций, каждая из которых развивается сама по себе и имеет свои периоды подъема и упадка, или как огромное скопление случайных явлений, лишенных всякого внутреннего значения.

Все это сопровождается развитием в западной историографии таких тенденций, как: 1.

Гиперкритический подход к историческим событиям, отказ от всякой попытки объяснить или обобщить их, сведение истории к «микроанализу» отдельных документов, к частному исследованию узких тем; 2. Отказ от допущения даже возможности объективного исторического исследования и развитие крайнего субъективизма согласно принципу «каждый историк сам создает историю».

3. Развитие волюнтаризма, ведущего к сознательной фальсификации истории, довольно распространенной в настоящее время в США. Историки этого направления, не стесняясь, подгоняют историю к потребностям господствующей социальной прослойки и занимаются «истолкованием прошлого для настоящего».

Почему понятие «социальный прогресс» принципиально неприемлемо для большинства представителей современной западной историографии? На этот вопрос можно дать как частный, так и более общий ответ.

Для того чтобы признать понятие прогресса во всемирной истории, необходимо исходить из единства мирового исторического процесса, из признания общих законов развития человеческого общества и, наконец, из объективности истории как науки.

Можно ли говорить о прогрессивном движении человечества (даже в том случае, если не пытаться в данный момент определить содержание этого прогрессивного движения и критерий социального прогресса), отрицая тот факт, что историческое прошлое человечества, взятое как единое целое, может быть подвергнуто научному анализу?

Один из наиболее плодовитых историков Арнольд Тойнби искусственно разделяет всеобщую историю на историю 21-й цивилизации, связь между которыми он видит главным образом в области эволюции религиозных чувств. Освальд Шпенглер насчитал восемь всеобщих

==59

культур, каждая из которых имела свой независимый жизненный цикл. Руководитель «Общей истории цивилизаций» Морис Крузе отвергает в написанном им общем введении возможность сравнения и классификации и тем более суждения о прогрессе или о законах развития различных цивилизаций.

Конечно, если мировой исторический процесс, взятый как единое целое, не существует, то нельзя и увидеть его движение, независимо от того, происходит ли прогресс или регресс.

Таким образом, субъективные тенденции, вносимые в современную западную историографию, мешают ей принять понятие социального прогресса. Именно ее методологический фундамент исключает возможность научно раскрыть и понять общий путь, проделанный человечеством. Таков частичный ответ на поставленный вопрос.

Но подобного ответа явно недостаточно, поскольку в нем не выявляются социальные мотивы, лежащие в основе этой порочной методологии.

Прежде всего необходимо отметить, что идея прогресса, т. е. идея поступательного движения человечества, является фактически идеей революционной. Она исходит из предположения развития человечества, другими словами, она утверждает, что не может быть ни циклических движений, ни топтания на месте, ни застоя, ни сохранения существующих социальных форм и явлений, но что неизбежна замена устаревших институтов другими, новыми, находящимися в полном развитии. Это означает, что рабовладельческое общество уступило место феодальному обществу, а это последнее — капиталистическому; капиталистическое же общество будет неизбежно заменено новой, неизмеримо более усовершенствованной социальной структурой — социализмом, обусловленным всем предшествующим развитием общества.

Способна ли современная западная общественная наука принять идею социального прогресса, которая означает признание неизбежного исчезновения социальной структуры, основанной на частной собственности на средства производства и на эксплуатации человека человеком?

В своей активной борьбе против феодализма буржуазные историки периода роста капитализма не боялись понятия социального прогресса. Они использовали его, доказывая прогрессивный характер буржуазных общественных

==60

отношений по сравнению с феодальными общественными отношениями и тем самым необходимость и неизбежность победы капитализма.

Ныне, в период упадка капитализма, положение изменилось. Историки и социологи стоят перед выбором: остаться на научной основе и признать идею прогресса во всеобщей истории, т. е. признать исторически изживший себя характер капиталистических общественных отношений, или отрицать этот факт и таким образом покинуть твердую почву науки и скатиться в болото более или менее завуалированной апологии капитализма.

Боязнь исторических уроков, которые показывают, что реакционные социальные силы, институты и идеи, тормозящие развитие человечества, отжили свое время, привела западную историографию в тупик. Сейчас на Западе все чаще можно услышать, что история не наука, а субъективное видение мира.

В современной западной историографии появилась идея противопоставить понятию прогресса, выдвинутому марксистской общественной наукой, другое понятие — «технологический прогресс».

Историки-марксисты, принимавшие участие в XI международном конгрессе историков в Стокгольме, столкнулись с этой теорией, когда обсуждалась проблема периодизации всеобщей истории. Полемизируя с марксизмом, некоторые историки из Федеративной Германии и США выдвинули тезис о том, что главным звеном в истории общества, определяющим его прогрессивное развитие, является не социальная революция, которая определяет переход от одной общественно-экономической формации к другой, а технические успехи и открытия, которые стимулируют развитие промышленности. Так, в частности, они утверждали, что промышленная революция в Европе «более важна», чем французская революция 1789 г.; открытие атомной энергии более важно, чем Великая Октябрьская социалистическая революция. Короче, периодизация всеобщей истории должна исходить не из социальных и экономических явлений, а из развития техники и промышленности.

Каково значение этой «теории»? Смысл ее заключается в том, что ее авторы стараются уйти подальше от опасной, с их точки зрения, области социального развития и укрыться в значительно более «спокойной» области

==61

истории техники. Понятие социального прогресса подменяется понятием технического прогресса.

Нет никакого сомнения в том, что «технологическая» теория прогресса является своего рода диверсией против марксизма.

Сама жизнь и опыт конкретных исторических путей подтвердили марксистскую теорию социального прогресса.

ЖАН ВАЛЬ (Франция)

У меня возникает вопрос, не происходит ли упрощения взглядов западных историков? Я думаю, что сегодня немногие историки разделяют точку зрения Тойнби и тем более Шпенглера. Мое второе замечание касается вопросов, которые можно поставить относительно тотальности истории и того, что называют «мировым историческим процессом». Марксисты считают, что видят и прошлое, и

настоящее, и будущее. Но немарксисты не знают, каким будет будущее. Они могут изучать только прошлое и настоящее.

Говорят, например, что «войны можно избежать». Но это значит, что она возможна, хотя ее можно избежать. И тогда, если война возможна, мы не можем уже сейчас знать, какова эта тотальность истории. Немарксисты не могут выносить суждения в предположении знания о конечном результате истории, но я бы сказал, что и марксистам трудно сделать это.

В этой связи я провел бы следующее сравнение между марксизмом и католицизмом. Истинный христианин обретает спасение, но для этого необходимо, чтобы он действовал, чтобы он помогал богу в своем спасении. Не отождествляя божественное спасение со способностью к сознательной констатации фактического положения вещей, следует тем не менее видеть, что от марксистов требуется, чтобы они в то же время определенным образом влияли на положение вещей, констатируемое познание. Марксизм — это одновременно констатация и созидание. Созидание и совет человечеству. Впервые история с такой определенностью дает наказ человеку.

История не может быть одновременно и тем, что еще нужно сделать, и тем, что уже сделано.

==62

Нам говорят, что в определенных случаях автоматизация может быть опасна. Но это не неизбежно, и здесь мы еще раз видим, что не существует абсолютной необходимости.

ЕВГЕНИЙ ЖУКОВ

Я хотел бы выразить свою признательность профессору Валю за его замечания по моему выступлению. Я хотел бы ответить на три вопроса.

Во-первых, я знаю, что взгляды профессора Тойнби или Освальда Шпенглера не являются отражением всей западной мысли. Но ведь я упомянул также взгляды профессора Крузе. Мой личный опыт участника Всемирного конгресса историков, состоявшегося в прошлом году в Стокгольме, позволил мне вынести впечатление, что, несмотря на постоянно повышающийся интерес к марксизму, большинство современных западных историков, хотя, конечно, не все, до сих пор не хотят принять принцип объективности истории. Всякое объяснение истории как единого процесса, основанного на общем развитии, кажется им совершенно чуждым. " Произведения профессора Тойнби и Освальда Шпенглера ясно демонстрируют дух отрицания, присущий идеалистическим понятиям истории, которые распространены сегодня в странах Запада.

Во-вторых, говорят, что история является непрерывным процессом. Но анализируя производительные силы различных общественных формаций в прошлом, можно видеть подлинные этапы в общем социальном развитии. В этом смысле история дает нам возможность лучше понять общий путь социального развития. В каком-то смысле история может объяснять лишь прошлое и настоящее, но в определенной степени она может также показать нам будущее человека с помощью научного предвидения.

В-третьих, социальный прогресс в общем определяется изменением социальных и экономических форм, но это не механический процесс. Социальный прогресс нуждается в активности народа. Он зависит от деятельности масс. Мы не можем и не хотим «ждать и смотреть». Массы являются сознательной движущей силой социального прогресса, ведущего все человечество к социализму.

II.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПЕРЕХОДА ОТ ОДНОГО ОБЩЕСТВА К ДРУГОМУ

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕГРАДЫ В АНТИЧНОМ ГОРОДЕ

В. ДЕ МАГАЛА-ВИЛЕНА (Франция)

Проблема

Для того чтобы подчеркнуть технический застой в европейском античном мире, и в частности у греков, было выдвинуто предположение, что этот «застой» был постоянным явлением и, более того, означал по существу «неслыханную бедность».

Г-н Куаре доказал необоснованность подобного тезиса по отношению к истории наук. Наиболее замечательным из непосредственных предшественников Галилея был не кто-либо из парижских номиналистов, а ученик Архимеда — Бенедетти Имена духовных наставников «на заре классической науки» — доквантовой физики — это Демокрит, Платон и прежде всего Архимед Вопреки видимости исторической непрерывности, г-н Куаре со знанием дела настаивает на том, что «классическая физика, вышедшая из идей Бруно, Галилея и Декарта, в действительности не продолжает средневековую физику (физику Бури дана и Николая Орезмского), а сразу же занимает позицию, которую мы скорее назвали бы архимедовской Можно сказать, что научная работа XVI века сводится к постепенному восприятию и пониманию трудов Архимеда Для истории научной мысли, — заявляет г н Куаре, — популярная концепция Ренессанса оказывается исключительно верной» И позволим себе добавить — для истории технической мысли также

Что касается удивительного каталога «средневековых технических изобретений», составленного Лефевром де Ноетт, то самое малое, что можно сказать и что уже однажды совершенно справедливо было сказано,— это то, что простой термин «изобретение» берется здесь в настоль

ко растяжимом смысле, что под него подводятся самые разнообразные на деле явления. Ко всему прочему Лефевр де Ноетт совершенно не был знаком с восточной техникой, а его знания греческой науки и техники были чрезвычайно неполны, чтобы не сказать больше

Таким образом, мы оказываемся перед проблемой, и формулируется она в следующих терминах- если современная наука рождена античной наукой (а говоря «античная наука», подразумевают «греческая наука», включая науку эллинистической эпохи), если современная техника находит свои теоретические основы как в античной, так и в современной науке, то обосновано ли отрицание и размах технической деятельности греков, и плодотворности идеала интеллигентности, характерного для греческой науки?

Проблема заключается именно в этом

В данном случае речь может идти лишь о том, чтобы наметить некоторые пункты, касающиеся соотношения техники и социальной структуры, и осветить некоторые из проблем применительно к

особым условиям античного города, в частности те, которые встают в связи с переходом от одного типа общества к другому

*

Идеал интеллигентности, свойственный греческой науке, — науке, если верить большинству исследователей, абстрактной, дедуктивной, не основанной на опыте, отгороженной от всякого практического и утилитарного компромисса, был, как говорят нам далее, фактором стерилизации технической мысли

В этом утверждении следует отметить некоторые нюансы Действительно, именно этот научный идеал получил преобладание в Афинах, у многих ученых и философов, которые в силу целого ряда обстоятельств, требующих объяснения, нам наиболее известны. Но во всяком случае в то время существовали не только Платон (тот, который умалял роль чувственного восприятия и эксперимента), Аристотель (деятельность которого ошибочно ограничивают его занятиями логикой и метафизикой) и Евклид (которого тоже воспринимают лишь в качестве геометра)

Экспериментальный метод и теория этого метода

5 »

==65

родились в Греции. Почему до сих пор недооценивают Стратона из Лампсака или Менодота из Никомадии? Почему в этой связи не оценить по заслугам очень высокий научный уровень метода Гиппократов? Почему забывать в этой же связи вклад так называемых «эмпирических» и «скептических» медиков? Почему пренебрегать замечательным примером аналитического научного ума, какой еще до Филлиона из Локра дали ученые-анатомы Александрии, обладавшие столь тонкой медицинской хирургической техникой? Наука в Александрии имела не только таких ученых, как Евклид, который является, впрочем, не только автором «Элементов» Точно так же и техника александрийцев, несмотря на свой зрелищный и, на наш взгляд, необычный характер, не была исключительно или даже главным образом «искусством чудотворцев», изготовителей чудес и «удивительных фокусов»

Почему не проявляется достаточного внимания к содержанию трактата Архимеда «Эфодос» («Метод»), известного с момента его обнаружения Гейбергом в 1906 г., который открывает нам некоторые секреты и как раз противоречит упорной легенде?

И еще один момент Очевидно, что дедуктивная логика Аристотеля — это не вся логика, которая была известна грекам Помимо логики стоиков, существует также индуктивная логика Демокрита и эпикурейцев, о которой нам известно от Филодема Точно так же силлогистика — это еще не весь Аристотель; как бы ценна она ни была, она представляет собой решение только одной определенной проблемы

Поэтому было бы ошибкой считать законными разговорами о технической несостоятельности греков и даже об отсутствии у них технического прогресса Ничто не может быть более неправильным В доказательство было бы достаточно перечислить лишь некоторые из их наиболее значительных технических достижений Недостаток времени не позволяет нам сделать это Мы думаем, что с помощью данных, почерпнутых в самых различных источниках, мы могли бы составить весьма внушительный список подобных достижений, касающихся как крупных общественных работ, так и изобретения замечательных практических и научных инструментов

Вместо того, чтобы заниматься неуместными здесь де

талями, предпочтительно коротко остановиться на следующих вопросах: 1 Греческое понятие техники и размеры области технической деятельности у греков; 2 Особенности технического развития в Греции. Линии развития отношений между техникой и социальной структурой в греческих городах; 3 Древняя Греция и перспективы машинизма.

Сфера техники у греков

В самих Афинах в V веке до н. э наблюдалось значительное развитие техники в самых различных сферах

Ход прогресса испытывался самым наглядным образом всеми Теоретики прогресса выражают ощущение именно этого опыта.

Идея прогресса философских и научных знаний являлась темой размышлений великих софистов. Гиппий Элидский считал, что современная ему наука значительно прогрессировала по сравнению с прошлым.

Но если этот бурный подъем техники вызывает — тем опытом прогресса, который он дает ощутить,— первые ростки теории прогресса, то он же, с другой стороны, способствует укреплению того идейного течения, которое, в силу своего отрицания человеческой ценности труда, содействовало торможению технического прогресса и исчезновению на века самой идеи прогресса.

Конечно, это — передовая идея, которая слишком обогнала свое время, чтобы быть понятной каждому. Но тем не менее это был также зародыш идеологии практики, начало течения, которое, вопреки неблагоприятным условиям, прошло через глубины античного мира и влилось в эпоху, когда в социально-исторических условиях, открывших путь к механизированной цивилизации, совершалось возвращение к знаниям древних Платон и Аристотель совершенно определенно выступали против богатой и прекрасной мысли Анаксагора об умной силе руки, но ее подхватили Панаитий, Посидоний и другие. Мысль о роли труда в формировании человеческой руки, о роли руки в формировании человека, о роли человека в сознательном преобразовании природы и самого человека — таковы элементы вырисовывающейся идеологии, которая не

смогла, однако, стать господствующей в античном городе как основа его цивилизации. Понадобилось сочетание иных социально-экономических условий для того, чтобы она обрела плоть и кровь, понадобились другие общественные формы с иными потребностями и иными формами мышления, чтобы она могла получить базу. Однако остается фактом, что античный город создал, в меру своих социальных критериев, идеал социального прогресса.

Осознание человеческой ценности труда, материальной человеческой практики, осмысленная вера в технический прогресс стали основными составляющими элементами идеологии побеждающей буржуазии. В этом отношении Джордано Бруно был, по-видимому, одним из ее первых крупных идеологов. Он воспринял и реабилитировал греческую идею прогресса, родившуюся в так называемый

«периклов век» вместе с развитием техники, сопровождавшим образование городских социальных слоев, и явившуюся результатом констатации этого процесса развития

Не надо забывать, что теория прогресса в V веке до н.э. связана с быстрым распространением промышленности и торговли, всех искусств и теоретических и технических знаний. В каком-то смысле эта теория явилась осознанием всего этого. Но она связана также с теоретической разработкой понятия времени (в частности, линейного времени бесконечного, исторического и культурного времени) и в более общем смысле — с развитием рационалистических теорий этой эпохи. Она тесно связана со сложным процессом «разобожествления» природы, людей и вещей. Помимо этого, в ней сказалась революция в мышлении, которая, выражая всю серьезность кризиса, переживаемого греческим миром, вращалась в основном вокруг дел античного города. Вера в рост способностей человека соединенная с концепцией всемогущества знания, является одним из наиболее четких, наиболее типичных проявлений этой озабоченности делами античного города и лучше всего выражает ее. Расширившееся в это время в Греции применение техники письма могло лишь усилить это ощущение.

Под влиянием развития техники и приносимой ею пользы человек начинает осознавать свое собственное развитие. Он осознает его в форме технического прогресса, социального прогресса и прогресса знаний, поскольку он живет в «век просвещения»

==68

В силу причудливого стечения исторических обстоятельств стало общепринятым считать, что античному миру не только было чуждо понятие прогресса, но что он даже и не смог бы никогда осознать технический и социальный прогресс. Но идея прогресса всегда появлялась в такой момент и в таких социальных условиях, когда уже нельзя было не видеть ускорения прогресса. И это совершенно естественно. То же самое произошло и при возвращении к идее прогресса в век возрождения литературы, искусства, науки, техники и при полном ее расцвете с победой поднимающейся буржуазии.

Так же естественно, что Платон, в тот момент, когда стало очевидным, что социальный класс, идеологом которого он был, не имеет будущего, придерживается не только пессимистических, но и антипрогрессивных взглядов на историю и последовательно консервативен во всех планах. Скорее можно было бы удивляться Лукрецию. Однако несомненно, что вера в прогресс просвещения и техники все же несет некоторую печать пессимизма, точный смысл которого так хорошо определил Шарль Парэн.

Таким образом, как греки, так и великий римский эпикуреец не только возвысились до идеи прогресса, но некоторые из них, вопреки целому идеологическому течению, противостоявшему возвеличению социально-прогрессивной роли труда, даже осознавали прогресс в его технической форме. Мысль, что античный человек не ведал общественно-исторической ценности труда, не может зачеркнуть этот факт. Передовая античная мысль предвосхитила идею о том, что как будущее, так и прошлое человека — это преобразование мира с помощью знаний и практики. Если же хотят любой ценой ограничить значение этого понятия в Древней Греции и если оговорка кажется необходимой, то речь идет лишь о том, чтобы подчеркнуть, что удовлетворение самых широких потребностей человека никогда не считалось проблемой в античном мире. Невозможно не признать, что ни один грек, ни один римлянин не знал и не мог видеть (что мы должны отныне признать), что «вопрос прогресса включает в себя все условия прогресса и все его человеческие аспекты». Никто из них не мог также придать социальному прогрессу его полный, подлинный смысл, который вкладывает в него академик Семенов и который сегодня уже возможен: «Максимум счастья для максимального количества людей, практически для всех»

»

Особенности технического развития Греции

1 В самом начале развития техники в промышленных и торговых городах Ионии наблюдалась тесная связь и даже подлинное единство между наукой и техникой.

2. В классическую эпоху древнего греческого города единство между наукой и технической практикой порывается.

3. Несомненно, что в классическую эпоху в Афинах возобладал радикальный разрыв между наукой и механической техникой. Но не вся греческая мысль идет в этом направлении. Город афинян — это не вся Греция. В то самое время, когда афинские теоретики занимали презрительную позицию по отношению к механическим искусствам, полноценное развитие этих искусств не прерывалось в других местах, в других городах греческого мира. В Сиракузах Дионисий Старший призвал отовсюду инженеров в свой город; изобретенной ими катапульте Герон Александрийский дал позже теоретическое обоснование «В Таренте Архит создает механизм, используя движение в построении фигур» (Шуль). Коринф постоянно оставался процветающим промышленным и торговым центром. В то время когда Афины и другие города центральной Греции уже вступили в период кризиса рабовладельческой системы, Абдер, находившийся на Фракийском побережье, достигает вершины развития этого способа производства только ко времени Демокрита (460—370 гг. до н. э.).

4 В противоположность этому в Афинах с конца V века, в связи с предпочтением, которое здесь всеми оказывалось теории, а не механической практике, наблюдается непреодолимая обратная тенденция в процессе технического развития. Под влиянием самих социальных условий античного города поиски технических познаний, направленных на управление человеком, все больше оттесняют совершенствование владения предметами. Техника владения телом, интеллектуальная и артистическая техника, а также техника общественного управления, продолжая свое стремительное развитие, завоевывают себе почетное общественное положение — положение, в котором, в силу классовых предрассудков в условиях антагонистического общества, было отказано как «технике приспособления к вещам», так и уже существовавшей ранее технике «эксплуатации» и «создания вещей».

Сфера техники чрезмерно расширилась. С точки зрения развития технической мысли, именно в этом заключается новаторский вклад классического греческого города. Отклонение развития технической функции в сторону техники социального регулирования в ущерб, в какой-то степени, производственным искусствам и расширение области техники совершились впервые в античном городе-государстве (полисе). Однако было бы ошибочным считать, что тем самым производственные искусства в Афинах были доведены до упадка. Они приходят в упадок позднее, в IV веке, в связи с тяжелым экономическим и социальным кризисом. А пока они оставлены свободным человеком, полноправным гражданином, который их презирает. Но ими продолжают постоянно заниматься другие социальные группы, что не мешает, однако, воздействию целого ряда обстоятельств, связанных как с материальной базой античного города, так и с соответствующей ей идеологической сферой, которые способствовали ослаблению развития непосредственно производительного труда и препятствовали продвижению технической мысли.

Эти частичные торможения, особенно затронувшие некоторые области деятельности, выразились в целом в определенном застое всего, что в области техники не относится непосредственно к техническим функциям интеллектуальной эффективности и общественного контроля. Отсюда — заметные диспропорции между расцветом некоторых форм искусства и техники и развитием производства материальных благ, что является особенно важным фактом. Известно, что Маркс поставил эту проблему именно в отношении греческого искусства.

Но есть еще социальная природа жизненного уклада, не сводящаяся к этим частичным торможениям и более значительная по своему влиянию и тем препятствиям, которые она порождает. Эта общая социальная блокировка развития техники, характерная для последней фазы рабовладельческого способа производства в Европе, повлекла за собой также забвение многих технических открытий, следы которых надолго потерялись. Кроме того, это вело и к иссяканию технологических познаний. Потерялась нить традиций. Возобновление ее окажется длительным и сложным делом. Скажем только, что так называемых «варварских» нашествий или, более точно, того, что, с точки зрения римской истории, обозначают весьма неприятными

»

==71

словами «нашествия» и «варвары», недостаточно для объяснения того забвения, в которое попало большинство греко-римских изобретений и технических достижений. На территории христианской Западной Европы. Недостаточно хотя бы по той причине, что недавними археологическими раскопками совершенно точным образом установлено существование с IV века до н. э. многочисленных и значительных центров местной индустрии в самых отдаленных греческих колониях, в особенности на Босфоре, а также в отдаленных районах Римской империи. Установлено также, что конкуренция со стороны этих местных центров имела непосредственное отношение к афинскому экономическому кризису. Именно очаги греческой культуры, расположенные в странах, часто называемых «варварскими», оказались позднее подлинными хранителями античных традиций.

Блокировка технического развития представляет собой сложное социальное явление, которое может быть понято только при анализе всего комплекса социально-экономических причин общего распада рабовладельческой системы

В основе этой блокировки развития техники лежат не идеологические причины. И если имеет место «умственное блокирование» (как любит выражаться г-н Шуль), если имеет место «идеологическое блокирование» (как сказали бы мы), то только потому, что в основе лежит социальное блокирование. «Идеологическое блокирование» — это лишь частный, частичный аспект. Более того, это аспект производный, поскольку социальные идеологические отношения преломляют или отражают материальные социальные отношения и вытекают из них. В этом случае, как и в других, в основе «умственного блокирования» лежат в конечном итоге, явно или скрыто, объективные материальные условия — условия материальной жизни общества.

5. Забвение некоторых крупных античных достижений и иссякание целого ряда фундаментальных технологических познаний (достаточно вспомнить о временной или непоправимой утере технических трактатов Архимеда) представляют собой только два крупных последствия этого общего социального блокирования, которые чрезвычайно усложнили для технической мысли тот социальный процесс, процесс снятия преград, каким явилось восстановление и обновление технологии эллинистического периода.

Кроме того, следует подчеркнуть, что к концу

существования античного мира не наблюдалось всеобщего блокирования, резкой остановки всего социального и технического прогресса. Это блокирование происходило главным образом в рамках того, что можно назвать собственно греко-римским миром. Вслед за Энгельсом Шарль Парэн справедливо привлек внимание к той роли, которую сыграл технический прогресс, осуществленный германцами и галлами, в процессе перехода от рабовладельческого общества к феодальному. Остается определить еще ту долю, которая принадлежит в этом процессе развитию техники в других восточных областях Римской империи, установленному недавними археологическими и историческими исследованиями.

6. К двум уже названным явлениям — отклонению технической мысли от механической техники к технике воздействия на человека и блокированию технической мысли в период упадка античного мира нужно добавить еще один важный факт, а именно — разрыв, составляющий в некоторых случаях даже несколько веков, между моментом технического изобретения и его практическим осуществлением и распространением эффективного его использования на другие общественные условия.

К наиболее показательным примерам такого рода относятся паровая машина (т. е. эолов шар, или александрийский эклипиль, хорошо известный в конце XVII века в кругах французских картезианцев, повторивших этот опыт), ветряная мельница (одно из чудес Герона), водяная мельница, которая была известна Витрувию еще под греческим названием «гидролет» и польза которой была предвидена и воспета поэтом «Антологии» Антифилием Византийским.

Законно возникает вопрос, почему эти технические новшества и целый ряд других, имевшихся в распоряжении античного человека уже в начале нашей эры, не всегда применялись в то время на практике или вообще оставались без употребления? В этом заключается вся щекотливая проблема — узнать, почему античный мир (как на Востоке, в Китае, так и на Западе) стоял на пороге пути, ведущего к механизации и индустриализации, и не вступил на него. Здесь не место начинать дискуссию по этому вопросу; нам хотелось просто обратить ваше внимание на один или два важных пункта.

Из факторов, помешавших введению механизации в

»

античном мире, первым по важности является существование докапиталистических производственных отношений. Условия для развития механизации на первой стадии — это, во-первых, существование восприимчивой среды, благоприятствующей одновременно и практическому всеобщему внедрению уже созданных или создаваемых машин, и рентабельному использованию технической мощи, заключенной в машинах. Первое условие, определяющее все остальные, — это создание такого экономического и общественного строя, при котором наемный трудящийся мог бы свободно продавать свою рабочую силу, а не продаваться вместе со своей рабочей силой как раб. Это совершенно справедливо замечено Марксом.

Во-вторых, и это вытекает из первого, необходимо постепенное устранение всех идеологических препятствий, которые тормозят поиски новых технических решений, и их замена такой идеологией, которая, наоборот, стимулирует новые формы производства и, следовательно, укрепляет экономическую базу.

Оба эти условия сложились только к концу XVII столетия в наиболее развитых с социальной точки зрения странах. Только капитализм позволил произвести в этих странах коренные технические преобразования, необходимые для создания мануфактур, а позднее и крупной современной индустрии, короче говоря, преобразований, положивших начало эпохе машинизма.

*

Нет никакого сомнения в том, что некоторые элементы социально-экономической структуры античного города чувствительно тормозили продвижение техники, передовую техническую мысль и технологию и, более того, мешали внедрению машинизации. И наоборот, другие элементы структуры благоприятствовали техническому подъему, и в частности развитию некоторых отраслей техники. А третьи элементы греческого социального уклада играли в этом процессе уж вовсе незаметную роль и т. д. Собственно говоря, действие этого процесса обнаруживается лишь в неотделимых элементах всего целого и через самое целое.

Однако факт остается фактом — античный город в той стадии социально-экономического развития, которая для него характерна, не имел такой материальной базы.

==74

которая необходима для технического расцвета и которая могла бы позволить перейти к стадии промышленной цивилизации.

Несомненно, можно еще раз вместе с Марксом сказать, что общество ставит только те задачи, которые оно в состоянии разрешить. Ибо человек не имеет ясного представления о вызванной противоречиями его времени задаче до тех пор, пока эти противоречия не достигнут такой напряженности, что с необходимостью определяют дальнейший путь: всегда оказывается, что сама задача возникает только там, где уже существуют материальные условия для ее решения или, по крайней мере, находятся на пути созревания.

Этому не следует удивляться, поскольку именно рамки определенной социальной структуры решают в конечном итоге вопрос о прогрессе или же о блокировании технического развития.

ОТ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО АНТИЧНОГО МИРА К ФЕОДАЛИЗМУ

ШАРЛЬ ПАРЭН (Франция)

Я ограничусь кратким разбором показательного примера — перехода античного рабовладельческого мира к феодализму.

В данном случае разрушение отжившей социальной системы произошло, несомненно, еще до того, как развились все производительные силы, которые она была способна создать, и, конечно, еще до того, как созрели материальные условия новой системы. В этом смысле можно утверждать, что римская цивилизация была убита, и убита так называемыми «варварскими» нашествиями.

Но эти нашествия смогли разрушить такое рабовладельческое государство, каким была Западная Римская империя, лишь потому, что она уже более двух веков находилась в упадке и функционировала все хуже и хуже. С другой стороны, социальные и политические меры, используемые господствующими классами для сохранения своих привилегий, повлекли за собой крайнее обострение классово-борьбы, которую вели различные эксплуатируемые слои — рабы и колонны. Обычно режим эксплуатации человека не умирает своей смертью, поскольку такая

смерть, предполагающая бесконечно долгую безропотность эксплуатируемых слоев, была бы также смертью всего общества. История существует лишь в той степени, в канон сменяющие друг друга системы эксплуатации человека человеком сталкиваются в могилу теми социальными силами, которые являются их жертвами.

Между падением Римской империи и появлением феодализма проходит четыре века. Этот период кажется на первый взгляд долгим и смутным временем, отмеченным общим отступлением цивилизации и нагромождением насилия и развалин.

В большой «Истории Франции» Лависса, вышедшей в 1911 г., этот период характеризуется как эпоха общего упадка (том II, часть 1, стр. 255).

Однако в 1884 г. Энгельс в своей книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства», справедливо убежденный в главенствующей роли классовой борьбы в историческом процессе, проявил большую прозорливость и разглядел под кажущимся застоём решающий социальный сдвиг: образование динамичных общественных классов — богатых землевладельцев и закабаленных крестьян.

Откуда эта новая сила в социальных классах, противостоявших друг другу? В связи с тогдашним состоянием изучения первоисточников, в силу того, что история производительных сил была тогда не известна, Энгельс пришел к несколько поверхностному объяснению: он выдвинул гипотезу, что «новая жизненная сила» общества является результатом германских миграций, но не потому, что германцы были одарены неким «чудесным свойством», не в силу мнимого расового превосходства, а просто потому, что германцы находились еще в то время на варварской ступени развития, на ступени родовой организации со всеми характерными чертами этой стадии социальной эволюции.

Прогресс исторических исследований позволяет нам сегодня дать более точное объяснение и в определенной степени подтвердить справедливость «идеальной» схемы из предисловия «К критике политической экономии» Маркса. Если эпоха Меровингов выступает на поверхности как эпоха регресса, то, наоборот, в глубинах общества, на уровне деятельности трудящихся масс, создавалась техническая база, на которой, как только были завоеваны

материальные возможности, был построен феодализм в ходе обычного процесса классовой борьбы.

Лаборатория исследований по истории металлургии, созданная при Лотарингском музее в Нанси и руководимая Эдуардом Салэном, приводит новые доказательства важности успехов, стихийно достигнутых ремесленниками.

Еще большее значение, чем прогресс, связанный с развитием производства оружия, имеет прогресс, достигнутый в области сельскохозяйственной техники, являющейся главной основой производства в докапиталистических формациях.

Первоначально происходило такое развитие, которое могло иметь место и широко распространяться только в условиях мелкого индивидуального хозяйства, поскольку оно требовало от тех, кто пользовался его плодами, заботы, инициативы и вкуса к труду. Колесный плуг, особые формы серпов и кос, молотильный цеп — все это было создано еще в период Римской империи, но внедрение этих приспособлений происходило медленно и очень ограниченно. Изобретение хомута означало новый шаг в развитии, имевший большие последствия, поскольку появилась возможность использовать лошадь для пахоты и боронования, а также для улучшения транспортировки. При этом следует отметить и выгоды увеличившейся быстроты в работе

К этому необходимо добавить распространение новых видов зерновых культур — овса и ржи, что позволило шире использовать пахотные земли.

Но феодальный способ производства характеризуется не только возвращением к мелким индивидуальным хозяйствам; его эффективность заключается еще и в том, что этот способ привел к образованию в помещичьей организации хозяйства особых форм того, что Маркс называл кооперацией, форм, которые позволяют сохранить значительную часть преимуществ крупного хозяйства, таких, например, как развитые типы давлен и водяных мельниц. Эти два изобретения были известны уже во времена Римской империи, но социальная структура того времени не способствовала их широкому распространению (это относится по крайней мере к водяной мельнице). В период, непосредственно предшествующий появлению феодального режима, делает первые шаги трехпольный севооборот,

»

==77

широко распространившийся в уже полностью феодализованных районах.

Таким образом, к началу IX века в районах, явившихся колыбелью феодального способа производства, появились и внедрились технические новшества, обеспечившие экономическое превосходство феодального сельского хозяйства над римским сельским хозяйством. Однако пере ход к феодальному способу производства не произошел автоматически, благодаря милостивому дару класса сеньоров, которые якобы вдруг приняли необходимость новой формы социальной организации. Феодальная организация в своей развитой и действительно эффективной форме предполагает закрепление прав арендаторов на арендуемые участки и наследование этих участков. Конечно, подобное ограничение прав собственности должно было быть вырвано у сеньоров путем борьбы. Нормальное функционирование феодального режима предполагает равновесное сосуществование между феодальной собственностью сеньора и личной собственностью крестьянина. Это равновесие было в действительности непрочным и более или менее сохранялось там, где деревенские общины оказывали упорное, активное сопротивление бесконечным попыткам незаконного захвата со стороны сеньоров.

Поучителен пример развития феодализма в таких странах, как Южная Италия, где деревенские общины были не в состоянии закрепить свои права на землю. Арендаторов обязывали обрабатывать разные участки. Это повлекло за собой исключительную ненадежность и непрочность крестьянского хозяйства как в результате чрезвычайно высокой арендной платы, отдаваемой помещику, так и в силу того, что крестьянин был совершенно не заинтересован в том, чтобы вкладывать во временно обрабатываемую им землю долговременные улучшения. Это касается, напри мер, разведения кустарниковых культур. Следствием та кого положения вещей была нищета крестьян, сопровождавшаяся общим экономическим и культурным застоем в ущерб всему обществу.

Я думаю, что нет необходимости широко развивать напрашивающийся отсюда вывод. В своей основе социальный прогресс предполагает развитие как можно более свободных от пут производительных сил. В классовом обществе преобразование социальных структур, ставшее в определенный момент необходимым в силу развития

производительных сил, неизбежно наталкивается на сопротивление тех классов, которым старый режим обеспечивает все менее оправданное привилегированное политическое положение. Это сопротивление может быть сломлено только в результате борьбы эксплуатируемых классов. Совершенно очевидно, что рано или поздно это сопротивление оказывается разбитым, в зависимости от того, насколько сильна воля эксплуатируемых классов, как развивается сама история и насколько хорошо организованы эти классы. Именно в этом смысле люди делают свою собственную историю. И они делают ее с постоянно возрастающей эффективностью. Достаточно сравнить четыре века раннего средневековья, понадобившиеся для созревания материальных условий феодальной системы, с тем коротким отрезком времени, которого было достаточно Советскому Союзу для того, чтобы наверстать первоначальную техническую отсталость. Нет необходимости еще раз говорить о том, как и почему это стало возможным.

Развитие производительных сил и развитие классовой борьбы тесно связаны между собой, представляют собой составные элементы одного и того же процесса. Классовая борьба, отнюдь не будучи фактором распада общества, является в классовом обществе, наравне с развитием производительных сил, выражением общественного динамизма и двигателем прогресса всего общества.

ПРОГРЕСС В АНТИЧНОМ И В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ПЬЕР-МАКСИМ ШУЛЬ (Франция)

В своих замечаниях я коснусь трех вопросов: различий, существующих в развитии прогресса в античный и в современный период, понятия компенсированного прогресса и некоторых вопросов образования.

1. По-видимому, в античном обществе был возможен как материальный, так и механический и промышленный прогресс. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно изучить некоторые из дошедших до нас научных и технических текстов, в которых можно видеть элементы новой концепции труда. Например, в произведениях Герона Александрийского фигурируют схемы турбин, но они не были промышленно использованы и так и остались в

»

области любопытных и забавных курьезов. И можно видеть, что, несмотря на существование в древнем мире этих возможностей, все социальные или психологические факторы сошлись вместе, чтобы остановить и заблокировать прогресс. Застой в области техники является контрастом по сравнению с прогрессом математики, которая не знала помех, но и это прогрессивное развитие постепенно иссякло, когда исчезла любознательность изобретательного ума среди все более сужающегося круга лиц, обладавших им.

И наоборот, современный период, начиная с Бэкона характеризуется именно тем, что раз начавшееся движение было поддержано и ускорено множеством сопряженных факторов, настолько сложных, что их трудно даже отделить один от другого. Однако несомненно их взаимоусиливающее действие и представленные ими безграничные возможности.

2. Безусловно, идея прогресса обладает несравненной ценностью, и констатация уже достигнутого прогресса нас поддерживает, воодушевляет, повышает наш тонус.

Однако существует один, может быть, слишком часто пренебрегаемый момент, привлечение внимания к которому является заслугой латинского поэта Лукреция. Он создал хорошо известную классическую картину развития цивилизации, а также показал, что, вопреки широко распространенному мнению, прогресс не является простым вектором, а, наоборот, обычно порождает свои серьезные затруднения в качестве своего рода компенсации. Можно привести множество примеров, подтверждающих этот факт. Кто не воздаст должное последним успехам медицины и фармакологии в области медикаментов, антибиотиков, лабораторных анализов и исследований, препаратов, воздействующих на душевное состояние? И тем не менее их огромные достижения сопровождаются весьма серьезными помехами: например, ослаблением того прекрасного клинического образования, каким обладали наши врачи в конце XIX столетия и в начале XX века. Необходимость бороться своими собственными силами за здоровье больного привела к развитию с 1840 г. такого прекрасного учреждения, как клиника в том виде, как ее понимали наши крупные медицинские школы, и в которой ощущался дух великих античных врачей, таких, как Гиппократ. Конечно, прекрасно, что клинические данные могут быть подкреплены, проверены, объяснены и подтверждены всеми

==80

лабораторными анализами, но было бы достойно сожаления вообразить, что все эти анализы, исследования и тесты достаточны сами по себе; диагноз и прогноз всегда предполагают активное вмешательство ума врача, который должен обладать клиническим чувством.

Другие затруднения вытекают из недостаточного образования публики и даже отдельных медиков; так, можно говорить о так называемых «терапевтических болезнях», т. е. болезнях, вызванных самими медикаментами.

Подобные трудности, компенсирующие прогресс, встречаются в области питания, в области транспорта, развитие которого привело, например, вместе с облегчением перемещения, к более быстрому распространению эпидемий.

Дорога из Парижа в Руайомон проходит мимо большого комплекса жилых зданий в Сарсель. Это прекрасное сооружение очень отличается от старых деревень и местечек, через которые проходила эта дорога раньше, но на его фоне человек рискует затеряться, заблудиться, может почувствовать себя чужим. Здесь встает проблема приспособления индивидуума к новому типу жилища, и она требует изучения.

Необходимо осознать эту дополнительную сложность, сопровождающую прогресс в качестве компенсации, если мы хотим выработать определение стиля хорошо налаженной жизни.

3. И наконец, я перехожу к третьему вопросу. Несомненно, на первом месте среди вопросов, требующих внимания, стоят вопросы голода и недоедания, вопросы крыши над головой и одежды. Но, кроме этого, существуют еще и другие заботы, которые не следует игнорировать. В предыдущем выступлении разбирался вопрос об организации того, что может быть названо «высшим конечным состоянием». Г-н Франсуа Перру заметил в своей последней книге, что существует любопытное сходство между туманными очертаниями этого состояния, данными в XIX веке Стюартом Миллем, с одной стороны, и Карлом Марксом — с другой. Но в ту же эпоху Токвилль высказывал опасения, что в обществе может до крайности развиться определенная сытая пассивность, самоудовлетворенная дремота и вульгарная

серость в принятии указаний, даваемых Другими. Все это дополняет только что сделанные мною замечания относительно упадка и конца математики

В .

==81

эллинистического периода. Этот вопрос очень занимал крупного историка науки Поля Таннери. Почему эллинистическая математика, которая процветала на протяжении нескольких веков, в итоге зачахла? Без сомнения, это произошло потому, что не было среды, которая могла бы ее питать, а также потому, что исчезла любознательность ума. Последние математики, как, например, Никомах из Геразы, еще создавали некоторые задачи и теоремы, но игнорировали как ненужные доказательства и проверку, удовлетворяясь тем, что получен определенный ответ. Знать результаты — вот, что интересовало людей, а отнюдь не доказательство того, каким образом этот результат получен. Так образовался разрыв между теми, кто обладал духом исследования, и всеми остальными; обладавшие духом исследования в итоге исчезли.

Поэтому оказывается, что главное — не удовлетворяться пассивным пользованием, главное — поддерживать активное участие индивида как в научном прогрессе, развитии искусств, так и в экономическом и политическом управлении.

Впрочем, в данном случае следует остерегаться заниженной оценки массовой публики. Кинофильмы и радиопрограммы часто создают впечатление, что способность сосредоточиваться, любопытство и любознательность публики недооцениваются. Считать, что только вульгарное может удовлетворить публику — это предрассудок, который сам себя питает, который опасен и вреден, поскольку многочисленные примеры доказывают прямо противоположное. Не нуждается ли в перевоспитании сам воспитатель, автоматически недооценивающий публику, к которой он обращается?

Если мы хотим, чтобы такое завоевание, как более продолжительный досуг, явилось подлинным обогащением как для индивида, так и для коллектива, то проблемы образования так же важны, как и проблемы технологии и общественной организации.

Эпидемия «черных блуз», свирепствовавшая во многих странах, должна напомнить нам, что молодежь обладает энергией, которая должна правильно направляться, чтобы не принять антисоциальные и анархические формы. Воспитатели должны применить все свои знания к обогащению личности — это единственное средство для того, чтобы надолго обеспечить непрерывность прогресса во всех

==82

областях — в области науки и искусства и даже экономической и социальной.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

СТЕНЛИ РАЙЕРСОН (Канада)

Проблема, которую я хотел бы поставить, смыкается, на мой взгляд, как с вопросом о прогрессе, поставленном в докладе г-на Пьера Вилара, так и с вопросом о колониализме.

Преобразования, происходящие в нашу эпоху, носят как национальный, так и социальный характер. Происходит изменение социальной структуры, при которой общественная, коллективная собственность заменяет основанное на эксплуатации «частное предпринимательство»; идет борьба за национальное освобождение, в которой поработанные народы завоевывают свою независимость, свой суверенитет.

Какова же взаимосвязь между общественным и национальным сознанием, отражающим и вдохновляющим эту преобразующую борьбу? Этот вопрос заслуживает изучения.

Я ограничусь двумя аспектами проблемы.

Г-н Вилар рассказал нам о теории Ростоу, согласно которой первичной причиной индустриализации является национализм. Действительное же положение вещей, на мой взгляд, совсем иное. Нация, являющаяся относительно прочным и долго существующим образованием (основные черты которого г-н Вилар назвал), меняется и преобразуется под воздействием изменений и преобразований, происходящих в социальной структуре, в способе производства. Первостепенная роль социальной структуры объясняет, кстати, почему национальное чувство может играть то реакционную, то прогрессивную роль, в зависимости от конкретных общественных отношений.

Пример развития французской колонии в Канаде может служить иллюстрацией для показа взаимосвязи между общественным и социальным факторами. В 1645 г. «Компани дез Абитан» пришла на смену «Компани де

»

==83

Асосье». Этот факт даже историки-немарксисты рассматривают как зачаток формирования канадской буржуазии. Уже в 1650 г. впервые стало употребляться слово «канадцы». В этот период складывается общество, которое впоследствии примет ярко национальный характер: Французская Канада. Рождается национальное сознание, и не в виде чего-то мистического, парящего над обществом, а как следствие экономического развития, формирования рынка, эксплуатации коренного населения (скупка пушнины) и т. д.

Национальный англо-канадский дух второй из наций, составляющих Канаду, вырастает из развития мануфактурного производства, подстегнутого вложением в течение 1850—1870 гг. 100 млн. долларов английских капиталов в строительство железных дорог. Первым выражением национального англо-канадского духа служит Канадская конфедерация (1867—1871 гг.).

Но первостепенная роль социальных структур отнюдь не лишает значения национальный вопрос. Неверно, что марксисты рассматривают нацию не больше, чем простой «эпифеномен», на что намекал прошлым летом в Стокгольме на съезде историков профессор Хааг из Лувена. Марксистов напрасно упрекают в том, что будто бы для них национальный аспект — исключительно вопрос формы. Территория, экономика, язык, культура, национальный темперамент составляют единое целое, общность одновременно и материальную, и духовную, неразрывно связанную с развивающейся социальной структурой.

И здесь я перехожу ко второму аспекту проблемы: к вопросу о связи и взаимозависимости социального и национального факторов. Кризис империализма порождает одновременно борьбу социальную и борьбу национальную. И если необходим пример исторического «сдвига», то его, несомненно, можно найти в могучем толчке, который дали национальным и антиколониальным революциям Октябрьская социалистическая революция 1917 г. и образование мировой социалистической системы после второй мировой войны.

Пример Канады более сложный. Канада — промышленная страна, в которой господствуют капиталистические монополии. Сначала — французская колония, а затем

==84

английская, сегодня она стала сателлитом Соединенных Штатов благодаря в первую очередь 17 млрд. долларов американских капиталовложений. Канада граничит с Соединенными Штатами, и из 18 млн. человек ее населения 80 проц. проживает на границе. Канада — двухнациональное государство, и французская нация отличается большей однородностью, чем англо-канадская.

Господство американских монополий и вытекающее из этого нарушение «нормального» процесса экономического развития (принесение в жертву тяжелой промышленности, экспорт природных ресурсов вместо их переработки на месте и т. д.) способствовали росту национального сознания, которое было задушено во времена британского господства. Но как только американское господство ставится под вопрос, под ударом оказывается целая система монополий, в которых объединены американские и канадские капиталы. Национальное чувство, выраженное в лозунге «Будем у себя хозяевами!», порождает социальное самосознание (оппозицию режиму капиталистических монополий). Вполне естественно, что этот процесс предполагает сознательные выступления прогрессивных сил в ходе идеологических конфликтов во всех областях, в ходе классовой борьбы.

Таким образом, мы видим, что существуют различные примеры национального и общественного сознания.

Судя по всему, «скачок» в современном преобразовании мира сопровождается многочисленными проявлениями подобных форм взаимодействия, взаимопроникновения элементов осознания социальной действительности (фактор первостепенного значения) и элементов национального чувства (хотя этот фактор и является второстепенным, тем не менее его значение в условиях современной действительности огромно).

Раскол, происходящий внутри буржуазной нации, противопоставляет космополитические монополии, с их все более ярко выраженной антинациональной политикой, трудящимся массам нации во главе с рабочим классом. Поляризация антагонистических классов повышает общественное, классовое сознание трудящихся. В то же время она объединяет все более широкие слои нации в борьбе за социальные преобразования. Общественное сознание авангарда, передовых рабочих включает в себя

»

==85

национальной ответственности, поскольку вершить судьбой нации призваны трудящиеся.

ПРОГРЕСС И УТОПИЯ

ЛЕСЛИ МОРТОН (Великобритания)

Утопия совпадает с подъемом буржуазии в рамках упадочного и противостоящего ей феодального общества: таким образом, она прямо исходит из гуманизма, являющегося идеологией этого нового

класса. Гуманисты отвергали реакционную и пессимистическую точку зрения феодального католицизма, в соответствии с которой наш грешный мир является лишь подготовкой к потустороннему миру, человек — лишь несчастным созданием, скованным своими грехами, а общество того времени — лишь бледным эхом более славного прошлого, чьи остатки мы видим вокруг себя. Эти гуманисты считали, что не надо жить паразитом за счет науки этого прошлого. Они отвергали догму первородного греха. В великих технических успехах производства, в способности человека стать хозяином окружающего мира и своей судьбы они находили основание быть уверенными в будущем человеческого прогресса. Идея прогресса принималась, поскольку впервые стал очевидным факт прогресса. Они считали, что человек сможет найти свое счастье на земле с помощью своих собственных сил и своего разума. Они смотрели на человека и природу не как на противоположность, а как на единое целое.

Впервые человек стал мерой всех вещей, и лучшие из гуманистов считали, что прогресс буржуазного порядка — который они рассматривали скорее как прогресс совокупности идей — являлся прогрессом всего человечества, разрывавшего цепи прошлого и вступающего в эру новой свободы, где каждый будет иметь свою долю.

Именно в этих условиях появились на свет первые классические утопии. Самым ярким их примером является жизнь и работы сэра Томаса Мора, создателя первой и во многих отношениях самой великой из утопий. Честным и проницательным взглядом он проник в надежды и отчаяние своего времени; он понимал, что беспощадное разрушение старого общества могло быть оправдано только в том случае, если оно готовило путь для настоящей

==86

республики — для сообщества, которое должно быть бесклассовой, коммунистической республикой.

Коммунизм Мора, естественно, очень отличен от коммунизма нашего времени, и его взгляды во многих отношениях обращаются к идеализированному прошлому.

Он не дал никакого ответа на следующий вопрос: как достичь этого общества? Действительно, нельзя было различить никакой силы, которая была бы способна произвести подобное преобразование общества. Буржуазия была еще слишком слабой и неопытной, чтобы действовать в качестве независимой силы, даже если предположить, что буржуазное общество могло бы привести прямо к утопии. Ни Мор, ни гуманисты не думали обращаться к массам, да и последние, во всяком случае, не представляли собой в то время революционного класса. Оставался государь, просвещенный деспот, и почти все классические утопии изображаются как дело рук подобного государя. Однако гуманисты были слишком проницательны, чтобы не отдавать себе отчета в том, чем были в действительности эти государи и их интересы. Именно эта дилемма придает такую силу, такую остроту диалогу Мора в первой книге его «Утопии».

Бэкон гораздо меньше интересовался переменами структуры общества и моральными вопросами, чем прогрессом техники и возрастающим господством человека над своей средой через применение науки: «Цель нашего учреждения,— пишет он,— это познание причин и тайных движений вещей, а также расширение границ человеческой империи до тех пор, пока она не затронет всякую возможную вещь».

Эти авторы писали в то время, когда в Голландии буржуазия освобождалась от феодальной испанской империи, а Англия находилась накануне революции.

В революционной атмосфере утопия казалась уже не удаленным островом или чарующей сказкой, а возможностью, которая могла вот-вот осуществиться в Англии. На утопию смотрели как на прямой и

недиалектический продукт буржуазного общества. Все, кроме Уинстэнли, рассматривали ее как завершение контролируемого и благотельного капитализма: бесклассовый коммунизм Мора уступил место раю свободного предпринимательства, где широко распределена собственность и где поощряется наука. Хартлиб был убежден в эффективности парламента.

==87

состоящего из представителей джентри и торговцев, и в 1641 г. он посвятил Долгому парламенту свою книгу «Описание знаменитого королевства Макарии».

А теперь мы вступаем в эпоху двух великих событий, происшедших почти одновременно, которые, как кажется, приближают утопию к нашей земле. Первое — это французская революция, второе — это создание в США почти чисто буржуазной республики, где отсутствовали феодальные пережитки, от которых не смогла избавиться ни одна европейская революция. Эти события привели к зарождению самых нелепых надежд.

Если бы можно было выразить в одном слове все надежды и рассуждения того времени, то этим словом был бы Разум. Все должно было предстать перед судилищем Разума: королевства, религия, законы, обычаи и верования; все, что не могло выдержать критики с точки зрения Разума, без колебания осуждалось.

Но тогда еще не понимали, что сам Разум должен был быть подвергнут анализу, что, например, если капиталисту казалось разумным, что все люди свободны эксплуатировать других людей или быть эксплуатируемыми, то это было совершенно не ясно для рабочего. Нам потребовалось еще 150 лет, чтобы понять, что сам Разум имеет классовую основу.

Учение о способности человека к совершенствованию могло вполне казаться смешным в некоторых своих формах: однако оно содержало в себе ту коренную истину, что человеческая природа не является ни чем-то абсолютным, ни чем-то неизменным, а что она есть сама продукт человеческой жизни и объективных условий этой жизни. Это открывало безграничную перспективу, и, по моему мнению, здесь появляется новая черта, характеризующая рас суждения утопистов того времени.

Мы можем проследить весь этот процесс появления и крушения надежд в творчестве такого великого поэта-утописта, каким был Вильям Блейк, которого характеризует контраст между безграничными надеждами его первых поэм, таких как «Европа», «Америка», «Французская революция», и мрачным тоном последних поэм, как, например, «Милтон» или «Иерусалим» с выраженными в них перспективами чрезвычайно долгой и сложной борьбы. Более систематический набросок задач, необходимых для дополнения творчества революции, которая, по их мнению,

==88

остановилась на полпути, был дан социалистами-утопистами, такими как Сен-Симон, Фурье и Оуэн. Эта революция сняла некоторые из препятствий, стоящих на пути перемен, «о, будучи буржуазной революцией, она даже не взялась за осуществление задачи положить конец главному злу общества — эксплуатации человека человеком. Положительные достижения социалистов-утопистов заключаются в том, что они поставили перед человечеством эту цель. Но анализируя зло общества, они показывали свою собственную слабость, поскольку они были неспособны понять, что эта перемена могла быть совершена только эксплуатируемыми.

Однако идея социализма была посеяна, и, распространяясь среди масс, она претерпела преобразование; она перестала быть утопией и стала наукой. Здесь, как и во многих других отношениях, поворот совпал с годом революций, с 1848 годом.

Создавая историю утопизма, невозможно идти вперед, не отдав себе отчета в том, что в действительности это означает писать историю особого аспекта буржуазной революции; подъем и упадок утопии не может быть отделен от подъема и упадка буржуазии как прогрессивного класса, поскольку в каждый момент утопия отражает надежды, верования и опасения самых просвещенных членов этого общества. Это решающее изменение становится очевидным в середине XIX века. В самых развитых странах основные задачи буржуазии были выполнены. Пролетариат уже появился как ее преемник, и в число своих задач он записал те, которые оказалась неспособной завершить буржуазия.

Чартистское движение в Англии, а также та роль, которую играли рабочие в европейских революциях 1848 г., были очевидными признаками этого изменения. Миссия классических утопистов закончилась с опубликованием «Коммунистического Манифеста».

В 1877 г. Маркс писал Зорге: «...Утопический социализм снова завладевает их умами и притом в форме, гораздо более жалкой по сравнению не только с великими французскими и английскими утопистами, но и с социализмом Вейтлинга. Само собой разумеется, что утопизм, который до появления материалистически-критического социализма носил в себе этот последний в зародыше, теперь, выступая на сцену с

*

==89

опозданием, может быть только нелепым, пошлым и в самой основе своей реакционным...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, М., 1953, стр. 313).

Утопизм падал еще ниже по мере того, как буржуазия теряла остатки веры в свою миссию как прогрессивного класса. Все классические утопии можно было считать чем-то вроде продукта буржуазного общества. Произведения же современных утопистов выражают лишь опасения класса, не имеющего будущего.

Этот упадок произошел в два этапа, которые, естественно, несколько совпадают во времени. В течение первого этапа будущее, вызывающее страх, является будущим мира машины, т. е. в основном капиталистического мира, избавленного от своих противоречий и доведенного до своего логического конца. В этом мире человек растворяется в машине.

Начиная с 1917 г. и еще более с 1945 г., — две даты, которые доказали, что социализм является не мечтой, а жизнеспособной реальностью, — можно было наблюдать новое отступление. Теперь уже бояться не катастрофического краха социализма, что привело бы к хаосу, а его успеха. И типичная утопия или, скорее, антиутопия — это теперь кошмар бесклассового общества; действительно, утопия сегодняшнего дня может быть или бесклассовым обществом или ничем. Именно это и внушает ужас. Как говорит Николай Бердяев в отрывке, цитируемом Хаксли в качестве предисловия к «Смелому новому миру»: «Утопии кажутся гораздо более осуществимыми, чем мы некогда предполагали, и мы находимся здесь перед вопросом, являющимся трудным, но трудным совсем по-новому: как мы можем избежать того, чтобы они действительно осуществились?».

Поистине больной вопрос, вопрос, требующий, вероятно, большего таланта, чем тот, которым, как видно, располагают наши антиутописты. Метод, применяемый в таких книгах, как «Мы» Евгения Замятина (1924 г.), или позднее в книге «Обезьяна и сущность» Олдоса Хаксли (1948 г.) и «1984» Джорджа Оруэлла (1949 г.), заключается в том, чтобы внушить читателю иррациональный страх (страх,

который, несомненно, лишь толкает на размышления о том страхе, который они сами испытывают) перед тем, что всякая попытка осуществления социализма или, вообще говоря, проведения всякого значительного

==90

социального преобразования должна привести к миру коррупции, нищеты или тирании.

Будем вечно терпеть эксплуатацию и несправедливость, чтобы избежать худшего — таков их аргумент. В подобного рода «утопиях» мы видим конечную стадию вырождения утопизма. Перестав создавать воображаемые абстрактные миры, он начинает хулить действительное преобразование мира, которое происходит сегодня и которое делает отныне излишней его традиционную задачу.

Разрешите мне заключить вопросом, каково, если оно есть, будущее утопизма в сегодняшнем мире? Вполне очевидно, что время классической утопии закончилось и не может вернуться вновь, поскольку нельзя ждать создания положительных утопий от класса без будущего. Но как обстоит дело в отношении тех, кто активно участвует в построении социализма или борется за его достижение?

Проблемы будущего всегда были увлекательными, быть может, в большей степени для социалистов, чем для кого-либо другого. И я думаю, что мы сможем, может быть, увидеть социалистических утопистов, которые наметят общие направления возможного развития, подскажут этапы, которых можно достичь, и средства перехода от одного этапа к другому или же прежде всего попытаются вообразить, как человек будет преобразовываться в мире, который он сам преобразует. Самой большой темой для рассуждений утопистов останется, может быть, их обычная тема: не столько развитие учреждений или вещей, сколько сам человек.

\

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

БОРИС ПОРШНЕВ (СССР)

По мере того как археология, этнография и история открывают все более разнообразные формы цивилизации, многими историками на Западе овладевает соблазн отказаться от понятия общественного прогресса, которое бы имело не относительное, абсолютное значение. Не изжила ли себя идея всемирного исторического развития, которое влечет человечество в определенном направлении? Не следует ли ее отбросить, признав многообразие факторов прогресса в различные эпохи и у разных народов? — задают

»

==91

они себе вопросы. Однако, встав на такие позиции, мы практически лишимся возможности предвидеть наше будущее; в лучшем случае останется лишь утверждать, что это будущее окажется не менее разнообразным, чем было прошлое.

К счастью, несмотря на бесконечное многообразие во всемирной истории, историки все же обладают средствами выявить в ней определенные показатели, установить объективные критерии прогресса.

Очевидно, идея абсолютного прогресса исключает представление Арнольда Тойнби, согласно которому, приняв во внимание огромную продолжительность биологической жизни человеческого рода или же геологических процессов, с «философской точки зрения», следует говорить об «одновременности всех человеческих цивилизаций». Цивилизации, согласно Тойнби, воздвигаются, так сказать, одна рядом с другой «вне времени». Но подобная концепция могла бы быть оправдана только в том случае, если бы предварительно удалось установить, что для истории, взятой в целом, не существует никаких критериев прогресса.

Однако я убежден, что обосновать можно не это сомнительное предположение, но прямо противоположный ему тезис о всеобщем характере, единстве и неодолимости общественного развития в человеческой истории, которое мы, собственно говоря, и обозначаем понятием «прогресс» труд — мерило прогресса

Действительно, если ограничить историю хронологическими рамками существования человека-разумного (*homo sapiens*), то его история, охватывающая около 30 тыс. лет, выглядит не очень продолжительной по сравнению с процессами эволюции в природе. Причем первое, что нам бросается в глаза при рассмотрении истории человечества в целом, — это ее ускорение. Так, эпоха неолита значительно более коротка, чем эпоха верхнего палеолита. Продолжительность средних веков короче, чем античности, и т. д. Именно исходя из этих данных о хронологической продолжительности последовательно сменяющихся друг друга эпох, обнаруживающей ускорение ритма истории, и следует рассматривать проблему прогресса в обществе.

==92

Одним из показателей абсолютного прогресса является возрастание производительности труда человека. Конечно, этот показатель применим только к относительно продолжительным периодам в истории человечества. И тогда нам становится очевидным, что производительность труда в обществах Древнего Востока и греко-римской античности была выше, чем в предшествовавших им первобытных и варварских обществах, материальная цивилизация которых в настоящее время достаточно изучена археологами. Производительность труда, далее, увеличилась в средние века по сравнению с античностью и в современную эпоху по сравнению со средними веками. Причем темпы этого увеличения на протяжении всей истории возрастали.

Не противоречит ли, однако, этой кривой роста, — быть может, возразят мне, — быстрый расцвет античной цивилизации? Но разве этот расцвет был вызван лишь исключительно высокой производительностью труда в Греции и в Риме? Нет, конечно! Он прежде всего был обусловлен огромной концентрацией человеческого труда и его продуктов, происходивших из безграничного океана окружающих варварских племен и народов. Великие рабовладельческие цивилизации Запада и Востока необходимо рассматривать в тесной связи с историей племен и народов почти всей ойкумены. Не случайно упадок античного Рима отразился на всей «варварской периферии» и повлек за собой великое переселение народов. Аналогичное явление имело место и позже, после падения Византийской империи, этого последнего осколка античного мира. Если же взять экономику античных государств изолированно, то уровень производительности труда окажется там не более высоким, чем в сельском

хозяйстве и ремесле средних веков. Напротив, интенсивность и производительность труда человека будет в среднем более высокой в феодальной экономике, чем в античной.

Вопрос о росте производительности труда имеет две стороны: усовершенствование орудий труда и связанное с ним изменение в сознании и трудовых навыках человека в процессе производства. В самом деле, более сложная технология в конечном счете требует и более сознательного отношения к труду со стороны работника. А это возможно лишь в том случае, если сам работник становится все более заинтересованным в результатах своего труда. В первобытном обществе человек жил в условиях, которые

»

==93

убивали в нем инициативу, причем настолько эффективно что поколения сменяли поколения без сколько-нибудь заметных изменений в уровне производительных сил. Возникновение рабства, несмотря на свои ужасные стороны по меньшей мере порвало эту рутину производства вырванные из своих племен и родовых обрядов, насильственно «освобожденные» от необходимости содержать своих нетрудоспособных сородичей, строители долменов и кромлехов превратились в строителей пирамид и храмов плотин и акведуков, городов и дорог. Раб тем не менее был скорее заинтересован в том, чтобы сломать свои орудия труда, чем в том, чтобы их усовершенствовать. В средне вековом обществе крестьяне и ремесленники продолжали жить в условиях зависимости и принуждения Однако обладая мелкой собственностью, они уже заботились о своих орудиях труда и вносили в них мелкие усовершенствования, которые, аккумулируясь на протяжении веков, обеспечили медленный, но постоянный технический прогресс

При капитализме наемные рабочие, заинтересованные в возможно большем заработке для себя и своих семей, заинтересованы тем самым и в повышении своей профессиональной квалификации, в совершенствовании своих навыков к труду на предприятии, и эти аккумулированные улучшения позволяют часто создавать новые инструменты В социалистических странах нашей эпохи трудящиеся рас полагают несравненно большим материальным и моральным поощрением для роста производительности труда, так как вознаграждаются соответственно качеству и количеству своего труда В этом одна из главных причин, почему темпы роста производительности труда в СССР в три раза выше, чем в США

Утверждение свободы

Наряду с ростом производительности труда во всемирной истории наблюдается еще одно несомненное мерило прогресса: крепостной крестьянин средних веков, прикованный к земле, был по своему юридическому и общественному положению более свободен, чем античный раб. а наемный рабочий капиталистической эпохи, в свою очередь, более свободен, чем средневековый крестьянин Таким образом, если взять массу трудящихся, т. е.

==94

угнетенное большинство человечества, а не привилегированные социальные слои, то можно утверждать, что на протяжении истории наблюдалось их прогрессирующее раскрепощение, причем темпы этого освобождения опять-таки постоянно возрастали.

Иначе говоря, мы возвращаемся (но придавая ей новый смысл) к известной формуле Гегеля, согласно которой история была прогрессом свободы. Было бы, разумеется, заблуждением рассматривать этот прогресс как освобождение «сверху вниз», как простое количественное возрастание числа свободных (свобода одного, свобода нескольких, свобода многих и т. д.). Речь идет не о индивидуалистическом, анархическом понимании личной свободы. Историческое освобождение народных масс состояло в увеличении их инициативы и активности, в возросшей эффективности их деятельности как по отношению к природе, так и по отношению к порабощающим их социальным силам.

Прогресс должен быть всеобщим!

Многочисленные исторические исследования и открытия последнего времени позволяют нам представить себе гораздо более полно, чем прежде, историю общественных движений народных масс в разные эпохи. Мы можем нарисовать картину усиливающегося давления эксплуатируемых масс на господствующие классы и на государство. Это давление принимало, впрочем, различные формы, и его сила особенно возрастала в эпохи исторических переворотов, влияние народных масс, борющихся за свое освобождение, на всю жизнь общества возрастало на протяжении истории. И его кульминацией является уничтожение после 1917 г. эксплуататорских классов в целом ряде стран Европы и Азии, обеспечившее условия для поистине безграничного ускорения исторических процессов.

Прогресс находил свое выражение в том, что действия масс против своих угнетателей и эксплуататоров становились все более многочисленными, все более взаимосвязанными, лучше организованными и более сознательными. Прогресс свободы — это прогресс в эффективности освободительной борьбы трудящихся. В первобытном обществе тот, кто восставал против непреодолимых сил обычая, был осужден либо на изгнание, либо на смерть. Рабы еще, как

==95

правило, не могли бороться организованно против беспредельной эксплуатации, но тем не менее история свидетельствует о страхе, который испытывали рабовладельцы по отношению к своим рабам. Крепостные крестьяне уже при давали своим отношениям с феодалом форму соглашения, договора. Они добивались, чтобы их обязанности были зафиксированы, угрожали феодалу покинуть его, вступали в союз со средневековыми коммунарами в городах, вели настоящие крестьянские войны. Наемные рабочие борются против капитализма еще более эффективно: путем забастовок, эмиграции, участвуя в великих массовых революционных движениях.

В первобытном обществе для недовольства не оставалось ничего другого, кроме ухода из племени, миграции в рабовладельческих обществах Древнего Востока, — в античной Греции и Риме союзы свободных людей и эмбриональные формы солидарности рабов противостояли угнетению; феодальный мир знал уже большое разнообразие форм солидарности и организации угнетенных деревни и города для самозащиты и для борьбы против угнетателей. Наконец, трудящиеся капиталистического мира объединены в профсоюзы и партии, представляющие огромную общественную силу. Соответственно можно видеть, как на протяжении истории возрастает влияние борцов за освобождение трудящихся масс на политику: эта освободительная борьба все больше превращается из борьбы против власти в борьбу за власть. Одновременно возрастает способность трудящихся вырабатывать формы идеологии и культуры противостоящие идеологической монополии господствующих классов.

Борьба пролетариата во главе всех трудящихся за ликвидацию частной собственности на средства производства и всякой эксплуатации человека человеком, во имя социальной справедливости и свободы достигла такого размаха, что капитализм находился накануне краха в период от 1840 до 1870 года. Одним из главных факторов, которые ослабили эту острую борьбу на несколько десятилетий вплоть до XX века, был колониализм, который теперь рушится на наших глазах. Колониальная система позволила

буржуазии отчасти и временно разрешить некоторые экономические и социальные противоречия капитализма за счет поработанных народов Азии, Африки и Латинской Америки

==96

На протяжении мировой истории человек обнаруживал, как возрастает его способность воздействовать на окружающую его природу (и следовательно, изменялся и он сам) Многочисленные материальные и духовные завоевания цивилизации оказались возможными лишь благодаря успехам, которые одерживали освобождающиеся народные массы. Так, уничтожение эпидемией могло быть достигнуто лишь благодаря улучшению социального положения всей массы населения. Наука, в собственном смысле этого слова, могла возникнуть и плодотворно развиваться в значительной мере благодаря прогрессирувавшему росту образованности населения и распространению знаний в массах. Осуществление величайших завоеваний современной науки предполагает высокий научный уровень не только одних ученых, но и всего общества в целом. Космические полеты, преобразование земной природы благодаря атомной энергии — все это концентрированные результаты научной, технической и производственной деятельности не только нашего общества, но и многих поколений людей. Высокий уровень научных и технических завоеваний предполагает и не менее высокий уровень освобождения масс. Вот почему научно-технические достижения наиболее значительны именно там, где общественный прогресс продвинулся вперед больше всего.

Хотя вплоть до наших дней можно констатировать крайнюю неравномерность прогресса, достигнутого в различных странах, тем не менее исторический путь общественного развития в конечном счете является прогрессом всего человечества. Результаты, полученные в ходе исследования древнего мира, средних веков и нового времени, подтверждают со всей очевидностью, что на земном шаре никогда не было полностью изолированного народа или цивилизации Все человечество прямо или косвенно образует одно единое целое. Таким образом, все государства земного шара в каждый данный момент составляют не просто внешнее единство, но определенную систему взаимосвязи и взаимодействия. Со времен глубокой древности народы были связаны друг с другом благодаря торговому обмену и взаимному культурному проникновению. Господствующие эксплуататорские классы в наиболее развитых странах могли, например, поддерживать свои позиции внутри страны в значительной степени потому, что поглощали материальные богатства и живой труд извне, поработывая и

==97

эксплуатируя другие народы. Это задержало процесс освобождения масс не только поработанных народов, но также при глубоком анализе и в самих передовых странах. Положив конец и этой социальной несправедливости антагонистического общества, можно значительно ускорить прогресс всего человечества.

==98

==99

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОГРЕССА

I.

ПУТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИ СЛАБОРАЗВИТЫХ СТРАН

ПРОБЛЕМА ПРОГРЕССА ПРИ КОЛОНИАЛЬНОМ СТРОЕ И ЕЕ МЕСТО В ИДЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

ЖАН ШЕНО (Франция)

Ни при каком обсуждении проблемы прогресса и будущего человечества нельзя игнорировать особые проблемы того обширного «третьего мира», в котором живет две трети человечества,— проблемы стран Африки, Азии и Латинской Америки, где раньше, чем у нас, развились могущественные докапиталистические общества, ставшие добычей Запада со времени промышленной революции и теперь борющиеся за свое полное политическое и экономическое освобождение.

Это обсуждение может быть плодотворно только с позиций, отличающихся от теорий Ростоу, и я полностью присоединяюсь к справедливым критическим замечаниям моего коллеги Пьера Вилара по этому вопросу. Действительно, какой интерес может представить для науки теория, которая ставит на одну доску так называемый «подъем» в Швеции в XVII веке на базе эксплуатации лесных богатств и в Малайе, где монокультура каучука лишь закрепила зависимое положение Малайи и сделала невозможным сколько бы то ни было гармоническое развитие ее народного хозяйства.

Как историк стран Азии, я бы хотел высказать несколько мыслей по вопросу о прогрессе в условиях колониального режима.

Является ли колониальный режим прогрессивным строем? Пришел час, когда историкам следует задать себе этот вопрос, потому что на наших глазах приходит конец колониальному строю, потому что Азия, а за нею и Африка восстанавливают свою независимость, потому что Макао и Гонконг стали останками империй, такими же

*

архаическими, какими являются в Европе остатки феодальной раздробленности, как княжества Монако или Лихтенштейн. Пришло время отказаться от перманентного самооправдания, которым для многих наших коллег и ограничивалось то, что называли «историей колоний», и также отказаться от некоторого

схематизма в критике—плода именно жестокости колониального режима. В вопросе о прогрессе в условиях колониального режима достаточно материала для специальной дискуссии; я ограничусь в своем кратком выступлении некоторыми основными замечаниями и изложу некоторые темы для размышления.

Никто не отрицает, что в рамках колониального строя осуществлялась действительная эволюция по сравнению с феодальным режимом, племенным или иногда еще более отсталым строем, который был уделом колониальных стран ранее. Появились железные дороги, современные шахты. Колониальные власти ввели денежный налог вместо налога натурой, который был единственным известным до того; колониальные государства ощутили также потребность гораздо точнее определить свои границы, нежели это было при политических формациях, место которых они заняли. В колонии проникают наука, а также некоторые современные политические теории (весьма слабо, так как уровень просвещения очень низкий); в колониях начали широко практиковать прививки и т. д.

Но имеют ли эти новшества характер прогресса?

Некоторые считают, что баланс, оставаясь неполным все же положительный. Достигнуты действительные, хотя и частичные успехи. Существует школа, представители которой почти склонны считать колониальное господство неизбежным злом, как бы сильнодействующим лекарством излечившим Азию и Африку от застоя или упадка, когда молодая и динамичная Европа принесла к ним «искру», о которой говорил г-н Бургиба (эта школа насчитывает своих сторонников не только среди бывших колонизаторов, но и среди прежних колонизованных).

Но как можно судить о влиянии какого-либо факта, не отдавая себе отчета в условиях, при каких он появился, и последствиях, какие он за собою повлек? Можно легко доказать, что нововведения колониального режима осуществлялись ради его непосредственной выгоды и затрагивали только те области производства и общественной жизни, где они были необходимы для лучшего его функционирования

==102

железные дороги строились для того, чтобы приблизить внутреннюю часть страны к портам или облегчить перевозку войск (вспомним о резком увеличении строительства железных дорог в Индии после восстания сипаев); границы уточнялись для того, чтобы противостоять соперничающим империалистическим государствам; школы строились, чтобы готовить себе квалифицированных помощников и т. д. Из этого следует,— и это замечают реже,— что другие области не только оставались в пренебрежении и что эти нововведения не только не могут обеспечить общего прогресса в производстве или подъема уровня жизни, в котором не заинтересован колониальный режим, но что, наоборот, они тормозят общий прогресс. Так, железные дороги, расширяя районы выкачки сырья или сбыта промышленных товаров метрополии, являются неотъемлемой частью экономики, которая тормозит индустриальное развитие данной колонии и ускоряет упадок старинного сельского или городского ремесла. Прививки проводятся административным персоналом, нередко использующим медицинских работников как агентов разведки налогового ведомства; это задерживает настоящий прогресс гигиены, так как племена нередко предпочитают бежать в горы, чем оказаться вынужденными платить более высокие подати. Денежный налог далеко не способствует ликвидации старинных феодальных отношений; наоборот, он их укрепляет, так как вьетнамские помещики или крупные марокканские каиды пользуются им для того, чтобы еще больше увеличить земельную ренту, которой они душат крестьян. Все эти нововведения колониального режима, отнюдь не составляя прогресса, являются неотъемлемой частью режима, несовместимого с гармоничным развитием народного хозяйства и общества.

Естественно, это не значит, что у колониальных стран нет никакого будущего. История 15 последних лет наглядно свидетельствует о противном. Но все элементы новой общественной жизни, принесенные колонизацией, перестанут играть отрицательную роль, перестанут препятствовать общему прогрессу только тогда, когда колониальное господство будет свергнуто политически и когда новая государственная власть, созданная народом, возьмет в свои руки железные дороги, медико-санитарное оборудование, всю экономику, открывающуюся для рыночных отношений.

==103

Позвольте мне напомнить об одной статье Маркса, касающейся двойственной природы империализма; она была напечатана в «Нью-Йорк дэйли трибюн» 8 августа 1853 года: «Англии предстоит выполнить в Индии двоякую миссию: разрушительную и созидательную,— с одной стороны, разрушить старое азиатское общество, а с другой стороны — заложить материальную основу западного общества в Азии...

Нельзя заставить английскую буржуазию желать освобождения или подлинного улучшения социального положения масс индийского народа, улучшения, обусловливаемого не только развитием производительных сил, но и их освоением народом. Но что она может сделать — это создать материальные предпосылки для осуществления этих обеих задач. Разве буржуазия когда-либо делала больше? Разве она когда-либо осуществляла прогресс, не толкая как отдельных людей, так и целые народы на путь крови и грязи, бедствий и унижений?

Индусы не будут пожинать плодов новых элементов общества, рассеянных среди них британской буржуазией. пока в самой Великобритании ныне правящие классы не будут вытеснены промышленным пролетариатом или пока сами индусы не станут достаточно сильными, чтобы окончательно сбросить с себя английское ярмо» 1.

Не может быть настоящего прогресса без политической независимости. Это «предварительное условие» экономической независимости, которым определяется прогресс колониальных стран. Только политически независимая власть (речь здесь идет не о тех, кто готов стать на все согласными преемниками своих бывших господ и по-прежнему служить их интересам) может разработать последовательную и всеобъемлющую политику национального прогресса; только такая власть может обратиться с этой целью за активной поддержкой к населению и заставит!) его согласиться на необходимые жертвы.

Таким образом, вопрос о нововведениях и прогрессе в условиях колониального режима — вопрос сложный, и не удивительно, что национально-освободительные движения и идеология национального освобождения

==104

1 К. Маркс и Ф. Энгельс. М., 1933, стр. 362—366.

столкнулись с некоторыми трудностями при разрешении противоречий, стоящих перед ними.

Для некоторых из них главным была защита национальной целостности как в политическом, так и в культурном и техническом аспекте; патриоты огульно отвергали все, что исходило от ненавистных завоевателей; они были «защитниками прошлого», в годы испытаний они отказывались критиковать социальный строй своей страны, существовавший до потери ею независимости. Другие, наоборот, принимали эту критику за отправной пункт: внезапно столкнувшись с превосходящими силами завоевателей, с техникой и наукой, которые были основой превосходства европейцев, они стремились прежде всего к тому, чтобы их страна ликвидировала свое историческое отставание; они были реформаторами, «модернистами». Япония Мэйдзи, которая сумела освоить более высокую технику «варваров» и стать равной им, была в их глазах образцом для подражания, особенно после Цусимской победы; огромный резонанс, который имела эта победа в Азии и Африке, трудно описать. Но эти «модернисты» не всегда видели общие последствия действия колониального режима; немного наивно они возлагали на него свои надежды и верили, что современная наука и техника разрешат сами собой проблемы их стран. В то время как первые замыкались в суровой изоляции, а то и прибегали к вооруженной борьбе, вторые охотно соглашались на компромисс с колониальным режимом.

Тут кроется основное противоречие, от которого в течение всего этого времени не могли избавиться идеологи национально-освободительного движения колониальных стран. Например, в Индии в XIX веке возникли страстные разногласия между такими людьми, как Гокал, поклонник западной науки и западного образа жизни, поборник программы обновления, в которой он видел первую ступень на пути к восстановлению независимости, и людьми, подобными Тилаку, которые требовали, чтобы все индийские традиции и обычаи сохранились в полной неприкосновенности, например, культ коровы. Тилак был учителем Ганди, он был вдохновителем многих массовых движений: несколько раз его арестовывали, тогда как Гокал

1 Мэйдзи— официальное наименование периода правления японского императора Муцухито (1867—1912).

»

==105

соглашался на сотрудничество с английской администрацией. Точно так же в начале XX века во Вьетнаме планы борьбы и восстаний ученого-монархиста Фан Буа Шу, бежавшего в Японию с одним из принцев императорской семьи, сталкивались с профранцузскими идеями Фан Чу Трина, страстного поклонника Монтестье и Руссо (которых он читал в китайском переводе; при колониальном режиме места им не было). Он считал, что восстановление независимости Вьетнама должно быть естественным плодом этих демократических идей. Ему казалось, что достаточно организовать их распространение и изучение, не прибегая к политической и тем более вооруженной борьбе. Он был другом Пеллетана и Клемансо, другом руководителей французской Лиги борьбы за права человека; когда в 1908 г. Фан Чу Трина присудили к смертной казни, сочтя его виновником крестьянского бунта на юге центрального Вьетнама, они хлопотали о его освобождении и помиловании.

То же противоречие встречаем мы в политических взглядах Сун Ят-сена, который то возлагал надежды на западную науку (он изучал современную медицину), западную политику (см. конституцию 1912 г., составленную по типу английской), на капиталистическое развитие по западному образцу (при

составлении аграрной программы его вдохновителем был американский экономист Джордж). то настаивал на необходимости восстановления китайской старины.

По мере того как национально-освободительные движения приобретали большую политическую зрелость, им удавалось разрешать противоречия, содержащиеся в проблеме прогресса. Понемногу становилась понятной совместимость решительной борьбы против империалистических стран с одновременной борьбой за то, чтобы нагнать развитые промышленные страны, в которых и развился этот империализм, сравняться с ними. Несомненно, в этой идеологической эволюции большую роль сыграло распространение марксистской демократической мысли. Существование Советского Союза тоже способствовало этому достижению политической зрелости, в том числе и национальными буржуазными и мелкобуржуазными движениями: впервые появилась передовая индустриальная страна, которая в то же время не была

==106

государством-работителем. Оказалось конкретно возможным встать на путь прогресса, не вступая в соглашения с великими державами и монополиями, от которых зависимые страны стремились освободиться. С этой точки зрения международный резонанс Октябрьской революции и ее влияние на идеологию освободительных движений Азии и Африки оказались еще сильнее, чем резонанс победы Мэйдзи над царской Россией в 1905 году. Мне лично удалось это наблюдать по умеренной китайской прессе в Шанхае.

Проблема прогресса ставит перед историками колониальных стран много других увлекательных вопросов; за недостатком времени, я могу о них только кратко упомянуть. Например, вопрос о национальном культурном наследии, требующем критического пересмотра. Этот вопрос стоит сейчас в порядке дня в Гвинее и Вьетнаме; всего 50 лет назад сама его постановка показалась бы святотатством патриотам этих стран. С этой точки зрения — надо это видеть — человеческая мозаика, о которой говорил д-р Шошар, сейчас меняется, приближается к единству. Мне хотелось бы обсудить с ним этот вопрос подробнее; несомненно, еще в течение долгого времени будут сохраняться в неприкосновенности национальные языки и национальные культуры. Но требования, предъявляемые космическим веком, ускорят движение к унификации человеческих культур, которая, я думаю, идет в ногу с зарождением социалистического мира. Современная мозаика — пережиток прошлого, и я не верю в вечность вавилонского проклятия, говоря языком д-ра Шошара.

Возвратимся к проблемам истории Азии и Африки. Мысли, которые я высказал, приводят нас к единой весьма обширной проблеме: а именно к вопросу, был ли необходим колониальный режим? Я думаю, что сам он прогрессом не является, но тем не менее он готовит грядущий прогресс, обусловленный исчезновением этого режима. Следует ли считать, исходя из этого, что колониальный режим — неизбежное зло? Я этого не думаю. Пример Восточной Европы и России, пример Японии на другом краю старого континента доказывают, что страны Азии и Африки могут использовать достижения западных стран в технике, не становясь зависимыми от них.

==107

ДИСКУССИЯ

Г-н Шено поставил вопрос о том, является ли прогрессом то развитие, которое дает колониальной стране метрополия, колонизаторы. Впрочем, он сам с большим знанием дела ответил «а него».

Естественно, мы, бельгийцы, поставлены перед необходимостью спросить себя, действительно ли было что-либо положительное во вмешательстве Бельгии в такую страну, как, например, Конго. К сожалению, мы должны были составить своего рода акт о несостоятельности. Конечно, бельгийские колонизаторы построили железные дороги (Здесь стоит напомнить, что первая железная дорога, проложенная бельгийскими колонизаторами в Конго, обошлась во столько жизней негров, сколько насчитывается в ней километров). Вспоминая о заплаченной за них цене, хочется спросить, какова была цель этого строительства, поглотившего столько денег и человеческих жизней? И тогда станет совершенно ясно, что это строительство было предпринято целиком в пользу крупных акционерных обществ, эксплуатировавших Конго, для того, чтобы извлекать сырье, а не для того, чтобы хоть как-нибудь помочь народам, по территории которых были проложены эти дороги.

Затем, исходя из статистических и отчетных данных, мы поставили вопрос: могло ли принести хоть какую-нибудь пользу медицинское обслуживание в Конго? И мы выясни ли, что медицинское обслуживание, создание пунктов медицинского обслуживания представляли собой, с одной стороны, положительное явление для науки вообще. Это означает, что были предприняты исключительно серьезные исследования болезней, распространенных только в Центральнй Африке. Но совсем другим был итог с точки зрения практических результатов: созданные ультрасовременные больницы и медицинские пункты, где работали в определенной степени честные и безусловно знающие люди располагались вблизи крупных горнорудных центров и предназначались не для негров, живущих в лесах, судьба которых совсем не интересовала врачей, а для обслуживания негров, оторванных от привычной им среды и

==108

обращенных в пролетариев на больших шахтах, принадлежащих, например, акционерному обществу в Киломото. Именно в Киломото расположена самая замечательная больница.

Сейчас начался новый этап эксплуатации Конго. Первый этап состоял сначала в нерегулярном, а позднее в систематическом ограблении страны. После первого периода в Конго была создана промышленность, приносящая доход финансовому капиталу, заинтересованному в ней. С этого момента и встал вопрос о создании работоспособного пролетариата и о поддержании его здоровьем, когда работа и новый образ жизни более или менее разрушают его здоровье. Именно с этой целью было создано это великолепное с научно-медицинской точки зрения учреждение.

В тропических же лесах, если не учитывать тех немногих врачей, которые лечат, кочуя как деревенские разносчики, от деревни к деревне, делая уколы, смазывая йодом и раздавая таблетки аспирина, действительно ничего не было и не могло быть сделано.

В вопросе Конго мне кажется очень важной также следующая проблема. Она частично объясняет непрекращающуюся в этой стране драму. Это вопрос образования. Образование в Конго направлялось прямо-таки с дьявольским умыслом: подготавливались не полноценные специалисты, а рабочие с весьма поверхностной специализацией, вспомогательные технические кадры, в то время как подлинно научное, университетское образование конголезцам было недоступно. И только в самое последнее время, когда почувствовалось приближение грозы, в Конго был создан университет. А раньше не только не существовало университета в Конго, но даже был запрещен допуск конголезцев в бельгийские университеты.

В момент провозглашения независимости Конго представляло собой страну с примерно 14 млн. жителей, среди которых насчитывался 21 человек с университетским образованием и 21 — со специальным техническим образованием. Большинство из них получило образование в Католическом университете в Лувэне, где из них сделали не техников, врачей или инженеров, а теологов и адвокатов, т. е. как раз таких людей, которые не были подготовлены к строительству своей освободившейся страны. Это проявилось с трагической ясностью в свете происшедших

*

==109

событии: очевиден был расчет на то, что в тот момент, когда народ завоеует в борьбе свою независимость, он окажется в таком положении, что не сможет сделать ни шага без по мощи специалистов, безгранично преданных своим старые хозяевам и служащих им, специалистов, которые станут самыми надежными агентами новых форм эксплуатации. На этом конкретном и трагическом примере я хотел лишь проиллюстрировать тезис, развитый г-ном Шено.

А. МОНЕСТЬЕ (Франция)

Мне хочется взять слово и выступить немного в роли адвоката дьявола, дьявола, представленного колониализмом, и внести поправку в некоторые обвинения, которые показались мне несколько преувеличенными, крайними.

Я беру пример Бельгийского Конго; посмотрим на вещи объективно, без страсти: в каком свете представлялся вопрос Конго 50 или 80 лет назад? Страна, имевшая биологическое и человеческое равновесие, племена чернокожих, чей образ жизни остался таким же, как и тысячу лет назад, и в этой стране, удаленной от моря, много медной руды; с другой стороны, экономически растущий мир, нуждающийся для своего развития в разработке медных рудников и в производстве меди. Таким образом, вполне естественно, что была построена железная дорога, а затем рядом с медными рудниками была создана промышленность: эта операция была проделана очень просто, с помощью средств того времени, т. е. на основе капиталистической прибыли; нужно было, чтобы накопленные или собранные с помощью налогов капиталы были вложены в эту страну для строительства железной дороги, для строительства завода. Это привело к тому, что на месте той лесной жизни, которую вело население до прихода бельгийцев, появился пролетариат. Я нахожу, что бельгийцы хорошо сделали. построив вокруг своих предприятий необходимые дополнительные заведения — больницы, которые были нужны для защиты здоровья живущих там людей. Я считаю, что в этом отношении нечего сказать против.

С другой стороны, я вполне согласен со справедливой критикой г-на Клаэссенса в отношении политики, проводимой бельгийцами в области просвещения этих масс, так как действительно дело велось так, чтобы не допустить

==110

создания руководящих классов из местного населения, так, чтобы иметь возможность сохранять в стране колониальное господство.

Этот тяжелый проступок против человечества, против закона развития, управляющего миром, был наказан и наказан жестоко: это привело к полному изгнанию европейцев и, к несчастью для населения Конго, к хаосу, которого бы не было, если бы Бельгия проводила колониальную политику, похожую, например, на политику Франции в других странах. Есть колониализм и колониализм; не следует огульно осуждать всякую разновидность колониализма. Колониализм был необходимым этапом в строительстве современного мира; мы можем отметить, что в эволюции мира эра колониализма кончилась, что нужно найти другие формы; и поскольку мы находимся здесь для обсуждения экономических проблем, я хотел бы высказать убеждение, что подлинная проблема, коренная проблема мира — это проблема сырья; это проблема организации рынка, использования и распределения в мире основного сырья. Эта проблема чрезвычайно сложна, поскольку многие страны могут жить лишь сахарным тростником, другие — арахисом, третьи — рудниками и т. д. В каждом случае проблема сложна по-своему. В настоящее время люди пытаются решить ее, и до тех пор, пока эта проблема не будет решена, в мире останется опасность войны. В этом заключается проблема, которую Восток и Запад должны были бы решать вместе, не касаясь идеологических вопросов, поскольку это чисто техническая проблема.

ГОЛОД И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОТСТАЛОСТЬ

ЖОЗУЭ ДЕ КАСТРО (Бразилия)

Я бы хотел изложить свою точку зрения на то, что является своего рода символом экономического неравновесия нашего мира и той отсталости, в состоянии которой проживает сегодня еще две трети человечества. Это проблема голода.

Я рассматриваю голод в его различных проявлениях — не только голод в форме эпидемии, не только хронический голод, но и голод, обусловленный нарушением пищевого баланса, недостатком протеинов, минеральных солей,

»

==111

витаминов и т. д. Такое положение — трагедия, поскольку в экономически слаборазвитых странах голод является и причиной, и следствием отсталости. Он является следствием, поскольку вытекает из состояния общей нищеты, из низкой покупательной способности населения, из слабой производительности труда и т. д. Причиной — потому, что ведет к низкой производительности труда и лишает людей средств для выхода из этого порочного «руга нищеты».

Голод является наиболее трагическим выражением экономического комплекса отсталости. Голод — это самая страшная и самая распространенная болезнь в нашем мире. Он уносит огромное число человеческих жизней. Именно голод лежит прежде всего в основе демографических различий, существующих между бедными и богатыми странами. Эти демографические различия настолько значительны, что я бы назвал высокоразвитые страны миром, где люди рождаются, чтобы жить на земле, мир же бедных стран (по крайней мере для верующих) — царством голода и нищеты, где люди рождаются лишь для того, чтобы переселиться на небо, как ангелы. В этих странах свыше половины людей умирает еще в детстве. Такой процент смертности создает новую географию, где не земля кормит человека, а человек кормит землю органическими веществами своего тела.

При изучении положения в колониальных странах, где свирепствуют болезни, как правило, отмечается, что эти болезни не настолько серьезны, чтобы унести такое количество человеческих жизней, какое они уносят. Но дели в том, что организм людей в этих странах не обладает необходимой сопротивляемостью. И основным в данном случае является продовольственный фактор — частичная или полная нехватка пищи. Я не скажу, что это определяющий фактор, поскольку не хочу быть

детерминистом. Но даже тогда, когда недоедание не является определяющим фактором, оно остается фактором предрасполагающим. Недоеданием, например, объясняется высокий процент заболевания туберкулезом в этих странах. Но как только население начинает лучше питаться, процент заболеваемости падает и болезнь принимает менее острые формы.

Остановимся также на случае «лености», неспособности работать, которую связывают порой с климатическими условиями. Специалисты в области климатологии и

==112

социологии, придерживающиеся климатической теории, утверждают, что в тропической полосе никогда не может быть высокой цивилизации, поскольку люди лишены здесь способностей и творческой инициативы. Это отсутствие способностей объясняют анемией, которую называют тропической. Это совершенно антинаучное утверждение. На деле воздействие климата на человеческий организм весьма относительно; гораздо серьезнее косвенное воздействие среды, через посредство питания.

Голод — порождение колониализма

Почему в сегодняшнем мире две трети человечества голодают? И почему голод царит как раз в тех районах, которые называют слаборазвитыми? По моему мнению, основная причина голода в мире — колониализм. Здесь я бы хотел дать некоторые разъяснения. Мне могут возразить, что эпоха колониализма началась путешествиями Васко да Гама в 1498 г., тогда как мир голодал и прежде. Да, голод имеет большую историю. Голод свирепствовал во все исторические эпохи. Но посудите сами. В прошлые исторические эпохи голод объяснялся тем, что для борьбы против него не было ни технических, ни научных средств. В тех странах, которые не являются колониями, в высокоразвитых странах, где научные и технические достижения находят практическое применение, голод исчез. В Соединенных Штатах Америки и в странах Западной Европы голод исчез давно, если не считать периода второй мировой войны, когда он носил эпизодический характер. Голод царит в слаборазвитых странах. И он продолжает царить там именно потому, что существующая экономическая структура колониального типа не позволяла и не позволяет использовать достижения науки и техники для решения проблемы голода.

Правда, есть люди, которые отрицают это. С их точки зрения, голод в мире будет существовать, так же как существуют войны. Они указывают сегодня на бурный рост мирового населения и напоминают об ограниченном количестве природных продовольственных ресурсов, которыми располагает человечество для снабжения увеличивающегося населения. Это называется мальтузианством, а в современном выражении — неомальтузианством.

Нам нетрудно доказать с помощью различных

8 »

==113

экономических, биологических и агрономических аргументов, что мальтузианство не имеет под собой никакой научной основы. Сегодня в мире обрабатывается лишь 20 проц. земель, которые доступны для обработки при современном уровне техники. Почему? Потому, что внимание обращается лишь на те районы, где почва является высокопродуктивной. До сих пор на сельское хозяйство смотрят под углом

зрения возможного получения прибыли. Сельским хозяйством не интересуются, поскольку цена сельскохозяйственного сырья и пищевых продуктов всегда несравненно ниже цен на промышленную продукцию. Это первое следствие колониализма. Именно колониализм обусловил разрыв между промышленными и сельскохозяйственными ценами, а следовательно, и погасил интерес к прогрессу сельского хозяйства и к рациональному использованию земли. Во-вторых, разве нельзя увеличить сельскохозяйственное производство даже в том случае, если уже все площади использованы и истощены? Сегодня доказано, что можно, и в значительной степени.

Лживым поэтом является утверждение, будто для пропитания человечества не хватает земли и ресурсов. Даже при современном уровне техники мы можем прокормить население в 10 раз больше, чем то, которое населяет нашу планету сегодня. С прогрессом техники можно будет прокормить в 100 раз больше людей, поскольку уже сейчас можно предвидеть открытие искусственного синтеза органических веществ. Мы не будем больше связаны биологическим миром, который заставляет нас ждать вызревания плодов. Впредь мы сможем получать их путем синтеза за короткий срок. Но даже не строя никаких утопических планов и оставаясь в рамках реальной действительности, исходя из достижений современной науки, мы можем утверждать, что Мальтус был неправ.

Мальтузианство — нечистая совесть колонизаторов

Доктрина Мальтуса родилась как раз в период промышленной революции, когда английский господствующий класс, проводивший жестокую политику в Индии, очень хотел облегчить свою совесть, если таковая, конечно, у него имелась. Он собирался подчинить себе или уничтожить

[==114](#)

индусов, он намерен был ликвидировать их текстильную промышленность, а следовательно, и уморить их голодом. Но в то же время он хотел найти оправдание своим действиям и стремился доказать, будто вина ложится не на англичан, а на индусов, которые «бесконтрольно размножаются». Мальтус оказал хорошую услугу английским колонизаторам. Его доктрина не нова. Он позаимствовал ее из старых теорий, поскольку мальтузианцы существовали и до него. И здесь я возвращаюсь к моей главной идее: голод существовал всегда, так же как всегда существовали мальтузианцы. Мальтус — это символ. Его имя было дано пессимистической теории, служащей сильным мира сего. Эта теория существует так же давно, как и социальная несправедливость. И Мальтус был щедро вознагражден за свои услуги: он был профессором в школе экономических экспертов, находившейся на содержании Ост-Индской компании.

Сегодня мы знаем, что нет никаких доказательств, которые бы могли оправдать голод в нашем мире. Я утверждаю, что голод продолжает существовать постольку, поскольку продолжает существовать колониализм. Сейчас принято говорить, что колониализм находится в агонии; я же считаю, что правильнее пока говорить не об агонии, а об очень серьезной болезни. Тот факт, что 40 стран добились политической независимости, не означает еще агонии колониализма. Подобная политическая независимость существует уже свыше века в странах Латинской Америки, но эти страны до сих пор остаются экономическими колониями. К счастью, мы живем в атомный век, когда прогресс во всех сферах происходит быстрее, и я надеюсь, что в Африке агония колониализма будет менее продолжительной.

Пример Индии

Колонизаторы обладают способностью вызывать и продлевать состояние голода с помощью механизма, который я постараюсь раскрыть на примере Индии. Когда англичане пришли в Индию, страна завершала средневековый этап своей истории. Европейское средневековье также знало крупные

эпидемии голода, так как экономическая жизнь тогда была основана на политике автаркии, а средства сообщения были не развиты. И если происходило

==115

какое то стихийное бедствие, не ведущее к голоду в организованном мире, то в мире, разделенном непроницаемыми перегородками, оно неизбежно вызывало голод, поскольку один район не мог прийти на помощь к другому Сегодня в США случаются засухи, и наводнения, но они не сопровождаются вспышками голода, так как продовольственные резервы могут быть быстро доставлены из других районов. Но, например, прежний, разделенный Китай знал голод В XVIII веке Индия выходила из средневековья Ремесленное производство было высоко развито и притягивало деревенских жителей Не существовало того что называют аграрным перенаселением Уже намечались основы современной экономики, в которой сельское хозяйство использовало лишь необходимую для производства рабочую силу Именно в этот момент вторглись англичане и все нарушили Они уничтожили индийское ремесленное производство, в зародыше задушили промышленность, и житель Индии вновь вернулся в деревню, которая оказалась перенаселенной по отношению к используемой технике и вложенным капиталам.

Более того, в Индии, как и повсюду в колониях, насаждалось сельское хозяйство колониального типа, производящее продукты на экспорт, т. е. не то, в чем нужда лось население страны, а то, что было выгодно колонизаторам. Производство таких «колониальных товаров» лице мерно было названо экономическим призванием народов тропических стран, на самом же деле это было не призванием, но экономическим подчинением и порабощением Народы колоний вынуждены были производить для того чтобы вывозить продукты и обогащать метрополии Понят но, что это не могло вызвать у них энтузиазма И вот о них, например об индейцах Латинской Америки, стали когда говорить, что они не хотят работать в сельском хозяйстве и что если им навязать работу, то они предпочту ей смерть В подобном утверждении есть известная логика Ведь в сущности перед ними стоял выбор: либо медленно погибнуть от голода, либо быстро умереть по своей собственной воле. И нередко они выбирали второе. Это более практично, чем умирать ради работы Такие виды экономической деятельности, как производство на экспорт сахара, хлопка, каучука, кофе, являются скорее разрушительными, чем продуктивными Все это ради экспорта и ради денег, ради небольших денег, которые присваивались

==116

меньшинством Житель Индии не получал и этих денег, а если бы и получал, то не знал бы, что с ними делать. Для него работа не имела никакого смысла. Его леньность была не леньностью, а мудростью Это был определенный способ понимания того, что его права и его жизненный уклад не должны насильственно нарушаться

Колонизаторы начали как раз с того, что нарушили и его права, и его жизненный уклад. Ради развития сельскохозяйственного производства на экспорт, а не для производства продовольствия они подорвали равновесие пищевого режима индийского народа. В Черной Африке мы можем встретить сегодня племена, которые живут сельским хозяйством. Хотя они и не живут в изобилии, но тем не менее потребляют различные продукты питания. Это ограждает их от недостатка витаминов. Их пища скудна,

но достаточна для жизни. Однако как только африканцы уходят в город и нанимаются на промышленные предприятия, они заболевают от нехватки питательных веществ. В чем дело? Дело в том, что в городах их используют как машины, давая им лишь необходимое горючее — большое количество риса и маниоки. Но они лишены свежих продуктов, в которых содержатся витамины и протеины. А как известно, количество витаминов должно соответствовать количеству углеводов при обмене веществ. И организм человека быстро выходит из строя, подобно машине, которую обильно снабжают горючим, чтобы она работала на высоких оборотах, но не ремонтируют. Африканцы всего лишь полу чают значительное по объему количество пищи, но не больше. Точно так же как в свинью загружают кукурузу для превращения кукурузы в свинину, так и рабочего кормят маниокой и фасолью для их превращения в сахар и кофе. Этот процесс абсолютно аналогичен с процессом выращивания свиней: если наиболее рентабельная форма продажи маиса — это маис в мешке из свиной шкуры, то наиболее выгодная форма продажи маниоки — это сахар в коже негра, вернее, выжатый из его пота. С помощью такого механизма и был нарушен и ухудшен продовольственный баланс различных народов.

Благопристойный грабеж

Но даже и при таком способе ведения сельского хозяйства можно было бы улучшить положение дел, если бы

==117

1

сырье оплачивалось хорошо. Но здесь в силу вступает второй прием, с помощью которого крупные державы удерживают в нищете зависимые от них народы. Уровень цен на сырье постоянно снижается. Латинская Америка экспортирует сейчас в 3 раза больше сырья, чем до второй мировой войны, но получает за него меньше. В 1958 г. Бразилия вывезла на миллионы мешков кофе больше, чем в 1948 г., но получила за него на 1 млн долларов меньше. Какой же смысл работать? Чем больше вы работаете, тем меньше получаете. Вот вам и объяснение пресловутой «лени» народов тропических стран!

Механизм извлечения прибыли, принятый на вооружение американцами и состоящий в том, чтобы платить за то, чтобы не производить, воспроизводится косвенным образом и в странах Латинской Америки. Разница состоит лишь в том, что в Соединенных Штатах за то, чтобы не производить, платят хорошо, а в Латинской Америке за это платят плохо. Но и в том, и в другом случае платят за то, чтобы не производить, и в этом заключается противоречие капитализма, выраженное в яркой колониальной форме и не создающее никакого стимула для прогресса подлинного производства, для настоящего экономического развития.

Соединенные Штаты сосредоточили в своих руках 70 проц сырья и сырьевых продуктов, приходящихся на долю западного мира. Такое положение дает им возможность по своему усмотрению диктовать цены на сырье. Ввиду этого другим странам невозможно по настоящему развивать свою экономику. Для экономического и социального прогресса необходимо долгосрочное планирование, но, спрашивается, как вы можете составлять планы на 5—10 лет, когда даже на протяжении одного года цены на нашу продукцию, на сырье меняются в пределах 50—200 проц? Предвидеть колебания цен невозможно. Сделать это могут разве лишь политические заправилы, когда им становится известно, что какая-то страна собирается голосовать в ООН в соответствии со своими интересами, а не по желанию ее кредиторов, то цены на продукцию этой страны падают. Посмотрите, что произошло с Кубой. Она была испанской колонией. Затем Соединенные Штаты помогли Кубе освободиться от испанского господства и сами прибрали ее к рукам. Они превратили ее в экономическую колонию, специализирующуюся на производстве.

сахара Соединенные Штаты поощряли производство сахара на Кубе Они «щедро» платили Кубе за сахар по ценам, превосходящим международные. Поскольку Куба получала за свой сахар, казалось, очень выгодную цену. то она превратилась в остров, производящий только сахар Сахар заполнил там все, подобно тому как в Венесуэле нездоровый запах нефти пронизывает всю культуру, чувствуется на улицах, проникает в дома. Куба превратилась в сахарный остров, страдающий диабетом, точно так же как страдают от сахарной болезни люди-диабетики. Соединенные Штаты поучали кубинцев. «Мы гарантируем вам высокую экспортную квоту, а вы будете послушными и любезными»

Но всегда найдутся патриоты, которые хотят свободы и жертвуют ради нее сахаром Например, в 1932 г. Куба сделала определенные усилия, чтобы освободиться от иностранного засилья, и США, покупавшие до этого 5 млн мешков кубинского сахара ежегодно, снизили на следующий год квоту до 2 миллионов В результате страну поразил кризис и ее экономика оказалась дезорганизованной Две трети всего экспорта на Кубе составлял сахар, в Боливии — олово, в Венесуэле — нефть, в Бразилии — кофе; такая экономическая специализация есть второе печальное следствие колониализма Концентрация усилий на производстве одного продукта делает экономику страны непрочной и зависимой И пока так будет продолжаться, ей не избавиться от голода

Но это положение можно изменить Об этом свидетельствует пример той же Кубы В 1948 г Куба производила лишь сахар, и остров ввозил фасолы и риса на 140 млн долларов Не надо забывать, что Соединенные Штаты были «благородными»: в 1958 г они заплатили Кубе за сахар на 60 млн долларов больше, чем если бы покупали сахар по ценам мирового рынка Но затем они также благородно продали Кубе на 140 млн. долларов фасолы и риса В сущности то, что американцы платили Кубе, было ценой не за сахар, а за фасоль и рис, которые они ей навязали Два года спустя, после революции. Куба вырастила на своей земле на 40 млн. долларов фасолы и на 50 млн. долларов риса Сегодня она экономически освобождается. А ведь это та же земля, та же тропическая среда. Никакого изменения природных условий там не произошло

•

Изменилась экономическая структура и произошло освобождение от колониализма.

Колониализм в международном обличье

Несколько слов относительно Международного валютного фонда. Эта организация является «международной» в том смысле, что в ней представлены различные страны, однако места в правлении и голоса распределяются пропорционально взносам каждой страны. Каждый голос приходится на 100 тыс. долларов. А так как вклад Соединенных Штатов достигает 70 проц., то с точки зрения своих решений Международный валютный фонд — полностью американская организация. Поэтому всегда существует определенное недоверие к докладам, которые фонд представляет Организации Объединенных Наций. США с его помощью проводят через ООН свои желания и стремления. Это также форма колониального угнетения. Жертвой такого угнетения была и моя страна. Под различными предложениями ее вынудили в два раза снизить цены на свою продукцию. Это ведет к тому, что слаборазвитые страны лишаются возможности обеспечить себя промышленным оборудованием. Они вывозят сырье, и этот экспорт является для них единственным средством приобрести машины и развивать

свою промышленность. В то время как сырье обесценивается, цены на закупаемое латиноамериканскими странами оборудование выросли вдвое, точно так же как по решению Международного валютного фонда увеличилась вдвое покупательная сила доллара. Это ограждает США от возможной промышленной конкуренции. Для развития сельского хозяйства, для производства сырья на вывоз средства находятся, но никогда нет средств для развития промышленности. Это один из многочисленных примеров финансового господства Соединенных Штатов над слаборазвитыми странами.

Голод существует в мире только потому, что существуют колонизаторы. В колониальных странах искусственно сохраняется отжившая свой век экономическая структура. Их население не имеет доступа к образованию и не пользуется медицинским обслуживанием, потому что и образование, и медицинское обслуживание являются товарами, которые приобретаются в соответствии с покупательной способностью. А покупательная способность в

==120

слаборазвитых странах очень низка. Они не имеют возможности сами решать свою судьбу. В каждой из этих стран существует небольшая клика, которую называют элитой. Это группа привилегированных лиц, связавших себя с крупными международными трестами и с колонизаторами и выступающих против национальных интересов. Они не требуют ничего, а лишь послушно сгибают спины.

Экономическое развитие, которое можно наблюдать в этих странах, является лишь видимостью. Возьмем, например, Латинскую Америку и ее технический прогресс. Сегодня доход на душу населения в Венесуэле равняется 700 долларам, т. е. столько же, сколько во Франции. Но находятся ли культура и социальное благосостояние в Венесуэле на таком же уровне, как и во Франции? Нет, так как в расчет надо брать не доход на душу населения, что является абстракцией, а распределение доходов. 700 долларов на душу населения в Венесуэле представляют собой абстрактную цифру, поскольку они являются средней арифметической, полученной от сложения 700 млн. долларов, принадлежащих 7 семьям, и нищеты голодных масс населения.

Индустриализация — ключ к изобилию

Вот почему в этих странах диспропорционален процесс развития. Развиваются лишь некоторые секторы, поскольку крупные державы никогда не были заинтересованы в том, чтобы включить экономику колониальных стран во всемирную систему экономической солидарности. А такая экономическая интеграция необходима. Все планы, выработанные для колониальных стран, где люди живут в бедности и нищете, являются фикцией, если они не учитывают равноправного экономического сотрудничества.

Индустриализация является единственным средством, которое дает возможность выйти из состояния нищеты и голода. Питаются хорошо лишь в промышленно развитых странах, в то время как больше всего голодают аграрные страны. Но о каком типе индустриализации идет речь? Есть колониальный тип индустриализации, при котором создается промышленность географически национальная, но экономически интернациональная, не принадлежащая стране. Но есть и подлинный тип экономического развития, который объединяет массы. Развитие колониального типа

•

==121

обогащает «элиту» и несет все большую нищету основной массе населения. И на самом деле, в слаборазвитых странах всегда существует незначительная группа населения, имеющая очень высокий уровень жизни, в то время как большинство народа живет в докапиталистических, феодальных и даже дофеодальных условиях. Вот почему народы Латинской Америки, Африки и Азии отдают себе отчет в том, что голод и нищета — не порождение природы, а продукт социальной несправедливости.

Запад раздирается противоречиями. Благочестивые и привлекательные идеи христианской морали, лозунги равенства и братства сочетаются с бесчеловечными поступками. Когда священник Лас Казас приплыл в XVI веке в Латинскую Америку вместе с испанскими конкистадорами, он стал очевидцем страшных зверств по отношению к индейцам. Возмущенный поведением испанских завоевателей, державших в одной руке шпагу, а в другой — крест, он задал им вопрос: не потрясают ли они вместо креста Христова тем, на котором были распяты два разбойника? Аналогичный вопрос задают себе сейчас народы, поднимающиеся на борьбу против колониализма.

Голод бедных народов и страх богатых перед голодающими должны быть уничтожены, и это можно сделать лишь при помощи революционных изменений и преобразования существующего строя. Финансовая и техническая помощь странам, экономические и социальные системы которых отжили свой век, сама по себе ничего не изменяет.

Над проблемой голода должны задуматься все люди доброй воли, которые стремятся идти одной дорогой по земле, принадлежащей всем.

ПРОГРЕСС В СЛАБОРАЗВИТЫХ СТРАНАХ

НГУЕН ХАК ВЬЕН (Вьетнам)

Я не историк и не социолог, я — врач, и единственная причина, которая, как мне кажется, позволяет мне взять слово на этой встрече, состоит в том, что у меня есть личный конкретный опыт в отношении некоторых проблем, встающих перед слаборазвитыми странами. Именно об этом опыте я и буду говорить. Перед слаборазвитыми странами встают проблемы

==122

политической независимости и экономического развития, а также проблемы, связанные с изменением самих людей, с их освобождением от скованности и закостенелости. Такова совокупность этих проблем. Они могут быть решены или комплексно, на пути ускоренного прогресса, когда конкретно разрешаются все вопросы вместе, или на пути стихийного прогресса, когда одна проблема разрешается за другой в течение длительного периода.

Например, можно построить железную дорогу, и мало-помалу расположенные вдоль нее деревни приобщились бы к торговле, а через пятьдесят или сто лет постепенно развилось бы и все остальное, как это произошло в Европе. Изучая историю Европы, можно, таким образом, установить меру отсталости. Например, когда во Франции говорят об эпохе дилижансов, это означает что-то очень далекое. А наши деревни в настоящее время еще не пришли к эпохе дилижансов. Мы находимся в периоде переноски грузов на плечах и даже не дошли еще до тачки. Тачка — техническое новшество во вьетнамской деревне, а главным средством транспортировки грузов является переноска.

Так, во время битвы за Дьен Бьен Фу носильщик, снабжавший народную армию продовольствием прямо на поле боя, удаленном в среднем на 800 км от продовольственных центров, выходил с 20 кг риса на спине, а сдавал лишь один килограмм на месте назначения, поскольку все остальное он съедал на пути туда и обратно. Можете судить сами о том, какова производительность труда.

Сколько же нужно времени для того, чтобы пройти путь, разделяющий переноску на плечах и грузовик, не говоря уже о спутниках? Это вопрос темпов развития. Будет этот путь пройден за 300 лет, как в Европе, или за каких-нибудь тридцать? Для нас это кардинальный вопрос. Как я уже сказал, путь стихийного развития долг, коротким является путь комплексного решения всех проблем. Но что представляет собой путь комплексного решения?

Вернемся к примеру переноски грузов. Можно ли начинать с покупки грузовиков и с постройки дорог? Если начать строить дороги и покупать машины для всей страны, то на это не хватит денег. Мы стоим перед выбором: или строить дороги и покупать автомашины, или перейти от переноски грузов к другому, улучшенному способу транспортировки, который был бы доступен народным массам. В последнем случае речь идет о том, чтобы начать с того, *

==123

чтобы миллионы крестьян просто соорудили себе тачки с деревянным колесом, что даст возможность быстро удвоить производительность транспорта и, кроме того, что особенно важно, будет стимулировать активность миллионов людей. Тогда вопрос встает следующим образом: что нужно сделать для того, чтобы миллионы крестьян восприняли эту идею?

То же самое касается производства риса. В настоящее время производительность у нас очень низка — 12 центнеров с гектара. На душу населения приходится 1/10 га обработанной земли. Вы понимаете, что при таком количестве земли на душу населения народ находится под постоянной угрозой неурожая и голода в результате каждого наводнения. Как удвоить производство риса в несколько лет? Техническая сторона вопроса и в данном случае очень проста. Нужно провести воду. При регулярном снабжении водой можно получать два урожая риса в год. Но для двух урожаев нужна более глубокая вспашка. Традиционный плуг имеет маленький треугольный железный лемех, он должен быть изменен. Нужно собирать удобрения. Нужно сажать рис гуще. Речь идет о целом ряде несложных агротехнических вопросов. Главная проблема заключается в том, как обучить этому широкие массы крестьян? Все вопросы встают именно в этом плане и тесно связаны между собой. Невозможно изменить лемех плуга и технику возделывания риса без изменения определенных социальных условий, например без уничтожения полигамии, поскольку нельзя разбить традиционный образ мышления, если брать только один какой-то пункт. Например, еще существуют принудительные ранние браки девочек 12 — 15 лет. Невозможно увеличить урожайность риса в обществе, где родители принуждают двенадцатилетних девочек вступать в брак. Главным вопросом каждый раз является распространение определенных идей среди масс.

Какова должна быть техника распространения идей? (Я употребляю слово «техника», поскольку не могу подобрать другое подходящее слово). Это — организация широких разъяснительных кампаний и соревнований.

Что такое «разъяснительная кампания»? Это — организация собраний на всех ступенях, на которых люди ставят и обсуждают все вопросы: для чего производить, как производить и т. д. Обсуждается и разбирается по косточкам каждое слово той или иной директивы. Каждый высказывает свое мнение. Исправляются неверные идеи.

==124

Построение новой страны происходит как с помощью рук, лопат и мотыг, так и с помощью слова, если можно так выразиться.

В слаборазвитой стране в первую очередь должно быть сделано следующее: по всей стране сверху донизу люди должны обсуждать все политические, экономические, социальные и иные вопросы, будь то закон о браке или способ посадки риса. В настоящее время у нас, в Северном Вьетнаме, проходит много собраний и дискуссий.

Во-вторых, необходимо проводить соревнование. Как только в массах появляется новая инициатива, нужно изучить ее и привлечь к ней внимание. Так было сделано, например, в отношении кампании по сбору удобрений, организованной молодежью. В этом случае просто собирают валяющиеся всюду отбросы, грязь с рисовых полей, опавшие листья, а потом сообщают, как о кинозвездах во Франции, что такой-то собрал за месяц тонну или полторы удобрений. Кто превысит рекорд?

Соревнование из индивидуального превращается в коллективное: такой-то кооператив или такое-то предприятие имеет такие-то успехи, остальные должны изучить их достижения и превзойти их. Без разъяснительных кампаний и соревнований не могут быть достигнуты быстрые успехи.

Гарантией ускоренного и постоянного прогресса является распространение передовых идей среди масс. В настоящее время проводится в жизнь следующий лозунг: «Сметь думать, сметь размышлять, сметь проявлять инициативу и сметь ее реализовывать». Вот общий лозунг, который должен быть лозунгом каждого докапиталистического общества. Главное, чтобы скованные люди пришли в движение. Мне кажется, что одной из характерных черт докапиталистического общества является то, что это ритуальное общество. Каждое действие, каждый жест мыслятся как ритуал, и совсем нелегко дать людям понять, что ритуал можно изменить. В этом состоит главная трудность. Можно сказать крестьянину, что нужно выкопать колодец и длинно объяснять ему, почему нужно пить воду из этого колодца, а не из болота, где полно микробов и паразитов, но убедить его отнюдь не легко, так как он боится, копая колодец, потревожить подземного дракона. Сначала нужно снять все запреты, часто даже не высказанные, которые связывают людей, сковывают инициативу даже передовых.

Так, традиция требовала, чтобы после смерти одного

==125

из родителей, отца или матери, его дети воздерживались в течение трех лет от всякой публичной деятельности Патриот Фан Буа Шу, чье имя уже упоминалось сегодня, был вынужден соблюдать это правило. Он, человек действия, должен был ждать три года и воздерживаться от любого публичного выступления. Можно себе представить как тяжело давили эти запреты на мелкого провинциального крестьянина.

Как сделать, чтобы этот застывший мир пришел в движение? Из того, что я сказал, у вас, возможно, сложилось впечатление, что речь идет о хорошо организованной образовательной кампании. Конечно, нужно немало сделать и в смысле образования, но вся проблема не сводится только к этому. Расширение образования возможно только при определенных исторических условиях. Сам колониальный режим явился одним из этих условий. В той мере, в какой была тяжелой борьба за национальное освобождение, быстрее совершался процесс эволюции.

Именно требования борьбы за освобождение заставили мобилизоваться и прийти в движение все народные массы, в особенности крестьянство. В этом состояла историческая необходимость, и здесь я хотел бы показать разницу между колониальными странами, которые сравнительно легко добились независимости, и теми странами, которые завоевали независимость в тяжелой борьбе

На долю нашей страны выпали многие годы войны. Война уже закончилась, но именно в годы войны произошла мобилизация всего народа. В частности, конец войны, 1953—1954 гг., были особенно тяжелыми, поскольку нависла реальная угроза американского вмешательства. Необходимо было сделать то, что не решались сделать в течение веков,— провести аграрную реформу, чтобы вдохновить крестьян, возбудить их энтузиазм, который позволил бы им пешком преодолевать сотни километров для снабжения рисом всех фронтов. Часто они приносили свой собственный рис. Нужно было распределить им землю, поставить вопрос о разделе земли. Невозможно было продолжать войну без аграрной реформы.

Но недостаточно подписать декрет и сказать, что отныне земля будет разделена и каждый крестьянин получит такой-то надел. Для докапиталистической страны характерно, что она не имеет достаточно действенной центральной администрации; гораздо активнее центральной местная

==126

администрация, образованная из знатных лиц и помещиков. До тех пор, пока не разбиты и не уничтожены эти старые, вековые структуры, невозможно провести аграрную реформу. Таким образом, главное в аграрной реформе — не столько подписание декрета, сколько мобилизация крестьян. Крестьяне должны подняться, разрушить местный административный аппарат, создать свои административные комитеты и разделить землю. В этом заключается трудность.

Все это не так просто сделать, поскольку крестьяне привыкли к безропотности и послушанию. Можно пойти в деревню и сказать крестьянам: «Товарищи, вас эксплуатируют», можно произнести длинную речь, раздать брошюры, но все это не даст большого эффекта. Крестьянин-бедняк ответит: «Помещик был так великодушен, что в течение тридцати лет давал мне землю для обработки; это позволило мне кормить семью, и если я стану теперь требовать у него эту землю, это будет безбожно, небо и духи покинут меня и моих детей».

Поэтому для начала нужно было послать в деревню активистов. Активист, чаще всего горожанин, приходит в деревню, связывается там с каким-нибудь бедняком из наиболее развитых. Он не произносит речей, а просто говорит крестьянину: «Вы дадите мне жилище, и я буду работать с вами». Он начинает трудиться с крестьянином, работает с ним несколько дней, и в конце концов лед трогается, крестьянин начинает понемногу разговаривать с ним.

Вот что мы называем «три вместе»: работать, жить и есть вместе с крестьянами. Все это не так просто, поскольку часто совершаются «промахи». Например, если вы живете у крестьянина, вы можете каждое утро чистить зубы. Уже этого достаточно, чтобы создать определенную дистанцию между вами и им. Крестьянин будет немного более сдержан и не так скоро начнет беседовать с вами, поскольку будет считать вас немного мандарином.

Все-таки через несколько дней он начнет питать к вам доверие, потому что вы работали вместе с ним, поделились с ним его пищей. Он начнет рассказывать вам о своей жизни, т. е. о своих невзгодах. Первая победа будет одержана в тот день, когда он скажет вам, что он несчастен. Начиная с этого момента, вы сможете мало-помалу размотать клубок и сказать ему, что если он несчастен, то, конечно, потому, что бывают наводнения и т. д., но еще и по вине помещика. Потом завязывается разговор об арендной плате, ,

о ростовщических процентах и т. д., и тут он начинает понимать. Битва выиграна.

Когда удастся подготовить таким образом пять-шесть крестьян в деревне, эти люди образуют ядро, которое мобилизует остальных, и через некоторое время становится возможным создать в деревне первый административный комитет. Крестьяне набираются достаточно смелости, чтобы свергнуть знать и сказать себе, что они способны взять в свои руки руководство деревней. Наступает время более глубокой работы. Всякой аграрной реформе должна предшествовать политическая мобилизация.

Именно поэтому аграрная реформа была для нас столь важным событием, я бы даже сказал, более важным, чем война за национальное освобождение. Она разрушила структуры, которые в течение веков сковывали людей. Это была революция со всех точек зрения, революция в полном смысле слова. Ее экономическая сторона представляет собой лишь один аспект, тогда как имеются и другие — социальный, семейный и др. В этот период в деревне проходит обновление и в то же время имеют место страшные раздоры, поскольку деревенская община-коммуна является не просто административным образованием, а организацией, где один связан с другим не только отношениями аренда гора с помещиком, но и множеством других связей, о которых я не могу рассказывать вам здесь подробно, связей, создававшихся веками. Их нужно было разрубить, перерезать для того, чтобы совершить этот переворот. Именно аграрная реформа создала условия для дальнейшего развития.

Итак, я провел бы второе различие: существуют слабо развитые страны, которые провели коренную аграрную реформу и могут ускоренно развиваться дальше, и страны, где такая реформа не была проведена или была проведена только частично, вследствие чего их развитие замедлено.

Третий вопрос, который встает после завоевания независимости, это вопрос о том, каким путем идти, какой создать новый строй? Выбор зависит как от объективных условий, так и от способности выбирать тот или иной путь.

Когда Северный Вьетнам завоевал в 1955 г. свою независимость, в стране почти не было буржуазии. Это — объективное условие. Итак, почти не было буржуазии и было очень мало капиталистических предприятий. Кроме того, большая часть буржуазии убежала на Юг. Сама

тяжесть войны устранила все буржуазные по своей природе движения. Руководители буржуазных движений были определенным образом воспитаны, придерживались определенных методов работы и определенного образа мышления и не могли пойти на то, чтобы в течение нескольких лет месить грязь рисовых полей, выполнять «три вместе» с крестьянами, да и крестьяне никогда не окажут им доверия. Нельзя вести в течение девяти лет партизанскую войну, имея буржуазное руководство. Таким образом, было расчищено место, если можно так сказать, для выбора социалистического пути, поскольку руководство войной и борьбой за национальную независимость осуществлялось борцами за социализм.

Существовал единственный объективно и субъективно возможный путь — социалистический. Поэтому в стране были сравнительно быстро созданы социалистические основы. В настоящее время, в 1961 г., в кооперативах объединено почти 90 проц. крестьян. Это может удивить тех, кому известны трудности сельскохозяйственной кооперации в Восточной Европе. Дело в том, что условия там и у нас различны. У нас каждая крестьянская семья получила полгектара земли.

Особенности возделывания риса, связанные с ирригацией, требуют коллективного труда, и в этом заключается второй фактор. Один человек не может сам провести воду из реки, чтобы обводнить полгектара земли. После аграрной реформы крестьянин стал владельцем земли, но имел ее очень мало. Откровенно говоря, в каждом крестьянине заключено два человека — трудящийся, который упорно трудится на земле, который должен вырыть канал для того, чтобы оросить свое рисовое поле,— этот крестьянин желает кооперации, и собственник, продающий свой урожай после уборки, — этот не желает вступать в кооператив. Но поскольку собственник обладает всего половиной гектара земли, он уступает место труженику, соблазненному выгодами кооперации. Нет вечного крестьянина.

В игру вступает еще один фактор — Партия трудящихся, имеющая глубокие корни среди крестьян. Вначале это была партия городских жителей, но военные нужды заставили ее прийти в деревню, и в настоящее время 75 проц. ее активистов — крестьяне. Таким образом, в деревне уже есть закваска. Эти крестьяне сыграли двойную роль: сначала они пробудили национальное сознание своей

9 ,

==129

патриотической борьбой в период войны и догом пробудили классовое сознание в период проведения аграрной реформы Классовое сознание усилило, в свою очередь, национальное сознание Между этими двумя явлениями установилась диалектическая связь, и для того, кто знал Вьетнам но сколько лет тому назад, современный вьетнамский крестьянин является совершенно новым типом В течение последних лет произошли изменения, произошло колоссальное историческое ускорение.

Существует также еще один фактор, значение которого я не буду рассматривать подробно,— это помощь социалистических стран Прежде всего речь идет о такой по мощи, которая полностью соответствует нуждам страны в машинах и помогает облегчить тяжесть капиталовложений — этой первостепенной проблемы

Я приведу один пример В настоящее время мы строим металлургический комбинат, который будет производить к концу этого года 100 000 т стали Необходимые капитале вложения, в пересчете на рис, составили бы стоимость половины годового урожая Нужно было бы на полгода от казаться от пищи для того, чтобы построить этот металлургический комбинат нашими силами, если бы оборудование не поставлялось социалистическими странами

Таким образом, помощь социалистических стран позволила нам облегчить тяжесть капиталовложений Но кроме того, существует еще один важный момент — идеологическая помощь Нельзя оставлять без внимания тот факт, что вьетнамский крестьянин или рабочий, или даже интеллигент, получивший образование в западных университетах, думает «То, что существует в Советском Союзе сегодня, завтра будет во Вьетнаме» Когда эта мобилизующая идея распространяется среди широких масс, она приобретает исключительную силу Само существование Советского Союза помогает нам, даже если предположить, что он не поставлял бы нам машины и тракторы

Я немного вернусь к понятию «разъяснительной кампании», поскольку в западных публикациях это выражение часто понимают неправильно «Разъяснительная кампания» — это не только воспитательная проблема

Санитарная группа приезжает в деревню и начинает копать колодец Через несколько дней обнаруживается, что жители деревни его засыпали Что же произошло? В то время, когда копали колодец, в окрестностях деревни умер

ребенок от какой-то загадочной болезни «Общая молва» приписывает это мести подземного дракона «Общая молва» распространяет историю с драконом Но кто конкретно делает это? Разве случайно, что слух распространяют именно бывшие помещики, лишенные земли в результате аграрной реформы? Нет, это далеко не случайно И совсем не безразлично объяснить всем крестьянам, кто именно распространяет и поддерживает суеверия Это эффективное и радикальное средство—объяснить людям, что всякие суеверия распространяют именно бывшие помещики.

Воспитание тесно связано с классовой борьбой Невозможно просто призывать к «распространению знаний» в деревне Распространение знаний происходит в классовой борьбе и через классовую борьбу.

Поэтому слаборазвитая страна в первую очередь должна иметь возможности для распространения среди масс мобилизующей, организующей и воспитывающей передовой идеологии, а также иметь массовую партию.

Исторические условия складываются так, что одни страны могут их использовать, а другие нет. Я не хочу сказать, что существует всеобщее решение. Но для нас, вьетнамцев, марксизм явился великой освободительной идеологией, он высвободил огромное количество энергии и инициативы Он принес свободу не в отрицательном смысле слова («я буду делать, что хочу, и никого это не касается»), а принес действительную свободу людям, столетиями скованным традициями, он разбудил творческую инициативу широких народных масс

ДИСКУССИЯ

РАИМОН БДРБЕ (Франция)

Я с большим вниманием прослушал замечательное выступление г-на Кастро о положении слаборазвитых стран

Он сопоставил два мира — мир развитых капиталистических стран и мир слаборазвитых стран, страдающих от голода, потому что они превращены в колонии первой группой стран

Именно это является главным

В течение всего исторического периода, когда в мире

»

происходило колоссальное развитие производительных сил, империализм душил даже самый незначительный прогресс в своих колониях, в частности в Африке.

Развитие производительных сил в Африке было абсолютно заторможено и экономика поддерживалась на крайне отсталом уровне. На огромных площадях анахронически сохранялись докапиталистические общественные структуры и образ жизни.

Тяжесть колониального наследия особенно дает себя знать в момент получения независимости, когда народы берут в собственные руки свою судьбу и могут измерить размеры ужасных последствий векового угнетения.

В этих странах сосуществуют два экономических сектора, практически чуждых друг другу. С одной стороны, это экономика, целью которой является производство средств пропитания. Этот тип экономики не менял своей формы на протяжении многих веков и безраздельно господствовал в деревне. С другой стороны, это сектор, основывающийся на капиталистическом способе производства, который не вышел за рамки нескольких городских центров.

Почти все современные предприятия принадлежат европейским колонизаторам и капиталу метрополий. Экономика этих стран, систематически направляемая на удовлетворение нужд европейских метрополий, целиком зависит от внешних рынков и подвержена давлению империалистических метрополий и всем случайностям капиталистической анархии.

Подобное положение ставит серьезные проблемы перед освобождающимися народами. Как преодолеть в короткий исторический срок расстояние, отделяющее их от индустриальных стран? Как собрать в единое целое связанные между собой и в то же время разнородные массы крестьян, до сих пор живущих за счет почти замкнутого натурального хозяйства? Ведь именно это является условием экономического и социального прогресса. Как увеличить богатства страны, где средний годовой доход на душу населения составляет в настоящее время 20—30 тыс. старых франков?

Бурный подъем национально-освободительного движения дал частичный ответ на все эти вопросы, вырвав более или менее широкую политическую независимость для большинства этих стран. Чтобы покончить с угнетением и нищетой — плодами империалистического господства и

==132

колониального грабежа, африканцы должны быть свободными. Всякий последовательный и долговременный прогресс обуславливается для них укреплением их политической независимости и достижением подлинной экономической независимости.

Однако некоторые считают, что понятие независимости уже изжило себя, что мы живем в век взаимозависимости. Конечно, в середине XX столетия современная страна не может жить совершенно одна, замкнувшись в себе и только в себе находя все экономические ресурсы. К тому же освободившимся народам предлагаются самые различные и многообразные формы международного сотрудничества.

В связи с этим необходимо напомнить, что, помимо империалистических держав и «третьего мира», существует еще одна группа стран, группа стран, не эксплуатирующая народы слаборазвитых стран. Наоборот, государства этой группы дали возможность некоторым слаборазвитым странам развиваться исключительно высокими темпами и в короткий срок достичь уровня наиболее развитых народов. Это социалистические государства. Доктор Вьен показал на примере своей страны большие возможности, предоставляемые народам, встающим на путь некапиталистического развития.

Жизнь с каждым днем все яснее показывает закономерность социалистической перспективы развития. Многие африканские руководители, со своей стороны, ссылаются на эту закономерность и называют себя сторонниками социалистических перспектив.

Однако для разрешения проблемы недостаточно только говорить о ней, нужно отдавать себе отчет в употребляемых терминах. В противном случае это будет не что иное, как словесная эквилибристика, которая может затемнить все вопросы и повернуть инициативу на ложный путь.

В странах, стремящихся к независимости, национальное движение объединяет в единой антиимпериалистической борьбе почти все социальные группировки. В особенности у африканских народов жестокость колониального господства ограничила внутреннюю социальную дифференциацию и усилила понимание общности интересов.

Этому факту не противоречит то, что почти повсюду буржуазные слои (даже в том случае, когда они еще очень

»

==133

слабы с экономической точки зрения) играют руководящую роль в национальном движении. Как правило, крестьянские массы остаются в стороне.

Что касается рабочего класса, в большей или в меньшей степени развитого в той или иной стране, то его чаще всего не допускают к руководству движением.

Независимость способствует более или менее последовательному развитию местной экономики. Из этого вытекает стихийная тенденция к развитию национальной буржуазии (мелкой или крупной), которая начинает все яснее сознавать, каковы ее собственные интересы. В результате происходит иногда даже значительное углубление классовых противоречий внутри общества, довольно чувствительное обострение классовой борьбы там, где ранее единство в рамках движения за национальное освобождение затуманивало различие классовых интересов.

В то же время империалистические державы, будучи не в силах сохранить старые формы господства, разрабатывают и возводят в систему неоколониальные методы. Для того чтобы защитить и расширить позиции финансового капитала, они стараются привязать к своим предприятиям некоторые слои национальной буржуазии. В результате происходит укрепление экономических позиций и политической мощи этой буржуазии, а также усиление ее тенденции к реакционной ориентации.

Каждый понимает, что сейчас уже недостаточно только говорить о социализме, чтобы он стал действительностью, что под его прикрытием может развиваться капитализм.

Империализм ищет пути для того, чтобы удержаться в африканских странах или внедриться в них, в частности под предлогом «экономической помощи». Он оказывает давление с тем, чтобы сохранить эти страны под своим контролем, угрожая прекращением капиталовложений, столь необходимых для их развития. Кроме того, он выступает против любого вида возможной национализации, свидетельством чего являются франко-английская агрессия против Египта после национализации Суэцкого канала и американское вмешательство на Кубе. Все это прекрасно показывает мнимый характер «незаинтересованности» империализма.

Как не подчеркнуть в этой связи значение помощи социалистических стран, ее подлинно бескорыстный характер, ее исключительно выгодные финансовые и технические

условия, ее ориентацию на развитие государственного сектора в соответствии с общенародными интересами? Благодаря этой помощи становится возможным обойтись без империалистических капиталовложений или ограничить их.

Таким образом, сотрудничество освобождающихся народов с социалистическим лагерем выступает как серьезный фактор экономической независимости. И если к этому же стремится весь народ, тогда налицо необходимое условие для направления страны по некапиталистическому пути развития.

Подобное направление развития требует также ограничения национального капиталистического развития и, в частности, сокращения наиболее паразитических доходов. Естественно, подобные меры не по вкусу буржуазным кругам, связанным с такого рода деятельностью. Вообще национальная буржуазия, колеблющаяся между противоречивыми влияниями и интересами, проявляет нерешительность и часто отступает перед необходимостью сделать то или иное усилие в деле независимого развития, отвечающего интересам народных масс.

Кроме того, нужно обеспечить преобладание общих интересов над частными, что является необходимым условием любого эффективного планирования.

Не менее необходима подобная политика и для того, чтобы создать в массах великий созидательный подъем. И еще нужна поддержка самых широких народных масс для того, чтобы победить сопротивление, которое неизбежно появляется на каждом этапе развития.

Крестьянство, составляющее основную часть масс, должно сделать свой серьезный вклад в дело прогресса. Различные формы инвестирования труда, характер которого будет изменяться вместе с экономическим развитием страны, представляют собой основу, на которой происходит интеграция сельскохозяйственных районов во все более многообразную национальную экономику. Развертывание этой трудовой деятельности требует от крестьянина понимания того, что это его кровное дело. Для этого нужно, чтобы он был хозяином самому себе (а это требует ликвидации рабовладельческих и феодальных пережитков там, где они существуют), чтобы он был хозяином своей земли (что требует проведения коренной аграрной реформы везде, где стоит этот вопрос), чтобы он был хозяином

*

произведенных им продуктов (в частности, путем эффективного запрещения ростовщичества и путем развития кооперации).

Рабочий класс, хотя он еще слаб и не имеет независимой политической организации, представляет собой значительную силу. В большинстве стран рабочие профсоюзы играли и играют важную роль в борьбе за национальное освобождение. Не меньший вклад сделал рабочий класс и в дело укрепления независимости и построения экономики страны на прочных основах. В процессе осуществления этой задачи профсоюзы следят за тем, чтобы под предлогом требований развития рабочий класс не пострадал от аппетитов буржуазии.

Таким образом, именно рабочий класс и широкие массы крестьянства призваны играть главенствующую роль в выборе пути, по которому следует идти. Их союз представляет собой прочную основу для положительного решения всех вопросов.

На современном этапе во многих странах Африки складываются единые политические партии, объединяющие все классы и социальные слои населения, принимающие участие в национально-освободительном движении. Чаще всего руководство таких партий находится в руках буржуазных и мелкобуржуазных представителей. Для того чтобы эти партии могли в полной мере играть свою роль в деле укрепления молодых независимых государств, необходимо не притеснять во имя частных интересов широкие слои народа. Наоборот, нужно, чтобы эти слои всем своим весом перетягивали в том направлении, которое отвечает их стремлениям, а для этого нужно создавать условия, способствующие пробуждению их сознания и складыванию соответствующих организационных форм.

Перспективы некапиталистического пути развития, естественно, не могут быть оторваны от непосредственных требований жизни: укрепления политической независимости и ликвидации экономических основ колониальной эксплуатации, так же как удовлетворения стремления народных масс к подлинной демократии и к экономическому и социальному прогрессу.

Представители 81 коммунистической и рабочей партии показали в своем ноябрьском Заявлении, что, встав на путь национальной демократии, молодые африканские государства могут смело идти вперед вместе с другими свободными народами, стремящимися к прогрессу и миру. Их

==136

быстрое продвижение вперед проложит дорогу тем народам, которые ищут путь к высшим этапам социального развития.

Горячее веяние приводит в движение всю освобождающуюся Африку. Сбрасывая вековые цепи колониального господства, африканские народы страстно хотят знать, каков будет их путь в будущее. И в своем стремлении к счастью могут ли они остаться безучастными к новой возможности надеть семимильные сапоги, которые предлагает им социализм?

ЛЕОН ЛАВДЛЛЕ (Франция)

Я позволю себе несколько проиллюстрировать идеи, высказанные г-ном Барбе.

Современный опыт в этой области показывает, что по отношению ко всем слаборазвитым странам, которые более или менее продвинулись вперед в построении социализма, помощь самых индустриализированных социалистических стран, в особенности СССР и Чехословакии, принимает в основном следующие формы: 1. Внешняя торговля, позволяющая этим слаборазвитым странам получать советское, чешское и т. д. оборудование в обмен на традиционные продукты их производства; 2. Посылка многочисленных специалистов из развитых стран в отсталые и подготовка первыми сотен и тысяч специалистов из вторых стран; 3. Передача технологической документации, сообщение результатов научных исследований и т. д.; 4. Предоставление долгосрочных кредитов под незначительный процент и оказание безвозмездной помощи малым странам.

В отношении финансовой помощи можно отметить, что малые страны, строящие социализм, — Монголия, Албания и Демократическая Республика Вьетнам (принимая во внимание их население) — получили значительную безвозмездную помощь от Советского Союза, а также в известной мере от Китая и других социалистических стран. Что касается Китая, то он пользовался в основном кредитами.

Предоставленные Китаю советские кредиты — 2,1 млрд. американских долларов (валюта пересчета) — были достаточны, чтобы облегчить сдвиг в развитии Китая. В начале

•

==137

апреля текущего года из-за стихийных бедствий, затронувших китайское сельское хозяйство в 1960 г., СССР дал Китаю кредит (сахара) и новые льготы в вопросе урегулирования предшествующих кредитов, предоставленных СССР.

Что касается технической помощи вышеупомянутые странам, то в основном она ограничивается возможностью данной страны использовать современную технику, т. е. количеством и качеством имеющейся там промышленной рабочей силы и вероятной скоростью ее формирования. В данном случае основное препятствие является не финансовым или техническим, а человеческим. И на практике эта главная трудность быстро обнаруживается.

Со своей стороны, торговый обмен, сопровождающийся или не сопровождающийся кредитами со стороны промышленно развитых социалистических стран, представляет собой в силу своей структуры значительную помощь. Действительно, наиболее развитые социалистические страны соглашаются поставлять слаборазвитым странам, строящим социализм, очень современное оборудование, целые заводы или же специальные машины и аппараты, которые они не могут еще производить, а также определенное сырье, в котором они испытывают нехватку, — в обмен на сельскохозяйственные продукты, ремесленные изделия или сырье, которые не всегда представляют большой интерес для таких социалистических стран, как СССР и Чехословакия, в частности, потому, что некоторые из этих

4 В 1956 г., выступая на VIII съезде КПК с отчетным докладом ЦК, Лю Шао-ци заявлял. «Советский Союз оказал огромную помощь делу социалистического строительства в нашей стране, большую помощь в этом отношении оказали также и страны народной демократии Европы и Азии. Китайский народ никогда не забудет этой товарищеской помощи братских стран». Но семь лет спустя, 18 сентября 1963 г., тот же Лю Шао-ци говорил уже прямо противоположное. Имея в виду именно тех, кто оказывал и оказывает Китаю огромную помощь, он утверждает, что они якобы «...лишь под этой красивой ширмой следуют примеру капиталистических стран, наносящих вред другим ради собственной выгоды в своих взаимных отношениях, мешают экономически слаборазвитым странам развивать самостоятельную экономику, ставят эти страны в зависимость от себя в экономическом отношении и под свой контроль в политическом».

Так, в угоду своим фракционным, отступническим целям ревизовали китайские руководители то, что прежде считали самоочевидным — Ред.

==138

товаров не вполне соответствуют спросу на внутреннем рынке этих стран.

Вместе с усилиями рассматриваемых народов, которые, разумеется, остаются главным источником роста в этих странах, данная помощь позволяет добиться ускоренной индустриализации, очень быстрого развития народного образования и подготовки кадров, повышения жизненного уровня как с продовольственной точки зрения, так и с точки зрения здравоохранения и культуры

Существующий опыт не одинаков по времени, в зависимости от рассматриваемой страны. Но можно отметить, что темпы роста слаборазвитых стран, строящих социализм, значительно превосходят темпы родственных им стран, вступивших на капиталистический путь развития.

Слаборазвитые страны, строящие социализм, дают подтверждение нашему положению, если сравнить их развитие с развитием подобных им стран, но вступивших на путь капиталистического развития. В качестве критерия мы изберем производство электричества на душу населения, которое может быть легко определено для всех этих стран.

Динамика производства электричества на душу населения в квтч

1950 г. 1960 г. 1960/1950
г

Монгольская Народная

Республика	26	1001	X4.00
Ливия	35	801	X2.30
Албания	18	115	X6.50
Никарагуа	76	1001	X1,35
Гондурас	32	551	X1,70
Ливан	95	2901	X3.00
Демократическая Республика			
Вьетнам (Северный Вьетнам)	3,5	17	X4,80
Южный Вьетнам	17	22	X1.30

Несмотря на неизбежную приближенность подобных расчетов, различия между темпами развития малых слабо развитых стран, идущих по пути социализма и по капиталистическому пути, таковы, что они ясно подтверждают наше положение.

С другой стороны, более общее исследование позволило бы убедиться в том, что в среднем темпы роста

1 Цифры приблизительные »

==139

слаборазвитых стран, входящих в мировую капиталистическую систему, не всегда выше темпов развитых капиталистических стран и, во всяком случае, ненамного выше, результатом чего является сохранение значительного отставания первых от вторых.

Иначе обстоит дело в мировой социалистической системе: темпы роста слаборазвитых стран, вступивших на путь социалистического развития, в среднем определенно выше темпов промышленно развитых социалистических стран, что позволяет группе отстающих стран понемногу ликвидировать свое отставание и поставить перед собой задачу в относительно короткий промежуток времени, за два-три десятилетия, догнать их в экономическом отношении, т. е. постепенно покончить с состоянием своей отсталости

Короче говоря, в отношении стран, которые не достигли стадии более или менее развитого капитализма и которые в силу этого испытывают острую степень отсталости, мировой послевоенный опыт показывает, что эти страны, если они идут по капиталистическому пути, неспособны быстро нагнать свое отставание по отношению к старым капиталистическим странам, в то время как последних догоняют и обгоняют страны, образующие мировую социалистическую систему (социалистические страны и страны на родной демократии). Из этого вытекает, что только социалистический путь, давая возможность добиваться исключительно высоких темпов роста, позволяет слаборазвитым странам идти к выравниванию с социалистическими странами и тем самым в ходе этого движения нагнать и превзойти старые капиталистические страны.

ДЖОНСОН (США)

Слово «колониализм» может иметь много различных значений.

Мне кажется также, что можно делать различие между колонией и слаборазвитой страной. Правда ли, что с голоду умирают только по вине колониализма? Разве бы перестали умирать с голоду, если бы не было колонизаторов? На мой взгляд, присутствие колонизаторов — вещь не только отрицательная; это зависит от положения данной страны.

В Южной Америке среди индейцев господствует

==140

племенная система со всеми ее дикостями. Не так обстоит дело, например, в США и в других экономически развитых странах. Американская помощь развитию стран Латинской Америки имеет большое значение вообще для всего мира; надо помогать странам Юга. Займы, предоставленные американцами Бразилии, достигают порядка 500 млн. долларов. Эти 500 млн. долларов представляют собой в конечном счете налоги, выплаченные американскими гражданами. Платя эти налоги, они кое-чем лишают себя, с тем чтобы Бразилия могла развиваться. Разве нет в американской позиции кое-чего положительного? Может быть, есть и отрицательные вещи, но говорить о «колонизаторах вообще» — это делать, я думаю, спорное обобщение.

ЖОЗУЭ ДЕ КАСТРО (Бразилия)

Мне бы хотелось кратко ответить на некоторые возражения, вызванные моим выступлением, и прежде всего на возражение г-на Джонсона о североамериканской помощи, и сказать о том, что я называю североамериканской иллюзией. Североамериканский народ — это один из самых щедрых народов мира. У него есть действительное желание оказывать помощь. Но американская политика не дает ему возможности по-настоящему помогать остальному миру. В самом деле, когда североамериканский народ лишается некоторых преимуществ, даваемых ему его уровнем развития, это не идет на пользу народам, которым он бы хотел помочь. В качестве примера я возьму свою страну, Бразилию. В Соединенных Штатах распространена иллюзия, что они помогают Бразилии. Но я докажу вам с цифрами в руках, что в течение долгих лет именно Бразилия помогает Соединенным Штатам. Часто считается, что Бразилия — это страна, импортирующая капитал. В действительности, мы экспортируем доллары в Соединенные Штаты. В самом деле, североамериканские капиталы, вложенные в Бразилию, имеют право переправлять свои прибыли в США. Предположим, что стоимость этих капиталов, вложенных в промышленность, равняется «х»; раз в два года закон обязывает уточнять стоимость этого промышленного оборудования из-за инфляции, существующей в слаборазвитых странах, из-за

инфляции, являющейся плодом колониальной зависимости. В ходе этого выравнивания цен заводы, стоившие первоначально «х», два года спустя

»
==141

стоят, по -меньшей мере. в два раза больше, через четыре года они стоят в 4 или 8 раз больше; так как владелец переправляет 20 проц. стоимости капитала в форме прибыли, то к концу восьми лет или вообще через шесть лет он переправит все, что вложил, а затем экспортировать доллары начинает уже Бразилия Таким образом, в течение только одного прошлого года Бразилия выслала в США на 220 млн долларов больше, чем получила Экспортер капиталов становится импортером. Бразилия экспортирует в виде пошлин, прибылей, выплаты процентов по займам; следовательно, все это не является для нее преимуществом

Во вторых, предоставленные этим слаборазвитым странам капиталы не используются для подлинного развит этих стран В своей книге «Страх и надежда» г-н Тибор Менде отмечает, что американцы очень удивляются тому, что, помещая 3 или 4 млн долларов в слаборазвитый мир, они не видят доходов от этих займов. Дело в том, что 80 проц этих капиталов идет на вооружение, на создание ни к чему не нужных армий, полностью бесполезных и устаревших И все это ради того, чтобы у Соединенных Штатов покупалось вооружение и чтобы там поддерживался определенный уровень занятости, чтобы избежать безработицы, которая все же охватывает в США 4 млн человек Если мы не будем покупать это вооружение, говорит кое кто, если мы не будем помогать США решать серьезные проблемы занятости, то они будут обречены. Надо, следовательно, помогать им, а взамен они нам помогают в долларах. Но, к сожалению, эта помощь в долларах оказывается пустой и в сущности бесполезной как для всего мира, так и для самих Соединенных Штатов.

Несколько лет назад во время интервью с президентом Трумэнном я ему изложил план, выработанный в то время ФАО, председателем которой я был. В этом плане предлагалось создание международного запаса продовольственных продуктов Я говорил с Трумэнном почти час, и в конце разговора он заявил мне, что находит этот план очень удовлетворительным, что видит в нем много преимуществ, таких, как стабилизация цен и продуктов, а также толчок, который получило бы, в случае его применения, мировое сельское хозяйство; и таким образом можно было бы покончить с голодом Но он добавил: если бы я не был президентом США, я бы пошел с вами работать, но как

==142

президент США я против. При этом разговоре присутствовал министр сельского хозяйства США, и он прокомментировал мне этот отказ следующим образом: «Вы захотите, естественно, дать эти продукты питания всем народам мира, страдающим от голода, независимо от того, являются ли они капиталистическими или социалистическими?» Я ему сказал «Да!»

— Но это невозможно,— возразил он. — У нас в США мы должны обращаться с продуктами питания политически, мы не можем преподносить дары ООН, поскольку, если бы мы это делали, республиканская партия заявила бы, что мы распределяем североамериканские продукты между коммунистами. Вы удивлены? — сказал он мне

И я ему сказал: «Да!»

— Это потому, что вы не знаете республиканской партии,— заявил президент Трумэн. — Не так ли, господин министр?

— Да, мистер президент

Это говорит о разнице между чувствами американского народа и политической машиной Соединенных Штатов. Именно последняя, к сожалению, извращает добрую волю, щедрость, дух сотрудничества американского народа.

И если я взял в качестве примера Соединенные Штаты, то это потому, что именно они главным образом оказывают влияние на Латинскую Америку, как, впрочем, и на Вьетнам, как об этом напомнил г-н Вьен. Символично отметить, что в этих районах работают международные треста. Щедрость американского народа неспособна сломить это железное кольцо, эти бесчеловечные интересы которые работают против человечества.

Другая проблема связана с существованием колониализма. Колониализм существует; очень полезно показать, что он может принимать различные формы. Надо ли спорить о том, чем был бы мир, если бы Наполеон не проиграл сражение при Ватерлоо? Если спорить, то, по моему мнению, о том, что колониализм мог бы быть более человечным. Можно было бы представить себе колониализм как необходимую фазу. Но эта необходимость не должна была создавать подобной нищеты. Разумеется, сегодня колонизаторы расплачиваются за эту нищету. Сегодня мы являемся свидетелями страданий метрополий, потрясаемых отчаянием, поскольку они не знают, как выйти из ужасного положения, в которое они сами поставили себя.

==143

ОБЩЕСТВО И ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И КАПИТАЛИЗМ С 1700 ПО 2100 ГОД

• WAN ФУРАСТЬЕ (Франция) /? f >

Тема, к которой мы приступаем, поставлена самим названием нашей встречи: «Какое будущее ожидает человечество?». Тема эта состоит в том, чтобы узнать, что произойдет к 2100 или 2200 г. (т. е. по завершении того, что я иногда называл переходным периодом). Хотя я и согласен с замечаниями г-на Вилара в отношении излишне обобщенных схем «традиционных цивилизаций», но я все же считаю, что в настоящий момент человечество вступило в такой процесс мутации, метаморфозы, что завтрашний мир будет в корне отличен от вчерашнего; в настоящий момент происходят настолько сильные изменения, что рождается действительно новое человечество, рождается в муках, рождается, к сожалению, также в страхе, в беспорядке и, я бы сказал, по большей части в незнании того, чем оно само будет.

Именно об этих вопросах мы и должны говорить теперь, и я делаю это, обращаясь прежде всего к некоторым положениям, высказанным сегодня утром.

Прежде всего я хотел бы сказать, насколько меня заинтересовало выступление доктора Вьена о современном положении его страны, об усилиях, которые необходимо предпринять, и о глубоких

преобразованиях, которые нужно осуществить, чтобы превратить в передовую такую страну древней цивилизации, как Вьетнам.

Он очень четко показал нам, что в решении этой задачи первое место занимает забота о темпах прогресса и что возможные методы были бы совсем другими, если бы давалось, например, 300 лет для перехода от состояния современного Вьетнама к сегодняшнему состоянию США.

==144

Когда же люди ставят перед собой гораздо более короткий срок, не имея, впрочем, возможности четко определить его, то ясно, что решения не те же самые и не приносят одних и тех же результатов ни для настоящего, ни для будущего.

Меня очень заинтересовала эта мысль: мысль о значении, которое приобретает во всяком исследовании развития человечества понятие скорости этого развития и срока, назначенного для достижения определенного результата. В зависимости от скорости и срока проблемы значительно видоизменяются, решающие факторы не одни и те же, в зависимости от того, берется ли, например, период в 10, в 100 или в 1000 лет.

Мне бы хотелось сделать и другое замечание, относящееся к выступлению г-на Кастро, с которым я в общих чертах согласен, хотя и нахожу его, скажем, резковатым по отношению к некоторым нациям; я не уверен, что извне можно легко помочь слаборазвитой стране и давать ей указания и наставления, о которых только что говорил доктор Вьен. Но я согласен с мыслью, которую г-н Кастро выразил в заключение, сказав примерно следующее: «Американский народ хотел бы делать хорошо, но механизмы таковы, что действие отклоняется от цели и что, в конечном счете, зло существует».

Итак, я хочу обратить ваше внимание на проблему техники. Существовала огромная разница между тем, что люди хотят сделать, и тем, что они делают. До последнего времени в мире была всего лишь одна очень богатая нация — очень богатая, т. е. способная оказывать большую помощь остальному миру. Практически это были только Соединенные Штаты. Но теперь будет и другая очень богатая нация, т. е. такая, которая сможет располагать мощной промышленностью, основанной на огромных запасах природных богатств и на 220 млн. образованных людей, — ею будет Советский Союз. То, что между обеими великими нациями будет происходить нечто вроде соревнования, является одним из обнадеживающих моментов нынешнего периода, и я считаю, что результатом этого соревнования явится значительный прогресс.

Наконец, третье небольшое замечание. Хотя я не хочу защищать Мальтуса, особенно после того, как я узнал, что он находился в услужении Индийской компании, но мне хотелось бы в чисто научном плане отметить, что Мальтус сформулировал закон, который — здесь я полностью

==145

согласен с г ном Кастро — уже совершенно не пригоден для современного мира (и то, что я скажу ниже, подтверждает это), но который был действителен для прежнего мира.

Мальтус сформулировал свой закон в тот момент, когда он уже терял свою силу Количество продуктов питания в XVIII и XVII веках представлялось неизменным Оно не могло расти, закон темпов роста подтверждался, но теперь этот закон уже недействителен в силу технического прогресса

Это важно отметить, так как здесь находит свое применение принцип, о котором я только что говорил очень часто люди открывают управляющие явлениями законы лишь в тот момент, когда явления полностью видоизменяются в результате вторжения новых явлений

Итак, человечество, создавая свою науку с теми познаниями о Вселенной и мире, которыми оно обладает в данный момент, часто запаздывает и формулирует закон как раз тогда, когда он теряет силу, это не мешает людям в течение длительного времени верить в него и пытаться его применять, несмотря на то, что условия изменились и что теперь эти люди идут против течения

Такое положение довольно драматично Человечество в общем и целом, с большим трудом открывает даже самые элементарные законы своей жизни в обществе, своего труда, хозяйства, демографии, но очень часто случается так что когда оно только еще начинает видеть яснее, уже слишком поздно, общие условия изменяются, решающими становятся новые факторы, и закон, который был только что правильно сформулирован, уже более неприменим

После этих нескольких замечаний мне бы хотелось углубиться в свою тему, связывая ее с понятием мирного сосуществования, о котором говорилось сегодня утром

К тому, что было сказано, по моему, можно добавить следующее в период этого сосуществования, будь оно мирным или полумирным, будь оно недружелюбным или более или менее терпимым, время во всяком случае не останавливается, и мир, следовательно, изменяется У нас уже было, вообще говоря, десять лет псевдомирного сосуществования, и за эти десять лет мир уже значительно изменился

Если в нашем распоряжении еще десять лет мирного сосуществования, то за это время мир будет уже не тем, чем он является сегодня Итак, по мере того как идет

==146

время, сами проблемы мирного сосуществования изменяются, и изменяются весьма значительно В частности, многие нации добиваются экономического прогресса,— я не говорю, к сожалению, все нации, поскольку, разумеется, мне известно, что в некоторых нациях происходит лишь увеличение нищеты; или, точнее, как об этом сказал г-н де Кастро,— и это еще более драматично,— есть нации, прогрессирующие лишь по видимости, нации, где прогресс затрагивает лишь очень ограниченные слои и несет благо незначительному числу лиц, проходя мимо массы Можно сказать, что во всей Латинской Америке есть две нации. Есть действительно прогрессирующая нация, [живущая примерно так, как мы живем здесь, во Франции, но составляющая, может быть, всего лишь 1/10 или 1/20 всего населения, а остальное население стоит на месте

Но за исключением таких стран, где положение, безусловно, драматично, но, может быть, улучшится в течение последующих десяти лет, основные нации, т е СССР, США, Франция, Германия, Англия, Италия, скандинавские страны, Польша и т д , претерпевают очень быстрые и глубокие преобразования

Современные темпы экономического роста

Мне бы хотелось сказать одно слово о скоростях роста. Темпы роста сегодня таковы, каких мир никогда не знал.

Мы можем вполне допустить, что они выше для СССР, чем даже для самой развитой из западных наций. Я думаю, можно также ожидать, что для этого есть немалые основания: прежде всего сама воля к прогрессу сильнее, гораздо сильнее в марксистском государстве, чем в государстве либеральном. Кроме того, есть много и других причин чем ниже исходный уровень, тем легче расти; то богатство и количество сырья на душу населения, каким располагает СССР, делает его, очевидно, одной из стран, наиболее способных к экономическому прогрессу. Можно даже сказать, что если бы СССР не развивался быстрее, например, Италии, то это было бы скорее ненормальным явлением.

Таким образом, в СССР и, скажем, в большинстве стран, имеющих экономику советского типа, темпы роста значительны, но они значительны также и в Японии, и в странах Западной Европы. Они выше, чем когда-либо.

i

==147

Ниже приводятся темпы годового прироста промышленного производства некоторых стран за период с 1952 по 1960 год

Япония .	13%
СССР	10%
ФРГ	8,5%
Италия	8%
Франция	7%
ОЕЭС	6%

Эти поистине огромные цифры ставят вопрос о том почему сегодня рост происходит столь быстро, гораздо быстрее, чем в любой другой момент истории; разумеется, данный вопрос обширен и говорить о нем можно много. Но, что касается меня, то я вижу здесь подтверждение отстаиваемых мною положений. Дело в том, что в конечном счете двигателем прогресса является научный прогресс - прогресс экспериментальных знаний и их воплощение в действительность, в труд людей, — то, что мы называем техническим прогрессом. Если бы не было технического прогресса — я возвращаюсь к тому, что я только что говорил о Мальтусе, — если бы не было всех этих современных средств подчинения природы наукой, в нашем мире еще царил бы застой, не возникла бы ни одна из стоящих перед нами сегодня проблем. Именно технический прогресс является, я не говорю единственным, но действительно решающим фактором экономического и, следовательно, социального прогресса.

Что бы там ни было, но эти очень высокие темпы роста являются почти невероятными, например 8 проц. годового прироста промышленного производства (начиная с 1952 г.) для такой страны, как

Италия! Годовой прирост всей национальной продукции (первичный, вторичный и третичный секторы I) в той же Италии составляет 5,8 процента

Это темпы, о которых у нас не было до войны ни малейшего представления, темпы, невиданные у старых на ших наций.

Почему они так высоки? Я думаю потому, что наука

1 Многие экономисты вслед за Колином Кларком обозначают этими терминами следующие понятия: первичный сектор — добывание всевозможного сырья (сельское хозяйство, рыбная ловля, добыча полезных ископаемых); вторичный сектор — переработка сырья, третичный сектор — сфера услуг

==148

развилась и развивается все дальше и дальше, и особенно потому, что средний человек понял, в чем фокус, если можно так выразиться. Средний человек, производитель, предприниматель лишь недавно (недавно даже во Франции) понял, в чем дело, понял, что технический прогресс порождает прогресс экономический.

Можно сказать, что вплоть до 1940 г. все это было неосознанным, неясным; разумеется, дело делалось, но никто не имел о нем четкого и ясного представления; во всяком случае, средний гражданин, средний человек не видел связи между своим экономическим положением, своей покупательной способностью и техническим прогрессом. Теперь люди начинают ее видеть.

Вот первый фактор прогресса. Простой гражданин, и в особенности предприниматель, даже мелкий, уже сознает, что теперь нужно будет беспрестанно улучшать производственные методы, и он действительно это делает, совершенствует технику.

Я думал об этом сегодня утром в связи с разъяснительной работой, о которой нам говорил наш вьетнамский друг. Не думайте, что она имеет место только во Вьетнаме; она необходима не только там, но и в Италии, во Франции; во всем мире должно происходить это осознание, и оно происходит, но только в течение последних 10 лет.

Я оставляю в стороне Соединенные Штаты, которые в целом начали понимать немного раньше, и, я думаю, именно поэтому они раньше тронулись с места и сегодня богаче

Но в Европе, в частности во Франции, в 1930 или в 1935 гг. сознание этого было еще очень слабым

Следовательно, и во-первых, и во-вторых, причиной ускорения прогресса является прогресс науки. Мне нет нужды на этом настаивать, но фактом является то, что повсюду есть исследователи и лаборатории, которые 10 или 15 лет тому назад не существовали или существовали в гораздо меньшем количестве; теперь можно даже сказать, что число работающих в настоящее время исследователей значительно превышает число всех исследователей, живших со времени появления на земле человека.

Предвидение ближайшего будущего

Итак, 7 проц. годового прироста промышленного производства — таковы темпы Западной Европы, начиная с

•

1952 г.; 7 проц. в год — это примерно удвоение производства за 10 лет. Это невольно напоминает историю с деньгами, положенными в сберегательную кассу в день рождения Иисуса Христа. Вы знаете, что если бы один из ваших далеких предков положил бы один франк в сберегательную кассу в день рождения Христа и если бы в последующем никто из ваших предков не взял его обратно и если бы вы сами пришли сегодня в сберегательную кассу и попросили ваш счет, вы имели бы право на денежный шар, превосходящий по величине Луну, даже при 3 проц. годовых. А здесь 7 процентов!

Увеличение в 2 раза за 10 лет, в 4 раза за 20, в 8 раз за 30, в 32 раза за 50 и в 1000 раз за 100 лет. Вы видите, что дело идет очень быстро. Так быстро, что, проведя элементарный расчет и взяв за исходную цифру, например, число производимых сегодня тонн стали, каждый из вас смог бы убедиться в том, что было бы достаточно 200 лет или что-то около этого, чтобы за один-единственный год переработать всю массу планеты в холодильники или стиральные машины. Разумеется, нет нужды говорить, что Луна в данном случае — это всего лишь капля, она была бы поглощена за 3 месяца, так как она намного меньше Земли, даже Венера и Марс «продержались» бы всего лишь несколько полугодий

Нам примерно 100.000 лет...

Но физика солнечной системы говорит нам, что темпы роста, подобные тем, которые мы переживаем в настоящий момент, не могли, с одной стороны, длительно сохраняться в жизни человечества, и, с другой, не смогут сохраниться более одного или двух столетий в будущем. В самом деле, человечество существует, несомненно, 100.000 лет, а может быть, и более, и если бы оно знало такие темпы, как наши, в течение хотя бы двух столетий, то буквально вся земная физическая среда была бы преобразована до основания.

С тем же правом мы можем сказать, что подобные темпы роста не могли бы сохраняться более 200 лет. Что такое два века с точки зрения продолжительности жизни человечества? Я возвращаюсь к своей основной идее: в каком масштабе времени ставим мы наши проблемы? Я часто думаю о том, каким было бы выступление в ООН делегата

из такой страны, где люди жили бы 2000 лет; представьте, что один из ваших коллег, дорогой г-н Кастро, поднимается в один прекрасный день на трибуну ООН и говорит. «Когда я был молод, на Западе царил император Тиберий». Взгляд этого человека на человечество был бы необычайно отличен от нашего; ясно, что он рассматривал бы явления нашей эпохи в масштабе времени, который значительно бы отличался от нашего

Нам остается жить еще по меньшей мере 200.000 лет

Итак, 200 000 лет для человечества — это срок, который оно еще проживет. Перед нами еще 200.000 лет; что такое два века по сравнению с 2000 веков? Мы вынуждены сделать вывод, что с определенного момента промышленный прогресс замедлится, а это все равно, что сказать, что мы живем в исключительный период человечества.

Мы живем в такой период, какого человечество никогда не знало в прошлом и никогда не увидит в будущем. Можно сказать, что осуществляемый нами прогресс не соответствует природе человечества. Это почти сверхчеловеческие, исключительно прогрессивные и бурные периоды.

Значит ли это, что данный период скоро кончится? Разумеется, нет. Однако я думаю, что сказанное мною заслуживает внимания (впрочем, я не претендую на то, что все это вполне правильно, я лишь мечтаю; говорить — это всегда мечтать, думать — значит всегда мечтать, и, к сожалению, особенно тогда, когда считаешь себя больше всего рациональным). Итак, я не претендую на истину, но мне кажется, что здесь все же содержится аспект, заслуживающий упоминания. Но было бы совершенно ошибочным стремиться сделать отсюда вывод, что прогресс остановится через 2 или 3 года или через 10 или 20 лет.

До 2000 года

Все, что я только что сказал, действительно для 200 или 300 лет, но совершенно не пригодно для периода до 2000 года. Напротив, я не вижу никакой причины для замедления прогресса до 2000 г; я бы даже сказал, что мы, живущие сегодня, осуждены на совершенно исключительную скорость прогресса, она будет сохраняться столько, сколько будем жить мы и, вероятно, наши дети.

==151

Тогда, в конечном счете, что же остановит прогресс? Явится ли действительной причиной недостаток сырья, на что я только что намекнул? По правде сказать, я так не думаю, потому что мне кажется, что будет другой предел, который замедлит прогресс раньше. Таким пределом являются просто-напросто возможности потребления людей.

Другими словами, в настоящее время мы все ограничены определенным рационом; можно с полным правом сказать, что население рационировано во всех странах мира, даже в США. Это может показаться удивительным нам, чей жизненный уровень составляет % или % от уровня Соединенных Штатов, а если взглянуть на дело с точки зрения бедной страны, то покажется тем более удивительным то, что может быть рационирована страна, чей жизненный уровень в 10 или 20 раз выше уровня слаборазвитой страны

Американцы рационированы.

Однако нам всем известно, поскольку у нас всех есть американские друзья, что почти никто из них не считает себя удовлетворенным тем, что имеет, что все стремятся потреблять больше; нет ничего более трудного, чем конец месяца у богатых людей. Они также сидят на рационе, но все же меньше, чем мы, и мы хорошо видим, что происходит сдвиг в типах потребления.

Соединенные Штаты как раз прогрессируют в настоящее время гораздо медленнее, чем мы. И все-таки довольно любопытно наблюдать, что в этой стране, которая в течение 100—120 лет была впереди, по крайней мере в области промышленного производства, скорость промышленного прогресса ниже нашей, хотя в ней и нет застоя. Ежегодный прирост здесь вполне приличен, если смотреть с довоенной точки зрения (прирост в 3—3,5 проц считался бы до войны прекрасным), но в настоящий период такой прирост кажется незначительным.

Третичный сектор выходит вперед

В Соединенных Штатах происходит довольно странное, довольно необычное явление: третичный сектор развивается там быстрее, чем вторичный, т. е. быстрее, чем промышленность. Это абсолютно ново в истории; до сих пор именно вторичный сектор всегда был двигателем прогресса,

повсюду именно в промышленности прогресс происходил наиболее быстро. Развивать сельское хозяйство, к сожалению, всегда гораздо труднее, как об этом говорилось здесь в отношении Вьетнама; это справедливо и для всего мира. Но третичный сектор и подавно развивался еще медленнее.

Однако в США в настоящее время происходит инверсия, совершенно необычная инверсия по отношению к росту, зарегистрированному до сих пор в истории. В результате ее увеличение объема валового национального продукта США превышает рост промышленного производства страны; третичный сектор вышел вперед, в то время как до сих пор впереди всегда был вторичный, и, следовательно, валовой общественный продукт увеличивался медленнее, чем промышленность, поскольку промышленность перекрывала среднюю цифру роста, а первичный и третичный секторы шли ниже этой цифры.

Я думаю, что именно путем подобного обмена ролями между вторичным и третичным секторами и будет достигнута экономическая зрелость нашей эпохи. Следовательно, увеличение возможностей потребления человека связано с замедлением роста промышленного производства. Разумеется, я говорю о производстве и о потреблении на душу населения. В общем и целом, после периода обезлюдения деревни (относительное сокращение первичного сектора) мы переживаем период обезлюдения заводов (относительное сокращение вторичного сектора) и именно в это время третичный сектор становится преобладающим.

Нам остается последняя проблема, которая, собственно, и должна была быть в центре моего сообщения; я думал, что до меня выступит оратор, который изложит только что поднятые мною проблемы; все мое выступление должно было быть посвящено лишь проблеме численности людей и продолжительности человеческой жизни в обществе 2100 или 2200 г., о котором мы говорим в данный момент.

К этому времени прогресс техники производства даст человечеству что-то похожее на изобилие, т. е. приведет к такому положению, когда каждый гражданин сможет потреблять почти все, что захочет, по крайней мере что касается продовольственных и промышленных продуктов. Но такое положение не положит конец проблемам общества, проблемам личной и семейной жизни

Численность людей

В ряду этих проблем стоит вопрос о том, сколько людей будет на нашей планете и каковы могут быть тенденции развития всего человечества, рассматриваемого с точки зрения его численности. Существует проблема, которая вам хорошо известна и которая является главной в этой теме. Она заключается в следующем (и именно поэтому я только что говорил о Мальтусе — , в какой-то мере и с тем, чтобы его защитить): дело в том, что вплоть до времени Мальтуса, скажем, вплоть до 1800 г., численность людей ограничивалась бесчеловечным процессом, процессом естественным, в животном смысле этого слова, а именно — не недостатком средств к существованию.

Все те явления, о которых говорил нам сегодня г-н Жозуэ де Кастро, существующие, к несчастью, в его стране и в некоторых других странах, были классическими явлениями для мира и, я бы сказал, даже для Франции XVII и XVIII веков

Цена зерна и голод

Последний голод во Франции имел место в 1709 г — настоящий голод в полном смысле этого слова, голод, во время которого люди умирали от отсутствия пищи, а ведь известно, что люди долго борются со смертью. Это был последний настоящий голод, но в течение всего XVIII века у нас были такие периоды, когда хлеб стоил очень дорого. Я не могу без боли в сердце вспомнить, что наши и ваши предки, деды и прадеды покупали хлеб и зерно по ценам, которые существуют сегодня. Например, центнер зерна стоит сегодня 40 новых франков, эта цена в 40 денежных единиц уже неоднократно имела место в истории Франции; она была такой в 1922 г., но это не так важно, ибо заработная плата была уже довольно высокой; но такая цена была также и в 1855 г., и в другие периоды, в частности в 1709 г. В 1709 г в течение более 5 месяцев цена центнера зерна (и какого качества!) достигала и превышала 40 ливров, т. е. 40 денежных единиц того времени. Но вам сразу же видна разница, ибо эта денежная единица намного превышала нынешнюю. Чтобы судить о социальном значении этих цен, надо сравнить их с заработками. Средний заработок в 1709 г составлял одно су Сего дня. он составляет

==154

примерно 2,35 франка, т. е. 47 су (речь идет о среднем почасовом заработке взрослого мужчины-чернорабочего на мануфактурах или в промышленности провинциальных городов Франции). Смотрите следующую таблицу: Цена центнера зерна во Франции с 1700 г. до наших дней

	Цена зерна в деньгах того времени	Часовой заработок в деньгах того времени	Реальная цена в рабочих часах
1701—1725			
(средняя)	15,7	0,06	260
1709	36,8	0,05	736
1768—1792			
(средняя)	21,0	0,10	210
1856	40,5	0,20	202
1853—1857			
(средняя)	35,8	0,20	176
1960	40,0	2,35	17

Эти факты показывают, каким было положение во Франции в XVII и XVIII веках. Это целая вереница болезней, нехватки, слабости, о которых только что говорил г-н де Кастро, нищета, делавшая людей страшно восприимчивыми к болезням, эпидемиям и, следовательно, увеличивавшая смертность.

Таким образом, численность человечества ограничивалась средствами к существованию. Это окостенение, этот паралич сковывал всю Францию, так же как он сковывал все человечество в течение прошедших 100.000 лет. Такое окостенение, отсутствие технического прогресса, характерные для всех

100.000 лет жизни человечества, являются, по моему мнению, одним из самых удивительных, самых необычных и поучительных моментов в истории человечества.

Я думаю, что это окостенение покажется еще более странным для наших потомков; они не смогут понять, как это было возможно, чтобы человечество потратило так много времени, прежде чем познать основы экспериментального научного мышления, прежде чем выйти из мрака и нищеты Франция XVIII века оставалась как раз в этом состоянии; с помощью техники того времени она могла прокормить лишь полчеловека на гектар

==155

Два гектара на одного человека

Сегодня утром говорили об одном человеке на десятую часть гектара; однако во Франции вплоть до очень недавнего прошлого на содержание одного человека необходимо было два гектара. •

Такая низкая производительность земли ограничивала численность людей; рождаемость была значительной, даже принимая во внимание смертность того времени, т. е. даже несмотря на то, что люди из-за огромной смертности оставались в браке очень непродолжительное время. Это время было порядка 17—20 лет. Теперь, когда молодые люди вступают в брак, перед ними 50 лет совместной жизни. Женятся всегда на всю жизнь, но теперь совместная жизнь длится 50 лет, а в то время она, к сожалению, продолжалась всего лишь 15 или 20 лет.

Продолжительность браков и число детей в семье

При высокой рождаемости того времени за эти 15—20 лет людям удавалось иметь в среднем по 4,5 ребенка, а человечество тем не менее увеличивалось очень медленно, поскольку значительной была смертность и особенно смертность в молодом возрасте.

Сегодня люди вступают в брак примерно в том же возрасте, что и раньше, но, как я только что сказал, они принимают «обязательство» на 50 лет, и женщина остается замужем в течение всего того срока, когда она в состоянии иметь детей. При естественной рождаемости эти условия дают примерно 6 или 6,5 детей на семью. Учитывая, что смертность сведена почти на нет, эти цифры рождаемости дают примерно утроение населения через каждые 30 лет.

Этим можно измерить огромную разницу между человечеством прошлого и человечеством будущего; человечеству прошлого не было нужды заботиться о своей численности. Число людей определялось жестокими, отвратительными, животными процессами, но процессами, независимыми от воли людей.

У людей было столько детей, сколько они могли иметь, они давали полную свободу природе или инстинкту, а человечество все же оставалось очень малочисленным, лишь

==156

слегка увеличиваясь в числе, так как техника прогрессировала, но очень медленно, очень, очень медленно.

Теперь этот механизм ограничения численности людей средствами существования, т. е. продуктами питания (или, правильнее сказать, нехваткой продуктов питания, периодами голода), находится в стадии исчезновения. Я совершенно согласен с г-ном Кастро, и не думаю, что мы вновь практически столкнемся с этим механизмом, если бы даже на нашей планете население достигло 200 млрд. человек; мы смогли бы прокормить их при непрекращающемся прогрессе науки и тех новых надеждах, которые рождаются в биологических лабораториях.

То, что ограничит число людей

Следовательно, уже не средства к существованию будут ограничивать число людей, но что же тогда? Я не стремлюсь дать на это ответ, просто мне хотелось поставить перед вами одну из проблем, которые встанут перед человечеством, скажем, через 50 или 100 лет, и я бы взял на себя смелость сказать, что она встает уже сегодня.

В заключение я хотел бы сказать следующее: может быть, со мной будут спорить (я уже говорил об этом с г-ном Гароди; по его мнению, для меня была бы весьма полезной поездка в СССР, после нее я бы не стал говорить того, о чем сейчас скажу; поэтому я просто делюсь с вами своими впечатлениями в настоящий момент, во многом впечатлением инженера, скорее инженера, чем социолога), но в данный момент мне кажется, что страны Востока и западные страны строят один и тот же дом.

Я повсюду вижу людей, занятых строительством дома, и каждый старается построить его быстрее другого, говоря: «Видите, я построил уже 3 этажа, вы же построили лишь 2» и т. д., «У меня лучший строй, чем у вас, поскольку я построил 3 этажа, тогда как вы — только 2». Впрочем, это меня очень интересует, и я прекрасно понимаю, что для слаборазвитой страны очень важно строить быстрее, а не медленнее.

Но все же у меня есть это впечатление, что мы строим один и тот же дом; но мне кажется также, что мы его строим, не отдавая хорошо себе отчета в том, чем будет жизнь наших потомков. Однако как только дом будет построен, он чрезвычайно жестко обусловит жизнь его

»

==157

обитателей. Мы действуем, исходя из короткого срока 1, мы устремляемся по определенному пути; мы хотим холодильники — мы их создаем, хотим стиральные машины — создаем стиральные машины и т. д. Мы торопимся, постоянно увлекаемые нашими непосредственными потребностями или нашими взглядами людей 1960 г., и так строится дом, который в конце концов будет иметь такую реальность для будущих веков, что нашим потомкам нелегко будет вырваться из него.

Говоря о численности людей, я хотел бы привести один пример. Ясно, что в настоящий момент мы увеличиваем число людей. Нет нации, которая бы с восхищением не говорила, что она возросла на 1, 2 или 3 проц. по сравнению с предыдущим годом; г-н Насер говорит: «Смотрите. как я быстро увеличиваюсь», и г-н Мао Цзэ-дун: «Смотрите, какой я многочисленный и как я быстро увеличиваюсь», и г-н Кеннеди тоже начал увеличиваться, чего не было до войны. Кажется, что каждая нация, увлекаемая потоком. думает: «Надо, чтобы и я увеличивалась».

Итак, мы все растем в числе; но раз уж увеличившись, мы не так-то легко сможем затем сократиться. Однако сама численность людей, которые будут жить на поверхности планеты, будет иметь очень большое влияние на образ жизни этих людей и на удовольствия, которые каждый будет получать от своего земного существования.

75 секунд в каждой человеческой жизни на то, чтобы увидеть Монну Лизу

Я заканчиваю шуткой; я попросил нескольких ученых сказать мне, сколько минут в своей жизни каждый гражданин Европы 2100 г. (когда, разумеется, больше не будет «холодной войны», СССР не будет отдален от Франции, когда любой гражданин из глубин Сибири сможет приехать провести свой отпуск на Лазурном берегу) сможет провести в квадратном салоне Лувра, чтобы увидеть «Джоконду», настоящую «Джоконду», а не репродукцию. Результат подсчета, который каждый может сделать сам,

Чтобы понять смысл, который я придаю этим словам «короткий срок, долгий срок», см. мою недавно опубликованную книгу «Великая метаморфоза XX века». Париж, 1961 г.

==158

удивителен. С момента, когда человечество достигает определенной численности, его природа меняется в силу одного факта его численности и плотности на гектар; жизнь наших потомков будет в корне отлична от жизни наших предков

Общество второго тысячелетия

Давая вам для размышления эту тему, я хотел также показать вам, не доводя подобное утверждение до конца. что имеется все же много проблем, независимых от проблемы великого разделения мира на два блока; я думаю, что и марксисты и немарксисты должны иметь возможность говорить о таких проблемах, почти полностью, я бы сказал, отвлекаясь — здесь я, может быть, очень ошибаюсь — от многих вещей, которые их разделяют. Вообще говоря, я думаю, что эти проблемы человечества, скажем, человечества 2100 или 2200 г., должны бы быть предметом гораздо более систематических, чем сегодня, исследований; в самом деле, когда мы делаем экономические прогнозы, мы делаем их на 5 или 10, или 20 лет, ну а мне бы хотелось, чтобы они делались на 100 или 200 лет.

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС

>

ЭРНЕСТ КОЛЬМАН (Чехословакия)

В этот уже написанный доклад мне пришлось внести серьезные изменения. 12 апреля 1961 г. первый человек. советский космонавт Юрий Алексеевич Гагарин, отправился в космос. Все, о чем было уже написано в этой работе, показалось страшно малым и обедненным по сравнению с тем, что принесет с собой для прогресса человечества начавшаяся новая эра овладения космоса человеком. Те, кто изучает развитие современной науки и техники, должны теперь признать, что наш XX век является веком самого глубокого и широкого научно-технического переворота из всех, которые переживало человечество со времени овладения искусством добывания огня. Кто теперь может отрицать, что современный переворот выходит далеко за пределы науки и техники, что он распространяется на все устройство человеческого общества в целом?

==159

Чудеса становятся реальностью

Однако вполне естественно возникают три вопроса: во-первых, не являемся ли мы жертвой самообмана, не преувеличиваем ли мы значение переживаемой нами эпохи; во-вторых, согласно каким критериям следует оценивать этот переворот; с-третьих, какую именно оценку он заслуживает?

- Несомненно, история свидетельствует о том, что и в f прошлом находились люди, считавшие как раз время, в котором они жили, самым выдающимся, между тем как другие имели о нем самое худшее мнение. Но судить о значении эпохи следует лишь на основании объективного критерия, такого, который соответствует изучаемому предмету. Таковым критерием является уровень общественно-экономического строя, развития науки и техники, мышления и поведения людей. Это критерий комплексный, чем он верно отражает комплексную структуру предмета. Всякая односторонность, например выделение лишь морального фактора, что свойственно некоторым направлениям идеалистической философии, или, наоборот, лишь экономического, как делали приверженцы «экономического материализма» и делают многие сторонники современного эмпиризма, неизбежно ведет к ненаучным искажениям. Вместе с тем этот критерий не эклектичен: его ядро — как не только теоретически, но и практически доказывает марксизм — это развитие способа производства.

Даже слепец не может сомневаться в революционном характере развитая современной науки и техники. От ветряных и водяных мельниц и водочерпалок рабского и феодального общества вплоть до паровой машины, электромотора, мотора внутреннего сгорания, химической технологии и громадной машинерии, созданной в промышленности и на транспорте капитализмом, — все это было основано лишь на использовании движения молекул и внешних электронных оболочек атомов. А сегодня? Современная физика, проникнута до расстояний в сто тысяч раз меньших, открыла для техники источник энергии, в сто тысяч раз превышающий все прежние, — расщепление ядер тяжелых атомов. И мы не успеем оглянуться, как она даст нам энергию, возникающую при синтезе легких ядер, энергию, превышающую в миллиарды раз ту, которую мы получаем из лучших видов топлива. Это же проникновение в

==160

микромир обусловило возможность рождения высших, кибернетических автоматов. Они используют потоки свободных электронов и обладают способностью управления. Они заменяют нашу внимательность, память, логическое суждение и выбор. Недавно они работали со скоростью в сто тысяч, а сегодня уже в миллионы раз большей, чем наш мозг. Освободившись благодаря машине от тяжелого физического труда, человек освобождается теперь кибернетическим устройством от однообразных, отупляющих видов умственной работы. И это же проникновение в субатомный мир дало человеку — через ту же кибернетику — возможность проникнуть в космос. Неимоверно расширяется область человеческих знаний и деятельности. Вскоре будут использованы небесные тела как гигантские источники сырья и энергии. И далее, опять-таки кибернетика дает биологии и медицине мощные средства исследования, делает возможным дальнейшее углубление познания мозга, а этим и сущности сознания. Наука о психике, а равно и планирование общественной экономики получают в свое распоряжение точные математические методы. И подобно тому, как человек целенаправленно меняет внешнюю природу, он уже делает первые шаги, чтобы при помощи изученных биофизикохимических процессов, лежащих в основе процессов наследственности и ^психики, управлять усовершенствованием человеческого рода и человеческого мозга.

Все это — не «музыка будущего». В зародыше все это уже существует вокруг нас как составные части великой научно-технической революции, которая со все возрастающим ускорением бурно пробивает себе дорогу. Прежде чем мы перестаем восторгаться каким-нибудь новым научным или техническим «чудом», оно входит в повседневную жизнь.

Если, следовательно, ответ на первые два вопроса сравнительно прост и однозначен, третий вопрос значительно сложнее. Кажется, что довольно ясно его можно сформулировать так: содействует ли научная и техническая революция общественному прогрессу?

Прежде всего, чтобы этот вопрос имел смысл, сам прогресс должен существовать. Но существует ли он в самом деле? Как известно, немало социологов в капиталистических странах не только отрицают существование общественного прогресса в смысле улучшения,

==161

усовершенствования общества, но многие отрицают и само развитие общества в смысле единой направленности. Они признают лишь «перемены», якобы не связанные общей закономерностью, либо внезапно возникающие (эмерджентные теории), либо движущиеся в кругу. Задумаемся над этим. Разве факты истории не доказывают, что общество, так же как и весь реальный мир, как природа, из которой оно возникло, развивается"? И оно развивается не прямолинейно, лишь через количественные усовершенствования, как это понимает плоский эволюционизм, а в единстве и борьбе полярных противоположностей. Так мы убеждаемся, что общество в целом, через временные и местные зигзаги и отступления поднимается на качественно все более высокие ступени.

Буржуазный пессимизм и марксистский оптимизм

Наивно думать, что марксистские ученые выступают в защиту идеи общественного прогресса «по долгу службы». Как утверждает, например, Раймон Арон. Неоснованно было бы также считать, будто все буржуазные социологи, придерживающиеся пессимистических взглядов, делают так потому, что они вознаграждаются за это круглой суммой. Мы прекрасно понимаем, что многие буржуазные социологи честно стремятся к изучению подлинного развития общества. Методы, которыми они при этом пользуются, часто остроумны и ценны, и тем не менее, хотя мы и не отказываемся использовать эти методы, мы считаем, что методология, общие принципы, лежащие в их основе, их исходная точка зрения являются глубоко ошибочными. Ведь не может быть сомнения в том, что господствующая в данном обществе идеология — идеология господствующего класса — оказывает сильнейшее влияние на ученого, тем более на социолога, связанного тысячами нитей с этим классом. Как же удивляться тому, что громадное большинство социологов капиталистических стран, вопреки требованиям объективной науки, защищает капитализм, осужденный на гибель всем ходом истории. Разумеется, и мы, марксисты, находимся под влиянием господствующих в социалистическом мире идей — идей господствующего рабочего класса. Поэтому наша наука, так же как и буржуазная наука, небеспристрастна, она классовая, «партийная». «Но, — скажут нам, — если так, то на какую объективность вы можете претендовать?» «На

==162

максимальную!» — отвечаем мы. Ибо разница между буржуазной и марксистской социологией коренная. Марксистская социология испытывает влияние идеологии класса, не заинтересованного в искаженной интерпретации фактов, в фальсификации истории. Рабочий класс не стремится для сохранения прибылей повернуть историю вспять. Именно потому, что классовость нашей социологии представляет собой для данных исторических условий верх объективности, нам незачем скрывать ее

Понятно, история не развивается гладко, и — как это случилось в период «культы личности» — в социалистическом обществе могут проявить себя временные искажения, вытекающие не из его сущности, а из сложности его борьбы за существование Среди этих искривлений могут быть и идеологические, оказывающие влияние и на марксистских социологов Это, по-видимому, имел в виду проф. Арон Но можно ли отсюда, если только не руководствоваться политическими целями, делать обобщающие выводы, ставя под сомнение мотивы положительного отношения марксистов к общественному прогрессу? Seriously ли это, особенно после того, как сами марксисты со всей откровенностью перед всем миром вскрыли допущенные ошибки и сделали все, чтобы их исправить?

Разрешите после этого вынужденного экскурса вернуться к основной теме. Как получилось, что, уже с начала нашего века, многие буржуазные социологи хоронят идею прогресса? Это отражает прежде всего переход капитализма в империалистическую стадию, когда в самых вопиющих формах проявляются антагонизмы капиталистической системы. Вместе с тем эти социологи реагируют таким своеобразным способом на либеральные иллюзии теорий «мирной» эволюции- раз капитализм не способен к эволюционному улучшению, то, мол, прогресс вообще не существует

Наоборот, уверенность марксистов в общественном прогрессе обоснована фактами Мы употребим — в первом приближении — самое грубое, простое и общее измерение прогресса — сравнение между степенью решения противоречия между природой и обществом в различных исторических формациях Не ясно ли, что прогресс при социализме и коммунизме имеет не только общие, но и существенно отличные черты от всего предыдущего развития

==163

классового общества? Исчезает антагонистичность, отсутствует эксплуатация человека человеком, налицо планомерность, научное сознательное управление — хотя и остаются некоторые виды противоречий и возможны известные регрессивные явления.

Угрожает не техника, а социальный строй

И все-таки какое же влияние оказывает научно-техническая революция на общественный прогресс? Никакое, отрицательное, положительное? Хорошо известны прежние взгляды Бертрانا Рассела о том, что современный человек, несмотря на свою науку и технику, будто бы ни на шаг не поднялся в моральном отношении над пещерным человеком Пользуется популярностью и другое его крылатое слово, что если бы история следовала по «техническому» пути Архимеда, вместо «гуманитарного» пути Аристотеля, человечество бы давно самоистребило себя) С другой стороны, некоторые, например Ж Фурастье, склонны отождествлять технический и экономический прогресс с общественным прогрессом, измеряя последний, скажем, количеством потребляемого мыла или выпущенных холодильников на душу населения. В обоих этих случаях мы имеем дело с типичным для идеалистического мировоззрения метафизическим методом мышления. И те и другие неправоммерно распространяют одну, отдельно взятую черту явления на все явление в целом, преувеличивают, увековечивают ее. При империализме бурное развитие техники в самом деле не только не сопровождается соответствующим гармоническим развитием общественных отношений, а, наоборот, ведет к ужасам колониализма, фашизма, мировых войн, к головокружительным прибылям десятков монополистических трестов и страданиям миллионов безработных, к голодному существованию целых народов. Эти мысли мы встречаем все чаще и в работах многих буржуазных социологов. Но почему отсюда некоторые заключают, что это останется навсегда роковым уделом человечества, что так должно быть и при общественном строе, основанном на знании законов общественного развития? Равным образом верно, что повышение производительности труда, материального уровня жизни является необходимым условием общественного прогресса Но общественный прогресс отнюдь не сводится к количеству

потребляемых продуктов и не может измеряться только им, в особенности если при этом вдобавок закрывают глаза на страшное обезчеловечение жизни людей, которым неизбежно сопровождается восхваляемый образец «прогресса» — ^ американское процветание

Научная и техническая революция, несомненно, влияет на общественное развитие, но в каком именно направлении — это полностью зависит от общественного устройства. Исторический опыт показывает, что достижения науки и техники могут одинаково служить на благо человека, как и во вред ему. Так, например, начавшийся в конце XVIII века промышленный переворот означал великий прогресс капитализма по сравнению с феодализмом, переход от мануфактур к фабрикам, к ткацкому станку, к пару, железным дорогам, металлургии, машинной промышленности, к крупным городам, массовому производству товаров и громадной экономии человеческой энергии. Но он повлек за собой и массовое обнищание мелких производителей, крестьян и ремесленников, громадную безработицу и бесчеловечную эксплуатацию рабочих, женщин и детей. Прогресс техники тонул в море пота, слез и крови. Или что дала пока человечеству авиация? Преодоление расстояний, чрезвычайную экономию времени для немногих или же гибель бесчисленных жизней, руины городов и деревень, уничтожение невозместимых памятников культуры во второй мировой войне? Что принесет нам расщепление атомного ядра? Атомные электростанции, радиоизотопы, фотонные ракеты и звездные миры или же истребление и угрозу уродства для будущих поколений?

За это вопиющее противоречие нашего времени и цепляются как раз те, кто сваливает вину за все зло мира, за войну, нищету и упадок нравственности на технику. Они не в состоянии или не желают понять того, что Н. Винер, которого лишь маньяки смогли бы заподозрить в приверженности к коммунизму, мужественно высказал в своей «Кибернетике»: «Новое развитие техники имеет неограниченные возможности как для добра, так и для зла... Ничего доброго не может взойти для этих новых возможностей, если их оценивать с точки зрения рынка и денежного хозяйства... Необходимо иметь общество, основывающееся на человеческих ценностях, других, чем купля и продажа»... Но если одна группа вольных или невольных адвокатов капитализма нападает на современную техническую

революцию, то другая, наоборот, изворотливо возводит ее в ранг «второй промышленной революции». Капитализм якобы превращается в какой-то «народный капитализм», его сущность устраняется без того, чтобы была упразднена частная собственность на средства производства.

Обе эти концепции имеют одно общее — они одинаково необоснованны. Для того чтобы наука и техника никогда больше не могли служить порабощению человека, необходимо, чтобы капиталистический строй был заменен строем социалистическим. Это доказывает более чем сорокалетний опыт Советского Союза, пятнадцатилетний опыт Чехословакии, опыт целого миллиарда жителей стран мировой социалистической системы. В обществе, которое не знает эксплуатации, конкуренции, захватнических войн, техника не обращается против человека. Она выполняет свое возвышенное первоначальное назначение, создает условия для того, чтобы человек жил разносторонней, радостной и красивой жизнью.

Пожалуй, наиболее наглядной иллюстрацией того, как общественное устройство влияет на судьбы техники, дает нам автоматизация. Она — наивысшее достижение научно-технического гения, которое в наибольшей степени осуществляет задачу, поставленную перед техникой человеком: максимально освободить его от необходимости затрачивать для поддержания жизни свое время и энергию И вот цель достигнута, созданы изумительные кибернетические автоматы И что же? В условиях капитализма нам открывается знакомая мрачная картина. Массовое введение автоматизации выбрасывает целые армии рабочих и служащих из производственного цикла. С безработицей появляются голод и обнищание, ее сопровождает рост заболеваний и преступности. Но также падает и покупательная способность населения Товары, произведенные автоматами, автоматами не покупаются. Наступает кризис Экономически более слабые предприятия разоряются, более мощные, монополистические — вступают в отчаянную конкурентную борьбу. Они ищут новые рынки сбыта. Но и ребенок знает, что мир давно поделен — остается лишь применение силы. И опасность войны, которая обрушила бы век тяжесть страданий на трудящихся, тем больше, что монополии срослись с государственным аппаратом, фактически заправляют им. Как на все это реагируют трудящиеся, дорисуйте себе сами

==166

В социалистическом обществе автоматизация вызывает диаметрально противоположные последствия. Она дает возможность преодолеть нехватку рабочей силы, осуществлять все более грандиозные планы преобразования природы. С семи и шести часов рабочий день сокращается до пяти и т. д., причем реальная заработная плата возрастает. Рабочий использует свой досуг для образования, он становится инженером-наладчиком, конструктором. Конечно, и здесь возникают нешуточные трудности — мы к ним еще вернемся,— но они совершенно другого характера, чем те разрушительные последствия, которые плодит автоматизация на почве капитализма.

Техника должна служить человеку

Уничтожение в социалистическом и коммунистическом обществе дотоле неразрешимых противоречий прогресса означает, что человеку открывается невиданная прежде перспектива. Открывается путь к тому, чтобы каждая новая ступень овладения природой создавала предпосылки для равного развития всех членов общества без исключения Как раз молодой Маркс, ссылаясь на которого стало в наши дни модой некоторых антимарксистов, указывал, что это новое общество создает условия для всестороннего развития жизненных сил каждого человека, которое будет ощущаться как необходимая потребность. Какой бы общий критерий общественного прогресса мы теперь ни избрали (понятно, не какой-нибудь вздорный), то, в применении к коммунистическому обществу, между ним и индивидуальной судьбой любого члена этого общества существует единство. Разумеется, речь не идет ни о достигнутом уже состоянии, ни лишь об идеале, а о реальном процессе. Именно так понимает марксизм общие перспективы прогресса. Он одновременно максимально принимает во внимание как индивидуальную личность человека, так и этапы борьбы, совершенно конкретные для каждого периода,— введение новой техники, повышение производительности труда, борьбу за мир и против колониализма, воспитание социалистического человека с новой моралью, преодоление противоположностей между городом и деревней, между физическим и умственным трудом и т. д. Следовательно, общественный прогресс, свободу и

==167

гуманизм марксизм понимает лишь как цепь реальных звеньев освобождения и очеловечения

Иначе говоря, марксизм учит, что сама техника не создает новое высшее общество автоматически, даже если это техника в высшей степени автоматическая. За это общество, за счастье необходимо бороться, осуществить социалистическую революцию. А это в состоянии сделать единственно лишь — в союзе с остальными трудящимися — рабочий класс, не заинтересованный в каком бы то ни было угнетении других. Весь его интерес, наоборот, состоит в том, чтобы развитие производительных сил по лучило неограниченный размах, а вместе с ним и развитие • образованности, морали, науки и искусства. Между тем среди тех, кто долгим раздумьем пришел к убеждению, что новая техника требует нового высшего типа общественного устройства, имеются авторы, трагически заблуждающиеся по вопросу о путях, которыми оно может быть достигнуто. Еще в 1901 г. Г. Уэллс в своем очерке «Предвидение», где знаменитому сочинителю фантастических романов так печально изменила, в применении к развитию нашего века, его способность предвидения, предложил для оздоровления общества передать его экономическое и политическое руководство техникам, техническим специалистам. Эту же идею технократии пропагандировал Г. Скотт во время тяжелого экономического кризиса после первой мировой войны. Сегодня ее, с некоторым изменением, под названием «менеджеризма», распространяют те, кто, как Бернхем, лицемерно критикует хаотичность «либерально го» капиталистического хозяйства.

В технократических и менеджеристских идеях часть буржуазной интеллигенции безнадежно пытается найти выход из капитализма, перед преступлениями которого она отворачивается с отвращением. Но эти идеи являются лишь частью того разнообразного набора концепций, который буржуазная социология сегодня — словно в универсальном магазине — предлагает «на все вкусы» для всевозможных слоев общества. Своего рода антипод к названным концепциям составляют взгляды, будто причиной прогресса является внутреннее стремление человека к собственному усовершенствованию. Одни говорят, что это стремление врожденное, другие — что оно дано свыше, но и те и другие считают, что уровень техники и общественного строя при этом несуществен. Современный вариант этой

==168

ответшальной идеологической выдумки имеет своими родоначальниками Ницше и Шпенглера, этих предвестников германской фашистской идеологии. Он гласит, что стремление к прогрессу напрасно, ибо современная культура неизбежно погибнет, человечество вернется к состоянию дикости, так как мир подчиняется закону «вечного возврата». Независимо от субъективных намерений приверженцев этого взгляда, объективно он представляет собой хитрое оправдание империализма. Поскольку стало безнадежным приукрашивать его, он цинично объявляется следствием естественного устройства всего бытия.

Но все эти и подобные им вымыслы не выдерживают критики перед правдой жизни. Современная техническая революция протекает в эпоху переворота всего общественного строя, переворота еще более глубокого, чем она сама. Ни одному социологу не уйти от того факта, что больше чем одна треть человечества уже строит социалистическое и коммунистическое общество, что сотни миллионов уже освободились от оков колониализма и что их количество неуклонно возрастает. В этом — порука, что век атомной энергии, кибернетики и завоевания космоса принесет не конец света, а станет началом подлинно человеческого прогресса. Наука и техника в руках социализма достигли такой мощи, что даже зарвавшиеся авантюристы прячут подальше свои военные планы. Громадное большинство жителей нашей планеты, независимо от своего мировоззрения, едино в своей борьбе за мир, за исключительно мирное использование науки. Империалистические силы вынуждены считаться с этим.

Противники марксизма утверждают, будто бы для него понятие прогресса включает лишь технику, экономику и политику, будто он фетишизирует технику в ущерб живому человеку. Стоит ли нам приводить многочисленные теоретические высказывания основоположников марксизма, в которых

именно человек поставлен в центр внимания? Ведь лучшей проверкой теории является практика. А практика марксизма — это великие успехи Советского Союза и социалистических стран в области народонаселения, здравоохранения, образования, культуры и искусства. Они убедительно доказывают, что для нас, марксистов, техника является средством, а не самоцелью. Мы делаем все, чтобы она служила человеку, его мирной, созидательной, содержательной, радостной жизни

*

==169

Творческий труд — потребность человека!

Марксизм, обладающий материалистически-диалектическим методом познания, рассматривает, руководствуясь указанием Ленина, любое явление как «раздвоение единого и борьбу противоположных частей его». Поэтому мы не упускаем из виду, что и техника имеет наряду с положительной свою отрицательную сторону. Современная индустрия не только обладает производительностью, в сотни и тысячи раз превышающей производительность искуснейших ремесленников. Вместе с тем она отравляет дымом и отбросами воздух и воду, наносит тяжелый вред человеческому здоровью, портит красоты ландшафта и исторические памятники архитектуры. Но, кроме этих и других им подобных опасностей физического ущерба, современная техника приносит с собой немало разрушительного для человеческой психики. Она породила изнурительный шум мастерских и больших городов, бешеную гонку конвейера и каждодневных забот, гонку, не соответствующую естественному физиологическому ритму. И она рождает одностороннее направление духа — в особенности у известной части молодого поколения — узкий техницизм, отсутствие интереса к природе, музыке, поэзии, живописи, к истории и философии, а прежде всего к личности человека. Так возникает опасность, что может распространиться тип черствого, бесчувственного, безразличного к людям человека, который из-за разума позабыл о сердце. Социализм, а тем более коммунизм, борется с этим. и создает все необходимые и достаточные условия для того, чтобы техника приносила человеку не вред, а исключительно пользу во всех отношениях. Развивая науку и технику планомерно, мы в странах социализма обращаем огромное внимание на ее прогностическую сторону. Мы стараемся всесторонне предвидеть вредные последствия, которые, вопреки поставленным целям, иногда может принести практическая реализация открытий и изобретений. Сами наука и техника обладают громадными возможностями обезвреживания и защиты, которые необходимо «только» последовательно применять. В 15-й статье конституции Чехословацкой Социалистической Республики записано создание здоровой и красивой среды, охрана природы, — не говоря уже об охране труда, — как одно из прав, гарантируемых ее гражданам. В чем состоит одна из

==170

особенностей наших государственных пятилетних и долгосрочных планов как экономического и культурного строительства, так и научных исследований? Именно в том, что в них намечено устранение всех вредных явлений, которые вызывают промышленность и транспорт, унаследованные от капитализма. И, разумеется, на вновь создаваемых предприятиях, транспорте, жилье мы подобные явления не допускаем. Одновременно социалистическое общество продуманно, теоретически обоснованно формирует социалистического человека, его моральное сознание.

В коммунистическом обществе трудовые усилия человека, необходимые для удовлетворения материальных потребностей, будут сведены благодаря высокой технике и прежде всего автоматизации до крайнего минимума. Как неоднократно указывали Маркс и Ленин, здесь тем более настоятельно станет необходимым, чтобы каждый здоровый член общества» участвовал в производительном труде. не только потому, чтобы избежать физиологического вырождения человека, атрофии неупражняющихся конечностей, его превращения в уэллсовских чудовищ-марсиан, но и потому, чтобы он не дегенерировал морально.

Благодаря труду человек поднялся над миром животных. Без труда люди быстро опустились бы вновь до уровня обезьян. Только участвуя с детства в производительном труде (само это понятие получает при полной автоматизации новое содержание), человек не по книгам, не понаслышке, не только абстрактно, а конкретно осознает, что всеми своими благами он обязан труду, обществу, великому человеческому коллективу. Он поймет всем своим существом, что самые тонкие достижения мысли, науки и искусства основаны в конце концов на тяжелом, «грязном», будничном труде несметных поколений рабов, крепостных, пролетариев. Вот почему в странах социализма осуществляется в школах принцип объединения физического труда с изучением естественнонаучных и общественных знаний, принцип, выдвинутый великим чешским педагогом Коменским еще триста лет тому назад. Только этим путем можно воспитать гармонически всесторонне развитые личности, людей, понимающих свои обязанности по отношению к обществу. Для них труд — не тяжелая необходимость, а внутренняя потребность. Они дисциплинированы не из-под палки, а благодаря своей высокой сознательности. Они способны, если нужно, жертвовать своими

==171

индивидуальными интересами ради интересов коллектива, народа, человечества. Огромное количество таких прекрасных людей уже живет среди нас, и их число все больше растет.

Конечно, все это не дается и не дастся без борьбы, без преодоления тяжелых трудностей. Необходимо кропотливо устранять инерцию мышления и поведения, рецидивы звериных инстинктов, преодолевать «страшную силу привычки», как говорил Ленин. Но не только эти трудности видим мы перед собой. Одной из трудностей, как это в своей интересной книге «Предвидимое будущее» отметил Дж. Томсон, будет также обеспечить для каждого члена будущего общества его потребность в труде. Конечно, новое поле деятельности — значительное увеличение заботы о воспитании и лечении, что потребует множество новых педагогических и медицинских сил. Но самое большое количество труда будет необходимо для освоения Луны, Венеры, Марса, других небесных тел. Эта задача даст новым поколениям то чувство героизма, которое помогает молодежи преодолевать препятствия тем упорнее, чем они труднее.

Что предпримет будущее общество, чтобы техническая революция не могла влиять на развитие общества иначе, чем прогрессивно? Оно добьется того, чтобы высокому уровню техники соответствовал не менее высокий морально-политический уровень человека. Должна быть исключена возможность возникновения «ножниц» между ними, опасность появления эгоистов, злоупотребляющих завоеванной свободой, отдающих досуг для разврата, цинично подчиняющих все достигнутое обществом своим личным целям. Для предупреждения всего этого марксизм, как материалистическое учение, не полагается на одно только просвещение. Материальные, реальные условия жизни, быта должны сформировать нового человека. Уже сейчас на наших заводах и в сельскохозяйственных кооперативах в одной лишь Чехословакии работают тысячи бригад социалистического труда. В своем прекрасном порыве они осуществляют принцип «социалистически работать, социалистически жить». Уже сейчас мы создали широкую сеть общественного питания, бытового обслуживания, облегчающую внедрение нового быта. Но новое строительство предусматривает полное освобождение женщины от

рабства кухни и стирки, коллективное воспитание детей в часы занятости родителей, разнообразные культурные

==172

сооружения, иначе говоря, самые благоприятные условия для развития социалистической семьи, творческой личности, подлинного гуманизма.

Техническая революция и общественный прогресс одинаково зиждятся на труде, прежде всего на труде физическом — создателе всех материальных благ. Его кристаллизацией является и умственный труд работников науки, техники и искусства. Но на обоих, на физическом и умственном труде, паразитирует и предпринимательство, и торгашество, беззастенчиво присваивающие себе плоды труда. Мы, интеллигенты, часто не понимаем этого. Не понимаем, что без устранения паразитического нароста, без освобождения труда человечество не сможет добиться того, чтобы научная и техническая революция служила общественному прогрессу и только ему. Но, разумеется, есть уже немало интеллигентов и в капиталистических странах, которые прекрасно эту истину осознали.

Диалектика вещей такова, что выходцы из буржуазной интеллигенции — Маркс, Энгельс, Ленин и многие другие — создали для пролетариата его революционную теорию, объединяющую экономическое, историческое и философское учение, без которой он не поднялся бы выше борьбы за мелкие реформы. Но диалектика вещей такова, что не интеллигенция в целом, а рабочий класс, хотя он и не имел доступа к науке, глубоко осознал истинную тенденцию развития современного общества, роль труда, который он олицетворяет, в общественном процессе. Скоро исполнится сто лет, как наши чешские рабочие поют гимн труду, прекрасный по своей мелодии и по своему содержанию: О, прозвучи, величественная песня Про труд, который природой Врожден человечеству.

Это труд — мать прогресса, И с ним армия рабов Идет защищать свою честь.

Наш принцип расцветет на свете После победы в борьбе: Честь труду! Честь труду!

С этой революционной песней хоронили наши рабочие и работницы братьев и сестер, павших в борьбе за овои права против габсбургской монархии. С ней провожали в могилу бесчисленных жертв гитлеризма. Ее поют они сегодня, радостно воздвигая великие стройки социализма —

»

==173

новые плотины, электростанции, автоматизированные заводы, научные институты, мосты, школы, светлые квартиры,— все то, в чем воплощены мирный труд, достижения техники для человека, для общественного прогресса

ПОСТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ОМОЛОЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ

АЛЬФРЕД СОВИ (Франция)

В этом сообщении мы даем описание процесса демографического старения, затем рассматриваем опасности или неудобства, которые он несет в себе, а также средства, направленные на то, чтобы примирить это старение людей и общественных органов с общим прогрессом общества

1 Постарение населения

Под старением населения надо понимать главным образом возрастание доли пожилых людей, например тех, кому более 60 или 65 лет. Это явление можно также изучать и внутри взрослого населения (отношение числа людей в возрасте 50—60 лет ко всему числу людей в возрасте от 20 до 60 лет) или, в еще более частном случае, внутри активного населения

Старение населения — это общее для всех развитых народов явление. Понижение смертности и продление жизни приводят к увеличению абсолютного числа престарелых. Чтобы их доля в общем числе не увеличивалась, необходимо, чтобы численность молодежи возрастала в такой же пропорции, а это повлекло бы за собой такой быстрый рост всего населения, что его трудно было бы сохранять долгое время

Доведем расчет до предела (на деле недостижимого): в неизменяющемся населении, где все жили бы до 100 лет, 40 проц. людей имело бы возраст более 60 лет.

Уже происшедшие перемены коренным образом меняют тысячелетнюю структуру популяций, поскольку вплоть до современного периода доля людей старше 60 лет нигде не превышала 7 процентов.

Само по себе старение населения является прогрессом, однако, зная, что оно еще более усилится, важно предвидеть его последствия; общество должно приспособиться к этому изменению и следить за тем, чтобы оно не явилось тормозом материального и морального прогресса.

==174

В этом плане нам нужно рассмотреть две основные проблемы: а) необходимость обеспечения возможно более комфортабельной жизни для престарелых; б) необходимость постоянного омоложения общественных институтов с тем, чтобы старение людей не повлекло за собой социального одряхления

Рассмотрим последовательно оба эти вопроса

2. Обеспечить жизнь престарелых

Независимо от юридической формы, в которой обеспечивается доход бездеятельного лица, этот доход всегда является вычетом из производства активного населения.

Если возраст, в котором начинается бездеятельность, остается тем же или, тем более, если он понижается, расходы на престарелое неактивное население за счет активного со временем повышаются.

Не нужно, однако, рассчитывать на соотнесительное снижение расходов на молодежь. Даже если ее численность меньше, чем в прошлом, ее подготовка требует все более значительных усилий, связанных с удлинением школьного периода и улучшением преподавания.

Экономический прогресс, несомненно, позволит справиться с повышением расходов на неактивное население, не снижая соответственно жизненного уровня деятельной части населения. Но отведенная на

эту цель доля прогресса не сможет уже быть использована для других целей, как, например, для увеличения отпусков

Если вопрос доходов может быть решен с помощью соответствующей компенсации (а именно, повышение взносов по социальному страхованию), тем не менее остается более важный вопрос: сама жизнь пожилых людей.

Вряд ли можно утверждать, что их идеалом является полная экономическая бездеятельность, которая могла бы создать у них тяжелое впечатление, что они как бы исключены из общества. Подобная концепция не отвечает требованиям физического и умственного здоровья. Только в силу старой привычки мы рассматриваем «пенсию» как типично благотворительное учреждение. В свое время она явилась значительным шагом вперед, но в наши дни, когда труд все больше теряет ручной характер, когда всякая

==175

слишком резкая смена ритма жизни наносит человеку вред, пенсионная система еще должна совершенствоваться.

Идеальным решением был бы постепенный переход от полной деятельности к полной бездеятельности с учетом не только возраста, но и в особенности возможностей и желаний каждого человека. Короче говоря, имела бы место, так же как и для молодежи, профессиональная ориентация, которая для некоторых профессий могла бы начинаться с 45 лет и даже раньше. Впрочем, для некоторых профессий, требующих особых способностей, как, например, в авиации, эта необходимость уже признана.

В то же время общество должно приспособиться таким образом, чтобы уметь использовать довольно пожилых людей (например, в возрасте 55 лет), которые еще в состоянии приносить свои трудом пользу.

Трудности, с которыми сталкиваются в настоящее время в поисках работы некоторые люди в возрасте от 50 до 60 лет, дают иногда повод для необоснованных мальтузианских истолкований. Эти трудности возникают по двум основным причинам: а) Существует практика гораздо лучше оплачивать пожилых, чем молодежь; эта разница часто оправданна, но не всегда. Если эта система является слишком жесткой, то она — препятствие для пожилых людей, потерявших работу.

б) Внутри активного населения нужно иметь надлежащую пропорцию молодых и старых. В настоящее время в западных странах численность молодежи внутри населения недостаточна. Это обстоятельство идет не на пользу пожилым, как считают мальтузианцы, а во вред им. Полная занятость — это вопрос не числа, а пропорций; чем больше молодежи, тем больше расширяется экономика и тем легче найти работу пожилым людям. Идет ли речь о доходе (пенсии) или об условиях жизни вообще, политика по отношению к старости должна избегать создавать у пожилых людей впечатление, что они исключены из общества или стоят от него в стороне. Они должны возможно активнее участвовать в общественной жизни.

Именно при этих условиях сможет полностью утвердиться прогрессивный характер продления жизни и поста рения населения. Недостаточно продлить существование, нужно, чтобы дополнительные годы заслуживали быть прожитыми

==176

Например, в Великобритании число людей старше 60 лет выросло с 3 280.000 в 1910 г. до 8.510.000 в 1960 году. Чтобы избежать постарения, нужно было бы, чтобы все население в целом увеличилось с 42,5 млн. человек до 110 млн. (вместо 51 млн. на сегодняшний день), причем темпы прироста должны были бы быть в 7 раз выше, чем они были в действительности.

До сих пор постарение населения не являлось прямым результатом продления жизни индивидов, как чаще всего думают. Это продление на самом деле скорее больше проявлялось в молодом возрасте, чем в пожилом, так что до сих пор продление жизни скорее способствовало омоложению населения.

Но рано или поздно продление жизни сопровождается понижением рождаемости; именно это является арифметической причиной постарения населения.

В некоторых случаях эмиграция, затрагивая в основном молодежь, также может способствовать постарению.

Это явление абсолютно повсеместное, во всех развитых популяциях, с разрывами во времени и разницей в темпах.

Доля людей старше 60 лет, достигающая 5—7 проц. в демографически слаборазвитом населении (этот процент был в настоящее время отмечен в слаборазвитых странах). в нескольких странах уже превысила 15 процентов.

Вот несколько последних результатов:

ГДР	20,0%
Бельгия	17,2%
Франция	16,8%
Великобритания	16,7%
Швеция	16,5%
ФРГ и Западный Берлин	15,8%
США	12,8%
СССР	9,5%
Япония	9,0%
Индия	5,8%

Ход постарения можно не только наблюдать, но его легко и предвидеть. Число людей старше 60 лет (или по крайней мере нижняя граница этого числа) может быть подсчитано уже сегодня вплоть до 2020 года. Доля людей старше 60 лет во взрослом населении известна по меньшей мере на 20 лет вперед.

Вообще говоря, до конца века постарение должно усилиться и распространиться на новые страны; в развитых странах доля людей старше 60 лет достигнет 20—25 процентов

Этому явлению подвержено в особенности население Западной Европы, т. е. население наиболее развитых стран Оно пока еще слабо затрагивает Советский Союз, но уже очень далеко зашло в Германской Демократической Республике (самое старое население мира) и постоянно усиливается в Венгрии, Чехословакии, Болгарии.

Эти прогнозы сделаны в предположении, что в соответствии с наблюдавшейся до сих пор тенденцией смертность людей в пожилом возрасте уменьшится незначительно. Но прогресс может изменить и эту тенденцию: если бы нашли эффективное средство против болезней старости (рак и особенно заболевания сердечно-сосудистой системы), то произошла бы вторая, накладывающаяся на первую, волна постарения, на этот раз прямо вызванная продлением человеческой жизни.

Омолодить профессиональные структуры. Мальтузианское решение идет наперекор своей цели: преждевременная бездеятельность работоспособных людей не освобождает места для молодежи, как чаще всего думают, напротив, необходимость постоянно омолаживать профессиональные структуры с учетом изменений техники вынуждает предусматривать быстрый рост, сопровождающийся увеличением активного населения.

Эти взгляды полностью подтвердились в последние годы—с 1950 по 1960 год: именно в тех странах, где больше всего увеличилось активное занятое население, больше всего выросло не только производство, что вполне нормально, но и производство на одно активное лицо, или производительность.

Приведем, например, пять стран с большим ростом в пять стран со слабым ростом:

	Рост занятого активного населения (в проц.)	рост произво дительности (в проц)
Япония	37,0	71,5
3. Германия	28,0	76,5
Голландия	15,0	53,0
Италия	15,0	43,0
Австрия Дания	12,0 7.0	44,0 18.0
Англия	4,5	25,0
Норвегия	4,0 3.0	21,0 28,5
Бельгия		
Швеция	2.0	34.0

Так как жизнь престарелых будет обеспечена тем лучше, чем выше производительность, то очевидно, что страна заинтересована в том, чтобы избегать застоя активного населения

Если активное население не может увеличиваться в силу недостатка численности молодежи, то надлежащая организация жизни пожилых людей окажется несовместимой с их преждевременной бездеятельностью; в этом случае продолжительность активной жизни должна увеличиваться так же, как продолжительность фактической жизни.

3 Необходимость постоянного омоложения общественных институтов

В обратном, если можно сказать, смысле существует опасность увеличения доли пожилых в органах командования, а именно, в органах, занятых предвидением и организацией завтрашнего общества

Можно, бесспорно, встретить немало пожилых людей, идущих в ногу со временем и творящих прогресс. Но опасность должна рассматриваться в основном под коллективным углом зрения: современное общество призвано быстро развиваться, находясь в то же время под руководством людей пожилого возраста. Здесь заключено определенное внутреннее противоречие.

Если взять людей, достигших 20-летнего возраста, мы видим, что средняя продолжительность оставшейся им жизни возросла с 37 до 53 лет, иначе говоря, человек, до стигший взрослого возраста, живет до 73 лет вместо 57, как это было прежде. Однако в течение 73 лет жизни в наше время происходит гораздо больше перемен, чем за 57 лет в прежнее время.

Следовательно, разрыв между тем, что человек видел и познал, и тем, что происходит вокруг него, увеличился по двум причинам

Постарение общественных институтов может быть вызвано понижением смертности, но может объясняться и другими причинами. Если мы возьмем, например, академию или организацию, набирающуюся путем кооптации, мы видим, что, как доказывается в работах Ж. Буржуа-Пиша, постарение происходит уже давно, даже если продолжительность жизни людей не увеличивается

==179

С другой стороны, вот каким был во Франции состав избирательного корпуса в различные периоды: | Революция) 1900 г. | 1963 г.

20—40 лет	51,1	45,4	38,9
40—60 лет	35,8	35,0	35,0
60—80 лет	12,5	18,2	23,1
80 лет и более	0,6	1,4	3,0
	100,0	100,0	100,0

Состав избирательного корпуса изменился в сторону постарения, доля молодых избирателей уменьшилась на 24 проц., в то время как доля пожилых избирателей более чем удвоилась. Введение в 1945 г. избирательного права для женщин примерно на четверть содействовало этому изменению.

Во время Революции половине избирателей было менее 40 лет, на выборах же 1963 г. половине избирателей будет более 46 лет.

Подобная эволюция происходит во всех западных странах. То, что справедливо для избирательного корпуса, справедливо также и для взрослого населения вообще.

Бунтарство и тревоги молодежи. Во всех развитых странах среди молодежи 15—20 лет и вообще среди всего молодого населения отмечается всякого рода беспокойство. Непосредственная реакция всякого общества заключается в том, что высказывается упрек в адрес населения, не уважающего предписанные правила морали. Однако причину этих волнений следует искать, естественно, не у молодых, а в самом общественном организме, таком, как его строят взрослые.

В начале демографической эволюции, в конце XVIII века, молодежь являлась составной частью общества, поскольку оно как бы втягивало ее в себя. Средний возраст детей в момент смерти одного из родителей был 16 лет, средний возраст в момент смерти второго из родителей был 32 года, средний возраст ребенка, когда умирал его отец, равнялся 20 годам. В частности, если у родителей было имущество, земли, отпрыск чувствовал, что быстро настанет момент, когда все это попадет в его руки.

Сегодня у молодого человека 20 лет чаще всего живы оба родителя, а часто и деды. Он чувствует над собой два поколения. Оба эти поколения, довольно ясно

==180

отличающиеся от него, владеют всем: богатством, если оно есть, а также солидными должностями, почестями, связями, квартирами и т. д. Ускорение полового созревания еще более обостряет это явление.

Искались всякие прямые причины расстройств подрастающей молодежи; эти поиски, несомненно, нужно вести совсем в другом направлении.

Омоложение общественных институтов. Итак, нужно предпринять значительные усилия с целью омоложения общественных институтов. Эти усилия должны распространяться на все области. Укажем только некоторые из них: Образование. Именно в образовании отмеченный выше разрыв наиболее чреват последствиями; человек действительно проявляет тенденцию преподавать то, что выучил, и, следовательно, сообщать то, что уже превзойдено процессом развития.

Чтобы бороться с этим уже довольно сильно выраженным явлением, не следует увеличивать постоянно сроки учебы до 25 или 30 лет. Напротив, стоит сделать их более короткими, но предусмотреть к 35 или 40 годам дополнительную подготовку. Последняя даст двойную выгоду: она будет более действенной, имея дело с умом человека, искушенного в практической работе. Кроме того, она позволит человеку омолодить свои познания.

Избирательный корпус. Есть простой способ борьбы с постарением избирательного корпуса: снизить его границу с 21 года до 18 лет. Эта мера настоятельно необходима и потому, что юноша или девушка 18 лет сейчас гораздо более развиты, чем прежде юноша или девушка 21 года.

Омоложение избирательного корпуса будет иметь благоприятные последствия не только для каждой политической партии, больше привлекая ее к молодежи и к будущему, оно может оказать

благоприятное влияние на саму молодежь, уничтожая отчасти ее впечатление, что она не принята обществом.

Различные общественные институты. Набираются ли они путем кооптации или прямого назначения, эти институты постоянно нуждаются в омоложении. Было бы полезно привлекать молодых людей, которые проявили свои способности во время учебы или на первой практической работе, или представителей ассоциаций студентов. Невозможно предусмотреть общего правила, но каждый случай должен рассматриваться в этом духе.

»

==181

Заключение

Являющееся плодом прогресса, постарение населения может повлечь за собой явление социального одряхления, если общество не примет мер предосторожности; это одряхление опасно еще и потому, что вначале оно проявляется очень сдержанно.

Пока ни одно общество, как видно, в достаточной степени не осознало этого явления и не приняло соответствующих мер для своей организации. Вот почему противоядие вполне очевидно: иметь достаточную рождаемость, чтобы постарение оставалось в определенных границах. Необходимо, следовательно, предусматривать некоторое увеличение населения, минимум на 0,5 проц. в год, а то и больше.

Возможно, что общество найдет позднее средство прогрессировать без всякого возрастания населения, имея, следовательно, значительное постарение. Но ему тогда нужно будет полностью осознать это состояние вещей и постоянно бороться с явлениями одряхления, так же как в прошлом население боролось с голодом.

Только при этом условии технический прогресс, о замедлении которого ничто не позволяет говорить, приведет к действительно удовлетворительным результатам, которых мы и ждем от него.

ДИСКУССИЯ

\НЦРЕ БАРЖОНЭ (Франция)

Слушая выступление г-на Фурастье, можно было подумать, что прогресс измеряется исключительно в тоннах,— настолько большое значение, как видно, придает он этим массам холодильников, которые рискуют заполнить огромную сферу, центром которой является Земля, а поверхностью — туманность Андромеды или в более близком будущем Луна! Существует много возможных определений прогресса, но я здесь не для того, чтобы все их рассматривать; мне хотелось бы сразу взять то, которое, очевидно, является наиболее научным и включает минимум моральных и теологических соображений.

Довольно хорошее определение состоит в том, что прогресс — это возрастание власти человека над природой

==182

Следовательно, в основе прогресса, безусловно, лежит труд, труд, который слишком часто рассматривают как наказание, как порабощение, но который в наиболее общем философском виде является не чем иным, как истинным актом между человеком и природой.

Я думаю, что эта сторона вопроса очень важна, поскольку, действительно, нет труда вне общества, а это приводит нас к утверждению, что прогресс непременно социален в самой своей основе. Но это верно, разумеется, при условии, если не допускать серьезной ошибки, заключающейся в противопоставлении человека природе. Мы никогда не должны терять из виду тот основополагающий факт, что сам человек является неотъемлемой частью природы и что, следовательно, любой прогресс человека по отношению к природе несет в себе и изменение человеком самого себя. Таким образом, не могло бы быть никакого прогресса без возрастания власти человека над самим собой и власти людей над человеческим обществом. В этом смысле нет и не может быть чисто индивидуального прогресса в той мере, в какой индивид рассматривается как некая абстрактная сущность, оторванная от остального мира людей, оторванная от природы.

С другой стороны, говоря о более конкретных и более близких нам понятиях, я должен добавить, что не может быть прогресса в рамках капиталистического строя, где торжествует самый отчаянный индивидуализм. Индивидуум — король, и когда я говорю «индивидуум», я, разумеется, не имею в виду человеческую личность. Напротив, индивидуум, являющийся королем при капиталистическом строе, — это противоположность человеческой личности, которая не может расцвести при этом строе. Мне могут сказать, что вначале капиталистический строй был прогрессивен. Разумеется, я далек от того, чтобы забыть слова Маркса в «Манифесте» о том, что буржуазия создала чудеса, но совсем другого рода, чем египетские пирамиды. Это справедливо, но такой период уже канул в прошлое. Было бы, может быть, неплохо вспомнить здесь сделанное г-ном Сови различие — на мой взгляд, очень удачное — между тем, что он называет «прогрессом рецессивным» и «прогрессом процессивным». На самом деле, если при капиталистическом строе и был достигнут бесспорный прогресс в области техники, этот прогресс, если не всегда, то в большинстве случаев был прогрессом

==183

рецессивным. Впрочем, мне хочется отметить (это избавит меня 1 от необходимости слишком много говорить о данном вопросе, как я предполагал сделать), что некоторые весьма конкретные выступления, произнесенные в течение этого очень важного дня, подтверждают подобную точку зрения. Точнее: действительно рецессивным является прогресс, достигнутый в рамках колониализма. Например, проникновение железных дорог, прививки, больницы представляют собой формы прогресса, всегда несущие с собой и отрицательные стороны.

Вместе с тем мне хотелось бы очень кратко затронуть вопрос о роли технического прогресса в общем прогрессе человечества. Г-н Фурастье особенно настаивал на роли технического прогресса. Разумеется, никому из присутствующих здесь не придет в голову мысль недооценивать чрезвычайно важную роль технического прогресса. Верно, что технический прогресс и прогресс научный (это взаимно дополняющие друг друга стороны) имеют тенденцию развиваться кумулятивно. Но это не означает, что технический прогресс можно оторвать от общества, в котором он происходит. Было бы ошибочным превращать технический прогресс, независимо от его важности, в решающий фактор самого прогресса. Мне бы не хотелось брать слишком много примеров, приведу всего лишь один. Я напомним об удивительном открытии паровой машины, сделанном несколько веков до нашей эры Героном Александрийским, об открытии, не принесшем никакого результата, поскольку социальные условия того времени (т. е. условия рабовладельческого общества) лишали этот прогресс всякого интереса. И,

напротив, как только были созданы условия, т. е. как только общество почувствовало потребность в новой энергии, как это имело место в XVIII веке, только тогда открытие паровой машины позволило осуществить промышленную революцию, которая, в свою очередь, была обусловлена появлением машины-орудия. Именно в этом смысле можно применить знаменитую формулу Маркса о том, что «...человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить».

Ни прогресс технический, ни прогресс научный, как таковые, оторванные от своего социального контекста, не являются сами по себе решающими факторами развития общества. В наше время, во второй половине XX века, подлинно решающим фактором прогресса вообще

==184

становится социализм. Почему? Потому, что только социализм дает возможность разрушить препятствия, создаваемые частной собственностью на средства производства и обмена. Сегодня много говорилось о колониализме, и, безусловно, выступавшие были правы, подвергая его суду, но сущность колониализма неотделима от капиталистического строя. Колониализм — это лишь форма и в то же время продукт самого капитализма. Капиталистический строй основан на частной собственности на средства производства и обмена, что влечет за собой чрезвычайно тяжелые последствия, в частности постоянно существующую возможность экономических кризисов, даже если форма этих экономических кризисов по сравнению с XIX веком и изменилась.

Так, содержание экономического цикла изменилось в сторону застоя, это мы видим, например, в Соединенных Штатах Америки, т. е. в самой могущественной из капиталистических стран. Мальтузианство, о котором говорилось (не только мальтузианство в проблеме населения, но и мальтузианство экономическое), продолжает царить, хотя некоторые из его внешних сторон и меньше бросаются в глаза, чем в период между двумя войнами. Производственные тайны и секретность в области научного исследования, представляющие собой очевидное препятствие для общего прогресса науки и техники, обязаны своим существованием капиталистическому строю и не могли бы существовать при социализме.

Социалистический строй несет в себе, следовательно, возможность всеобъемлющего планирования экономики. Г-н Фурастье говорил о различных аспектах времени, но я думаю, что здесь существует один аспект, о котором не упоминалось: впервые в истории человек способен путем планирования придать времени структуру. Когда говорят о «ритме» развития, о «приросте» в различных странах, то не всегда видят самую глубокую сторону дела. Слишком часто видят лишь одну сторону — темп; смешивают ритм и темп, которые являются весьма различными понятиями. Ритм — это структура времени. Таким образом, благодаря социализму человек впервые способен придать времени структуру. Это, безусловно, совершенно новое и чрезвычайно важное явление.

С уничтожением антагонистических общественных классов появляется новый тип человека, новый тип подлинно общественного человека. Я не буду настаивать здесь

==185

на всех сторонах обнищания при капиталистическом строе, т. е. в сущности на обеднении всего существования человека, выражающегося для угнетенного класса прежде всего (и это наиболее явная

сторона) в уменьшении покупательной способности или в различии материальных возможностей, иначе говоря, в уменьшении того, чем владеет человек. Но есть и другая, гораздо более важная сторона — это уменьшение, или, точнее, отчуждение самого человека, поскольку в капиталистическом обществе (т. е. в обществе, где имущество заменило человека) те, у кого ничего нет, не существуют; именно в этом сущность обнищания при капиталистическом строе.

Я думаю также, что при социалистическом строе, строе, избавленном от этих законов угнетения человека человеком, впервые становится возможным стремительное и систематическое развитие образования и знания, развитие, вытекающее из планирования, а также из того факта, что человеку нечего больше опасаться открытий. Ему нечего бояться ни в одной области: ни в экономической, ни в моральной, ни в философской. Напротив, при таком строе человек неминуемо занимает позицию исследователя. Следовательно, социалистический строй — это строй, не заинтересованный в тайнах. Это в самой своей основе строй покоритель, и вторжение в космос, например, служит материальным тому доказательством. Но это вторжение в космос представляет собой лишь наиболее видимую сторону реальности, которая на деле гораздо более глубока.

Итак, социалистический строй дает возможность для абсолютно беспрецедентного развития науки и техники. В фактическом плане подобное утверждение не может быть уже опровергнуто. Люди, больше всего сомневавшиеся в возможностях социализма, вынуждены сегодня признать достижения социалистической науки и техники. При этих условиях верно, что техника и наука могут стать (в гораздо большей степени, чем в прошлом) все более определяющей формой прогресса всего общества, но это возможно лишь в силу достигнутой экономической, социальной и умственной структуры. Социалистическое общество сознательно управляет техническим прогрессом, оно хочет его, ему нет нужды бояться этого прогресса, напротив, оно должно желать его, поскольку рост общественного богатства является условием его дальнейшего развития. И так как социалистическое общество основано на все более расширяющемся

==186

производстве, то, очевидно, для него встает вопрос сбыта. Социалистическое общество, следовательно, осуждено. осмелюсь сказать, на непрерывное повышение покупательной способности в соответствии с постоянно растущими потребностями человека. Мне бы хотелось обратиться (прошу прощения за то, что говорю немного нескладно и быстро, так как мне хотелось бы оставить время для дискуссии и другим ораторам) к тому возвратному эффекту, который может иметь при социалистическом строе развитие науки и техники. Прежде всего небольшой ответ г-ну Фурастье: я не верю в замедление прогресса. Искренне признаюсь, что я не ставил перед собой вопроса в понятиях объема и тонн, иначе говоря, я не задавался вопросом, достаточно ли будет места в бесконечной Вселенной для стали, чугуна и холодильников! Нет, я не задавал себе этого вопроса, поскольку думаю, что понятие прогресса является гораздо более обширным и богатым, чем чисто материальное производство определенных предметов, которые в настоящий момент кажутся необходимыми, но вполне могут стать устаревшими через 20 или 30 лет, если не раньше. Но есть явления, которые можно рассматривать, не впадая в утопию или научную фантастику: это, например, конец политики, в обычном смысле этого слова в том смысле, в каком мы его понимаем. Старой мечтой социалистов-утопистов в отношении нашего разделенного на классы общества всегда было человечество будущего, в котором бы «управление вещами заменило управление людьми». Именно это и есть конец политики, что возможно лишь в бесклассовом обществе, в обществе, где материальные и моральные блага будут производиться массово и где, следовательно, будут возникать, вообще говоря, лишь конкретные проблемы, проблемы, которые могут быть решены научными методами расчета, и где, по всей вероятности, электронные операторы и другие подобные машины смогут играть решающую роль. В настоящее время — это утопия. Вполне очевидно, что в данный момент нет нужды в аналоговой счетной машине, чтобы знать, что война в Алжире разорительна для народных масс. И если кто-то не хочет положить конец войне, то не из-за

недостатка информации, а потому, что существуют интересы, которые противятся этому. Уже давно было сказано, что если бы арифметика затрагивала чьи-либо интересы, то нашлись бы люди, которые бы доказали, что $2 \times 2 + 4 = 8$, напротив, с того

==187

момента, когда такие частные интересы исчезают, можно быть уверенным, что большинство проблем теряет эту политическую сторону (в обычном смысле этого слова) и может быть решено тогда чисто рациональным методом с помощью машин, о которых я говорил. Более того, эти машины, несомненно, будут находиться в диалектическом взаимодействии с самим человеком. Я не хочу заходить не в свою область (я присутствую здесь не в качестве философа) и полностью оставляю в стороне проблему возможного «сознания» машин. Но это факт, что уже существуют! некоторые машины, которые выполняют функции, предназначавшиеся до сих пор для мозга человека. Дальше углубляться в философскую область я не буду, но можно с уверенностью оказать, что работа ученых и, может быть, новых политических деятелей завтрашнего дня в тесной связи с этими машинами создаст нечто вроде симбиоза нового типа, который кажется нам пока еще необычайным и который повлечет за собой преобразование самого человека.

Только что спорили о том, каков основной аспект технического прогресса: атомная энергия, исследование космоса или нечто другое. Я думаю, что не надо отдавать первенство тому или иному аспекту, хотя завоевание космоса и имеет большее философское значение, чем овладение ядерной энергией. Однако мне кажется, — хотя здесь я ^ тоже не хочу вторгаться не в свою область, — что одно из великих потрясений, которые можно ожидать в обществе будущего, связано с биологией. Уже сейчас некоторые интересные открытия, например, открытие группы Садрона, позволяют нам предусматривать, хотя пока только в самом первоначальном виде, изменения в структуре нашего человеческого существа, изменения, чреватые многими последствиями. Эти последствия могут быть и радостными, и ужасающими в зависимости от того экономического, политического и общественного строя, при котором они будут иметь место. Прогресс биологии вместе с прогрессом психологии действительно может создать, биологически говоря, нового человека. Эта гипотеза открывает вдохновляющие перспективы для человечества, но содрогаешься от ужаса, когда думаешь, что могло бы произойти, если бы подобный прогресс был осуществлен в рамках строя, где человек остался бы волком человеку.

Вот почему, если, с одной стороны, только социализм

==188

дает человеку возможность подобного прогресса, то, с другой, социализм необходим, чтобы избежать неправильного пути, по которому может пойти применение завоеваний науки. Он один может предотвратить то, чтобы некоторые из этих открытий, идет ли речь об атомной бомбе или о создании и телеуправлении мозгом, не оказались бы извращены пагубным их применением. С другой стороны, толь ко социализм может добиться того, чтобы весь этот прогресс был направлен на увеличение благосостояния человека, чтобы родился совершенно новый человек, чей образ нам, разумеется, трудно представить, но чье появление не вызывает сомнения.

Не играя в пророков, мы можем с полной уверенностью сказать, что этот прогресс будет осуществляться в той мере, в какой этот новый человек будет создаваться не в ущерб остальным людям, в той мере, в какой все люди смогут стать, таким образом, представителями человечества, имеющего большую власть над природой и над обществом и, следовательно, более счастливого, чем когда-либо раньше

ЖАН ФУРАСТЬЕ

Я с интересом ознакомился с выступлением проф. Кольмана и могу сказать, что в общих чертах я с ним согласен. Я так же считаю ошибочной недооценку политического фактора. Очевидно, что определенные политические режимы замедляют или парализуют всякий технический прогресс; а многие другие режимы неспособны активно стимулировать прогресс. Я часто писал, что в наши дни народ требует условий, необходимых для быстрого прогресса, что первый долг правительств — создать эти условия.

Что же касается того, что сказал мой выдающийся друг, г-н Жозуэ де Кастро, то, я думаю, что здесь недоразумение, ибо он сказал как раз то, что хотел сказать я, утверждая, что я высказал противоположное. На самом деле, я сказал, так же как и он, что закон Мальтуса недействителен для современной эпохи: и причина, по которой он недействителен, — это то, что в дело вступает технический прогресс и дает возможность прокормить возрастающие массы населения. Как говорит г-н де Кастро, «все старые данные ниспровергнуты... Мальтус представлял себе мир незыблемым, а это ложно». Я совершенно с этим согласен.

•

==189

Надо только вспомнить, что Мальтус написал свою книгу в 1798 г., в то время, когда еще не было отмечено всеместного роста урожайности; превалировали «старые миры» и «незыблемый мир», и так было в течение двух из трех тысячелетий. Значит, «закон» Мальтуса правильно объясняет то, что происходило до XIX века почти во всех странах мира: но он потерял силу с того момента, когда фактор «технического прогресса» стал значительным, а затем решающим.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СВОБОДА И ПРОГРЕСС

ФЕРНАР ЛАВЕРНЬ (Франция)

Уменьшается или увеличивается человеческая свобода по мере того, как прогрессирует цивилизация?

Так стоит вопрос, и мне кажется, что на него не было дано вполне убедительного ответа. Через почти все мои исследования красной нитью проходит следующая очень простая мысль: человек необходимо свободен как потребитель, будь то материальных благ или интеллектуальных, моральных и художественных ценностей. Никто не может быть принужден потреблять то или иное материальное благо или разделять те или иные мысли, если он от этого называется. И, напротив, как производитель какого бы то ни было материального блага, человек принужден подчиниться очень строгому общественному правилу, правилу, предписанному техникой производства или продиктованному какой-то социальной группой или общественной властью.

Чем более прогрессирует цивилизация, тем более свободным становится человек как потребитель и тем более подневолен он как производитель материального блага. Эта двойная эволюция наблюдается во всех государствах, будь они капиталистического или советского типа. Капиталистические государства не прекращают почти безгранично увеличивать принуждение по отношению ко всем предпринимателям: общественная власть в этих странах все более строго регламентирует то цены, то

объем производства. В странах же советского типа люди как граждане, как личности, разделяющие те или иные идеи, становятся все более свободными. Чтобы убедиться в этом, достаточно

==190

сослаться на эволюцию, происшедшую недавно в Советском Союзе.

Однако можно развить еще дальше центральную идею, высказанную только что,— идею, которую я назвал дуалистической идеей. Необходимо согласовать эту идею с новым понятием, а именно, с определением того, в какой области компетентна современная наука. Фактом является то, что поле нашей свободы постоянно сужалось в тех областях, где смогла утвердиться современная наука; но наука, коллективное по своей природе творчество, подлинный дар коллектива индивиду, решает лишь проблемы материального производства или проблемы, тесно связанные с материальными фактами (например, минералогия, биология, физика и множество других наук), или проблемы, относящиеся к абстрактному изображению этих материальных фактов (например, геометрические фигуры, числа, изучаемые математикой). Наука движется в материальной плоскости или в плоскости, тесно с ней связанной. Фактом является также то, что, несмотря на существование многих тоталитарных государств, наша свобода не переставала возрастать во всех сферах, куда не проникает наука; она проявляется всякий раз, когда нам надлежит сделать выбор между материальными благами или между художественными, моральными или интеллектуальными ценностями, каждый раз, когда мы призваны проявить наши вкусы или взгляды, короче, каждый раз, когда мы действуем в качестве потребителей.

Все это можно выразить одним словом: поскольку человек как потребитель не зависит от науки, он остается самостоятельным; напротив, поскольку человек как производитель благ материального порядка связан с наукой, он уже подчинен и будет все более подчинен социальной регламентации.

Это положение вытекает из сопоставления трех тезисов. Вот их краткое выражение: Зона социального принуждения ---•"

==191

II Зона личной самостоятельности

1 Там, куда не проникает наука, продолжает существовать свобода

2. Наука некомпетентна в области потребления, идет ли речь о материальных или духовных ценностях

3 Происходит, следовательно, стирание государства и имеет место личная самостоятельность во всех областях потребления.

I Зона государственного принуждения

Первый факт не вызывает сомнения: так как наука рождена общей дисциплиной, то по самой своей природе она ведет к дисциплине. Нет никого на земле, кто сомневался бы в том, что наши научные познания — результат коллективных и методичных усилий всех человеческих поколений, единых в этом великолепном порыве. По самой природе вещей строгая дисциплина должна соблюдаться как для того, чтобы добиться практического применения научных открытий в области материального производства, так и для того, чтобы продолжать само научное творчество. Разделение труда внутри каждого предприятия между всеми участниками производства, а также между всеми предприятиями, начиная с производства сырья и кончая законченным продуктом, превращает дисциплину в необходимость повсюду, где имеет место применение научных знаний.

Второе положение является не менее бесспорным: авторитет науки распространяется лишь на область материального производства или на область, связанную с материальным производством (геометрические фигуры). Все отрасли производства, подчиняющиеся науке, являются исключительно материальными и конкретными или по крайней мере находятся в прямой связи с материальным явлением. На самом деле, объектом изучения точных наук являются материальные тела и факты или абстрактное представление последних (например, в математике). Само со собой разумеется, открытия точных наук оказывают очень большое влияние на философскую мысль, хотя философские теории никогда и не были предметом исследования этих наук.

Наши научные дисциплины не властны в огромной сфере художественного, морального или религиозного производства. Религия и искусство выскальзывают из-под

==192

контроля. Это по большей части относится и к морали, хотя это и оспаривается социологической школой, но мы не можем заняться здесь рассмотрением этой жгучей проблемы.

Наконец,— это третий термин рассуждения,— во всех областях, отличных от материального производства, поскольку наука в них не является решающим авторитетом, общественная власть не вмешивается принудительным образом. Короче, социальное принуждение есть только там, где компетентна наука и, следовательно, производство материального порядка.

Самое сильное принуждение по отношению к народу - это принуждение, осуществляемое государством с помощью армии и полиции. Военная и полицейская функции до такой степени присущи государству, что с исторической точки зрения государство родилось, несомненно, в силу необходимости оказывать это двойное давление.

Между социальным принуждением и научным познанием наблюдается самая тесная связь.

II Зона человеческой свободы

Науки, материальное производство и государственная власть образуют триединство, члены которого тесно связаны между собой.

Напротив, зона личной самостоятельности покоится одновременно на признании того факта, что только потребитель способен определить свои собственные вкусы, и на неспособности науки принимать решение в области потребностей и вкусов потребителя.

Только две большие области человеческих интересов, относящиеся к тому, что мы называем в широком смысле областью потребления, кажутся по самой своей природе навсегда закрытыми для научных изысканий, а следовательно, и избавленными от социальных регламентации: это, с одной стороны, высшие метафизические и религиозные проблемы, проблемы смысла и судьбы человеческой жизни и, с другой стороны, до некоторой степени вся совокупность как моральных, так и материальных вкусов и потребностей, которые проявляет каждый коллектив и внутри коллектива — каждый его член.

Решив в основном теоретическую задачу определения

==193

границы социального принуждения и границы личной самостоятельности, остается лишь открыть, с помощью каких конкретных механизмов можно в фактической жизни объединить эти два предела или, короче, как примирить сильную и прозорливую власть и необходимое уважение свобод? Имея дело с людьми добрыми и справедливыми, было бы нетрудно очень быстро прийти к удовлетворительному политическому строю. Но политический гений народов состоит в том, чтобы установить приемлемый строй, опираясь как раз на алчных и ограниченных существ, какими являются почти все люди. Во всех демократических странах, учреждая прямое и неуправляемое всеобщее избирательное право в качестве единственного источника общественной власти, народы попытались именно таким путем решить вечную проблему, заключающуюся в том, что бы отвести должное место как праву принуждения государства, так и личной самостоятельности человека. Увы, необходимо признать, что в целом в различных странах мирз применение всеобщего избирательного права, его способность защитить личность, не сковывая и не стерилизуя в то же время силу государства, оказались очень слабым средством.

В ожидании желаемого морального и интеллектуального улучшения великих человеческих рас, на что уйдет добрых несколько тысячелетий, можно с помощью определенных разумных механизмов произвести из великой человеческой посредственности строй, разумеется, не совершенный, но более или менее приличный. Никакое другое благоденствие не было бы так ценно для нашего бедного человечества, которое почти всегда страдало от тысяч злоупотреблений государственной властью или от невыразимых злосчастий самой печальной анархии.

Здесь нет возможности затронуть эту особую проблему. Я исследовал ее в двух своих книгах: «Le gouvernement des democraties modernes», Paris, Alcan, 1933. 2 tomes, 624 p. (книга была изъята немцами) и «Suffrage universel et autorite de l'Etat», Paris, Presses Universitaires de France, 1949, 176 p. См. также мою книгу «Individualisme contre autoritarisme. Trois siecles de conflits expliques par le dualisme social», Paris, Presses Universitaires de France, 1959. 126 p.

Вот, в двух словах, общая схема моего изложения С одной стороны, все люди как потребители бесчисленных

услуг государства равны. В силу одного все они располагают своего рода бюллетенем для голосования, с помощью которого каждый требует от общественных властей тех благ, которыми он более всего дорожит. Но чтобы общественная власть могла предоставить гражданам большое количество благ или услуг, нужно еще, чтобы эти блага производились в большом количестве (школы, больницы, армия, полиция, разного рода услуги). Для создания большого количества благ или услуг необходимо хорошее государственное управление. Однако, учитывая возрастающую сложность всех разнообразных технических средств, это управление может быть обеспечено лишь в том случае, если парламенты будут включать в себя значительное число представителей всех наук, теоретических и практических. Проголосовав в качестве потребителей, люди уже в качестве квалифицированных производителей и в меру своей компетенции должны будут голосовать вторично; отсюда и двойное всеобщее избирательное право, за которое я и ратовал. Здесь также надо удовлетворять и уважать двойное качество, присущее каждому человеческому существу, — качество производителя и потребителя

ЭРНЕСТ ЛАБРУСС (Франция)

Самые разнообразные дисциплины представлены на нашем обмене мнениями. Но точка соприкосновения у нас общая — человек. И я, историк-экономист, прошу вас прежде всего признать законным мое беспокойство относительно процесса обезчеловечения истории. Форма, которую принимает сегодня эта угроза в экономической истории, выражается в непомерной доле, занимаемой в ней производством по сравнению с распределением. Бесспорно, главенствующим является первое. Оно во многих отношениях обуславливает второе. Мне нет нужды подчеркивать определяющее влияние техники и вытекающих из нее последствий для общей истории. Но нам нужна как «техническая» история машин, так и социологическая история их распространения и общая человеческая история их распределения. Однако не в этом моя тема. Проблема, о которой я буду говорить, — это проблема распределения доходов. Именно об этом распределении, где неравенство традиционно меньше, чем в распределении капиталов, я бы и хотел

»

сказать вам сегодня несколько слов, в соответствии с исторической перспективой, выдвинутой Ростоу.

Только что, в связи с книгой Ростоу, такой новой, такой живительной, такой соблазнительной во многих отношениях, ставился вопрос, каковы существенные различия между экономикой общества XVIII века и того, которое его сменило, т. е. между допромышленным и промышленным обществом. Я переношу проблему в другую область. До этого она ставилась в плане производства. Я рассматриваю ее в плане распределения. И я спрашиваю: претерпело ли коренные изменения движение доходов, взятых в рамках классов, до и после промышленной революции? Таким образом, речь должна идти здесь о сравнительном изучении движения доходов, об исследовании только этой динамики. Я сравниваю, с одной стороны, трудовые доходы и, с другой — типично «капиталистические» доходы рассматриваемой эпохи: земельную ренту до промышленной революции, промышленную прибыль после этой революции. И я ограничиваюсь Францией.

Чтобы меня не обвиняли в сокрытии трудностей, я скажу прежде всего одно слово об эволюции покупательной способности заработной платы. Эта эволюция варьируется в зависимости от периода и профессий. В общих чертах, уже задолго до промышленной революции тенденция была направлена к понижению.

Во время промышленной революции понижение ускоряется в наиболее крупных механизированных секторах. Но начиная с периода, который мы можем датировать примерно с 1860 г., появляется и сохраняется обратная тенденция. В той мере, в какой проблема абсолютного обнищания отождествляется с проблемой покупательной способности, абсолютного обнищания, следовательно, не существует. Оставим, впрочем, эту проблему, на деле гораздо более сложную и требующую использования целого ряда определений и понятий,— она не входит в нашу сегодняшнюю задачу.

Но, давая набросок сравнительного движения трудовых и капиталистических доходов, я поставлю проблему относительного обнищания. Причем в очень широких хронологических рамках: с XVIII века до наших дней!

Позвольте мне прежде всего сделать одно признание. Я понимаю — хотя и порицал это — чрезмерное преобладание во всей экономической историографии внимания к

==196

производству и обмену по сравнению с распределением. Мы гораздо лучше информированы о первом, чем о втором. Поищите, например, информацию о движении сельскохозяйственного производства, о движении промышленного производства, о ценах на зерно и сырье, о международной торговле. Мы располагаем иногда, начиная с XVIII века (а то и раньше), длинным рядом полновесных цифр от времен Регентства до наших дней. Но напрасно вы будете искать для тех же периодов аналогичную информацию о заработной плате. Пробел начинает заполняться лишь к последней четверти XIX века. А как же обстоит дело с прибылью? Это всегда было огромной зоной потемок. И я обращаюсь к г-ну Сови и спрашиваю его: так ли значительно изменились дела на сегодняшний день? Действительно, сейчас охотно и много говорят о движении заработной платы, но по вопросу о движении прибыли гораздо более сдержанны. Я настаиваю на этом; речь идет не об исследовании процентов прибыли, которое завело бы нас очень далеко, а только об исследовании движения. И я напоминаю свою задачу: дать схематичный сравнительный набросок движения трудовых и капиталистических доходов.

Собранная (с большим трудом) на сегодняшний день информация проливает первый свет на это движение.

Как обстоит дело в XVIII веке, в течение этого, как известно, долгого периода экономического подъема? Я не буду, разумеется, сравнивать промышленную прибыль и заработную плату. В течение нескольких минут, которыми я располагаю, я прямо обращаюсь к типично капиталистической прибыли в обществе, покоящемся по существу все еще на земельной собственности, т. е. к земельной ренте, к ренте от обрабатываемых земель, которая составляет основную часть доходов господствующих социальных групп того времени, а именно дворянства, которое одно располагало четвертой частью земель. Я буду сравнивать это с тем, что нам с грехом пополам известно о зарплате батрака и строительного рабочего — этих наиболее часто встречаемых категориях заработной платы. Рост земельной ренты, который я оцениваю по движению арендной платы (несмотря на все оговорки, которые может вызвать подобное приравнение), достигает почти 100 проц.; в течение этого же периода повышение заработной платы (в денежном ее выражении) составляет лишь 20 процентов. Поправки, вносимые безработицей, не улучшают,

видимо, этой пропорции. Таким образом, 100 проц , с одной стороны, для нетрудового дохода землевладельца. 20 проц , с другой, для дохода трудящегося. А если мы заменим теперь денежную заработную плату «реальной» заработной платой, оценивая ее в продуктах народного потребления? В этом случае заработная плата в течение века не только не повышается, но постоянно понижается. Было бы, разумеется, бесполезно и, может быть, в некотором отношении более логично — хотя и менее реалистично, учитывая социальные структуры того времени, — провести сравнение заработной платы и прибыли. Но наша информация о прибыли в XVIII веке остается еще предположительной или ничтожной. То немногое, что у нас есть, подтверждает, по крайней мере с качественной точки зрения и в целом, продолжительное расхождение между заработной платой и рентой

А как обстоит дело в XIX веке? Имеющаяся здесь в нашем распоряжении информация уже лучше, и социальная реальность, как этого требует и логика, заставляет нас сопоставлять заработную плату и прибыли

Возьмем в целом Францию с 1815 по 1848 год. В отличие от только что рассмотренного нами XVIII века мы вступаем здесь в долгий период «противоречия», экономических трудностей, усугубляемых перемежающимися кризисами. Несмотря на эти неблагоприятные обстоятельства, значительно увеличивается промышленное производство, в то время как цена основных элементов производства большей частью понижается. Это, как видно, и объясняет заметный рост средней прибыли предпринимателей. В отраслях промышленности, затронутых механизацией, особенно в главных отраслях текстильной промышленности, денежная заработная плата, наоборот, падает. Но она, напротив, повышается в традиционных отраслях промышленности, как, например, в строительстве. Учитывая медленный рост стоимости средств жизни рабочего — гораздо более медленный, чем в XVIII веке, — покупательная способность заработной платы снижается или, точнее, топчется на месте.

После долгого периода трудностей наступают более легкие времена — долгий период подъема, охватывающий, как известно, эпоху Второй империи во Франции, великие годы успехов в Великобритании и распространяющийся на большинство европейских стран. Короче, это период,

охватывающий в общем третью четверть XIX века. Здесь, в ходе этого подъема, мы видим, что движение прибыли чрезвычайно опережает движение заработной платы. Это, впрочем, не мешает быстрому росту и заработной платы, покупательная способность которой даже возрастает во второй половине периода.

Волна подъема вновь откатывается. Наступает долгий период противоречий, покрывающий в общем последнюю четверть XIX века. И тогда, действительно, для капитализма впервые наступают трагические времена. Впервые прерывается бурный рост прибыли. Кривая движения прибыли то топчется на месте, то задыхается. Запоздалое и тяжелое восстановление требует глубоких структурных преобразований. А как обстоит дело с заработной платой? Заработная плата, будь то денежная или реальная, несмотря на все колебания, делает шаг, напротив, вперед. Даже усилившаяся безработица не меняет положения дела. Новым значительным фактором становятся здесь коллективные действия рабочего класса. Таким образом, до этого времени заработная плата всегда проигрывала по сравнению с прибылью. Теперь же она начинает выигрывать или сокращать разрыв.

После долгого периода трудностей наступает новый длительный подъем, приводящий нас к войне 1914 г., которая является пунктом явного разрыва в экономическом развитии и на которой я прекращаю свой ретроспективный анализ. Мы видим, как повторяется то, что мы только что отметили для периода подъема Второй империи, быстрый рост прибыли и очевидный, но, несомненно, гораздо более медленный рост заработной платы.

Окинем взглядом все это время. Перед нами все-таки уже довольно хорошая хронологическая панорама. Какими будут наши выводы? Вплоть до первой мировой войны, если мы рассмотрим продолжительные периоды порядка четверти века и сопоставим благоприятные и трудные отрезки времени, мы можем заключить, что в период продолжительного подъема земельная рента в допромышленном обществе и прибыль в промышленном обществе опережают заработную плату, лишь частично утрачивая — и то не всегда — это опережение в период трудностей. Таким образом, мы в состоянии наметить определенную кривую, говорящую не об упадке реальной заработной платы, покупательной способности, а о возрастающей диспропорции

==199

между, с одной стороны, трудовым доходом и, с другой — той или иной формой капиталистического дохода, характерной для данного периода. В данном случае нет возрастающей нищеты, но, вероятно, имеет место возрастающее ограбление индивида.

Я спешу сказать, что наши исследования заработной платы, трудности которых я только что подчеркивал, являются довольно легкими по сравнению с исследованием прибыли. Изучение прибыли, даже ограниченное проблемой ее движения, требует множества анализов, терминологических условностей, заставляет вести исследование в весьма различных направлениях. В этом исследовании необходимо широко использовать имеющуюся информацию, разумеется, после основательного критического ее изучения (было бы неплохо помнить об этом, приступая к изучению прибыли в наше время). Мы еще далеки от всего этого. Моя кривая — это лишь временный набросок, простое предположение. Но во многих отношениях в ее пользу говорит то, что у специалистов в соседней нам дисциплине — у юристов называется обоснованной презумпцией.

Итак, спросите вы меня, какие же практические результаты, с точки зрения нашей встречи, вытекают из всего этого? Наша точка соприкосновения — это человек. Для нас, историков-экономистов и экономистов, это означает: обратим особое внимание на конкретное положение человека, человека одновременно производящего и участвующего в распределении того, что произведено. Капиталистическая сторона держится крепко, особенно во время подъема, роста, когда ее историческая тенденция заключается в опережении заработной платы.

Это факт не только экономический, но и социальный, а тем самым и политический. Экономические основы буржуазной власти стоят крепко. Не только потому, что продолжает существовать социальное давление капиталистических структур на коллективную психологию и на всего человека, но и потому, что продолжается или усиливается политическое вторжение власти прибыли. Прибыль используется в целях вторичной, политической реинвестиции дохода. Происходит реинвестиция прибыли в различные средства информации, начиная с сети крупных ежедневных газет и кончая сетью частных радиокompаний. Государственная же радиосеть является еще более односторонней. Между различными частями этой сети царит разлад? Еще

бы, как в любой семье! Но перед выбором основных путей нашего времени они выступают как одна семья.

Закончим осторожно, гипотезами или предположениями. Сохраняет ли капитализм сегодня, как и раньше, в распределении доходов в тех областях, где он господствует, свои привилегированные позиции? Идет ли он в этом отношении вперед? Или отстывает? Не развивает ли он, структурно или намеренно, свои средства власти? Чем становится режим общественного мнения, когда капитализм и буржуазное государство, во всех своих вариантах, обеспечивают промышленную фабрикацию общественного мнения? И с помощью какого отбора суждений, образов, умственных представлений достигается это телеуправление?

Повторяю еще раз, что это лишь рабочие темы. Объединим же наши дисциплины и наши исследовательские усилия, чтобы плодотворно развить их.

ЭДВАРД АРАБ-ОГЛЫ (журнал «Проблемы мира и социализма»)

Является ли прогресс объективной закономерностью общества или же просто плодом наших досужих домыслов — это не отвлеченный академический спор, но насущная социальная проблема. В том или ином ответе на этот вопрос отражается поляризация общественных сил в нашу эпоху; историческому оптимизму передовых, восходящих классов и слоев, за которыми будущее, противостоят воинствующий пессимизм, нигилизм представителей уходящего в прошлое социального строя.

Мы, марксисты, отнюдь не претендуем на монопольное обладание идеей прогресса, как, впрочем, и идеями гуманизма и свободы. Больше того, здесь в Руайомоне мы с удовлетворением отмечаем, что не одни с доверием смотрим в будущее. Нашу уверенность в дальнейшем поступательном развитии общества, в том, что человечеству предстоит великое и прекрасное будущее, мы разделяем со всеми передовыми деятелями науки и культуры.

Вместе с тем из всех современных социальных теорий марксистская концепция прогресса является не только наиболее революционной, научно последовательной и логически стройной, но также и наиболее многосторонней. Основной теоретический изъян большинства современных истолкований общественной действительности, призванных

*

конкурировать с марксистской концепцией, состоит, по-моему, в том, что они произвольно выхватывают и гипертрофируют отдельные реальные стороны общественного развития, пренебрегая другими, часто гораздо более важными. В результате вместо правдивой картины общества мы в их лице имеем дело скорее со своего рода разрозненными оттисками, отпечатанными с различных клише одной и той же многокрасочной литографии, причем каждый автор затем весьма произвольно восполняет недостающие в его отпечатке контуры и краски.

Этот упрек в полной мере относится и к трем социальным теориям, о которых уже шла речь на нашей встрече: к концепции цивилизаций Тойнби, к стадиям экономического роста Ростоу и к теории конфликта и борьбы поколений. В самом деле, концепция Тойнби целиком воздвигнута на абсолютизации особенного и неповторимого в истории разных народов. Напротив, Ростоу столь же

категорично отвергает как раз все особенное, неповторимое и возводит в абсолют одну лишь историческую последовательность экономических периодов развития капитализма.

Что касается противоречий и столкновений между поколениями на Западе, то со стороны марксистов было бы абсурдом отрицать их реальность. Однако не этот конфликт между поколениями, а классовая борьба представляет собою главное социальное противоречие антагонистического общества; кроме того, сам конфликт между поколениями имеет место не наряду с классовой борьбой, а служит одним из ее частных проявлений. Дело в том, что противоречие между молодым и старшим поколениями в обществе зависит не только и не столько от различий самих по себе в возрасте, но, как это убедительно показал проф. Сиви, от их различного отношения к собственности и социального положения. Главной причиной столкновения между поколениями является, следовательно, то обстоятельство, что у власти стоит, цепляется за нее пожилое поколение господствующего в данном антагонистическом обществе класса, тогда как против него борется преимущественно молодое поколение другого, угнетенного класса. Эта борьба остается классовой даже в том случае, если отдельные представители молодого поколения правящего класса переходят на позиции угнетенного класса, а более или менее значительная часть старшего поколения последнего по разным причинам остается в стороне от борьбы за власть.

==202

Не представляет большого труда догадаться, что концепция борьбы поколений объективно направлена на то, чтобы притупить классовую борьбу, противопоставить друг другу трудящихся разных поколений.

Нам нередко бросают обвинения в том, что, настаивая на непримиримости в идеологической борьбе двух социальных систем, мы тем самым, дескать, наносим ущерб научному и культурному общению между Востоком и Западом. Прямо или косвенно подобные упреки раздавались и здесь, в ходе нашей встречи, хотя как раз она служит их лучшим опровержением, ибо воплощает в себе одновременно обмен научными ценностями и идейную борьбу.

Принадлежность к разным мировоззрениям не мешает нам плодотворно обмениваться мнениями. Между марксистами и немарксистами в аббатстве Руайомон, как остроумно заметил мой коллега проф. Ситковский, не было нужды воздвигать решетку, как это нередко делали в ходе схоластических диспутов в средние века, чтобы помешать оппонентам вцепиться друг другу в бороду, хотя они в отличие от нас и принадлежали к одному мировоззрению.

БУДУЩЕЕ КАПИТАЛИЗМА

ДНРИ КЛОД (Франция)

Сегодня, говоря о будущем капитализма, уже нельзя больше становиться только на экономическую почву и придерживаться абстрактного и вневременного анализа. Экономист должен обязательно призвать на помощь историка. Чтобы подойти к этой проблеме по-научному, он должен учесть опыт и историю последних 50 лет. Можно, по меньшей мере, сожалеть, что в западных странах многие экономисты рассуждают еще так, как рассуждали их отцы или деды в то время, когда капитализм как хозяин царил на всей земле и когда эволюция общества отождествлялась с эволюцией капитализма.

Однако главнейшим фактом последних 50 лет является не столько то, что происходит внутри капитализма, сколько то, что происходит вне его, или скорее то, что выходит из него; это рождение, развитие и географическое распространение социалистического сектора мировой экономики. Это постепенное сужение географической зоны

капитализма произошло двумя последовательными волнами: одна в 1917 г., вторая — в 1944—1949 гг., а сегодня возникает вопрос, не является ли создание 17 мая 1961 г. социалистической и демократической Республики Кубы, через десять лет после образования Китайской Народной Республики, началом третьей волны отступления сферы капитализма. В связи с этим встает вопрос: можно ли рассматривать этот последовательный ряд периодов географического отступления капитализма (которое ни разу не компенсировалось каким бы то ни было возвращением капитализма в одной из стран, где утвердился социализм) как простую случайность, как нечаянное последствие особых исторических обстоятельств? Эта гипотеза могла быть еще правдоподобной после первой мировой войны и завоевания власти русскими рабочими и крестьянами; утверждение социализма и успехи планируемой экономики тогда еще могли оспариваться, но вполне очевидно, что сегодня эта гипотеза уже неприемлема.

В этих условиях завоевание власти в январе 1959 г. Фиделем Кастро и его соратниками и процесс развития кубинской революции приобретают значение решающего аргумента, поскольку теперь уже нельзя утверждать, как это часто делалось раньше, что установление социализма связано лишь с мировыми войнами.

Установление на Кубе демократической республики и социалистическая ориентация ее экономики, совершившиеся без мировой войны, выбивают последний аргумент из рук тех, кто пытается еще рассматривать социализм как явление случайное. Рассмотрение мировой истории за последние 50 лет приводит нас к следующим выводам: движение современной истории идет в определенном, в одном-единственном направлении — направлении социализма; это течение истории, этот ход социального и политического развития чрезвычайно быстры: социализму потребовалось менее 30 лет, чтобы выйти за пределы одной страны и превратиться в мировую систему, в то время как с момента появления капиталистического способа производства в XV веке и до окончательного формирования мировой капиталистической экономики в конце XIX века прошло более 400 лет.

Итак, встающий в 19.61 г. вопрос заключается не в том, есть ли у современной истории определенное

направление, а в том, можно ли изменить направление, по которому пошло развитие, является ли оно обратимым или нет. В этом заключается весь вопрос.

Ход современной истории необратим, если доказано, что время капитализма кончилось.

Итак, по какому признаку узнают, что время социальной системы кончилось?

Мне кажется, что удовлетворительный ответ на этот коренной вопрос истории обществ дает только открытый Марксом закон о необходимости соответствия между развитием производительных сил и производственными отношениями, т. е. социальными и юридическими формами собственности на средства производства.

В силу этого закона признается, что время социальной системы кончилось, когда ее производственные отношения становятся помехой для развития производительных сил. Если в течение последних 50 лет капиталистическое общество трещит по всем швам, если его жизнь состоит из все более обостряющихся

потрясений и кризисов, если оно отстывает перед новой социальной системой, которая выступает в качестве его наследника, то разве это происходит не потому, что капиталистические производственные отношения, основанные на частной собственности на средства производства, стали слишком тесной оболочкой для производительных сил, которые они сами породили в результате промышленной революции, начавшейся в конце XVIII века?

И напротив, не объясняется ли рост и сила социалистической системы тем, что социалистические производственные отношения, основанные на коллективной собственности на средства производства, полностью соответствуют уровню развития производительных сил в XX веке"?

Если доказано, что частная собственность на средства производства тормозит, а коллективная собственность, напротив, ускоряет развитие производительных сил общества, то очевидно, что дни капитализма отныне сочтены и что ход истории необратимо ведет ко всемирному социализму.

Три фактических положения, как мне кажется, подтверждают, что дело обстоит именно так: 1. Прежде всего это главным образом контраст между темпами развития капиталистических и социалистических стран. Превосходство коллективной формы собственности

»

==205

на средства производства на нынешнем этапе развития производительных сил могло еще оспариваться потому, что в 1929 г. Советский Союз сильно отставал от развитых капиталистических стран и мог рассматриваться как страна слаборазвитая. А темпы развития страны, которая начала индустриализацию, как правило, выше темпов страны, завершившей индустриализацию. До последнего времени превосходство советских темпов развития могло, следовательно, объясняться (что и делалось) отставанием СССР, а не природой его строя. Вполне очевидно, что после второй мировой войны и в особенности после того, как СССР восстановил нанесенный войной ущерб, дело обстоит иначе. Если темпы развития США упали в среднем с 5,4 проц. в 1901—1913 гг. до 2,4 проц. в 1953—1960 гг., темпы СССР в течение этих семи лет превысили в среднем 11 процентов. Что касается ближайшего будущего, то никто не может утверждать, что в 1965 г. американское производство будет выше, чем в 1960 г., но зато известно, что советское производство к концу семилетнего плана удвоится.

И особенно показательным для сравнительного развития производительных сил двух систем является тот факт, что СССР сегодня производит в три раза больше инженеров, чем США.

2. Второй факт, показывающий, что капитализм является тормозом для нормального развития производительных сил,— это тенденция современного капитализма использовать науку и технические изобретения не в целях производства средств потребления и повышения жизненного уровня масс.

Если в XX веке техника и наука капиталистических стран значительно шагнули вперед, то общеизвестно, что важнейшими факторами этих успехов была первая, а затем вторая мировая война. Эти факторы были настолько важны, что некоторые даже, основываясь на этом, прославляли войну как фактор прогресса. Тот факт, что мировые конфликты послужили стимулятором технического прогресса, и особенно тот факт, что этот прогресс используется иногда только в военных целях, доказывают, что капиталистические производственные отношения являются тормозом для развития производительных сил, которые капитализм вынужден, так сказать, сбивать с пути, искажая их естественное назначение, и извращать их природу,

==206

превращая в силы разрушения. В этом отношении особенно убедителен пример атомной энергии. Вместо того чтобы использовать атомную энергию в мирных целях. Соединенные Штаты создали атомные и водородные бомбы и по- < ставили атомные установки на подводные лодки. Почему? ^ Потому что крупные электрические, нефтяные, угольные и газовые тресты боялись, что появление нового источника энергии уменьшит их прибыли и обесценит капиталы, вложенные в тепловые, газовые и гидроэлектростанции.

Потребовалось строительство первой атомной электростанции в СССР и программа строительства в СССР, чтобы заставить США построить свою первую атомную электростанцию, которая была пущена в ход только в 1957 году. То же самое явление наблюдалось во Франции, где интересы нефтяных компаний тормозили осуществление плана строительства атомных электростанций.

3. Противоречие между развитием производительных сил и капиталистическими производственными отношениями выражается, в-третьих, в хроническом недоиспользовании производственных возможностей. Неиспользование производительных сил в США выражается: — застоем производства значительных отраслей экономики; так, за последних четыре года производство автомобилей, строевого леса, нефти и угля ни разу не достигало уровня 1955 или 1956 года;

1955 1956 1957 1958 1959 1960

Автомобили (в млн. шт.)	7.9205.8166.1134.2585.5916.675
	117 115 113 85 93 99
	38,6 32,9 33,4 37,1 34,8

Сталь {млн. т)

Строевой лес (млрд. футов)

Нефть (млн. бочек)	—	2.6172.6172.4492.5752.575
Уголь (млн. т)		501 493 410 412 413

— хронической безработицей: с 1947 по 1958 г. число людей, страдающих от частичной или полной безработицы в США, колебалось между 20 и 31 проц. рабочей силы; в периоды подъема, как, например, в 1955—1957 гг., официальное число полностью безработных оставалось на уровне 3 млн., что вместе с 2.500.000 человек под ружьем составляло 5,5 млн. человек, постоянно оторванных от производства, в то время как в 1929г. их было всего 1.700.000 (1.500.000 безработных и 200.000 солдат);

==207

— уменьшением доли людей, занятых в сфере материального производства; так, в США процент людей, занятых в производительных отраслях (промышленность, транспорт, строительство и т. д.) с 1920 по 1956 г. снизился с 61 до 46 проц., в то время как процент людей, занятых в непроизводительных отраслях (торговля, финансы, услуги, государственный аппарат, вооруженные силы), вырос с 39 до 54 процентов.

Все эти факты, говорящие о загнивании системы, приводят к заключению, что капитализм — это обреченный историей строй. Однако прежде чем устанавливать окончательный диагноз, нам нужно еще ответить на два вопроса, связанных с проблемой судьбы капитализма; эти вопросы следующие: может

ли мирное соревнование с социалистическими странами вывести капитализм из состояния застоя; может ли, со своей стороны, капитализм развиваться к новым формам, которые могли бы дать ему возможность выжить?

а) Может ли мирное соревнование вывести капитализм из состояния застоя?

Как показывает соперничество в области завоевания космоса, соревнование с СССР является стимулирующим средством, которое противодействует естественной тенденции монополий тормозить проведение в жизнь технического прогресса. Развитие торговли с социалистическими странами также позволяет в определенной степени компенсировать узость капиталистического рынка. Но в обоих случаях исходные данные проблемы почти не изменяются, поскольку, по мере того как капитализм увеличивает технический прогресс и идет дальше по пути автоматизации, увеличивается технологическая безработица и еще резче становится контраст с социалистическими странами, где благодаря коллективной собственности и планированию замена труда человека трудом машины и электронного мозга не создает безработицы, а дает трудящимся дополнительный досуг. Контраст между условиями жизни при двух системах все больше увеличивается, что не может не вызвать еще большего напряжения внутри капиталистического общества. Развитие торгового обмена с социалистическими странами также не сможет никогда заполнить разрыва между производственными мощностями и внутренними рынками капиталистических стран; оно не устранил кризисов. В то же время

==208

развитие экономического обмена, вызывая ослабление международной напряженности, позволит социалистическим странам производить больше предметов потребления, повышать жизненный уровень населения. И даже когда торговый обмен происходит на основе взаимной выгоды, равноправия, что имеет место сегодня в торговле СССР с капиталистическими государствами, то в конечном счете выигрывает от этого главным образом динамичный, прогрессивный строй. На самом деле, направление обменов диктуется самой прогрессивной линией развития, линией планируемой экономики, на которую промышленность капиталистических стран работает в некотором роде по заказу.

б) Может ли капитализм развиваться к новым формам, которые могли бы дать ему возможность выжить?

Капитализм, безусловно, развивается, но в каком направлении? До 1880—1890 гг. он находился в стадии свободной конкуренции, затем монополистического капитализма; сегодня он перешел в стадию государственно-монополистического капитализма, характеризуемого взаимопроникновением крупного капитала и государственного аппарата я прямым и полным подчинением последнего интересам самых могущественных финансовых групп. Эта эволюция сопровождается усилением роли государства в экономической жизни современного капитализма. Появились новые экономические концепции, которые нашли свое выражение во Франции в теории согласованной экономики.

Но это вмешательство государства в капиталистическую экономику имеет вполне определенные границы: государство осуществляет вмешательство главным образом для того, чтобы передать доходы одних слоев общества другим; оно может воздействовать на экономическое развитие, но оно может делать это, действуя в пользу крупнейших монополий.

При капиталистическом строе управляемая экономика — это экономика, управляемая с целью прибылей монополий. Развитие общества наталкивается также на границы, которые ставит перед ним собственность на средства производства.

Государственно-монополистический капитализм не может, следовательно, добиться реального планирования, гармоничного роста производства; факты убедительно доказывают это. После окончания второй мировой войны американская экономика в течение короткого промежутка

==209

времени пережила четыре кризиса перепроизводства: кризис 1948—1949 гг.; 1952—1953 гг.; 1957—1958 гг.; 1960—1961 годов. Во Франции осуществление планов модернизации и оснащения оборудованием не помешало попятному движению в 1952—1953 гг. и в 1959—1960 годах.

В действительности, капиталистическое государство увеличило непроизводительные расходы, в частности расходы на вооружение и полицию, ускорило процесс концентрации, как это наблюдается в настоящее время во Франции, за счет мелких промышленных предприятий, мелкой торговли и единоличного сельского хозяйства. Оно перекладывает на все более широкие слои населения возрастающие непроизводительные расходы капиталистического общества. Самыми ощутимыми последствиями этой политики являются забастовки в частном и национализированном секторах, забастовки чиновников, демонстрации крестьян. Государственно-монополистический капитализм, чья «согласованная экономика является всего лишь теоретической фикцией, не может решить коренного противоречия, которое противопоставляет капиталистическую собственность развитию производительных сил.

Но судьба капитализма связана также с судьбой слабо развитых стран. После создания социалистической системы мировой экономики самым важным явлением послевоенного периода является кризис колониальной системы, вовлеченной в процесс распада, ставящего под угрозу сами основы капитализма в Европе и в США. В течение последних лет рухнули колониальные империи Англии, Франции, Голландии и Бельгии. Империализм был вынужден отступить и предоставить прежним колониям политическую независимость. Но он пытается удержаться там в экономической форме; это и называется неокOLONИализмом. Сможет ли капитализм удержаться на этой основе? Эта проблема обсуждается в большом числе журнальных статей, исследований и работ под названием «проблема слаборазвитых стран». Эти страны насчитывают 1.300 млн. человек по сравнению с 1 млрд. в социалистических странах и с 500 млн. в наиболее развитых капиталистических странах. Они владеют основным сырьем, используемым промышленностью развитых капиталистических стран; следовательно, очевидно, что судьба капитализма в значительной мере решается и в этих странах.

==210

Главнейшим вопросом для всех этих стран является вопрос их развития, т. е. индустриализации. Можно ли решить эту проблему, если иностранный капитал держит в своих руках рудные и энергетические богатства этих стран? Если капиталистические страны хотят экспортировать свои промышленные изделия в обмен на сырье? Если условия обмена постоянно неблагоприятны для слаборазвитых стран?

1.

Существует глубокое противоречие между интересами иностранных капиталистических групп и национальными интересами населения слаборазвитых стран, которые, чтобы покончить с нищетой и неполной занятостью, будут вынуждены национализировать иностранный капитал и вступить на путь планирования.

Как мы видим, два коренных противоречия изнутри подрывают мировую капиталистическую систему: в развитых капиталистических странах противоречие между капиталистическими монополиями и рабочим классом и остальными слоями населения (крестьянство, средние городские слои, мелкая буржуазия) и противоречие между теми же самыми монополиями и народами слаборазвитых стран, которые находятся под их экономическим господством. В условиях мирного сосуществования эти внутренние противоречия капитализма не только не сглаживаются, но и не могут не обостряться по мере того, как социалистический сектор мировой экономики будет набирать силу и основные социалистические страны догонят, а затем превзойдут уровень производства развитых капиталистических стран на душу населения.

Это настолько очевидно, что уже сегодня можно не только предвидеть конец капитализма, но и сказать, как он исчезнет. Капитализм обречен на исчезновение под двойным давлением сил, которые в экономически зависимых странах борются с неокOLONИализмом и отсталостью, и сил, которые в развитых капиталистических странах являются жертвами государственно-монополистического капитализма и стремятся положить конец господству монополистического капитала в политической и экономической жизни нации.

1 С 1954 по 1959 г. цены на промышленные продукты, проданные капиталистическими странами слаборазвитым, увеличились на 11 проц., в то время как цены на сырье слаборазвитых стран уменьшилась на 7 процентов.

==211

III.

ПЕРСПЕКТИВА СОЦИАЛИЗМА

БУДУЩЕЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР

ЖОРЖ ГУРВИЧ (Франция)

При рассмотрении проблемы будущего современных социальных структур ученый-социолог вынужден констатировать, что в этих структурах образуются глубокие пробоины, угрожающие самому их существованию и их участию в развитии цивилизации,— по крайней мере, если не удастся заделать эти пробоины при помощи новой, еще не известной формы демократии, какой является экономическая демократия. Если же это не удастся сделать, то станет возможным установление технократическо-фашистской системы (самой отвратительной, какую когда-либо знало человечество). Альтернативой такому решению может быть вообще поглощение всех и всяких структур всемогущей техникой, которая выйдет тогда из-под всякого контроля.

Говоря это, я хочу подчеркнуть, что я не верю в автоматический прогресс, равно как в научные и технические открытия как таковые. Последние расцениваются некоторыми нашими коллегами как гарантия развития человечества, в то время как на деле они могут быть использованы в чрезвычайно опасных целях. В капиталистических странах необходима социальная революция, а социалистические нуждаются в скорейших реформах своих методов руководства экономикой.

Социология может заниматься изучением социальных структур, которые препятствуют развитию экономической демократии, а также тех структур, которые требуют этого развития как главного условия дальнейшего существования общества и цивилизации.

Что касается препятствий, то о них уже давно говорит

==212

социалистическая критика, как марксистская, так и немарксистская. Первое из них — это утверждение авторитарной власти хозяев и директоров заводов внутри капиталистических предприятий, это то, что рабочий, который с точки зрения политической демократии признается свободным гражданином, находится в то же время под абсолютной, не контролируемой и произвольной властью в стенах завода, — настолько, что Маркс сравнивал крупные капиталистические заводы и предприятия с армиями под командованием генералов, офицеров и унтер-офицеров. Во-вторых, это абсолютное господство частной прибыли, которое подрывает и в большей части извращает свободу политической демократии. На этих двух факторах, довлеющих над политической демократией в капиталистических странах, в основном и сосредоточивалась критика социалистов, разоблачавших «формальную демократию» в период, предшествовавший двум мировым войнам.

С тех пор в капиталистических структурах возникли подлинные пропасти, способные поглотить демократические режимы, а порой и уничтожить всякую социальную структуру и всякую цивилизацию. Я говорю прежде всего об экономическом планировании. Планирование было введено при капиталистической системе, созданной трестами и картелями, которые были зачастую сильнее государства и которым принадлежало, как показал недавно Берль в своей книге «Капиталистическая революция XX века» (1954), более 60 проц. всего промышленного потенциала такой страны, как, например, Соединенные Штаты. Это планирование, стоящее на службе частных интересов, носит как национальный, так и интернациональный характер. Нужно ли говорить, что более отвратительную организацию трудно себе представить? Государство полностью отдает свою бюрократическую машину в распоряжение патроната. Роль политических партий, «свобода» республиканских институтов, народный суверенитет и права гражданской свободы подрываются и извращаются в результате засилья частных плановых организаций. Эти организации доминируют над всей экономической и политической жизнью общества, рабочие профсоюзы обезоруживаются или разрушаются изнутри усилиями их врагов, потому что организованный капитализм не останавливается ни перед чем, чтобы уничтожить любую группу или любую силу, которая не желает полностью ему подчиниться. Эта задача облегчается для

»

==213

него в странах, где пресса, радио, телевидение, большинство университетов и научно-исследовательских учреждений подчинено трестам. Среди этих организаций, включая и те, которые занимаются общественным планированием в капиталистических странах, нет ни одной, которая, пародируя коллективное планирование и уводя его от истинных целей, не действовала бы заодно с частными плановыми учреждениями, служащими патронату. Более того, первые являются не чем иным, как продолжением вторых.

Кроме того, планирование в условиях капитализма способствует появлению целой прослойки плановиков, которые произвольно распоряжаются судьбой рабочих и потребителей, поскольку ни трудящиеся, ни государство, подчиненное трестам, не осуществляют над плановыми организациями никакого контроля.

Мы являемся свидетелями появления в экономической жизни чудовищной социальной силы, которая носит абсолютистский и частнособственнический характер и угрожает поглотить государство. Тенденция развития организованного и планируемого капитализма толкает его в объятия фашизма, замаскированного или открытого, системы, где сливаются аппарат трестов, картелей и банков, патронат, высшая администрация и кадровые специалисты армии, которые все вместе используют тоталитарное государство. Только социальная революция может преградить дорогу фашизму, экономической, административной и военной знати, «новым феодалам», несравненно более могущественный и опасный, чем феодалы, которых в средние века сдерживали свободные города, церковь, а позднее возрождавшиеся территориальные государства. Если в странах организованного капитализма такие революции вовремя не произойдут, то фашизма уже нельзя будет избежать, разве что на словах.

Опасность возрастает еще в связи с тем, что при капиталистическом режиме эти частные и общественные плановики, действующие без всякого контроля со стороны тех, кого это планирование непосредственно затрагивает, образуют особый вид технократии, и это ведет к возникновению второй пропасти, грозящей поглотить не только всякую демократию, но и вообще социальную организацию. Речь идет о выходе на сцену технократов разных мастей, прежде всего под фашистско-капиталистической личиной. Часто допускают опасное смешение техников и технократов. На самом

==214

деле между ними нет ничего общего. Технические специалисты — это в разной степени подчиненные исполнители, которые обладают определенными техническими знаниями: инженеры, производители работ, чиновники, служащие плановых организаций, военные, действующие в соответствии с приказом. Технократы же, располагающие техническими тайнами, всемогущими техническими средствами, исключительными полномочиями, обладают фактической, а иногда и юридической властью, властью, которой они злоупотребляют или имеют возможность злоупотреблять, поскольку при капиталистическом режиме их всемогущество ничем фактически не лимитируется.

Техника — это совокупность эффективных, искусственных и подчиненных операций, которые обладают тенденцией приобретать самостоятельность и собственное значение. Технические специалисты — это агенты, которые не переступают пределов искусственного и подчиненного характера обслуживаемой ими техники. Технократы же, наоборот, пользуются присущей технике склонностью превращаться в независимую самостоятельную ценность. Их позиция заключается в том, чтобы подменить главное второстепенным, чтобы господствовать, а не слушаться, отдавать приказы, а не выполнять их, подчинять человека машине, злоупотреблять, а не служить. Технократия поднимает голову как в области планирования, так и в сфере экономических и политических организаций, в руководстве крупными предприятиями, а также в политических партиях и профессиональных организациях, причем не только в объединениях хозяев, но и в рабочих профсоюзах. Последние, формально сохраняя свободу, в сегодняшних условиях капиталистических стран подчинены своей собственной технократии.

И, наконец, нельзя не остановиться на представляющей сегодня огромную опасность технократии военной верхушки, располагающей чудовищными средствами разрушения, такими как атомная бомба, межконтинентальные и даже межпланетные ракеты, что, безусловно, дает в руки этим военным совершенно исключительную власть над людьми и вводит их в искушение злоупотребить этой властью.

Что же это, как не технократия? Здесь мы подходим к вопросу, в котором капиталистические и коммунистические режимы, несмотря на их коренные различия, имеют много общего. Конечно, при коммунистическом

==215

строе военная технократия находится под руководством г. контролем со стороны коммунистической партии. Но напряженность в отношениях между этими двумя силами изо дня в день возрастает. В стоящей у власти коммунистической партии есть собственные технократы — «работники аппарата» (аппаратчики). Само существование и употребление этого термина в СССР говорит о том, что поставленная проблема вполне реальна. Вскоре мы к ней вернемся. Но сначала остановимся на другой опасности, которая представляет собой безусловную угрозу обществу в условиях организованного капитализма, а при коллективистском строе остается все еще нерешенной проблемой.

Итак, мы видим главную пропасть, на краю которой стоят современные промышленные страны, пропасть, которая перекрывает все остальные, самая страшная и глубокая пропасть, о которой, к моему удивлению, никогда прямо не говорят. Мы живем в эпоху, когда техника переросла породившие ее социальные структуры. При изучении истории развития техники легко заметить, что техника никогда еще не порождала социальные структуры, а, наоборот, всегда структуры способствовали возникновению соответствующей техники и держали ее в подчинении. А поскольку социальные структуры скрепляются продуктами развития цивилизации, можно сказать, что до сих пор нетехнические достижения цивилизации управляли развитием техники. Теперь же мы подошли к тому моменту, когда образовалась потрясающая трещина между социальными структурами и нетехническими продуктами цивилизации, с одной стороны, и собственно техникой — с другой стороны. Итак, мы стоим перед лицом нового типа отчуждения, которого не предусмотрел даже Маркс, хотя он и выявил множество форм отчуждения. Речь идет об отчуждении всех продуктов цивилизации и целых социальных структур от бурно растущей техники, с которой уже не в состоянии совладать ни социальный строй, ни достижения цивилизации. Здесь-то и видна со всей наглядностью опасность технократии, разрушительная сила которой уже чувствуется. Технократы, полагающие, что они управляют техникой и с ее помощью осуществляют высшую власть, подобны на самом деле начинающим волшебникам, целиком захлестнутым разбухшими ими силами.

Таким образом, если связать опасность технократии с более широкой угрозой отчуждения достижений цивилизации

==216

и социальных структур от ставшей независимой техники, отчуждения, которое ведет к исчезновению общества и цивилизации вообще, то видна вся огромная значимость происходящих процессов. Речь идет о жизни или смерти завтрашнего общества и цивилизации. Происходят своего рода соревнования по скоростному бегу. Техника захвачена бешеным потоком, и если в социальных структурах не произойдут радикальные изменения, если не появится новая цивилизация, способная действительно подчинить себе современную технику, если мы будем ждать, колебаться, нащупывать, если в капиталистических странах не произойдут революции, а в странах коллективистских быстро не утвердятся во всей своей полноте новый гуманизм, то через несколько десятилетий уже не будет существовать ни общества, ни цивилизации.

До сих пор мы почти исключительно говорили о пропастях, которые разверзлись перед обществом в условиях режима организованного капитализма, и пришли к выводу, что единственным средством заделать эти пропасти является социальная революция. Она, как уже предсказывал Маркс, может принимать разные формы в зависимости от страны и конкретных исторических условий. В частности, органы революции, стихийно родившиеся в ее огне, могли бы в ряде случаев сохраниться как ячейки рабочего самоуправления на всех уровнях коллективистской экономики, включая и центральные плановые органы. Это предотвратило бы вероятные поползновения технократического порядка на всех этапах коллективизации. Не исключена возможность установления рабочего самоуправления после укрепления нового строя с санкции политической власти, рожденной в победоносной социальной революции (например, в Югославии), но затруднение состоит в том, что всякая политическая власть, в том числе и при коллективистском строе, расположена больше опираться на свой административный и бюрократический аппарат, на своих чиновников и плановиков, на своих специалистов, своих военных, наконец, на «организаторов» из коммунистической партии, чем на сам народ, на рабочих и крестьян, т. е. непосредственно на «демократию снизу» (низовая демократия). В Югославии, например, рабочие советы не принимают участия в планировании. Следовательно, остается третья возможность: постепенное улучшение и усовершенствование организаций по руководству и планированию

==217

экономики с целью достижения при коммунистическом строе прямого самоуправления рабочих и крестьян. Этого я ожидаю от СССР, Китая и стран народной демократии. Несмотря на все колебания, этот процесс уже идет. Я хочу привлечь внимание не к самому процессу, а к настоятельной необходимости его ускорения и форсирования, к необходимости срочно, немедленно перейти к рабочему самоуправлению на всех уровнях коммунистической экономики. Пробыл час, когда нельзя уже больше терпеливо ждать наступления «второй фазы» коммунизма...

Для подтверждения этих тезисов обратимся к истории СССР. Русская революция в феврале 1917 г. прежде всего создала фабричные советы. Именно эти советы — органы одновременно контроля и коллективного руководства — направляли своих делегатов в областные и центральные советы. Советский строй как таковой родился из советов, ставших политическими организациями. Как это ни парадоксально, но истории было угодно, чтобы именно Ленин, который страстно громил планы Временного правительства, пытавшегося ограничить функции фабричных комитетов одним контролем, Ленин, который выдвигал тезис о невозможности национализации и коллективистского планирования без самоуправления рабочих комитетов, ликвидировал рядом запретов эти комитеты, невольно подрывая таким образом основу советского строя, который, впрочем, тем не менее укрепился. Можно ли рассматривать эти действия как отступничество? Вовсе нет. Ленин распустил рабочие советы в первую очередь потому, что тогда шла гражданская война, а также потому, что комитеты своим руководством не обеспечивали необходимого уровня промышленного производства: нужно было спасти революцию и новый строй, для этого Ленин пошел на полную ликвидацию фабричных комитетов. Правильно он поступил или нет? Это особый вопрос, который я не хочу здесь затрагивать.

Были и глубокие причины этой драмы. Коммунистическая национализация и планирование ставили перед собой вполне ясную цель: быстро продвинуть вперед промышленную технику в условиях совершенно отсталой в этой области страны. Социальная революция — ив этом второй парадокс — произошла в стране с исключительно отсталой техникой. Только теперь техника в России достигает западного уровня и именно сегодня по-настоящему встает вопрос об экономической демократии в СССР. До настоящего

==218

момента технократические вылазки предпринимались плановиками, директорами заводов, которые подавляли рабочих, пытаясь добиться более высокой производительности труда. Однако эта опасность частично предотвращалась партийной диктатурой, которая, впрочем, сама в конце концов попала во власть «работников аппарата» — этих политических технократов. Между тем положение изменилось. Действительно, сегодня, больше чем когда-либо, директора заводов, плановики, равно как Красная Армия, нуждаются в прямом контроле со стороны народа, тем более что всеилие коммунистической партии было в какой-то мере подорвано кризисом, возникшим в результате ликвидации сталинизма.

СССР стоит на перепутье. Он может стать жертвой особой технократической машины и потерять таким образом часть революционных завоеваний; другая возможность состоит в том, чтобы быстро взять курс на демократизацию экономической жизни. С моей точки зрения, больше шансов за то, что СССР все увереннее пойдет по второму пути. Первым шагом на этом пути является децентрализация экономики на местах, проведенная Хрущевым. На больших заводах уже созданы рабочие комитеты, которые, правда, пока что служат посредниками между директорами и рабочими и не обладают никакой властью. Однако постепенно они могут ее получить. Начало этого процесса положено признанием за каждым рабочим права подавать в суд на директора за превышение власти. Если рабочие подают коллективную жалобу и их поддерживает рабочий комитет, то это будет возрождением рабочих контрольных советов. Наконец, хорошим примером служат колхозы, которые сами управляют своими делами. Итак, эволюция в этом направлении вполне возможна, но если она не пойдет достаточно быстро, СССР рискует иметь осложнения со своими технократическими группировками.

Несколько минут назад я особо беседовал с моим коллегой Соболевым. Он безусловно прав, указывая, что я не могу достаточно хорошо знать развитие Советской России, потому что я покинул страну 40 лет назад. Конечно, очень трудно правильно оценить развитие страны, непосредственно не наблюдая его или не проведя исследования на месте. Между тем положения, выдвинутые мной, по своему духу не очень далеки от утверждений моего коллеги Соболева: я считаю, что отныне Россия идет к рабочему самоуправлению и что вехами этого пути служат

==219

некоторые мероприятия, проведенные в стране в период после смерти Сталина.

Я лично убежден, что только при структуре плюралистского и децентрализованного коллективизма, структуре, которая стремится к установлению равновесия между государством и планированной организацией экономики, может по-настоящему осуществляться рабочее самоуправление. Различные рабочие советы должны выполнять разнообразные функции. Я не думаю, что на низшем уровне достаточно будет одного рабочего совета. Нужно увеличивать их число в соответствии с задачами каждого. Так могут существовать: а) советы как органы контроля; б) советы как органы руководства; в) советы как органы, занимающиеся производительностью труда; г) советы как органы, ведающие продвижением по службе и назначением заработной платы; д) советы как органы, принимающие участие в составлении планов на местах и в центре; е) наконец, советы как органы, следящие за выполнением планов. Естественно, что члены различных советов должны обладать различными качествами.

Мне могут возразить, что у рабочих нет достаточной технической грамотности, чтобы успешно работать в этих советах. Я отвечу, что в некоторых советах рабочие проявили бы такую же, если не большую компетентность, чем избиратели и депутаты политических советов, не говоря уже об органах парламентской демократии в условиях организованного капитализма.

В советы, занимающиеся производительностью труда, руководством и планированием, выборы могли бы быть организованы так, чтобы кандидатами выдвигались дипломированные специалисты, что было бы гарантией их технической грамотности, но в то же время давало бы возможность избирателям делать выбор, исходя из человеческих качеств кандидатов, критиковать, контролировать их и даже в случае необходимости отзываться.

.Один из присутствующих здесь советских коллег сказал мне, что не понимает моего беспокойства, когда речь идет о коммунистических странах, потому что там директора не имеют права увольнять рабочих. Но мне этого мало. Я не только считаю, что только рабочим советам как органам руководства должно принадлежать право увольнять своих товарищей, но главное для меня заключается

==220

в том, чтобы рабочие могли увольнять директора завода, колхозники — председателя колхоза, рабочие и крестьяне — плановиков всех рангов, члены партии — работников аппарата, наконец, солдаты — своих офицеров и генералов.

Я уверен, что в конечном счете любой коллективизм будет развиваться в этом направлении, если он не хочет попасть в технократическую западню, и я считаю, что СССР и страны народной демократии заинтересованы в том, чтобы как можно быстрее встать на этот путь. Но в отличие от моего коллеги Соболева я не могу принять старую формулу сен-симонистов, согласно которой мы в конце концов подойдем к такому этапу развития, когда «управление вещами заменит управление людьми». В этой формуле и кроется единственный утопический элемент теории Сен-Симона. Невозможно управлять предметами, не руководя в то же время людьми. А в эпоху, когда разрушительные и ужасающие технические средства делают возможным установление особого рода авторитарной власти и когда огромные организации порождают «работников аппарата», склонных к самому отвратительному произволу, необходимо предпринять грандиозные усилия, чтобы заделать пропасти, которые раскрываются у нас под ногами.

Следовательно, нужно проявить изобретательность и найти новые формы экономической демократии после или во время победоносных социальных революций. Я лично убежден, что быстрое введение повсеместно рабочего самоуправления вместе со всеобщим планированием под контролем тех, кто в нем заинтересован, является единственной возможностью для человечества одновременно справиться с технократической угрозой и избежать еще более страшной опасности полного разрушения социальных структур и достижений цивилизации под ударами получившей самостоятельность и разбушевавшейся техники.

Мы живем в эпоху, полную опасностей. Чтобы избежать катастрофы, надо торопиться, ускорять изменения. В капиталистических странах неотложной задачей является народный фронт и осуществление через него социальной революции, характер которой сейчас трудно предвидеть, но от которой мы ждем немедленного введения рабочего самоуправления. В коллективистских странах нужно форсировать радикальное усовершенствование руководства экономикой. Экономическая демократия во всей ее полноте вместе с новой цивилизацией гуманизма, построенной на

==221

труде,— это единственный выход, который нам остается... перед потопом.

Моему пониманию сегодняшнего мира свойственны некоторые черты драматизма, и я этого не скрываю. Но вопреки опасениям моего коллеги Францева, оно не эсхатологическое. В одной из своих книг («Социальный детерминизм и человеческая свобода», Париж, 1955 г.) я попытался показать, что мы живем в эпоху, когда человеческая свобода, как коллективная, так и индивидуальная, располагает возрастающими возможностями. Взять в свои руки рычаги управления социальным детерминизмом и использовать последний в своих целях. Судьба нашего общества зависит от нас самих. Давайте же смело действовать, чтобы разрешить встающие перед нами новые проблемы. Я от всего сердца желаю, чтобы в СССР, многие видные представители которого находятся сегодня среди нас, русская социальная революция полностью достигла своей цели и показала человечеству пример обуздания технократии коллективной свободой, путем полного осуществления рабочего самоуправления и непосредственного контроля со стороны всего народа за деятельностью плановых организаций, т. е. путем коллективистской демократии снизу (низовая демократия) и устранения технократической опасности.

ДИСКУССИЯ

АНУШИРВДН АРЗУМАНЯН (СССР)

Во все времена лучшие умы человечества стремились устранить причины нищеты и голода, мечтали о равенстве всех людей перед законом и обществом, искали пути уничтожения эксплуатации человека человеком и создания справедливой общественной организации. Сегодня мы можем с удовлетворением отметить, что мир стоит на пороге осуществления этих надежд.

В наше время нельзя говорить о будущем с точки зрения чистой теории. Необходимо учитывать практический опыт революции, происшедшей в Советском Союзе и других социалистических странах, и нельзя говорить о социальном прогрессе, не сравнивая две существующие сегодня

==222

в мире социальные системы. Действительно, сравнение двух великих держав — Советского Союза и Соединенных Штатов позволяет сделать вывод о том, что социализм является самым эффективным средством прогресса человеческого общества. Если мы посмотрим данные за последние двадцать лет, то получим следующую картину: в 1939 г. Соединенные Штаты по объему промышленной продукции в 17 раз превосходили Советский Союз, в 1953 — только в 3 раза, а в 1960 г. общий объем советского промышленного производства составлял 60 проц. от американского.

Развитие социализма означает не только развитие производительных сил, но и огромный культурный подъем. За короткий отрезок времени Советский Союз, бывшая неграмотная Россия, которая была далеко позади других во всех областях интеллектуальной жизни, осуществил подлинную культурную революцию и добился успехов мирового значения в области науки и техники. Достижения в освоении космоса выпукло демонстрируют огромный прогресс, достигнутый этим новым обществом.

Советские люди с каждым годом пожинают плоды этого прогресса в области материального благосостояния. Многие западные наблюдатели пытаются отыскать причины такого бурного развития, которое один американский журналист сравнил с полетом реактивного самолета. Мы можем сказать, что этим продвижением вперед мы обязаны социальным отношениям, т. е. социализму. Семнадцать лет

назад мне довелось выступать с докладом о сравнительном развитии Соединенных Штатов и Советского Союза. В то время как раз были опубликованы первые предсказания комиссий и научно-исследовательских институтов о перспективах развития Соединенных Штатов Америки. Предсказывали быстрые темпы развития США, а я говорил тогда, что темпы развития Соединенных Штатов по крайней мере на ближайшие десять лет не превысят 2—2,5 процента.

В 1953 г. Аверел Гарриман встретился в нашем институте с советскими экономистами. Мы доказывали, что перспектива, нарисованная нами, более соответствует реальным фактам, чем предсказания американских экономистов. Гарриман в шутку сказал, что нам угрожает безработица в наказание за наши предсказания, которые, по его мнению, были неверны. •

==223

Но с 1953 г. прошло семь лет, и факты показывают, что темп роста американской экономики за этот период равнялся 2,4 процента. Какова же в противовес этому общая перспектива развития Советского Союза?

В этой связи я хотел бы возразить г-ну Гурвичу. Говоря о советском планировании, не следует представлять его как авторитарное; оно отвечает определенным целям, намеченным в интересах развития общества.

Какую же цель ставит перед собой советское общество? Наша цель — создание материально-технической базы коммунизма. В этом и есть ключ к решению проблемы нашего планирования. Ставить на одну доску технократию и советское планирование — это значит отождествлять две совершенно разные общественные формации, это значит допускать смешение капитализма с социализмом.

В своем выступлении г-н Гурвич говорил одновременно о диктатуре коммунистической партии и о самостоятельности органов планирования. Он сказал, что директора заводов, Красная Армия и работники плановых организаций представляют собой силу более или менее независимую от коммунистической партии, основы которой были якобы поколеблены последними реформами, проведенными под руководством Н. С. Хрущева. Здесь нетрудно увидеть внутреннее логическое противоречие. Если существует диктатура партии, то не может быть никакой речи о самостоятельности органов планирования или той же самой Красной Армии. Если Красная Армия и органы планирования действительно самостоятельны, то не существует диктатуры партии. И вообще подобный характер анализа нашего строя, мне кажется, совершенно неоправдан и является результатом того, что г-н Гурвич очень давно уехал из Советского Союза.

Советский Союз не стоит ни на каком перепутье и ему не угрожает никакая технократическая опасность. Наша перспектива — это создание коммунистического общества. На XXI съезде КПСС были рассмотрены общие перспективы семилетнего плана. Директивы съезда как раз и являются основным руководством для наших органов планирования. Вот почему нет никаких оснований для разговоров о самостоятельной технократии, способной тормозить развитие советского общества.

В чем же подлинная проблема? Что должны сделать наши плановики?

==224

Мы поставили перед собой задачу в ближайшие десять лет обойти США в производстве на душу населения. Мы считаем, что эта задача вполне выполнима. Возьмем один пример, скажем, производство стали. В 1961 г. у нас будет произведено 71 млн. т стали. А Соединенные Штаты последние годы давали по 87 млн. тонн. Наш ежегодный прирост составляет 7 млн. тонн. Это значит, что в 1963 г. мы примерно достигнем сегодняшнего уровня производства стали в США.

Мы также ставим перед собой задачу облегчить труд советских людей. От уже введенного семичасового рабочего дня мы хотим перейти к концу семилетки, т. е. к 1964 г., на шестичасовой рабочий день. И на этом мы не собираемся останавливаться.

Главная наша задача — в течение ближайших десяти лет обеспечить советским людям самый высокий жизненный уровень в мире.

Выполнению этой задачи и должны способствовать в меру своих возможностей наши органы планирования.

ЖОРЖ ГУРВИЧ

Мы обсуждаем не вопрос о том, какие задачи ставит перед собой власть, а вопрос о характере существующей власти. Авторитарная власть иногда может быть необходимой и ставить перед собой прекрасные цели, но от этого она не становится менее авторитарной.

Я задаюсь вопросом, не может ли на нынешней стадии, когда техника в России находится в процессе бурного развития, стать более демократичным характер самой социалистической власти, нельзя ли расширить контроль над ее деятельностью со стороны самих управляемых. Давайте не будем смешивать два разных вопроса, какими являются цели власти и ее характер. Г-н Арзуманян согласился с тем, что задачей русской революции была не только национализация или подъем технического уровня России, но в первую очередь — освобождение человека, призванного стать хозяином своей судьбы.

Разве я вошел в противоречие с самим собой, утверждая, что в России существуют различные виды технократии в зависимости от организаций, в которых она

==225

действует? Не думаю, чтобы это было так. Технократом может быть директор завода, если над ним нет достаточного контроля со стороны рабочих, или плановик, если его недостаточно контролируют потребители; его можно встретить внутри самой коммунистической партии — в этом случае его называют специальным русским словом «аппаратчик» — работник аппарата.

Итак, я назвал уже три группы, которые невозможно определить с полной точностью. По уверению г-на Арзуманяна, верховная власть принадлежит коммунистической партии. Он утверждает, что последняя

стоит как над плановыми органами, так и над дирекцией заводов. Я в этом не сомневаюсь. Возможно, даже лучше, чтобы власть коммунистической партии подавляла власть технических специалистов. Но в конце концов надо прийти к такому решению, которое делало бы бесполезной всякую авторитарную власть. Я стараюсь найти средства, при помощи которых будет возможно, с одной стороны, сохранить все виды планирования и ускорить темпы технического развития России, а с другой стороны, лучше противостоять любым нападкам извне, призвав всех без исключения — управляемых, производителей и потребителей — к активному участию в осуществлении управления на различных его уровнях.

Нет ничего страшного в том, что сегодня коммунистическая партия осуществляет контроль над Красной Армией, так же как, и над всеми другими формами власти. Но вопрос состоит в том, есть ли это решение проблемы, способствует ли действительно сохранение такой авторитарной власти партии развитию коллективистского строя, который теперь должен перейти в свою более высокую стадию, стадию построенного коммунизма.

Эти проблемы заслуживают внимания особенно в свете современного прогресса техники. Что касается меня, то ответ г-на Арзуманяна представляется мне подтверждением, а не опровержением моих положений: если работники аппарата стоят над плановиками и директорами заводов, это еще не значит, что опасность технократии устранена. Ее можно победить только по мере того, как будут даны гарантии всем управляемым, и в первую очередь самим рабочим.

Наконец, разве я смешал американский строй, или строй организованного капитализма, и коллективистский

==226

строй? Конечно, нет. Фашистская технократия гораздо больше угрожает капиталистическому строю, строю совершенно непрочному, внутри которого в большинстве стран фашистская технократия уже стоит у власти. Я сказал и еще раз повторяю, что организованный капитализм может удерживаться только ценой установления фашистской диктатуры; совсем иначе обстоит дело с советским строем. Здесь я, наоборот, хочу, чтобы Россия нашла эффективные средства для продолжения борьбы против технократии. Вы видите, что я все время противопоставляю систему организованного капитализма и советскую систему, Однако это не значит, что я должен .впасть в слепое восхищение и не видеть проблем, которые встают перед развивающимся строем. Я хочу смотреть в глаза фактам: технократическая опасность существует в стране, и в силу того, что сегодня Россия достигла европейского уровня технического развития, эта опасность возросла. Но я уже говорил и повторяю это с еще большей уверенностью после беседы с одним из советских коллег, что в развитии этой системы наблюдается целый ряд обнадеживающих факторов. Можно надеяться, что она будет мирно развиваться в сторону расширения самоуправления и самоконтроля со стороны самих рабочих и всех граждан. Такое пожелание я и высказал. Но я никогда не отождествлял режим организованного капитализма с советским строем, с современным коллективистским режимом в России.

Арзуманян — Г-н Гурвич заявил, что русская революция была совершена для того, чтобы люди стали хозяевами своей земли. Они ими стали. Революция поставила у власти рабочий класс Советского Союза. Помещики были уничтожены как класс. Земля была отдана крестьянам, которые вместе с рабочими стали хозяевами страны. Революция совершилась действительно в интересах трудящихся, и именно им принадлежит власть. Что представляет собой коммунистическая партия, о которой Вы говорите? Около 8 млн. рабочих, крестьян и представителей интеллигенции нашей страны. Революция дала власть социальным слоям, к которым они принадлежат.

Во-вторых, Вы говорите о демократии. Но демократию можно себе представить и как демократию для частных товаропроизводителей.

Гурвич— Я говорил не о ней. - Арзуманян — Но на самом деле именно перед ней

==227

Вы преклоняетесь. Но существует другая, социалистическая демократия, сторонниками которой являемся мы. Гурвич — Я тоже.

Арзуманян—Я хотел бы сказать еще несколько слов о директорах заводов. Чтобы говорить о самостоятельности и авторитарной власти директора, надо знать его права: знаете ли Вы, г-н Гурвич, что советский директор не имеет права выгнать рабочего с предприятия?

Гурвич— Да, знаю, но я хотел бы, чтобы рабочие имели право выгнать директора.

Арзуманян — Я отвечу и на этот вопрос. Рабочие действительно пользуются таким правом через посредство профсоюза. Директор не имеет права произвольно устанавливать зарплату рабочих. Он не имеет также права по своей воле менять план и придавать ему произвольное направление. В каждом случае он действует в соответствии с советским законодательством. Директора, который работает плохо, критикуют все советские люди и выгоняют как несправляющегося со своими обязанностями. Но зачем, спрашивается, советским рабочим выгонять хорошо работающего директора? Вопрос состоит в том, чтобы знать, на чье благо направлена деятельность этого человека. В Советском Союзе он работает на рабочий класс. Но в условиях, созданных капитализмом, директора представляют себе иначе; там он предстает как частный собственник, стоящий во главе монополии и действующий в интересах этой монополии. Я хотел бы показать на одном примере всю значительность этой разницы.

Автоматизация является самой современной техникой производства. В Соединенных Штатах она ведет к росту безработицы. В то же время сама по себе она представляет собой благо, прогресс. Но она оборачивается против рабочего класса. Известно ли г-ну Гурвичу, что между 1950 и 1960 гг. в Соединенных Штатах с производства было снято 840.000 человек, которые должны были бы там работать? В следующее десятилетие эта цифра еще более возрастет, достигнув 1.400.000. И безработица растет из года в год. Разве в этом виновата техника? Почему тогда та же самая техника, та же самая автоматизация не порождает безработицы в Советском Союзе? Это происходит из-за различий, которые существуют не в производительных силах, а в социальных отношениях.

Вернемся к вопросу о директорах. Как может их роль

==228

оставаться той же в условиях разных социальных отношений? Вот почему я утверждаю, что, говоря о технократии, Вы смешиваете гетерогенные социальные системы. Вы говорите о фашизме, который является империалистической системой, и о советской системе, представляющей собой нечто совсем иное, потому что она социалистическая. А Вы говорите, что и тут, и там существует та же технократическая опасность. Как же прикажете Вас понимать?

Гурвич — Есть два вида технократии: я никогда не говорил, что в России технократы господствуют; я сказал, что при нынешнем развитии техники она подвержена технократической угрозе. В

капиталистической же системе, наоборот, развитие технократического режима уже идет на полную мощь, хотя в этом многие не отдают себе отчета.

Францев (СССР) — Я хочу внести уточнение, которого требует эта дискуссия. Плановые органы не ограничиваются учреждениями, где сидит этот «аппарат», о котором говорил г-н Гурвич. Они включают в себя каждый завод, каждый колхоз, потому что в выработке плана принимают участие все трудящиеся. Таким образом, экономическая власть не сосредоточивается в руках избранных «аппаратчиков». Она принадлежит всему народу.

Лупорини (Италия) — Наша дискуссия разворачивается вокруг вопроса о технократии или сосредоточения власти в руках небольшой группы лиц, компетентных в различных областях знаний или сферах деятельности, в руках технических специалистов. Что касается меня, я убежден, что такая власть не существует в Советском Союзе, но и американские идеологи ошибочно воображают себе, что такая власть существует в США. В этой стране подлинная власть принадлежит монополиям. Для того чтобы замаскировать действительность, и создан этот миф о технократии, который позволяет поставить на одну доску под видом индустриального общества два совершенно разных строя: социалистический и капиталистический.

Гольдман (Франция) — Я внимательно выслушал как выступление г-на Гурвича, так и ответы, данные на него учеными-марксистами. Однако я так и не знаю до сих пор, существует или нет технократия в Советском Союзе. Фактически выдвинутые аргументы сохраняют юридическую форму. Наша дискуссия идет на уровне правовых принципов. Но достаточно ли этого? Представьте себе, что кто-то рассказывает о Франции, Федеральной Германии

==229

или вообще о западном мире. Он скажет нам, что в этих странах власть принадлежит народу, потому что наши депутаты избираются всеобщим голосованием. Также и советское планирование было названо демократическим, потому что планы обсуждаются со всеми. Но весь вопрос состоит в том, чтобы гораздо более конкретно знать, как действует социальная машина. На этот счет у меня так и не сложилось определенного мнения.

Чтобы сделать это, надо было бы прежде всего обсудить критерии, которые позволяют определить наличие или отсутствие технократии. Каковы могут быть эти критерии? Может быть, это связано с разницей в доходах; может быть, следовало бы статистически установить случаи, в которых то или иное предложение, не исходившее от дирекции, было высказано и принято на собрании. Может быть, также следовало бы установить, в каком количестве случаев предложения дирекции были приняты вопреки мнению того или иного процента трудящихся, присутствующих на обсуждении. Маркс и Энгельс научили меня прежде всего считать основным законом исследования необходимость конкретного анализа. В их время такой анализ мог относиться только к капиталистическому обществу. Но сегодня, поскольку существует другой тип общества, этот метод может быть применен и к нему. Или, по крайней мере, нужно выработать критерии, которые позволят впоследствии про- вести такое исследование.

АЛЕКСАНДР СОБОЛЕВ

Г-н Гурвич указывает, что советское планирование исходит сверху, и считает, что в этих условиях оно представляет собой привилегию своего рода элиты. Это утверждение является неправильным. И наши возражения по этому вопросу могут явиться также ответом г-ну Гольдману.

Прежде всего проф. Арзуманян показал, что планирование ведется в соответствии с объективными законами общественного развития и что оно подчинено цели построения коммунизма. Если планирование действительно отражает объективные законы действительности, оно способствует прогрессу экономики. В противном случае никакая воображаемая или реально существующая элита не

==230

сможет добиться осуществления плана и помешать ему превратиться в тормоз для развития.

Но научно обоснованный план не может быть разработан и выполнен без широкого участия масс. Истинная реальность плана, его составление и выполнение — это инициатива трудящихся, их самодеятельность и целеустремленность. Формы же участия масс в составлении планов самые разнообразные—непосредственные на предприятиях, в колхозах и совхозах, через своих представителей в масштабе городов, областей, республик, всей страны.

Начнем с сельского хозяйства. План хозяйственной деятельности колхоза составляют колхозники. В период культа личности были отступления от этого порядка. Но в 1955 г. было принято специальное решение об улучшении планирования в колхозах. Был установлен порядок, согласно которому сверху хозяйству доводится задание по продаже сельскохозяйственных продуктов, а сколько и каких культур сеять, какой скот и какое количество держать, как рациональнее использовать землю — это решают сами колхозники. Правда, еще до сих пор имеются люди, болеющие административным зудом, которые иногда нарушают решение. Но Советское государство решительно пресекает всякие попытки вмешиваться в плановую деятельность колхозов.

Хозяйственную политику в масштабе города, области, республики, страны решают полномочные представители трудящихся — депутаты. Работники плановых органов выполняют волю Советов депутатов трудящихся. Господин Гурвич называет работников плановых, хозяйственных учреждений «аппаратчиками», придавая этому слову одиозный смысл, противопоставляя «аппаратчиков» народным массам. Но это противопоставление надуманное; оно воз" никло либо вследствие полного незнания жизни советского общества, либо как результат сознательного искажения действительности.

То же сочетание инициативы масс и централизованной воли общества имеем мы и в промышленности. Исходным пунктом плановых заданий для промышленных предприятий является всестороннее изучение производственных возможностей, которые осуществляются коллективом предприятия: рабочими, инженерами, техниками, профсоюзом, партийными организациями. На каждом предприятии

==231

имеется производственное совещание, которому принадлежит решающая роль в определении производственных возможностей.

Плановые задания для экономических районов определяют также не выдуманные г-ном Гурвичем «технократы», а представители трудящихся, среди которых мы видим рабочих, крестьян, инженеров, техников, экономистов.

Г-н Гурвич утверждает, что рабочие не достигли еще уровня, позволяющего им компетентно обсуждать производственные вопросы. Однако это утверждение свидетельствует только о том, что мой оппонент очень плохо знает советскую жизнь. Я бы мог назвать многие тысячи рабочих, которые работают у своего станка и в то же время выступают на технических конференциях или отлично справляются с обязанностями государственных деятелей в масштабе района, области или целой республики.

В условиях социализма, особенно когда происходит постепенное перерастание социализма в коммунизм, осуществляется великий процесс — переход от управления людьми (что свойственно было классовым обществам) к управлению вещами (что является наиболее ярким выражением подлинной свободы человека).

Г-н Гурвич отвергает положение об управлении вещами как утопическое. Но тогда хочется спросить у г-на Гурвича: есть ли у него концепция, может ли он дать нам его понимание идеальных социально-экономических отношений?

В самом деле, г-н Гурвич выступает как ярый противник «технократии», а когда ему рисуют картину общества, где вообще снимается сама проблема «технократии», он утверждает: этого быть не может. Хочется спросить г-на Гурвича: каковы же ваши думы о будущем человечества? У нас, марксистов, есть ясное и твердое представление о том, как и куда пойдет человечество. Но этого представления нет у социологов, которые отстаивают иные идеологические концепции.

Если они есть, то мы готовы рассмотреть их весьма внимательно. К сожалению, & литературе наших оппонентов мы слышим только нотки пессимизма о настоящем, ничего в ней не говорится о будущем. Значит, у вас, господа, нет концепции будущего, а мы, марксисты, ее имеем. Мы видим совокупность проблем, которые выдвигает жизнь сегодня. Но с еще большим вниманием мы рассматриваем

==232

нашу действительность в свете будущего. В социалистическом обществе нет выдуманных г-ном Гурвичем «технократов» сегодня, не может их быть и в будущем.

Г-н Гурвич хотел бы найти «технократов» среди директоров заводов и особенно среди специалистов вооруженных сил, управляющих новейшей военной техникой. Но его критерии технократии весьма своеобразны. Для него «технократом» является такой директор, который оторван от рабочего и командует им. Но уже в ходе дискуссии он признал, что в социалистическом обществе директора не могут «командовать» рабочими. Если же рабочие могут уволить директора завода, то тогда проблема «технократии» и в этой сфере общества снимается. И снова мы можем сказать, что г-н Гурвич не знает социалистической действительности.

И совершенно нелепо звучит вопрос о «технократии» специалистов вооруженных сил, зорко охраняющих неприкосновенность границ СССР, всего социалистического лагеря. Всякий, кто более или менее хорошо знает общественные отношения в СССР, согласится со мной, что в условиях социализма нет милитаризма и никакого влияния на социальные отношения военные специалисты не оказывают и оказывать не могут. Они только выполняют волю народа.

И хочется сделать еще одно замечание. Сама идея 1 «технократии» могла возникнуть только в обществе, где существуют антагонистические противоречия между умственным и физическим трудом, где имеет место обособление работников умственного труда от работников физического. В СССР же происходит прямо противоположный процесс стирания различий между работниками умственного и физического труда. Всем известно, что образование в СССР является общенародным. Количество

людей со средним и высшим образованием непрерывно растет. Где же здесь место для «технократии»? Такого социального слоя в условиях социализма нет и быть не может.

у ЖИЛЬБЕР МЮРИ (Франция)

Мне кажется, что Гольдман не совсем прав, говоря о том, что действительность социалистического мира рассматривается здесь только в формальном или юридическом плане.

*

==233

Выступление проф. Соболева наглядно подтверждает, что в Советском Союзе, так же как в Северном Вьетнаме, как показал д-р Вьен, планирование осуществляется не только в интересах всех людей, но также и при участии всех. Значительная часть дискуссии была посвящена вопросу самоуправления рабочего класса, но мне кажется, что не была достаточно рассмотрена одна из коренных причин разногласий между г-ном Гурвичем и его советскими коллегами. Дело в том, что г-н Гурвич рассматривает «рабочее самоуправление» в какой-то мере как управление в масштабах завода. Это ведет к раздроблению рабочего класса по отдельно взятым предприятиям. Но в современном мире стремление к осуществлению власти через руководство отдельными предприятиями привело бы к призрачной, иллюзорной власти либо к разъединению предприятий, к возрождению рынка, в почти капиталистическом значении этого слова, и поставило бы социалистическую экономику на путь возврата к капитализму. В общем, это создало бы довольно серьезную угрозу развитию человечества. Но мне кажется, что есть другой источник конфликта, возникшего между г-ном Гурвичем и всеми марксистами, а также многими другими — такими как г-н де Кастро или сторонники Тейяра: дело в том, что г-н Гурвич вообще не верит в прогресс. Ни в одном из его произведений вы не найдете утверждения идеи прогресса. Наоборот, он утверждает тезис о прерывности развития экономических и общественных формаций и невозможности научного осмысления процесса развития человечества.

Короче говоря, немарксистской социологии не хватает способности поставить конкретные наблюдения в историческую перспективу общественного развития, которое, вопреки всем колебаниям, противоречиям и поворотам назад, заслуживает названия «прогресса».

Основная функция социологии, очевидно, состоит в изучении коллективных структур, внутри которых отдельный человек включается в жизнь человечества. Потому-то эта наука и находит свое законное место во всякой дискуссии об условиях жизни и судьбе человеческого рода. Однако нельзя забывать разницу между тем, чем должна быть эта наука, и тем, чего она достигла на сегодняшний день. Социология еще не вышла из отроческого возраста. Она постоянно колеблется между статичным описанием сущностей, лежащих вне мира опыта, с одной стороны, или, с

==234

другой стороны, впадает в микросоциологию психологического толка, где скрупулезное изучение малозначительных примеров подменяет анализ общества в целом, вместо того чтобы дополнять его.

Социальные структуры, безусловно, являются объективной реальностью. Но в исторической перспективе, которая должна быть (или снова стать) перспективой социологии, они предстают в виде

различных этапов или различных ступеней единого процесса развития, от которого их было бы искусственным обособлять.

Поэтому всякое определение основных структур данного общества должно брать свой предмет в связи с движением, посредством которого человечество производит самого себя. Это определение может иметь смысл лишь для данной стадии эволюции. Ясно, что может существовать структура, аналогичная определяемой, имеющая с ней формальное или даже функциональное сходство, но присущая другой стадии цивилизации. Но такое сходство ни в коем случае не должно вводить нас в заблуждение; мы не должны из-за него забывать, что подобные сравнения являются натянутыми, произвольными, неправомерными. Только в рамках конкретной всеобщности, какой является всякое общество, определяемое по способу производства, может быть научно проанализирован характер того или иного общественного института.

Нельзя говорить о технократической опасности, не основываясь на конкретном анализе капитализма и социализма. Апокалипсис, предсказанный математиками, на который так часто ссылается г-н Гурвич, не произойдет (при прочих равных условиях), если средства производства, удерживаемые сейчас буржуазией, перейдут в руки рабочего класса.

Пора покончить со статическим пониманием отношений между тем, кто делает, тем, кто приказывает, и тем, кто исполняет.

Следует отвергнуть крайне абстрактный компаративизм, который строится на аналогическом сходстве структур функционирующих в рамках общественных формаций, стоящих на различных стадиях развития. Подлинный же компаративизм остается неотделим от стремления охватить общий процесс развития, которым определяется место различных цивилизаций. В этом деле субъективизм не может нам ничем помочь.

==235

Объективный критерий человеческого прогресса не может быть найден априорно без предварительного изучения факторов биологического и особенно исторического порядка. Если мы говорим, что социология не может не опираться на философию, то речь идет, конечно, не о метафизике, а об исследовании, основывающемся на опыте, подобно наукам и, как они, неотделимом от практики.

В этом смысле мы должны найти специфический аспект человеческой деятельности, определить его природу и тем самым получить возможность констатировать прогресс или, при случае, регресс в этой деятельности. Другими словами, нам следует здесь проследить процесс выхода человека из природы в двойном смысле этого слова с одной стороны, человек происходит, берет свое начало из природы, с другой стороны, он отделяется от нее. Короче говоря, нам нужно раскрыть существо не структуры, а деятельности внутри всех форм коллективной жизни, сменявших друг друга или сосуществовавших рядом друг с другом, деятельности, которая непрерывно видоизменяется, принимая новые формы, и проявления которой доступны историку, этнологу, социологу, экономисту и вообще любому исследователю, стоящему на позициях подлинно научной объективности.

Развитие общественного человека можно измерять двояко. Во-первых, оно измеряется степенью господства человека над миром природы, над природой одушевленной и неодушевленной, но не мыслящей. Как говорил еще Маркс, труд, независимо ни от какой формы общества, есть всеобщее условие существования человека, постоянная необходимость, посредник обмена веществ между природой и человеком. Внутри этого трудового процесса мы призваны выделить движение, при помощи которого человечество производит самого себя и тем самым создает структуры, различимые в абстракции внутри реальной тотальности, под которой надо понимать не обязательно гармонический

ансамбль, а конкретную, т. е. полную систему человеческих взаимоотношений, иногда противоречивых или даже антагонистических.

С другой стороны, это усилившееся господство человека над окружающей средой сопровождается глубокими преобразованиями внутри самого мира человека. Наши знания об эволюции видов позволяют нам сделать вывод о том, что диалектическое взаимоотношение руки и мозга,

==236

с помощью друг друга выходивших из животного состояния, вызвало у существ, предшествовавших homo sapiens, с одной стороны, изменение организма в целом, и в особенности коры мозга, и, с другой стороны, развитие связей между членами коллектива, совместные действия которых оказались необходимыми даже для производства элементарных орудий труда. В процессе этой взаимопомощи «формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась потребность что-то сказать друг другу». Начал развиваться язык как средство общения между людьми

В этом свете типы человеческого общества определяются одновременно в зависимости от количественного прогресса производительности труда и от менее уловимого, но не менее важного движения человека к свободе.

Такая философия истории, принципы и методы которой покоятся одновременно на изучении прошлого и на каждодневной политической или революционной практике, позволяет основать социологию: последняя должна изучать совокупность институтов и нравов. Но ей необходимо рассматривать их в зависимости от того, как проходит трудовой процесс внутри данной формы общества. А этот процесс неотделим от организации процесса производства. Если, например, мы договоримся называть социальным классом такую наиболее широкую группу людей, выделение которой совершенно необходимо для анализа всех социальных явлений, то тогда специалист по коллективистским структурам и даст нам определение класса, которое сразу обнажит нам корни человеческой жизни. Конечно, можно разделить французов на категории в зависимости от их возраста, доходов, образования и вероисповедания. Но весь вопрос в том, чтобы, расчистив все наносы, определить, когда мы достигли наконец скалы, на которой может строиться вся теория общества.

Когда один христианский социалист утверждал: «можно разделить французов на хозяев и рабочих, но можно их разбить и на материалистов и спиритуалистов», его слова не были лишены здравого смысла. Но был ли он прав, восклицая: «второе разделение является даже более значительным и постоянным, чем первое!»?

В качестве основного критерия для определения класса мы, наоборот, выдвигаем то место, которое та или иная группа людей занимает в общественном производстве,

»

==237

следовательно, ее положительную или отрицательную роль в движении человека к свободе.

Тот, кто стоит на другой позиции, может, конечно, составить интересный каталог отдельных групп, кругов, слоев и т. д., но в любом случае он упустит главное. Определение той или иной категории будет иметь лишь чисто описательный смысл, и мы волей-неволей впадем в позитивизм и потеряем способность оценивать каждый тип цивилизации как момент создания человека человеком. Г-н Гурвич

совершенно прав, когда пишет: «Все немарксистские определения классов чрезвычайно разнородны и выдвигают огромное множество критериев: профессия, доход и состояние, превосходство в способностях и уважение к себе, монопольное положение и доступ к различным благам, функцию, образ жизни и т. д. вплоть до способности заключать браки или даже до светских визитов между женами представителей одного и того же класса. Но все эти определения характеризуются отказом от философии истории, связанной с предсказанием исчезновения классов».

Вопрос состоит в том, чтобы установить, совместим ли отказ от исторического материализма с научной позицией и научными методами анализа общественных явлений. Недостаток всех определений класса, предлагаемых идеалистами, показан в вышеприведенном высказывании Гурвича. Безразлично, какое из них выбрать. Чем одно лучше другого или другое правильное третьего? Поскольку все они предлагают формальные критерии, выбор может быть произвольным. Совсем иначе обстоит дело с определением, которое дает Ленин, называя классами «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают». Здесь нет попытки статически определить какое-то количество общих черт, присущих всем социальным классам. Да и как можно это сделать, когда они резко отличаются один от другого либо типом цивилизации, в котором они существуют, либо своей специфической функцией внутри одной и той же всеохватывающей коллективности? Определение Ленина дает метод, позволяющий выявить каждый класс в его

==238

неповторимой специфике, рассматривая его в свете всего процесса исторического развития человечества. Тем самым оно дает нам возможность понять структуру каждого общества и движение, которое в нем происходит, начиная от производительных сил и поднимаясь постепенно, через посредство производственных отношений к социальной психологии (так, как ее определял еще Плеханов) и идеологии.

В этом смысле применение марксистской концепции способа производства как наиболее общей характеристики данного общества представляет для социологии двойное эвристическое преимущество. С одной стороны, структуры, существующие на различных уровнях жизни коллектива, смогут быть охвачены в их взаимозависимости как элементы единого акта формирования человека вообще на разных этапах его эволюции. С другой стороны, факты перестанут быть чем-то неподвижным, а будут вписываться в непрерывный процесс, в котором временное равновесие может рассматриваться как один из моментов изменения.

==239

IV.

МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС

НЕОБХОДИМОСТЬ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

Вопросы социального прогресса и судьбы человечества сегодня неразрывно связаны с мирным сосуществованием. Можно следующим образом определить характерные черты нашей эпохи: 1) это эпоха возникновения системы социализма, разделения мира на две противоположные общественные системы — социалистическую и капиталистическую; превращения социализма в решающую силу мирового развития; 2) это эпоха грандиозных научно-технических открытий, которые своей значимостью и действенными возможностями своего дальнейшего развития затмевают «промышленную революцию» конца XVIII века, заложившую технический фундамент капитализма; 3) еще одно величайшее явление — это ускоренный распад колониальной системы и появление большого числа недавно освободившихся независимых государств; 4) развиваются новые формы межгосударственных взаимоотношений. К ним относятся взаимоотношения между социалистическими странами, а также между последними и недавно освободившимися или вообще слаборазвитыми странами; 5) это эпоха, в которую человечество впервые за всю свою историю имеет возможность окончательно избавиться от угрозы всякой войны.

Все пять отличительных черт нашей эпохи тесно связаны с проблемой мирного сосуществования, которое является собой новый тип международных отношений между миром социализма и миром капитализма.

Принципы мирного сосуществования вытекают из характерных черт нашей эпохи. Они представляют собой объективную необходимость нашей эпохи, а не

==240

принадлежат, как думают некоторые, только к арсеналу политических принципов и лозунгов.

Важность проблем мирного сосуществования определяется самим фактом одновременного существования социалистической и капиталистической систем. Подобно тому как раньше капиталистическая система утвердилась в качестве объективного результата исторического развития общества, социалистическая система сегодня является исторической необходимостью. Вместе с тем социалистическая система не установилась во всех странах одновременно, а возникла сначала в одной и позднее, после относительно долгого интервала, в нескольких странах. Однако в то же время многие страны продолжают оставаться капиталистическими. Этот неодновременный переход разных стран к социализму был научно предсказан Лениным, открывшим закон неравномерного политического и экономического развития капитализма в эпоху империализма.

Одновременное существование этих двух систем неизбежно требует решения вопроса о характере их взаимоотношений.

Первым и главным принципом мирного сосуществования является мирный характер отношений между странами, принадлежащими к двум различным противоположным системам. Это объясняется не только соображениями морального и гуманистического порядка, но также исторической потребностью.

Для превращения реально существующего соседства двух систем в подлинное мирное сосуществование, могущее служить делу прогресса, есть целый ряд объективных факторов: 1. Сохранение мира соответствует жизненным интересам народных масс всего мира. Их воля все более и более становится активным и могучим фактором сохранения мирных отношений между различными странами; 2. Социальная и экономическая природа социалистических стран объективно определяет

мирный характер их политики В этих странах нет классов, заинтересованных в милитаристской и агрессивной политике. Там нет ни фабрикантов оружия, ни владельцев капитала или предприятий, стремящихся к захвату новых рынков или источников сырья.

Между тем вопрос мирного сосуществования двух систем имеет двусторонний характер, т. е. мирная политика

==241

зависит не только от социалистических стран, но и от стран капитализма.

В капиталистическом мире есть круги, заинтересованные в проведении милитаристской политики. Иначе говоря, мирное сосуществование вовсе не означает уничтожения агрессивных сил. И все же мирное сосуществование от этого не исчезает и не перестает быть объективным принципом. Для стран капитализма вопрос о сохранении мирных отношений с социалистическими странами — это прежде всего вопрос реализма в политике. Существование социалистических государств показывает, что революционные силы рабочего класса возросли настолько, что капиталистам уже не удастся держать под своей пятой весь земной шар. В этих условиях политический реализм подсказывает капиталистическим странам признать происшедшие в мире изменения в соотношении сил, принять факт установления новой социалистической системы, возникшей как неизбежный результат исторического развития. Отказ некоторых империалистических кругов признать этот очевидный факт не раз приводил их к попыткам повернуть вспять ход истории и силой свергнуть Советскую власть.

Сегодня, в условиях существования современного оружия, необходимость мирного развития отношений между странами двух систем приобретает новое значение.

Война — это не биологическое, а общественно-политическое явление. Ее корни лежат не в природе человека, а в системе общественных отношений, в законах развития человеческого общества. При различных общественно-экономических формациях менялись принципы и существо войн, но они всегда носили исторически преходящий характер. Война как общественное явление имеет свою собственную диалектику. Она будет окончательно отвергнута и уничтожена, когда социализм полностью восторжествует в мировом масштабе.

Но означает ли это, что сегодня война должна висеть фатальной и неизбежной угрозой над человечеством? Нет, напротив, уже сейчас существуют объективные условия, позволяющие говорить о возможности окончательного уничтожения войн.

Эти реальные возможности определяются прежде всего значительным ростом сил мира на земле: воля всех народов к миру превращается в действенный фактор. За мир борются социалистические страны и большинство стран,

==242

недавно освободившихся и Завоевавших независимость. Все это увеличивает реальные возможности уничтожения войны как фатальной неизбежности.

В этом же направлении действуют некоторые особенности развития современной военной техники. Развитие военной техники ведет к наращиванию разрушительной силы боевого оружия. В

«усовершенствовании» этого оружия кроется причина его отрицания, поскольку химическое, бактериологическое и особенно атомное и термоядерное оружие превращается в средство истребления мирного населения, т. е. уничтожения самой жизни.

В самом деле, можно сказать, что война в своем материально-техническом развитии приближает момент своего собственного отрицания, момент самоуничтожения.

Все это вовсе не означает, что война стала или становится невозможной. Это означает, что диалектика развития военной техники может стать фактором обуздания агрессивных сил и облегчает действия сил мира.

Это происходит потому, что: — массовое разрушение и истребление населения посредством этого оружия делают недостижимыми сами цели военной экспансии. Завоеватель ставит своей целью захват богатств той или иной страны, ее городов и сел, заводов и шахт, эксплуатацию населения, завоеванных территорий, а не обладание опустошенной и безлюдной землей; — страна-агрессор находится под угрозой такого же массового разрушения вследствие ответного удара со стороны государства, подвергшегося агрессии, «ли его союзников. Развитие военной техники не дает возможности ни одной стране чувствовать себя в безопасности под защитой расстояния, естественных границ или других препятствий, имевших значение в прошлых войнах. В этих условиях правительства вынуждены более серьезно задумываться над последствиями своих решений, если они принимают какие-то меры, могущие создать угрозу миру; — угроза, которую несет современное оружие человечеству, его будущему и его культурным ценностям,— это могучий стимул вовлечения народных масс всех стран в борьбу за мир, которая сегодня ставит своей целью не просто избежать обычной войны, а уйти от самоуничтожения человечества, какого еще не знала история.

Если развязывание, организация и ведение войны с определенными практическими целями становятся все более

*

==243

невозможными, то ничто не исключает возможность безумных действий со стороны потерявших рассудок элементов, движимых классовой ненавистью, отчаянием и отсутствием перспективы.

Современная техника делает возможным случайное возникновение войны вследствие простой технической ошибки.

На реальную или предполагаемую агрессию необходимо ответить очень быстро, не теряя времени на то, чтобы изучить вопрос, потребовать объяснений, остановить вооруженные действия. Это объясняется самим характером современного оружия, при использовании которого многое может зависеть от выигрыша нескольких секунд.

Такова диалектика вещей. С одной стороны, опасность развязывания войны уменьшается, с другой стороны, человечество никогда еще не подвергалось такой большой опасности, накую несет с собой современная война.

Мне кажется, что в этих условиях впервые за всю историю человечества открываются реальные перспективы подлинно радикального решения вопроса об окончательном исключении войны из жизни общества.

Можно продолжать споры о существовании и содержании понятия социального прогресса, можно давать ему самые различные определения, но нет никакого сомнения в том, что социальный прогресс, каким бы он

ни был, совершенно несовместим с перспективой атомной войны. Бесспорно, что уничтожение такой страшной опасности, нависшей над человечеством,—это неперемное условие человеческого прогресса. А это определяющее условие может быть обеспечено лишь при принятии принципов мирного сосуществования.

Кроме того, мирное сосуществование, открывающее путь к всеобщему и полному разоружению под международным контролем, позволило бы высвободить огромные материальные и людские ресурсы, которые можно бы было использовать для повышения благосостояния и для общего прогресса народов. Это позволило бы оказать эффективную помощь экономически слаборазвитым странам. Наконец, это открыло бы неслыханные возможности для духовного развития и культурного подъема человечества.

Вторым принципом мирного сосуществования, тесно связанным с первым, является невмешательство во внутренние дела других стран. Действительно, мирное сосуществование двух систем невозможно без признания за

==244

каждой из них права на существование, без признания за каждой страной права на самоопределение, на самостоятельный выбор своего общественно-политического строя. Необходимо строго уважать право народов располагать своей судьбой и по своему усмотрению решать свои внутренние дела.

Согласно марксистско-ленинской теории социалистической революции последняя не является «предметом экспорта». Она подготавливается в ходе экономического, политического и социального развития разных стран, и, наконец, революция — это дело трудящихся масс, рабочих и крестьян.

Между тем мирное сосуществование не ограничивается простым соседством двух систем. Оно предусматривает установление и развитие активных связей между ними. Ни одна из этих двух систем не могла бы существовать и развиваться изолированно, сама в себе. Экономические, политические и культурные связи между ними представляют собой объективную необходимость.

Экономические отношения между странами двух систем строятся на основе международного разделения труда, которое является законом как капиталистической, так и социалистической экономики, хотя и по своему существу и по своим последствиям разделение труда, в том числе и международное, существенно отличается в каждой из систем. Вопреки "утверждениям некоторых западных авторов, различия в экономической структуре не служат препятствием для развития торговых связей между социалистическими и капиталистическими странами. Обе эти системы подчиняются законам, которые могут служить и служат средством связи между двумя группами стран.

Например, товарное производство, закон стоимости, деньги, торговля, кредит и т. д. существуют в обеих системах, хотя их сущность и действие глубоко различны в условиях каждой из двух систем.

Тот факт, что обе экономические системы строятся на основе самой современной техники, сам по себе уже представляет важное условие для развития экономических взаимоотношений между ними. Схожесть материальной базы, так же как характер развития науки и техники, определяет возможность и необходимость развития международного сотрудничества в этой области. Это важное условие прогресса всего человечества.

Экономические связи между двумя системами настолько представляют собой объективную необходимость,

==245

что всякая политика и всякие действия, направленные на недопущение или ограничение этих связей, были бы лишены реализма и обречены на провал. Объективные законы в ходе своего действия всегда в конечном счете преодолевают искусственные барьеры. Это верно как для политики автаркии, блокады или изоляции одной или нескольких стран, так и для политики экономической, этнической и всякой другой дискриминации.

Сосуществование и параллельное развитие двух различных антагонистических систем неизбежно выливается в особого рода соревнование. Хотим мы того или нет, но параллельное развитие этих двух систем, естественно, ставит вопрос о сопоставлении их успехов и неудач, об опережении или отставании одной из систем по отношению к другой.

В такой форме мирное соревнование двух систем может играть роль в высшей степени позитивного фактора прогресса народов. Оно стимулирует усилия, направленные на отыскание новых путей и методов улучшения условий жизни, путей, которые наиболее верно и надежно приведут народы к общему подъему и социальному прогрессу.

1\ ОТЕЦ ПЛАНТИ-БОНЖУР (Франция)

Это не выступление, а скорее вопрос, который мне хотелось бы задать г-ну Каменеву.

Тема прогресса человечества поставила перед нами две проблемы. С одной стороны, это анализ качественных изменений конкретно осуществляющегося прогресса. Так, г-н Сови показал нам, при каких условиях старение населения не повлечет за собой социального вырождения.

С другой стороны, это проблема абсолютного прекращения прогресса, а именно — ужас атомного катаклизма. Г-н Кастро утешил нас отрадной мыслью о том, что в конце концов человеческий разум услышит голос инстинкта самосохранения, а это обеспечит продолжение жизни человеческого рода. Но доктор Шошар настаивал на относительной самостоятельности лобных долей головного мозга, т. е. мозга, ведающего сознательной деятельностью человека, по отношению к чисто инстинктивной деятельности, что создает возможность заблуждения разума.

==246

Г-н Каменев, говоривший о мирном сосуществовании, показал нам, что связь между капитализмом и социализмом возможна. Он сказал нам (цитирую по памяти): «Различие систем не является помехой для сотрудничества». И он рассматривает это сотрудничество в экономическом плане. По его мнению, жизненные интересы народов, стремление к благосостоянию и социальному прогрессу являются достаточно сильными требованиями, чтобы не допустить того полного затмения разума, которое привело бы к концу человечества.

Но так как все это говорил марксист, я был удивлен, что г-н Каменев абсолютно ничего не оказал нам о борьбе идеологий. Однако мирное сосуществование и борьба идеологий — это внутренне связанные понятия. Мы с большим интересом выслушали г-на Соболева, чье выступление носило отпечаток полного оптимизма. Но мне кажется, что существуют серьезные основания, чтобы умерить этот оптимизм. Поясню свою мысль. Если ваше описание фактов точно, если темпы роста советской

экономики равны 8 проц., в то время как увеличение богатств в капиталистическом мире составляет лишь 2—3 проц. в год, то из этого следует, что западный мир осужден и что «третий мир» по самоопределению или по предопределению рискует перейти в социалистический лагерь. Итак, я ставлю перед собой вопрос, который вы не можете не задавать себе. Думаете ли вы, что западный мир согласится исчезнуть (согласится, скажем, чтобы Белым домом руководили Советы!), не пойдя на риск развязать атомную войну? И в пламени атомного гриба погибнут, быть может, не только миллионы людей, но вполне вероятно, что подобного рода катаклизм сотрет с лица нашей планеты всякую жизнь. Капиталистический мир мог бы поддаться инстинкту страха, животному ужасу. Хотя этот акт и является преступным, он тем не менее возможен. Тот же самый мир, который чувствует необходимость поставить идеологические «рогатки» перед социалистической концепцией, мир, помнящий слова Канта: «мотивы жизни важнее самой жизни», мог бы почувствовать себя вправе защитить свое существование, прибегнув к последнему оружию.

Таким образом, борьба идеологий несет в себе серьезную опасность конфликта. И проблема мирного сосуществования или неизбежности войны не будет решена до тех пор, пока мы не выясним вопрос о совместимости, по

==247

крайней мере частичной, наших идеологий, т. е. до тех пор, пока мы не попробуем вместе наметить тот «общий фронт человеческого продвижения вперед», о котором говорит отец Тейяр де Шарден.

индржих СРОВНАЛ (Чехословакия)

Для всех нас вопрос о мирном сосуществовании двух различных социальных систем и об идеологической основе этого сосуществования, поднятый преподобным отцом Планти-Бонжуром, представляет исключительную важность. Действительно, о каком прогрессе для человека можно говорить в том случае, если разразится термоядерная война?

Как мне кажется, преподобный отец Планти-Бонжур говорит с совершенно реалистических позиций о росте экономических сил стран социалистического лагеря. Он ставит вопрос о риске атомной войны, о риске, на который могут пойти некоторые круги западных держав в своем стремлении остановить распространение социализма и коммунизма. По мнению преподобного отца Планти-Бонжура, мирное сосуществование содержит в себе поиски некоего «модус вивенди» между идеологиями обеих систем. В противном случае ничто не сможет сдержать реакции правителей капиталистического мира.

Мне кажется, что подобная точка зрения, особенно в части, касающейся идеологических отношений между двумя системами, не соответствует действительному ходу истории и именно в силу этого не соответствует подлинным перспективам мирного сосуществования

У меня имеются следующие замечания к выступлению преподобного отца Планти-Бонжура: 1. Мирное сосуществование является эмпирическим фактором, объективной материальной действительностью, существующей вопреки различным идеологиям. Оно подчиняется воздействию идеологии лишь в той мере, в какой сама эта идеология способна преобразоваться в материальную силу, т. е. проникнуть в массы. Поэтому гарантия сохранения сосуществования не может состоять в компромиссе между идеологиями.

2. Мирное сосуществование означает для нас мирное экономическое, научное и культурное соревнование. Оно представляется нам, как историческое продолжение

противоречий между трудом и капиталом, между буржуазией и пролетариатом внутри самого капитализма. С момента появления в мире первого социалистического государства противоречия, раздирающие капитализм изнутри, перешли также в область международных отношений. Однако характер капитализма не изменился. Появление и развитие социалистической системы способствует развитию противоречий внутри капиталистического общества. Разрешение этих противоречий путем перехода к социализму — дело народов, еще живущих до настоящего времени при капитализме. Не по вине марксистов защитники империализма хотят перенести борьбу за сохранение своих позиций в международный план. Поиски идеологического соглашения с буржуазией означали бы для марксистов удушение противоречий, раздирающих капитализм изнутри; все, чего они хотят, — это добиться разумных политических и экономических соглашений между народами.

3. Мы живем в эпоху перехода от капитализма к социализму в мировом масштабе, когда социализм стал решающей силой исторического развития во всем мире. Поэтому марксисты признают свою ответственность перед историей. Социализм — его действительность и идеология — выражает одну из жизненных, потребностей трудящихся, какой является в настоящее время сохранение мира. Поэтому мирное сосуществование как исторический факт является следствием объективного развития, но одновременно плодом усилий масс, сознающих, в чем заключаются их жизненные интересы.

4. Короче, по нашему мнению, мирное сосуществование является настоящей исторической необходимостью нашей эпохи, но в связи с этим отнюдь не происходит затухания идеологической борьбы, я бы даже сказал, что, наоборот, мирное сосуществование предполагает и содержит в себе напряженную идеологическую борьбу, которая способствует сохранению мира.

АББАТ Ж. БУЛЬЕ (Франция)

Продолжая дискуссию, начатую замечаниями отца Планти-Бонжура о трудностях сосуществования, мне хотелось бы высказать несколько соображений, относящихся к международному праву.

Прежде всего необходимо настоятельно подчеркнуть

,

исключительную важность сосуществования. Мы собрались, чтобы обсудить вопрос о том, каким может быть будущее человечества; но есть ли у человечества будущее? Если бы в результате взрыва вырвалась наружу необузданная сила атома, то будущее человечества сразу же стало бы чудовищным и даже проблематичным — и не только потому, что было бы уничтожено бесчисленное количество человеческих жизней, но и в результате ужасающих генетических последствий этого взрыва. Есть только одно средство избежать этой всемирной катастрофы — это принять мирное сосуществование.

Но мирное сосуществование не является само собой разумеющимся понятием международного права, понятием, которое принималось бы всеми. В истории международного права мы находим примеры систематического отказа от мирного сосуществования. Мы не будем останавливаться на античности: фраза Катона Старшего «Карфаген должен быть разрушен» уже была примером полного отказа от сосуществования между Римом и Карфагеном. Но необходимо отметить, что все средневековое международное право на Западе основывалось на отказе от мирного сосуществования — отказе, который христианство противопоставляло всем, кто от него отходил. В качестве одного из

многочисленных примеров этого отказа можно привести буллу папы Урбана VI в XIV веке, где говорится: «Любые соглашения, союзы, лиги, заключенные с государями-еретиками, схизматиками или отколовшимися каким бы то ни было образом от Римской церкви, являются недозволенными и недействительными, даже в том случае, если эти государи совершили преступление уже после заключения договоров; короли-христиане освобождаются по отношению к ним от любого обещания; они не только освобождаются от соблюдения своих обязательств, им даже запрещается выполнять их, и они должны следить за тем, чтобы их не выполняли другие».

Я думаю, что лучше и нельзя определить отказа от сосуществования. Это средневековое международное право просуществовало вплоть до конца эпохи Возрождения и понемногу было заменено, причем сначала эти изменения были плохо обоснованными исключениями. Г-жа Бастид, изучавшая юридические условия сосуществования, сообщает, что союз Франциска I с Сулейманом был первой брешью в отказе от сосуществования, выдвигавшегося

==250

христианством против ислама. Но в действительности Франциску I всегда приходилось отрицать (впрочем, делал он это довольно неумело), что он нарушил христианский закон. Он преподносил христианству свои союзы с Сулейманом как уловку, как необходимость перед смертельной угрозой. Например, король поручил Жану де Монлюку следующим образом объяснить союз венецианцам: «Сами министры (министры императора Карла V) своей бешеной клеветой хотят выковать новый догмат веры, согласно которому государь т. е может и не должен прибегать к помощи тех, чья вера противна его вере». В действительности уже тогда международное право нарушалось всевозможными, более или менее частными, перемириями и союзами с турками, арабами или персами, в чем сами папы подавали пример. Но нужно сказать, что ряд соглашений Франциска I с Оттоманской империей положил начало сосуществованию, даже, более того, мирному сотрудничеству с неверными в тот самый момент, когда Витториа формулировал его принципы в своем труде *De Indis*. Итак, мы отмечаем, что право делает шаг вперед.

Но наибольшую брешь в отказе от мирного сосуществования проделала Реформация. Вестфальские договоры установили обязательства мирного сосуществования в Европе между католиками, с одной стороны, и протестантами — с другой. Этой дипломатической деятельности предшествовала большая доктринальная деятельность, стремившаяся опереться на естественное право. Юристы противопоставили естественное право человеческого сообщества позитивному христианскому праву, распространявшему правовые нормы только на христианские народы; так, Гроций задолго до Вестфальского мира развивал идею естественного сообщества всех народов. Следует отметить следующие особенности: Гроций обосновывал это естественное сообщество нейробиологическими, я бы сказал (употребляя терминологию доктора Шошара), утверждениями; Гроций полагает, что естественное сообщество между людьми основано на языке и на способности человека к обобщенным идеям, т. е. на способности разума управлять инстинктивными проявлениями с помощью универсальной, умственной системы, независимой от конкретных ситуаций. Это чрезвычайно интересное наблюдение, показывающее, если можно так сказать, современность взглядов Греция.

==251

Естественное право, противостоящее позитивному праву христианства, получило широкое развитие в произведениях авторов Возрождения, начиная со знаменитого протеста Альберико Джентили: «Sileant theologi In munere alieno— пусть теологи молчат в делах, их не касающихся», т. е. в области международного права и международных отношений. Развитие этого естественного права было подытожено, например, Ваттелем в совершенно классической фразе: «Только естественный закон управляет договорами между нациями: религиозное различие ему абсолютно чуждо; народы ведут между собой переговоры в качестве людей, а не в качестве христиан или мусульман». Мы находим очень живое выражение этой идеи человеческого сообщества у Фенелона. Известно, какое значение имели идеи Фенелона для политической философии XVIII века. Вот как Рамсей излагает их: «Великий принцип, вокруг которого все вращается, заключается в том, что весь мир есть всемирная республика и каждый народ — большая семья. От этой прекрасной и светлой идеи рождается то, что философы называют законами природы и наций, законами справедливыми, великодушными, полными туманности. На каждую страну уже не смотрят как на независимую от других, а род человеческий рассматривают как неделимое целое. Уже не ограничиваются любовью лишь к своей родине, сердце расширяется, становится огромным и во всемирной любви обнимает всех людей. Отсюда рождаются любовь к чужестранцам, взаимное доверие между соседними нациями, честность, справедливость и мир между владыками мира сего, так же как и между отдельными лицами каждого государства». Это прекрасная идея. Она является христианской, человеческой, согласно ей человеческое сообщество охватывает все народы. Это нечто большее и лучшее, чем мирное сосуществование, это — мир и сотрудничество всех со всеми, от одного конца планеты до другого, а завтра и в космосе.

Однако я думаю, что, как говорил Ленин, в подслащенную воду демократов необходимо добавить несколько капель уксуса и желчи. Революция взяла на вооружение идеи Фенелона, принципы правового сообщества между всеми людьми, публичного права *civitas maxima* наций. Аббат Грегуар написал декларацию прав и обязанностей наций. Но практически перед лицом враждебной Европы Революция была вынуждена провозгласить: братство или

==252

смерть, что, конечно, звучит довольно странно в плане идеи сосуществования. Наполеоновские завоевания были несколько неожиданным последствием Декларации прав человека. Солдаты наполеоновской гвардии, принеся на своих штыках гражданский кодекс, несомненно, посеяли семена освобождения у всех народов, хотя они и начали с их угнетения, что привело к поражению Наполеона и к победе реакции в Европе. Впрочем, экономической причиной этих наполеоновских завоеваний была континентальная блокада, которая должна была постепенно и неизбежно окружить всю Европу таможенным кордоном. Из этого первого общего рынка, который пытался создать Наполеон, надо было исключить Англию. В этом мы также видим отказ от сосуществования. Впрочем, как это было сказано, Наполеон не мог быть просто современником королей. Его ошибкой было желание стать одним из них.

Но и после наполеоновских войн мирное сосуществование не так уж сильно продвинулось вперед, или, скорее, оно даже приняло довольно неожиданную форму, форму Священного союза. Но Священный союз является на деле отказом от мирного сосуществования. Вступая в него, монархи Пруссии, России и Австрии намеревались «сделать нормой своего поведения наставления святой религии, правила справедливости, милосердия, мира, как единственное средство укрепления человеческих учреждений и устранения их несовершенств... рассматривать себя как членов одной и той же христианской семьи; три государя считают себя лишь посланниками Провидения, управляющими своими народами как членами одной и той же семьи, признавая, таким образом, что у христианской нации, частью которой являются они и их народы, нет в действительности иного Владыки, кроме господина Бога».

Не кажется ли вам, что вы слышите какого-нибудь адепта морального перевооружения или лично г-на Джона Фостера Даллеса? Но за этим Священным союзом или скорее в качестве скрепляющего его

материала обнаруживаются, например, идеи о сохранении в силе раздела Польши, этого «смертного греха Европы». С другой стороны, эта столь христианская проповедь Святой Троицы совершенно определенно исключает турок и возвещает о разделе Турции, которая становится восточным вопросом XIX века. И наконец, силой участия королей в отеческом правительстве Провидения Священный союз даст им право

*

==253

осуществлять интервенцию, он заранее оправдывает захватнические войны Франции в Испании и Австрии в Италии.

Таким образом, идея мирного сосуществования — далеко не всеми признанное понятие; и если уж стремиться к тому, чтобы заставить принять его, то необходимо дать тщательное определение мирному сосуществованию, ибо, если оно должно стать правилом международных отношений в нашу эпоху, необходимо заставить с ним считаться.

Перейдем теперь к современному праву. Проблема сосуществования правильно ставится Потемкиным в его «Истории дипломатии»: «Конец первой мировой войны и победа в России Октябрьской социалистической революции знаменовали начало новейшего периода в истории дипломатии. Основное содержание этого периода характеризуется двумя моментами: во-первых, сосуществованием, взаимодействием и борьбой двух противоположных систем — капитализма и социализма; во-вторых, чрезвычайным обострением всех капиталистических противоречий, которое и привело человечество ко второй мировой войне».

Прекрасно сказано. Дипломатия от Локарно до Мюнхена уже привела человечество ко второй мировой войне. Она отвергла всякое подлинно мирное сосуществование с Советским Союзом. У нее вызвал ужас «вакуум» безоружной Центральной Европы, — об опасности которого в свое время заклинал Гитлер, а в наши дни канцлер Аденауэр, — перед лицом советских «орд». Государственные деятели не сумели устранить глубинную причину конфликта: разложение капитализма. Когда Гитлер взял власть, в Германии насчитывалось шесть миллионов безработных. А в нашу эпоху это разложение еще больше ускорило. После второй мировой войны нам угрожает третья.

Предотвратим ли мы эти войны, провозглашая мирное сосуществование? Как хорошо сказал Потемкин, сосуществование является также «взаимодействием и борьбой двух противоположных систем». И одно нельзя отделять от другого. Если есть сосуществование, то имеют также место действие и противодействие между одной и другой системами. В подобных условиях ясно, что сосуществование может быть враждебным и вылиться в войну. Чтобы превратить это враждебное сосуществование в мирное, надо стремиться к этому и заставить его принять; необходимо постоянное действие и давление народов на правителей, действие и давление самых прогрессивных представителей

==254

народов на своих правителей. Только таким образом состояние сосуществования сможет оформиться как сосуществование в обстановке мира.

Это не обойдется без борьбы. И первым препятствием, которое нужно преодолеть, будет как раз классовая борьба. Классовая борьба ни в коем случае не может быть вызвана произвольно, она не является результатом злого умысла, выражением ненависти. Классовая борьба — это факт, явление, причины которого можно проанализировать и очаг которого можно установить; это явление общеземное. Человеческое общество трудится над тем, чтобы заменить класс эксплуататоров, который до сих пор руководил им, классом эксплуатируемых, требующих себе власти для того, чтобы положить конец эксплуатации.

До 1917 г. эта борьба была еще только проектом со смутно определившимися контурами. Научный социализм был тогда всего лишь утопией, его нигде не существовало. Он был, если хотите, предсказанием «безоружных пророков», если воспользоваться выражением Макиавелли.

Но после 1917 г. пророки вооружены, и их мечта воплощается отныне в статистике, выражающей реальные успехи повседневной жизни. «I saw Utopia, and it works» («Я посетил утопию — она действует»). Это название сообщения одного английского путешественника, посетившего СССР до 1939 года. Отныне социализм — это государство, социализм — это могучая армия, вооруженная средствами, вселяющими ужас, социализм охватывает треть человечества, внутри каждой страны существуют коммунистические партии, а во всем мире их 81, и они говорят о реальном присутствии социализма как самого актуального вопроса. Не будучи подчиненными, как это утверждается, политическим интересам России, миллионы граждан смотрят в сторону Москвы, видя в ней горнило опытов, имеющих общечеловеческое значение; нельзя помешать человеческому разуму устремить свои взоры на красную звезду Кремля, как на небесное светило, поднимающееся над новым человечеством. Для тех, в ком вспыхнула надежда, этот новый порядок становится все более желательным по мере ускорения кризиса капитализма и его внутреннего упадка.

Как же говорить о мирном сосуществовании? По правде говоря, можно было бы, если воспользоваться антитезой Гюго, скорее сказать: этот убьет того. И уже сейчас можно предвидеть, кто из двух соперников сведет другого в

==255

могилу. Мне кажется, что в данных условиях речь идет не столько о мирном сосуществовании, сколько о полемическом межсуществовании, о межсуществовании, поскольку идеи путешествуют через границы без паспорта, поскольку они овладевают массами, разрушают экономические системы. Но так как борьба внутри этих систем и их противоречия усиливаются, межсуществование вызывает полемику, которая угрожает вылиться в насилие и в насилие космическое. Существует, безусловно, опасность, что доведенный до банкротства капитализм, будучи осужден самой действительностью и не имея возможности выйти из кризиса, обрекающего на нищету миллионы людей, откажется от мирного сосуществования и предпримет действия, продиктованные отчаянием. И тогда в этом внешне разрозненном и внутренне изнемогающем мире может стать вероятным ужасный взрыв мирового насилия. Именно этому нужно помешать любой ценой. Если человечество хочет остаться жить, то единственная необходимость становится все более очевидной — это необходимость разоружения. Но необходимость международных обменов не менее настоятельна: для спасения человеческого рода надо, чтобы человек вступал в общение с человеком и признавал в нем себе подобного и своего брата. Если эта встреча и эти обмены и оказываются полемическими, то это не полемика насилия. Это будет прежде всего полемикой идей, а если полемика ожесточится во внутренних социальных битвах, то признанное и принятое всеми сосуществование помешает тому, чтобы эти битвы разгорелись в международном масштабе. Для этого необходимо, чтобы это полемическое межсуществование развило, несмотря ни на что, стремление жить и существовать вместе, пока один из двух соперников находит в себе силы для существования. Именно таким путем сосуществование, не претендуя на устранение классовой борьбы, помешает ей вылиться в мировой конфликт, в космическое самоубийство.

Наряду с классовой борьбой у мирного сосуществования есть и другое препятствие, на этот раз идеологическое и являющееся в значительной степени отражением этой классовой борьбы, которую оно, в свою очередь, усиливает. Сегодня во всех религиозных кругах мы видим на практике нечто вроде всеобщей коалиции. Священного союза верующих, который отвергает сосуществование, ссылаясь на марксистский атеизм. С одной стороны, подобного рода

==256

отказ, подкрепляемый при случае анафемой, ставит вне законов человечества миллионы людей, объединенных или необъединенных в государства или коммунистические партии; с другой — он создает среди миллионов верующих состояние священного ужаса, в котором страх смешивается с ненавистью.

С этой точки зрения интересно отметить, что в своих исследованиях о праве человеческого сообщества Греции уже встречал подобное возражение и подобный отказ. В одном сделанном как бы мимоходом, но глубоко высказывании Греции рассматривает атеизм. Он отказывается видеть в нем элемент, который отменял бы права человеческого сообщества, как он их определил. «То, что мы только что сказали,— объясняет он в своих «Пролегоменах» к «De jure belli et pacis»,— имело бы место, даже если бы мы согласились (и это допущение было бы большим преступлением), что Бога нет или что человеческие дела не являются предметом его забот». Подобная чрезвычайно интересная позиция сохраняет все свое значение или скорее получает все свое значение в нашу эпоху, ибо то, что Гроций рассматривал как гнусную и преступную гипотезу, стало общей мыслью миллионов людей, с которыми отныне приходится сосуществовать. Если мы хотим сосуществовать иначе, чем путем простых эмпирических и в некотором роде постыдных сделок, то следует это сосуществование основать на разуме.

Для этого необходимо, как мне кажется, отвергнуть аксиому Достоевского: «Если Бога не существует, тогда все дозволено». С точки зрения реализма эта позиция кажется нам полностью ложной. Бог — это не капризный тиран, стоящий по ту сторону добра и зла. Бог — это Сущее и, следовательно, безграничная Доброта, и вещи добры сами по себе, а не в силу декрета, добры по самой своей сути, поскольку они участвуют в бесконечной Доброте. В мире нет конкретных вещей, которые были бы внутренне порочны. Вот почему признание доброты вещей, общего международного добра и обязательств, которые оно несет с собой, не может зависеть от предварительного признания Бога и его воли. Разум раскрывает нам ограниченное бытие, и этим присущим ему способом проникновения в бытие и его доброту он возвышается до рассмотрения бесконечного бытия. Мысль верующих, когда они размышляют, не обязывает их встать непременно на путь псевдоавгустинского онтологизма. Они могут идти по пути

==257

томистского реализма, и сама Римская церковь склоняет их к этому. И тогда они оказываются в согласии с Гроцием.

Вот почему мы должны сказать, что мирное устройство человеческих отношений обнаруживает себя и принимается разумом как человеческое явление, как рациональная и юридическая интеграция всякого человека в живом единстве его рода, даже если этот научный разум и не принимает гипотезы Бога, создающего и распространяющего этот порядок. Так, Лапласу порядок Вселенной представлялся очевидным в его расчетах, он не вводил в них гипотезы Бога, который бы произвел эти расчеты до него, как это думал Лейбниц. Что касается международных отношений, то верующий во взаимном согласии с атеистом может вынести Бога за скобки, и при этом не пострадает их общее уважение к этому порядку: вместе построив его, они вместе признают его. Так основывается на разуме мирное сосуществование верующего и атеиста.

Более того, оно уже фактически признано сегодняшним международным правом. Уже давно отказались от упоминания Бога в преамбуле договоров, что некогда было правилом дипломатии. В этом нет ничего, что могло бы ущемлять верующего, если он помнит, что во время двух последних войн многочисленные нарушения международного права, настоящие военные преступления, преступления против человечества были с молчаливого согласия священников совершены солдатней, носившей на поясе надпись *Gott mit uns* (с нами бог). Светский характер международного права является необратимым юридическим фактом — настолько необратимым, что всякая попытка отказаться от него сразу же ставит под сомнение благовидность политических планов. Мы убедились в этом на примере Священного союза. И мы вновь видим это сегодня на примере не очень священного союза, проповедующего христианскую веру, за которой стоят плохо замаскированные империалистические поползновения.

Факт сосуществования, планетарной солидарности всего человеческого рода не может зависеть от подобных заявлений или подобных анафем. Достаточно, чтобы оба общества сосуществовали, говорит Мольтет Клаувер в своем произведении «Дипломатия во времена Макиавелли», чтобы у них возникали интересы, требующие урегулирования. Они ведут войну и затем заключают мир. И даже международные учреждения, несмотря на их

==258

кажущуюся хрупкость, представляют собой то, что менее всего изменчиво и более всего устойчиво. «Нельзя необходимость этих международных учреждений, эффективность международных обязательств ставить в зависимость от верования в Бога. Их необходимость проистекает не из этой веры; их эффективность зависит от единодушного согласия людей, людей в то же время разобщенных. Как только разум признает их, как только воля принимает их торжественным и публичным пактом, устанавливается сосуществование и все люди обязаны уважать их, каким бы ни был, впрочем, их метафизический выбор».

Необходимо еще, чтобы это сосуществование верующего и атеиста, признанное обеими сторонами, было действительно мирным. Должно ли оно непременно быть таким трудным и даже обостренным, враждебным, как намекал вчера отец Планти-Бонжур?

Я так не думаю. Разумеется, принципиальность научной истины марксистов всегда будет сталкиваться с принципиальностью метафизического утверждения верующего. «Молчите, пережиток, который терпят и который слишком запоздал со своим исчезновением», — скажет марксист верующему. «Молчите, материалист, развенчивающий человека, лишаящий его незримого величия порядка мысли и милосердия». Есть разные христиане и разные марксисты; всегда будут такие, для кого

сосуществование с теми, кто не разделяет их веры или их идеала, может быть лишь состоянием вражды и тяжб. Есть христиане Жозефа де Местра и есть христиане Фенелона.

Именно для последних я и говорю. Если они осознают, что требование сосуществования покоится на глубокой и общемировой солидарности, объединяющей все более тесными узлами весь человеческий род, они увидят, что эта солидарность предписывает им определенные обязанности по отношению к международному порядку, этому юридическому ее выражению.

И это обязанность прежде всего окончательно отказаться от всякого политического господства, осуществляемого с помощью силы или интриги; идти на то, чтобы, по выражению Макиавелли, являться людям хотя и в качестве пророков, конечно (иначе они не были бы верны посланию, которое им поручено нести), но пророков невооруженных. Поставить в военный музей меч крестоносца. Следовательно, решительно отвернуться от всего, что могло

*

==259

бы означать в наши дни какой-либо анахронический возврат к крестовым походам. Одним словом, отказаться от «политического христианства». Я подразумеваю под этим давление (и, скажем прямо, шантаж), которое христиане способны оказывать на правительство, когда они сгруппированы в политические или общественные объединения, выступающие уже не от имени общего блага или законных материальных интересов, а угрожающие именем своей веры. Пусть христиане откажутся от создания еще одной фракции среди борющихся фракций, от создания малой Вандеи в большой Армаде. Это — настоятельная необходимость, если действительно есть стремление облегчить или даже сделать возможной практику мирного сосуществования.

Во-вторых, — и это условие уже не является таким необходимым, — мне кажется желательным, чтобы многочисленные христиане, понимающие значение происходящего, посвятили всю свою мирскую энергию ответственных и разумных граждан (я не говорю энергию веры, ибо их религиозная вера вовсе не требует от них этого) строительству социализма, помогли исчезновению капитализма и его пережитков, «чтобы они перешли к варварам», как им уже советовал Фредерик Озанам в то самое время, когда Маркс публиковал тот памятник «варварства», который называется «Манифестом Коммунистической партии». Пусть христиане рядом с рабочими и бедными крестьянами участвуют в их борьбе ради пришествия более справедливого и более человеческого строя и пусть идеологические противоречия выливаются не во враждебную полемику, а в благородное соревнование ради общего труда на службе человечества. Ясно, что христианская демократия и многочисленные формы ее организации слишком отстают от подобной программы. Еще более далеки от нее все те объединения, которые выступают в защиту Запада

Разумеется, есть элементы, все еще могущественные в мире верующих, которые отказываются разделять эти взгляды, как мне кажется, благородные и прозорливые, и если бы у них была на это власть, они хотели бы даже с корнем уничтожить их, но, как говорил мне один из моих друзей-коммунистов, «они ведут отступательный бой и они — нехристиане».

Реалистический взгляд на вещи показывает нам, по правде говоря, что их много и что они действуют: они считают себя победителями. Но сосуществование слишком

==260

тесно связано с человеческим прогрессом, чтобы рассмотрение условий его развития не позволило нам высказаться за прогресс, который оно приносит в область международных отношений, и, несмотря на препятствия и трудности, выразить уверенность в его будущем, если по крайней мере у самого человечества есть будущее и если мы выполним наш первейший долг, состоящий в том, чтобы обеспечить его

ПЬЕР ЭНТЖЕС (Франция)

Мне бы хотелось поделиться своими размышлениями по вопросам мирного сосуществования и идеологической борьбы, поставленным вчера отцом Планти-Бонжуром. Выступления, которые мы услышали сегодня утром, показали нам, что эти вопросы находятся в самом центре нашей дискуссии.

Но, может быть, будет бесполезно сначала точнее напомнить сказанные им слова. Он сказал прежде всего следующее: «Думаете ли вы (он обращался к социалистическим странам), что если треть человечества вследствие самоопределения или предопределения должна перейти в ваш лагерь, то капитализм согласится уступить без боя? Не развяжет ли он в этом случае атомной войны?»

Первое мое замечание, я думаю, тесно связано с этим вопросом. Дело в том, что подобное утверждение имеет смысл лишь в том случае, если считать, что по самой своей природе капитализм готов прибегнуть к войне, дабы помешать народам в выборе социалистического строя.

Г-н Жан Булье сегодня утром показал, что такая позиция по меньшей мере противоречит самому принципу международного права, права народов самим распоряжаться своей судьбой, противоречит принципу самоопределения.

То, что Вы сказали вчера, мой отец, показывает также, как мне кажется, что подобная позиция капитализма особенно чудовишна в наше время. Чем была бы в действительности эта война? Это была бы — я просто повторяю Ваши слова — «смерть сотен миллионов людей». Вы говорили об «ужасе атомного катаклизма». Вы даже говорили о «конце человечества» и о «том инстинкте животного страха, который мог бы толкнуть капитализм начать уничтожение человечества».

»

==261

Когда я слушал Вас, мне пришли в голову две мысли. Первая — здесь я буду очень краток — заключается и том, что, очевидно. Вы так же, как и мы, не верите в то что у капитализма есть хоть какой-то шанс одержать верх в мирном экономическом соревновании. Но этот спор гораздо серьезнее, и в Ваших словах мне послышалось что-то вроде отзвука знаменитого изречения Жореса: «Как спящее облако несет бурю, так и ваше жестокое и хаотическое общество всегда несет в себе войну».

У меня нет здесь возможности подробно показать Вам, как социалистические страны на деле всегда отвечали на то, что заботит Вас, и отвергали тезис о неизбежности войны. Но отметим прежде, что существует разница между стремлением к войне и возможностью вести ее; здесь встает вопрос о том, что мы называем соотношением сил: в эпоху ракет, спутников и ядерных бомб необходимо, как всегда говорили хорошие политики, располагать средствами для проведения своей политики.

Социалистические государства ежечасно показывают, что мирное сосуществование является не только целью, но и настоятельной необходимостью для всех государств; они говорят, что торговля — это противоядие от войны, и добавляют — мне кажется, что важно сказать об этом именно здесь, чтобы дать ответ на то, что заботит Вас, — что они доверяют народам. Разве американский народ не вправе

выбирать в президенты того, кого он хочет, и разве народы не вправе выступить против развязывания конфликта, который означал бы их собственное уничтожение?

А теперь я перехожу к Вашему второму вопросу, который, признаться, я понял довольно плохо. Сначала я попытаюсь повторить его: Вы нарисовали нам вызывающую дрожь картину общества, готового в приступе «животного страха» — это Ваши слова — ввергнуть мир в пучину войны, которая стала бы в сущности первой атомной катастрофой, но Вы также упомянули какую-то другую войну. Вы фактически говорили о людях, верящих в необходимость встретиться в ножи социалистическое мировоззрение и готовых начать это дело. Но не составляют ли те, кто хочет начать это дело, в капиталистическом мире ту армию войны, которой Вы приписываете панический страх и замыслы всеобщего уничтожения? И в заключение мне хочется ответить на Ваши вопросы другим вопросом. Не думаете

==262

ли Вы, что если и есть идеология, которую надо встречать в ножи, то это идеология мира капитализма, идеология прибыли, о которой говорил г-н Лабрусс, это идеология колониального господства, о котором, несомненно, здесь будут говорить, идеология войны?

Вы привели прекрасные слова Канта, но не кажется ли Вам, что эти слова Канта обретают свой смысл именно перед лицом этой идеологии войны, против этой идеологии и что Вы должны были бы вместе с нами сказать: «Лучше мотивы жизни, чем жизнь без этих мотивов»?

РОЖЕ ГАРОДИ (Франция)

Отец Планти-Бонжур поставил вопрос, находящийся в самом центре дискуссии: являются ли идеологические разногласия, противостоящие друг другу идеологии препятствием для мирного сосуществования и могут ли они вызвать опасность войны?

Это одновременно и принципиальный и практический вопрос. Начнем с принципиального вопроса: означает ли мирное сосуществование присоединение, в идеологическом плане, одной из сторон к другой? В этом отношении я должен сказать г-ну аббату Булье, выступление которого я выслушал с большим интересом, что я не совсем согласен с одним из его выводов. Когда он говорит, что одно из условий мирного сосуществования состоит в том, чтобы христиане отказались от политического католицизма, я с ним совершенно согласен. Но когда в качестве другого условия он добавляет, что христиане должны способствовать победе социализма и бороться за него, то я, откровенно говоря, думаю, что это не обязательное условие.

Мирное сосуществование не является ни присоединением одной из сторон к идеологическим воззрениям другой, ни идеологическим компромиссом.

Мирное сосуществование просто означает — и это неоднократно повторялось председателем Хрущевым — отказ от использования оружия для урегулирования конфликтов. Мирное сосуществование заключается в перенесении полемики в экономическую и идеологическую область и в отказе прибегать к оружию для решения проблемы. Следовательно, мирное сосуществование несколько не

==263

означает присоединения христиан к социализму, так же как оно не означает и идеологического, спиритуалистского или другого компромисса для коммунистов; оно означает просто-напросто отказ от использования оружия. Экономическое соревнование и идеологическая борьба не прекращаются. И здесь мы в самом центре дискуссии о будущем человечества. Что касается меня, то я вижу лишь две возможные перспективы: или война или разоружение, т. е. мирное сосуществование (с экономическим соревнованием и идеологической борьбой).

Статус-кво,— то враждебное сосуществование, каким во многом является «холодная война»,—не представляет собой решения вопроса. Каковы же были бы последствия в каждом из двух возможных случаев? Первая гипотеза: война. Каковы были бы ее последствия? Кто был бы победителем? Кто был бы побежденным?

А не означает ли очевидное научное и техническое превосходство Советского Союза, объединяющего вокруг себя в социалистическом лагере треть человечества и располагающего огромными ресурсами, верной победы этого лагеря? Но какой ценой? Ценой уничтожения большей части человечества. Никто не мог бы с легким сердцем рассматривать такую перспективу, когда для построения социализма осталось бы всего лишь несколько сотен тысяч или несколько десятков миллионов человек.

Вторая перспектива — это перспектива полного разоружения. Предложения о таком разоружении были внесены в ООН Советским Союзом. Но и в этом случае должны будут сохраниться экономическое соревнование и идеологическая борьба.

Каковы были бы последствия в этом случае? У нас, марксистов, есть безграничная уверенность в способности строя, за который мы выступаем, решить все экономические проблемы, и, следовательно, мы верим в его быструю и полную победу на этом поприще. Это было менее очевидно несколько лет назад, когда социализм был построен в стране, отстававшей на полтора века от передовых стран — Англии, Франции, Германии, США. Но сегодня проблема жизненного уровня и другие проблемы ставятся так, что уже нет никакого сомнения в исходе соревнования. Г-н Бёв Мери в нашумевшей статье в газете «Монд» писал недавно об отступательных боях капитализма. Сегодня это еще очевиднее. Я, впрочем, очень, хорошо, понимаю, что: можно

•

==264

быть сторонником мирного сосуществования, не разделяя этого оптимизма в отношении социалистических решений как в плане экономическом и политическом, так и в плане моральном, с точки зрения перспективы, предлагаемой человеку. Но я считаю, что марксизм может дать ответ даже на сугубо индивидуальные проблемы человека, может восторжествовать, не прибегая к оружию крестового похода.

Вот почему безоговорочна наша привязанность к мирному сосуществованию.

То статус-кво, при котором мы живем начиная с 1947 г., не есть некий третий путь. Третьего пути нет. Это или враждебное сосуществование в лучшем случае, или «холодная война», со всей опасностью конфликтов и всеми тяготами, которые она несет народам. Каковы же последствия? Для капиталистического мира это статус-кво углубляет трудности, внутренние противоречия и в силу громадных расходов мешает даже поддержанию жизненного уровня на прежней высоте. С точки зрения социализма это статус-кво задерживает построение коммунизма, поскольку ясно, что суммы, которые

приходится расходовать на военные цели, не могут служить улучшению материального, интеллектуального и морального положения людей.

В конечном счете (и именно в этом отношении, может быть, возможно договориться с людьми, чья идеология совершенно противоположна нашей, такими, как отец Планти-Бонжур) проблема сводится к следующему: какую уверенность в будущем человек предлагает человеку? Наша уверенность, уверенность марксистов, в возможности решить экономические проблемы вполне достаточна, чтобы дать человеку прекрасный, сияющий идеал будущего и не сомневаться в его достижимости без использования оружия.

В этом нет, повторяю, никакого компромисса между различными идеологиями. Я думаю, что каждый может идти к своей истине, сохранять свою уверенность — или, сказали бы вы, свою веру, — не ставя под угрозу мирное сосуществование. У кого достаточно уверенности в своей экономической системе и в своей идеологии, чтобы отказаться от всякого использования оружия для решения противоречия?

«Холодная война» задерживает нормальную историческую эволюцию обеих систем, но в конечном счете она не может изменить исхода этого соревнования, исхода, которым является для нас победа социализма.

==265

Именно потому, что мы испытываем огромную уверенность в возможности социализма решить экономические проблемы и дать человеку идеал такого будущего, когда он сможет свободно развить все свои самые высокие качества, мы утверждаем, что эта победа может быть отныне достигнута без использования оружия.

Только мир позволит глубоко сопоставить обе системы. Защищать мир — это значит для нас создавать условия того, чтобы в один прекрасный день человек мог свободно выбрать свою собственную судьбу. И мы не сомневаемся в том, каков будет этот выбор.

ОТЕЦ ПЛАНТИ-БОНЖУР

Г-н Сровнал сказал нам, что компромисс между двумя идеологиями невозможен, поскольку для социалистического лагеря пойти на компромисс значило бы отказаться от продолжения борьбы за освобождение человечества. Я хорошо вижу всю уместность и силу этого ответа. Однако, как я уже говорил, столкновение идеологий создает возможность конфликта. И это уже достаточно серьезный довод, чтобы мы вместе подумали об условиях взаимопонимания. Я не говорю о «компромиссе», поскольку это слово слишком напоминает о тактической уловке. Я думаю о взаимопонимании по тем пунктам, которые могут нас сблизить. Это позволит нам лучше определить то, что нас разделяет, ибо, если и есть расхождения, то не все в столкновении Восток — Запад является противоположностью.

Воспользовавшись словами Канта, которые я цитировал, меня могут спросить: не может ли быть мотивом жизни, более высоким, чем сама жизнь, как раз стремление совместно строить мир? Конечно. Но разве стремление совместно строить мир не означает, что у нас есть все же достаточно общих пунктов, чтобы суметь понять друг друга?

Одна из главных идей исторического материализма — это уничтожение экономического отчуждения. Разве может христианин остаться равнодушным к этой, столь очевидно благородной идее? Нет сомнения в том, что христианин в той мере, в какой он верен Евангелию, великим учениям отцов церкви и традиции средневековой доктрины, — может чувствовать себя гораздо ближе к идеалу, предлагаемому социалистической системой, чем к идеалу, предлагаемому

системой капиталистической. Действительно, католическая церковь, хотя некоторые из ее сынов и стремились к этому, никогда в своем официальном учении не осуждала социалистическую систему за ее экономическую доктрину и ее отношение к собственности. Католическая церковь постоянно утверждает, что блага земли принадлежат всему человечеству и что присвоение этих благ порочно в той мере, в какой обладание богатством со стороны меньшинства ведет к обездоливанию другой части человечества. Это и есть для христиан и марксистов та область, диалог в которой мог бы быть чрезвычайно плодотворным. Некоторые католики говорят, что раннее христианство в порыве своего первого увлечения уже на деле, до теории практиковало коммунизм... Это неточно. Если и верно, что идеал распределения богатств, к которому стремится коммунизм, может идти в русле идей Евангелия, то надо признать, что марксистская разработка этого идеала есть специфический ответ на данную историческую эпоху. Это, следовательно, марксистское «достояние», но достояние, которое при определенных условиях может стать достоянием всеобщим и, значит, человеческим. Вот почему церковь должна интересоваться им. Это требует от нее большой силы воображения и смелости, поскольку в итоговой форме ее социальное учение сложилось внутри капиталистического строя. Отсюда исторический предел ее социальной доктрины. Но уже значительная часть христиан—я думаю в данном случае о некоторых общинах в Африке — осознала этот предел.

В то же время есть две причины, по которым Запад, верующий Запад, находится в оппозиции к социализму. . Во-первых, идеологический плюрализм кажется нам, людям Запада, бесконечно ценным завоеванием. Мы испытали политико-религиозную систему средневекового христианства, и сейчас нам кажется, что коммунизм — это такой новый тип политической организации, который исключает всякий плюрализм. Это было бы отступлением назад, если бы, например, французский университет с его различными духовными направлениями, различными идеологическими тенденциями, с его нейтральностью оказался бы заключенным в узкую и жесткую форму. Для нас речь идет здесь об определенном понимании политической свободы, об уважении идей.

Во-вторых, в качестве верующего человек Запада находится в еще более полной оппозиции к диалектическому

материализму. Марксисты утверждают, что религиозная позиция есть отчуждение: проекция неутоленных желаний в химерический потусторонний мир. Вот почему Маркс говорит, что критика религиозного отчуждения предполагает критику всех других видов отчуждения. Совершенно очевидно, что по этому пункту я не могу согласиться с коммунистическим толкованием. Марксистская критика религии не доходит здесь до глубинных корней: не всякое религиозное верование является результатом экономическо-социального обмана. Научный социализм не устранил сознания Бога

Существующие различные марксистские режимы, разумеется, предоставляют определенное место религии. Но они лишь терпят ее и к тому же исключительно как явление «частное». Это равносильно предоставлению ей лишь «абстрактной» свободы. Это основная причина, побудившая записать в церковной доктрине, что «коммунизм внутренне порочен».

Но я считаю, что в общем наши столкновения не были бы такими острыми, если бы христиане отдавали больше сил достижению подлинной социальной справедливости.

РОЖЕ ГАРОДИ

[00.htm - glava03](#)

НАУЧНЫЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОГРЕССА

Я не ставил вопроса о марксистской концепции религии по той основной причине, что, по-моему, он не имеет никакого отношения к мирному сосуществованию. В вопросе о религии наши позиции действительно прямо противно положны.

Мы, марксисты, говорим: когда человек не будет больше в плену противоречий и нищеты, порождаемых социальным строем, исчезнет религиозное отражение этих противоречий.

А вы, христиане, говорите: когда этот мир будет устроен гармонично, наша вера сохранится, она даже очистится от искажающего ее отчуждения. Нас рассудит история.

Вопрос заключается в том, хотим ли мы — и католики и марксисты — способствовать преодолению отчуждения нашего мира, вы — с надеждой, что это очистит веру, мы — с мыслью о том, что это приведет к ее исчезновению. Именно в этом мы несем ответственность перед историей.

Исходить из того, что этот вопрос не может быть решен с помощью оружия, — вот единственное условие мирного сосуществования.

[==268](#)

[==269](#)

[==270](#)

I.

БИОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОГРЕССА

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МОЗГ—ОРГАН ПРОГРЕССА

ПОЛЬ ШОШДР (Франция)

Дать определение прогресса, определить его законы и условия — задача философов и специалистов гуманитарных наук. Но по какой причине понятие прогресса оспаривается, почему между теми, кто принимает это понятие, нет согласия в отношении того, что такое подлинный прогресс? Прогресс — это формирование нового человека, но какого нового человека надо сформировать? На основе какого верного, приемлемого для всех определения человека и его природы можно установить, что более человечно и что менее человечно? Необходимо избегать двух ошибок, которые обе игнорируют роль фактора времени для человека и человечества" это консервативная теория неизменности, утверждающая, что, поскольку человеческая природа существует с самого начала, время не вносит ничего нового, что неизбежно приводит к ошибочному в научном отношении расизму, который объясняет человеческую неполноценность природными различиями, в то время как дело в формирующем влиянии изъянов среды, в искажении человеческой природы, которое мы должны устранить; с другой стороны, это релятивизм ложного прогрессизма, придающий времени роль создателя чего-то совершенно нового. Истина находится посередине: нужно признать существование общей для всех людей человеческой природы с незначительными индивидуальными различиями, но вместе с тем понять динамический характер этой природы, природы, наделенной вначале лишь богатыми возможностями, которые в зависимости от условий социально-культурной среды будут осуществлены (очеловечение) или нет (обесчеловечение) в личной и коллективной истории. Таким образом, можно говорить о необходимости прогресса для

*

==271

развертывания человеческой природы, а также можно определить, в каком направлении идет этот прогресс, это осуществление действительно высших способностей человека.

Итак, чтобы определить объективную природу человеческой личности и ее историческое измерение, чтобы научно обосновать не столько новый гуманизм, сколько найти подтверждение и уточнение для догадок традиционного гуманизма¹, нужно обратиться сегодня к биологическим знаниям о человеке, которые отводят ему место на вершине животного ряда ввиду превосходства его мозга, органа его духовной жизни. Нельзя больше держать в стороне от гуманитарных наук, к которым неправомерно относят одни только психо-социальные науки, сравнительную человеческую биологию и особенно сравнительную нейрофизиологию, которые точно определяют человека, устанавливая направление эволюции. Это будет единственным средством вновь придать гуманистический смысл этим наукам, которые, следуя идеалу весьма неполной научной объективности, растворяются в анализе типов поведения, забывая их подлинное человеческое значение. Точно так же невозможно понять специфичность социального бытия человека без его сравнения с социальными явлениями в животном мире и без учета биосоциологических влияний социальной среды на органическую деятельность.

Это биологическое познание норм человеческой природы и исторических условий ее формирования становится еще более необходимым потому, что мы вступаем в новую научно-техническую эру, характеризующуюся появлением все новых факторов искажения природы человека, т. е. ее отчуждения. Мы больше не безоружны перед лицом природы, но наше господство над ней, вместо того чтобы дать нам улучшенную по сравнению с первобытной жизненной средой, приводит часто к созданию таких искусственных условий, которые несовместимы с неизменными биологическими потребностями нашей эры. Недостаточность биологической культуры инженеров и техников рискует обесчеловечить землю радиоактивностью, дымом, шумом, в то время как успехи биологии все больше позволяют изменять самого человека. Когда мы будем лучше знать химию

1 P. Chauchard. «L'humanisme et la science». Paris, 1961. R. G a r a u d y. «Humanisme marxiste». Paris, Ed. Sociales.

нуклеиновых кислот, мы сможем заключить наследственность в колбы; мы все больше овладеваем половой деятельностью человека. Надо ли стремиться к партеногенезу, к детям в колбе, развитие которых гормонально направлено к некоему сверхчеловеку с большим мозгом? Успехи нейропсихиатрии дают все большую возможность лечения душевнобольных, но, с другой стороны, нейрохирургия, наркотики обладают опасной силой воздействия на нормального человека. Обезболивание родов, это чудо власти человека над природой, или промывание мозга, это обезчеловечивающее моделирование, — вот противоположные плоды нейрофизиологии. Чтобы удерживать научный прогресс в пределах нормы, необходима приемлемая для всех норма, общая ценность, не зависящая ни от каких философских или религиозных воззрений. Мы можем найти эту норму лишь в биологическом аспекте человеческой природы, ставя, таким образом, перед биологией задачу определить свои цели и свои пределы, чтобы она не подорвала, а завершила процесс очеловечения.

Биологи определяют человека как социальный вид, наделенный самым большим мозгом. Оба фактора нераздельны, и надо остерегаться двух, одна другую дополняющих ошибок: биологизма, принижающего социальный момент, и социологизма, недооценивающего роль мозга. Если бы человек не был общественным существом, если бы он не был тружеником и производителем, он не смог бы полностью использовать свой мозг, развивающий все свои возможности лишь в процессе общения и выполнения общей задачи; но если бы у общественного человека не было его супермозга, то, как и все общественные животные, он образовывал бы общество, застывшее в инстинктивных повадках и не способное к прогрессу. Труд человека в корне отличен от труда животных — этого инстинктивного и биологического проявления, он принадлежит к области познания и рассудка, что является функцией высших возможностей человеческого мозга. Особая биологическая развитость человеческого мозга и его социальность — это два фактора, существующих с самого возникновения человека. Процесс выделения человека из животного мира — это прежде всего процесс возвышения мозга, создания органа, но сам человек начинает существовать лишь после того, как биологическая эволюция завершена. И с этого момента эволюция заменяется

историей: больше уже нет никакого настоящего биологического прогресса; прогресс заключается лишь в использовании свойств мозга. У Пастера и у австралийского туземца один и тот же орган, различие лишь в культуре, в том, как они научились использовать его, и самые образованные люди еще далеко не умеют извлекать все возможное из этого чудесного органа: в своем ненаучном эмпиризме индийские йоги ушли в этом отношении дальше нас. Фактор культуры неспособен действительно изменить биологическое; он может лишь или реализовать или не реализовать его. При небольших индивидуальных колебаниях у всех людей один и тот же мозг, но те, кто прожил свои первые годы в недостаточно развитой культурной среде, не развивают полностью своих умственных способностей. Это относится, например, к детям, оторванным с рождения от человеческого общения и становящимся идиотами; к в значительной мере потерявшим человеческий облик детям-волкам, которые, пропустив умственный возраст, в котором происходит овладение языком, с большим трудом научаются

нескольким словам; к глухонемым, которых изолирует глухота, но которые в большей степени очеловечены и больше поддаются процессу очеловечения в силу своей жизни в человеческом обществе; к детям первобытных, которые после пятилетнего возраста уже не могут быть полностью приспособлены к нашей культуре. Недостаточность культурного начала пагубно отражается на мозге, однако высокая степень культурного развития не улучшает мозга: она дает ему лишь возможность полностью развить свои способности; то, что приобрел в этом отношении отдельный человек, не переходит биологически к потомкам: еще ни разу не было отмечено передачи по наследству приобретенных характеров.

^ Таким образом, человек не сформировал свой мозг с помощью социального, но социальное стало культурным, потому что человек сразу же выделился из животных в силу превосходства своего мозга. Когда мы изображаем первобытного человека, мы должны избегать излишнего преувеличения его первобытности, приближая его к животному миру и забывая, что своим мозгом он был уже подобен нам, весьма отличался от животного, был способен на размышление, суждение и любовь, на элементарную свободу, которая была плохо познана, но которая была все же свободой, возможностью грешить, т. е. возможностью

==274

отчуждения и искажения человеческой природы, что является определенным преимуществом самого этого несовершенства (в противоположность неполноценности автоматического совершенства животного). Но мы не должны также забывать, что хотя это и был человек, у него не было никакой культуры и он не научился еще хорошо пользоваться своим мозгом, чтобы развить, например, на основе своей природной способности к модулированию звуков настоящую речь — источник (поскольку это внутренняя речь) полного очеловечения мышления. Прогресс предстает перед нами как искусство все лучшего использования мозга для развития духовных человеческих ценностей сознания и свободы, как искусство, которое развивается лишь в обществе посредством культуры и которое возможно лишь для человека, тесно связанного с другими людьми, а не для отшельника. Благодаря общественной среде возникло индивидуальное сознание, доходящее до крайностей истерического и противоестественного эгоизма, индивидуальное сознание, которое явилось, как установила нейрофизиология, внутренним свойством мозга, а не простым лишь отражением, навязанным извне (ибо и в отражении светового луча надо учитывать не только свет, но и зеркало). Но не надо впадать в противоположную ошибку, когда факт сознания, являющегося отражением социального, заставляет забыть индивидуальный мозг, который делает это сознание возможным, что было бы также искажением человеческой природы: сознание формируется не извне, путем изменения среды, а путем внушения, убеждения, создания условий, благоприятных для суждения и свободы, что порождает подлинный человеческий прогресс, не имеющий ничего общего с дрессировкой. Единственное решение прогресса — это достижение персоналистского общества, примиряющего личное и общественное, которые сегодня искусственно противопоставляются друг другу, создание той ноосферы, которая, как показал нам Тейяр де Шарден, является нормой эволюции общества. Научные представления палеонтолога и нейрофизиолога о направлении истории совпадают, таким образом, с марксистским положением о бесклассовом обществе, обществе свободы, равенства и братства; однако было бы утопией считать, что ликвидация социальных и экономических видов отчуждения в этом обществе уничтожит всякого рода отчуждение и любой конфликт, ибо это значило бы отрицать человеческую

==275

природу, отрицать возможность ошибаться, значило бы остановить историю на том, что должно быть ее истинным началом — разумным, человеческим обществом. Но это нормальное счастливое будущее несколько не является автоматической достоверностью, несмотря на то стремление к справедливости и счастью, которое рождает возмущение угнетенных и классовую борьбу: как долг и спасение человечества этот идеал требует от нас ясных и трезвых усилий, чтобы продолжалось совершенствование человеческой природы в будущем, которое закрепило бы возможности прошлого.

Возникновение человеческого супермозга превращает человека в существо другого порядка по сравнению с животным. Животное, несмотря на его безоружность перед средой, что обуславливает его чрезвычайную плодовитость, дающую ему возможность продолжения жизни, тем не менее автоматически следует своей природе, своим инстинктам, прирожденному искусству жить, которое в силу чувствительности его нервных центров позволяет ему находить то, что подходит для его питания и для удовлетворения его половых инстинктов. Ему нет нужды размышлять над тем, что для него подходит, к тому же это было бы невозможно в силу недостаточного развития его мозга. Но, будучи приковано к своим инстинктам, животное представляет собой неизменяющееся существо, малоспособное к индивидуальному или коллективному прогрессу. Человек, напротив, существо без инстинктов в животном смысле; у него есть физиологические потребности, а не врожденные автоматизмы поведения, служащие для их удовлетворения: у него все проходит через высокоразвитый мозг и становится условными рефлексамы навыков и привычек. Но человек не является полностью человеком, если он отдается условным рефлексам, как животное — инстинктам. Самая совершенная и самая человеческая часть его мозга, лобные доли, дает ему возможность суждения и управления, способность к истинной свободе, состоящей в открытии того, что должен делать человек, чтобы быть полностью верным своей природе, отказываясь идти на поводу у естественных извращающих соблазнов, которые вернули бы его к уже пройденному этапу развития природы. Человеческий мозг, орган интеграции личности (злом является ее распад), является также органом общественных отношений: ни в чем

==276

не умаляя важности общественного начала, необходимо построить целую иейросоциологию человека.

Высвобождение из-под влияния инстинктов и их замещение в человеке познанием и рассудком превращает человека, в противоположность животному, в существо, обладающее внутренней динамичностью. Человек не может довольствоваться обладанием просто хорошим мозгом, доставшимся ему от взаимодействия между наследственностью и средой развития; он должен учиться им пользоваться на всем протяжении периода роста, периода гораздо более продолжительного, чем у животных, в течение которого в результате непрестанных усилий формируется сознание. Без этого усилия он никогда не станет ни человеком, ни взрослым. В то время как животному нужно лишь существовать, человек должен научиться существовать, и если он не очеловечивается, то он обезчеловечивается, поскольку взрослое состояние не является вовсе конечным пунктом, ибо человек никогда не бывает законченным в своем развитии. Этот динамизм индивида характерен и для человеческого рода, который прогрессирует от поколения к поколению: критерием социального прогресса, позволяющим судить о значимости различных цивилизаций, является прогресс человека, все лучше и лучше реализующего духовные возможности своей природы.

Общественное насекомое, с его инстинктивными повадками, живет в социализированной среде, вполне соответствующей его природе, но вместе с тем это среда застывшая, среда без возможности прогресса, где социальные факторы (влияние массы и группы) изменяют индивида вплоть до его анатомии (касты). У птиц и млекопитающих прогресс мозга приводит к преобладанию общественной психологии. У человека общественные повадки становятся привычками, которые не обязательно должны быть хорошими и которые изменяются исторически: цивилизованный человек живет в более

социализированной среде, чем первобытный; необходимо контролировать эту социализацию с тем, чтобы она была действительным прогрессом, а не извращением, и это относится как к жизненной среде, так и к общественным отношениям; необходимо познавать и оптимально развивать подлинные человеческие потребности, а не создавать искусственные и неестественные. Настоятельно необходимо создание биосоциологической науки о

==277

материальных и духовных потребностях человека и оптимальных условиях их удовлетворения. Нормативный вклад биологии оказывается, таким образом, очень важным, но, определяя человеческую природу, биология показывает нам то, что составляет ценность этой природы, а именно — разнообразие индивидуальных типов, которое необходимо, следовательно, сохранить. Нормы биологии не являются жесткими, они указывают лишь общее направление прогресса и границы, которые не следует преступать. Следовательно, всегда должно оставаться широкое поле для индивидуального выбора: очеловечение не является нивелирующим, оно несет в себе различные пути и мозаику мнений. Это справедливо как в отношении различных индивидов одной нации, так и для различных цивилизаций. Тенденция к унификации человечества, бесспорно, неудержима, но она может привести к потере человеческих ценностей, связанных с сохранением оригинальной мозаики различных культур, которые, не утрачивая своей оригинальности, могли бы быть доведены до высшего уровня развития, т. е. очеловечения.

Бесклассовое общество, общество без отчуждения, не будет полностью человеческим без уважения определенного философского плюрализма и без существования верующих и неверующих. Во всяком случае, те, кто считает, что религия призвана исчезнуть, должны были бы связывать ее исчезновение с движением истории, но ни в коей мере с воспитательным принуждением, основанным на так называемом научном атеизме, относительно которого всякий верующий знает, что он противостоит лишь отчуждению религиозного чувства, а не настоящей религии. Объективная ссылка на биологическую природу человека, научно подтверждающая догадки спиритуализма, дает возможность договориться о совместном действии ради подлинного человеческого прогресса — этого общего фронта человеческого продвижения вперед, на котором настаивает Тейяр де Шарден. Но это будет возможно лишь при условии полного уважения свободы метафизического выбора как тех, кто удовлетворяется объективным научным познанием человека, так и тех, для кого это объективное познание обязательно предполагает еще и метафизический и религиозный аспект. Основой необходимого мирного сосуществования в условиях свободного сопоставления идеологий является отказ от путаницы конкордизма, который

==278

неправомерно стремится почерпнуть в науке доказательства несуществования или существования бога; надо строго отличать область науки, экономики, политики от области философии и религии, области свободы личности: государство или партия не должны быть атеистическими или религиозными.

ДИСКУССИЯ

ЧЕЗАРЕ ЛУПОРНИ (Италия)

Мне бы хотелось только поставить один очень узкий вопрос по сообщению г-на Шошара. Меня весьма заинтересовала эта попытка восстановления понятия человеческой природы. Критика понятия человеческой природы была доведена Грамши до ее крайнего выражения. Грамши отрицал какую-либо ценность этого понятия. Человеческая природа — это ее историчность в марксистском смысле слова, т. е. совокупность общественных отношений. Однако понятие человеческой природы имеет определенный смысл для марксизма даже сегодня. Классики марксизма часто ссылаются на человеческую природу, не придавая ей, естественно, метафизического смысла, а рассматривая ее в перспективе того, чем должен стать человек: человек должен стать человеческим. В основе этой позиции классиков марксизма имплицитно лежит понятие человеческой природы, еще недостаточно развившейся.

Мне бы хотелось спросить доктора Шошара: что вы понимаете под «возможностями, заложенными с самого начала в человеческом мозге»? Мне бы хотелось понять смысл, который вы придаете понятию возможности. Имеет ли она для вас исторический смысл? Мне кажется, что здесь имеет место переход от одной плоскости к другой — от биологической плоскости к плоскости онтологической. Как происходит этот переход от биологической плоскости к плоскости онтологической, к плоскости социальной? Я бы хотел понять, имеется ли здесь в виду смысл, который придавал этому Павлов, или несколько иной смысл?

ПОЛЬ ШОШАР

Я выступаю с исключительно научной точки зрения, когда говорю, что мозг — орган психизма,

==279

социализированного, человеческого психизма. Для изучения возможностей человеческого мозга мы вынуждены изучать мозг человека, действующего и мыслящего в условиях общества. Я говорю о человеческой природе, чтобы отметить различие в мозге, мутацию, которая, начиная с животного состояния, дала человеку мозг совершенней мозга животного. Число нейронов позволяет многочисленные соединения. Я присоединяюсь к точке зрения Павлова, когда он настаивает на второй сигнальной системе. Однако точка зрения Павлова была аналитической, но существует также синтетический аспект: мозг — орган осознания и персонализации. Следовательно, я могу встать на исключительно научную точку зрения; разумеется, она в то же время выходит за рамки обычного научного взгляда. Можно быть превосходным нейрофизиологом мозга и все свое время отдавать наблюдениям за нервными импульсами в определенном типе мозговой клетки, не видя в этом никакой проблемы человека. Точно так же можно быть превосходным палеонтологом, не задаваясь вопросом о смысле эволюции и ограничиваясь исключительно изучением данной мелкой зоологической группы в данном незначительном районе или в данный небольшой промежуток зоологического времени.

ЧЕЗАРЕ ЛУПОРНИ

Тогда я хотел бы задать вам другой вопрос. Вы считаете, что состояние развития науки ставит сегодня перед наукой, в данном конкретном случае — перед биологической наукой о человеке, проблему будущего господства человека над своей судьбой как судьбой человеческого рода. Эта проблема возникает не только в гуманитарных науках, как об этом свидетельствует марксизм, она возникает также на основе объективных тенденций биологических наук, особенно нейрофизиологии.

ПОЛЬ ШОШАР

Конечно. Когда мы рассматриваем человеческую природу в ее истоках, то мозг — это всего лишь возможность: если для мозга животного история играет совершенно

незначительную роль, то человек должен в течение истории, в течение личной жизни все лучше и лучше использовать возможности своего мозга. Можно даже высказать ценностное суждение, основанное на научных соображениях, о том, что является очеловечивающим фактором и что является обезчеловечивающим фактором. Например, можно было бы в определенной степени сказать, что общественные условия производят настоящую социальную лоботомию, т. е. не допускают расцвета всех человеческих способностей; иными словами, существуют противоречия между определенными формами общественной организации и требованиями, которые выявляются наукой, изучающей человека.

ТАБУРЕ-КЕЛЛЕР (Франция)

Когда центральной темой этой встречи ставились критерии и идеалы общественного прогресса, то делалось по крайней мере одно скрытое допущение, а именно допущение объективной реальности общественного прогресса.

Я думаю, что надо было бы определеннее сформулировать это допущение, в противном случае у меня возникает вопрос, не занимаемся ли мы выработкой меры измерения для чего-то такого, что еще само не определено?

Теперь мне хотелось бы сделать замечание по выступлению доктора Шошара. В своем выступлении доктор Шошар рассматривал определенную часть человеческого мозга — лобные доли, самую совершенную его часть, которая, как он говорит, дает человеку возможность суждения и управления, способность к подлинной свободе. Однако я думаю, что нельзя с полной определенностью утверждать, что лобные доли являются исключительным средоточием определенных высших свойств; их патологическое, хирургическое или случайное выключение не вызывает расстройств, которые были абсолютно характерны для отсутствия свободы. И поэтому мне кажется немного опасным строить философское рассуждение на основе еще не достоверных научных данных.

Я думаю, вообще говоря, что Ваши утверждения являются чрезмерно оптимистичными. Вы говорите,

*

например, что животное автоматически следует своей, хорошо устроенной природе, руководствуясь своими инстинктами, что у него врожденное искусство жизни. Когда думаешь о том, что из тысячи лягушачьих яичек лишь одно статистически приводит к образованию лягушки, то жалеешь 999 других, которых врожденное искусство жизни привело к преждевременной смерти на стадии головастика или другой. Пример лягушек вовсе не является исключительным; то же самое относится и к морским ежам, рыбам и т. д. И сколько более развитых зоологических видов просто-напросто исчезло в течение веков! В противоположность животному, как говорит доктор Шошар, у человека нет инстинктов. Но и в этом отношении мнения различных авторов значительно расходятся. У меня нет намерения рассматривать эти различные мнения и углубляться в подробный анализ проблемы, является или нет такая элементарная деятельность, как, например, сосание у новорожденного, инстинктом, но существуют ведь

факты, о которых Вы сами напомнили; современная цивилизация не отрешила человека от его инстинктов. Достаточно вспомнить, как режимы фашистского типа могут превращать людей, которых мы вначале легко могли бы назвать себе подобными, в орудия, подвластные инстинкту. Мне кажется, что здесь необходимо говорить об этом, и если мы не хотим допустить повторения подобного хода событий, то условием этого является выяснение механизма подобных явлений. Так же, как и Вы, я желаю достижения общественной организации, в которой больше бы не проявлялись инстинкты, но пока я вынуждена отметить, что ненависть, агрессивность являются активными факторами в истории. Тот факт, что ненависть и агрессивность проистекают из отчуждения, ничего в этом не меняет; это активные факторы, особенно в борьбе антагонистических классов, и как таковые они также способствуют общественному прогрессу. Вы также считаете, что единственное разрешение проблемы прогресса — это достижение персоналистского общества, примиряющего личное и общественное. Однако, по моему мнению, решение заключается не в примирении личного с общественным, а в открытии, путем анализа противоречия, средств преодоления существующего состояния. Это преодоление не происходит само по себе. Оно является следствием, по крайней мере на настоящей исторической

==282

стадии, суровой борьбы между противоречивыми аспектами одной и той же реальности.

РОЖЕ ГАРОДИ

Мне бы хотелось только задать два вопроса доктору Шошару. Он сказал нам, что подходит к явлениям в сугубо научном плане. Как и он, я считаю возможным установить то, что отец Тейяр де Шарден называл «феноменологией» эволюции, показать, как происходит усложнение в развитии организмов.

До этого момента, я думаю, мы рассматриваем вещи в сугубо научном плане.

Но здесь как раз и возникают два вопроса, которые я хотел бы поставить. Доктор Шошар употребил выражение, отмеченное уже г-ном Лупорини: «возможности, заложенные с самого начала в человеческом мозге». Не думаете ли Вы, что здесь мы вводим нечто внешнее по отношению к феноменологии эволюции, к научному описанию явлений? Нет ли в подобной концепции скрытого финализма? Не является ли рассуждение о заложенных с самого начала возможностях разновидностью некоторого преформизма?

Это первый вопрос.

Второй вытекает из первого: не принижает ли подобная концепция чисто линейной эволюции, зависящей только от биологии, роль общественного в самом биологическом развитии? Разве человек — в той степени, в какой он пре-» образует трудом природу — не приходит к преобразованию своего собственного организма? Разве возможно выделить чисто биологические законы прогресса?

Эта проблема, как подчеркивал профессор Ложье, находится в центре дискуссии «Какое будущее ожидает человечество?». Можно ли определить это будущее, продолжая просто биологическую траекторию человека, как будто последний — обычный представитель животного мира среди других видов? Нет ли чего-то качественно отличающего человеческую историю, которая начинается с трудом, от животной эволюции? Разве факт труда, преобразования природы не вводит в само биологическое развитие определенное число противоречий, некоторый прогресс, который является скорее прогрессом гегелевского типа, чем, скажем, ламарковского типа?

ПОЛЬ ШОШАР

Сначала я отвечу на оба вопроса моего друга Гароди. Прежде всего проблема скрытого финализма: в сущности слово «финализм» не пугает меня, необходимо просто различать две стороны слова «финализм». Я не буду рассматривать финализм с философской и с метафизической точки зрения; это совершенно иной вопрос. Однако я не вижу, как физиолог может избежать понятия финальное™, которая заставляет его признать, что глаз создан для того, чтобы видеть, и это ведет физиолога к изучению — как в плане развитого глаза, так и в эмбриональном плане — всех физико-химических механизмов, которые как раз и обеспечивают эту целесообразность. Следовательно, когда я говорю, что человек присутствует с самого начала . в силу того, что у него есть мозг, это в сущности равносильно возможности сказать: «взрослый полностью присутствует в яйце, в биохимических структурах яйца». Разумеется, он будет направляться в зависимости от условий среды, в которой он будет развиваться. Можно по-разному быть самим собой в зависимости от своей наследственной конституции; и я сказал бы, что некоторые из этих возможностей быть самим собой будут действительно идти в направлении, соответствующем человеческой природе, способствуя полному очеловечению личности. Другие идут в противоположном направлении; например, в случае, если бы индивид жил вне всякого общества, вне человеческого общения, если бы он был полностью изолирован, он превратился бы в идиота: это пример детей-волков. Я думаю, что если бы ; у нас был сегодня маленький кроманьонский ребенок, которого мы взяли бы с рождения, он был бы в состоянии поступить в Политехнический институт или быть видным социологом. Следовательно, я не говорю о чистой биологии: не может существовать биологического, которое не было бы вместе с тем социальным, поскольку человек с самого начала есть представитель социального вида. Когда пытаются устранить социальное, то калечат мозг, который не достигает тогда нормального состояния. Действительное развитие мозга осуществляется исключительно через социальные факторы.

Теперь мне хотелось бы ответить на выступление г-жи Табуре-Келлер. Я не могу сказать, что я не согласен

с тем, что она говорила; она внесла, как мне кажется, совершенно справедливые и оправданные нюансы. Разумеется, речь не идет о возвращении к крайнему тезису мозговой локализации, который, идя по пути неприемлемого механистического материализма, хотел бы локализовать некоторые духовные функции в определенных участках мозга. Справедливо, что весь мозг более человекен, чем отдельно лобные доли. Лоботомические наблюдения, которые, впрочем, не были достаточно далеко доведены в этом отношении, показывают некоторые интересные явления: забота, беспокойство индивида уменьшаются, исчезает патологическое беспокойство, а часто также и моральное беспокойство. Однако, действительно, нельзя полностью судить о функциях одной зоны, удаляя ее, поскольку существуют огромные возможности замены ее другими зонами мозга. На деле нельзя по-настоящему изолировать одну зону. Что касается слова «инстинкт», то здесь дело в определении. Важно как раз видеть различие между ролью животного инстинкта и ролью человеческого инстинкта. Возьмите, например, половое поведение. Ни одному животному нет необходимости изучать чрезвычайно сложные реакции ухаживания; они появятся у него, как только оно достигнет необходимой гормональной зрелости, в то время как у человека, напротив, все это переходит в область, я не осмеливаюсь сказать воспитания — это было бы идеально, но того, что познается через среду. В Америке были проведены опыты: сразу же после рождения был изолирован один шимпанзе. Он никогда не видел самки. Когда он стал взрослым,

достиг половой зрелости, его свели с самкой. В противоположность крысе или птице, шимпанзе не знал, что должен был делать, но, естественно, самка задала ему такую трепку, что он быстро научился. Я не такой оптимист, как Вы дали понять; мне хорошо известны осечки биологического развития, о которых нельзя вынести настоящего ценностного суждения; поэтому я брал просто частный случай: человек очень склонен к неврозу, в то время как животное поддается ему гораздо меньше. Например, животное инстинктивно, т. е. в силу чувствительности своих нервных центров, знает все, что ему необходимо для питания: если крысе с удаленными надпочечниками вы предоставите выбор между чистой водой или соленой, то она будет пить соленую воду, как будто она прекрасно знает о роли кортико-надпочечной деятельности для

==285

гидроминерального баланса в организме, в то время как в действительности дело исключительно в избирательной чувствительности ее низовых центров на расстройство крови. Это полностью исчезло у человека и может быть возмещено только наукой. Я не оптимист, а просто реалист, когда я подчеркиваю этот биологический аспект человеческой природы. Я не утверждаю, что когда-нибудь биология будет такой, что в силу одного этого знания человек преодолет отчуждение. Я думаю — и это упрек с моей стороны в адрес мифа преодоления отчуждения в бесклассовом марксистском обществе, — что внезапное исчезновение процессов экономического отчуждения не приведет к исчезновению всякого отчуждения. То, что мы, христиане, называем грехом, несет в себе следующий совершенно светский момент: ответственность не утратить человеческий характер, не изменить свою человеческую природу. Однажды кто-то сказал мне: «Ваша биологическая мораль не помешает мне обманывать свою жену, если я этого захочу». На это я могу ответить: «Действительно, биологическая мораль не помешает вам; она просто скажет вам, что, поступая так, вы не соблюдаете в своем поведении биолого-социальной нормы человеческой природы».

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МОЗГ—ОРГАН РАЦИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

БЕРНАР МЮЛДУОРФ (Франция)

Что касается нас, психиатров, то мы должны определить, в чем, собственно, должно заключаться наше участие в этом обмене мнениями о «критериях и идеалах общественного прогресса».

Наша наука расположена на таком особом перекрестке, где как раз «биологическое» и «социальное» тесно взаимопроникают, находятся в постоянной взаимосвязи, так что, с одной стороны, мы погружены в изучение физических корней человека, а с другой — мы не чуждаемся забот этического порядка.

Вместе с тем проблема психопатологического расстройства ведет нас к постановке вопроса об отношениях

==286

человека со своим социальным окружением, осуществляемых посредством своей самой специфической связи — мышления и его материального выражения — речи, иными словами, к постановке вопроса о приспособленности или неприспособленности человека в зависимости от соответствия или несоответствия его мышления окружающему миру.

Отсюда проистекает возможность смешения планов между психическим и физическим, между физиологическим и социальным, между биологическим и моральным, между индивидуальным и историческим.

По нашему мнению, необходимо особое искусство в обращении с материалистическим и диалектическим мышлением, чтобы избежать этих соблазнов.

Соблазн особенно велик, когда проблема мозга привлекается к спору о таком многозначительном понятии, как прогресс, и превращается в критерий и средство разъяснения этого понятия.

Таким образом, перед нами возникают три проблемы.

1. Человеческий мозг как специфический орган человека, плод долгой эволюции, по завершении которой с появлением человека «природа осознала самое себя».
2. Может ли служить наука о мозге (нейрофизиология, психиатрия, даже умственная гигиена), основой для морали?
3. Нельзя ли охарактеризовать человеческий мозг как орган рационального мышления, являющегося одновременно достижением и условием прогресса человека и общества?

Человеческий мозг как специфический орган человека

Человеческий мозг характеризуется своей сложностью, которая коренным образом отличает его от мозга ближайших животных, т. е. высших антропоидов.

Однако его развитие не происходит в отрыве от истории животных видов, оно сохраняет преемственность, которую необходимо определить как диалектическую, поскольку человекообразование является не делом биологических случайностей, а генетическим результатом взаимодействия индивида с его средой.

Более того, естественные условия могли породить процесс человекообразования лишь после того, как дочеловеческое животное начало от них освобождаться.

==287

Эта диалектика определила медленное отделение этого живого существа от природы, и оно силой своего противодействия природе и борьбе с ней смогло стать человеком.

Энгельс хорошо показал, как труд, рука и затем речь содействовали развитию человеческого мозга, через который природа как раз и осознает самое себя.

Именно социализация посредством труда и, следовательно, через потребность общения, удовлетворяемую речью, позволила дочеловеческому животному в ходе очень долгой естественной истории приобрести мозг, который превратил его в человека на пороге его специфически человеческой истории.

Наука о мозге как основа морали

Именно эта особая роль человеческого мозга приводит; к мысли рассматривать его изучение в качестве возможного средства морали.

Анатомо-функциональная структура мозга точно подразделяется на участки, каждый из которых, как показывает нейрофизиология, связан с особой психической деятельностью.

Так, можно было бы установить иерархию этих различных участков: инстинктивно-эффективная, эмоциональная, интеллектуальная и т. д. сферы.

Эта иерархия частично совпадает с определенной иерархией моральных ценностей; вот почему и велик соблазн воспользоваться этим параллелизмом, чтобы «обиологизировать» (на нейрофизиологической основе) этику.

Но это несколько двусмысленная проблема.

В самом деле, всякая индивидуальная мораль, основана ли она на том или ином аспекте биологии или на нормативном использовании той или иной науки, упускает из виду то, что реально обуславливает ее, т. е. в конечном счете социальное и культурное.

Так что биологическое обоснование морали, выделяя тот или иной интересный аспект, остается слишком узким и лишает временного характера именно то, что несет на себе отпечаток эпохи и присущей ее идейной борьбы.

Однако завоевания науки о мозге могут быть внесены в сокровищницу человечества не только как культурные

==288

богатства, но и как открытия, в определенной степени помогающие человеку осознать свое назначение и самого себя.

Так, например, обезболивание родов, которое представляет собой, впрочем, нечто большее и нечто другое, нежели простой прогресс, связанный с открытиями нейрофизиологии, является не только завоеванием науки, имеющим моральную ценность для женщин, но и прогрессом рационального мышления на уровне массового сознания.

Аналогичное значение могут иметь также открытия психологии.

Человек болен не только в силу своей индивидуальной истории, но и по причине общественных условий своего времени. Больно также (и главным образом) общество: так что неправомерное обобщение определенного рода умственной гигиены общества затушевало бы более глубокие причины недомогания, которые заключены, по нашему мнению, в динамике классовой борьбы.

Головной мозг — орган рационального мышления

Итак, если бы нам было нужно определить место головного мозга в этой трудной проблеме общественного прогресса, то мы должны были бы вести наше исследование в плане генезиса и развития мышления.

Для нас рациональное мышление является одновременно и завоеванием человеческого прогресса, и его необходимым условием.

Человечество прогрессирует параллельно развитию рациональности. И мы думаем, что рациональное мышление, которое все больше овладевает миром, потому что оно все вернее отражает его движение, полностью расцветает внутри его современной формы, которой является диалектический материализм.

Человеческий мозг как раз в силу того, что человек наделен речью, дает возможность абстрагироваться от реальности, что ведет к форме мышления, превосходящей чувственную интуицию эмпиризма.

Как пишет Энгельс: «Развитие мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проясняющегося сознания, способности к абстракции и к умозаключению оказывало обратное воздействие на труд и на язык, давая обоим все новые и новые толчки к дальнейшему развитию» 1.

1К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, М., 1955. т. II, стр. 74.

==289

Рациональное мышление и его высшая форма, диалектический материализм, обобщающий внутреннее движение всех наук, являются исключительно достоянием человека.

Некоторые антропоиды дают пример формы элементарной рациональности.

Но отсутствие речи навсегда отнимает у них способность к абстракции, к размышлению об общих понятиях, следовательно, окончательно лишает их возможности диалектического мышления.

Однако рациональное мышление, как нам известно, сочетается в нашей голове с различными формами магического мышления.

Так, например, можно сказать, что первобытные народы выражают свою рациональность через мифы; таким образом, у их мышления рациональное содержание (хотя и элементарное) и магическая форма.

Дети — путем воспитания и развития речи — приходят постепенно к более высокой рациональности.

Во время психических расстройств, вызванных психозом, на поверхность всплывает магическое мышление в ущерб мышлению рациональному.

Иногда мышление приобретает даже псевдорациональную форму с глубоко магическим содержанием.

Это разрушение структур рационального мышления у психического больного является одной из форм выражения его неспособности к окружающей среде.

Сравнение психического больного с ребенком или с первобытным человеком является заблуждением, обусловленным тем, что мыслят по аналогии и методологически упрощенно.

Но можно было бы сказать, что история индивидуального мышления (онтогенез) воспроизводит (при поверхностном рассмотрении) историю мышления в роде (филогенез).

Это соответствие заходит настолько далеко, что расстройство психической жизни принимает некоторые аспекты этой двойной истории. Однако нормальный человек на данной стадии всеобщей истории несет в себе различные способы мышления, которые или взаимопроникают друг в друга, или взаимонейтрализуются, или выражаются один через другой. Идеализм, религиозная мысль, рациональность, находящая себе место в голове ученого, несознательного материалиста, — все это свидетельствует о

==290

сосуществованию в нашей голове различных способов мышления.

И именно развитие диалектического и материалистического способа мышления выражает прогресс мысли, все больше становясь вместе с тем объективно необходимым условием этого прогресса.

В этом смысле человеческий мозг есть орган рационального мышления, а в силу этого он является одним из элементов общественного прогресса.

==291

ГУМАНИЗМ И ПРОГРЕСС

РОСТ ПОТРЕБНОСТЕЙ И ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

/ П. А. ШОМБАР ДЕ ЛОВ (Франция)

Очевидно, эволюция человеческого рода подчиняется двум внешне противоречивым тенденциям. С одной стороны, совместное движение всего человечества ко все большему единству, по-видимому, уничтожает различия между людьми; с другой — постепенное освобождение людей, очевидно, усиливает разнообразие. Противоречие лишь внешнее: обе тенденции дополняют друг друга. Это ясно видно как в истории цивилизаций, так и в эволюции повседневной общественной жизни.

Две формы общения, надежда и потребности

В наши дни индустриализация дала особенное преимущество форме общения, основанной на сходстве между людьми. Она создает также возможность другой формы общения, основанной на разнообразии и свободе людей. За общением по сходству появляется общение по общности. Общность предполагает не только свободу обмена, но и наличие ориентира, внешнего по отношению к тем, кто общается. Человечество вовлечено в единое движение вперед лишь в той мере, в какой у людей существует одинаковый взгляд на будущее, в какой они разделяют одну и ту же надежду. Различные идеологии увлекают огромные массы людей, выбирая несовместимые ориентиры. Мифы теории происхождения и судьбы довлеют над повседневным поведением. Но мы можем продвигаться вперед, не отказываясь

видеть существующие противоречия, а находя новый ориентир впереди тех ориентиров, на которые падал наш выбор до сих пор. В этом смысле надежда есть первая

==292

потребность людей как сегодня, так и вчера. Это не беспочвенное утверждение: надежда преобразует все остальные потребности, служит определению их очередности. Таким образом, она позволяет человечеству идти вперед.

Люди верят в движение к свободе, но их взгляды на свободу различны. Они думают, что они могут тем не менее прийти к согласию в своем стремлении освободиться от давящего на них принуждения. Они могут, таким образом, определить потребности и их очередность. Именно через определение потребностей и изучение их проявления и роста мы лучше поймем захватившее нас движение. Но прежде чем определить наши потребности, нужно сделать несколько замечаний.

Выражение потребностей, обязывающие потребности и потребности-запросы

При определении потребностей часто смешиваются состояние и предмет. Обратимся к конкретным примерам, к общим взглядам и результатам эмпирических опросов. С одной стороны, говорится о потребности страны в жилищах, когда определяется число жилищ, необходимых для определенного числа людей. В этом случае изучаются предметы, в которых ощущается потребность. Но когда говорится о потребности в жилье какой-либо семьи, то изучается, в каком она находится состоянии и как можно удовлетворить ее личные потребности. Это совсем иная позиция. И то и другое дополняет друг друга и может служить нам для изучения планирования. То же самое замечание можно было бы сделать в отношении пищи и определенного числа других так называемых элементарных потребностей. Однако от первой позиции, рассматривающей потребность как предмет, существует переход ко второй, рассматривающей ее как состояние. Из этого вытекают два различных метода обращения к людям и перехода от одного метода к другому.

Мне хотелось бы подчеркнуть различие между двумя категориями потребностей: между обязывающими потребностями и потребностями-запросами. Когда мы говорим о жилье или пище в странах с различным уровнем развития, то речь идет о потребностях, которые совершенно необходимо удовлетворить, несмотря ни на что. Правительства стоят перед очевидным фактом: они не могут

==293

уйти от введения законов, дающих возможность удовлетворения этих потребностей для всего населения. Зато существует целый ряд других потребностей, которые мы назовем запросами. Они появляются и начинают развиваться преимущественно в более благоприятные периоды. Эти потребности, побуждающие людей к развитию культуры, кажутся вначале менее существенными, но на деле они по меньшей мере так же важны, как и первые, поскольку именно они создают возможность для перехода в новое состояние в развитии общества.

Постепенно происходит переход от потребностей-запросов к обязывающим потребностям. Потребности, бывшие в какой-то данный момент просто запросами, постепенно становятся настолько очевидными, что вынуждают правителей считаться с ними так же, как они считались прежде с

обязательными потребностями. Несмотря на остановки и возвращение назад, движение человечества в этом направлении необратимо. Это движение становится очевидным из изучения как повседневной жизни, так и общей истории цивилизаций. Мы считаем, что существует прогресс, что есть направленность в развитии человечества.

Благоприятные периоды и зоны перехода от запросов к обязывающим потребностям

Наблюдая за этим развитием, мы отмечаем, что существуют зоны и периоды, благоприятные для роста потребностей. Эта проблема часто находилась в центре внимания экономистов и социологов. В определенные периоды потребности появляются, затем закрепляются. Это замечательно показано Хальбвахом в его работах о бюджете рабочих. С другой стороны, мы отмечаем, что как с географической, так и с социологической точки зрения существуют зоны, особо благоприятные для роста потребностей, главным образом в городах. В настоящее время, по крайней мере в нашей цивилизации, именно в определенных городских слоях, при определенных условиях, в определенные моменты самым динамичным образом проявляются новые потребности, увлекая все человечество в движении вперед. Мы должны, следовательно, совершенно конкретно изучить, каковы эти зоны и секторы, каковы эти благоприятные моменты, каковы появляющиеся потребности, и учесть появление этих потребностей для планирования. ;

==294

Препятствия развитию потребностей могут быть отнесены к трем большим группам:

1. Прежде всего это препятствия, связанные с отставанием в развитии и со всеми материальными условиями существования, способствующими физическим и умственным болезням. Здесь мы имеем в виду ряд проведенных нами исследований о связи между условиями жизни и здоровьем. Нужна была бы другая встреча, чтобы иметь возможность более подробно говорить о данном вопросе. Скажем лишь, что наши замечания основаны на наблюдениях, рассказывать о которых здесь нет времени.
2. Во-вторых, это все препятствия, связанные с несоответствием определенных социальных структур и потребностей обеих вышеуказанных категорий. Социальные структуры неадекватны, когда они обрекают часть населения страны или, точнее, часть человечества на жизнь в состоянии отсталости. В этом случае ставятся под угрозу обязывающие потребности. Но социальные структуры неадекватны также и тогда, когда они не дают возможности проявиться потребностям-запросам, когда они, таким образом, препятствуют движению вперед, о котором мы говорили выше.
3. Препятствия третьей категории, может быть, еще более серьезны, и с ними труднее бороться. Они связаны с системами ценностей, в которых не уважаются потребности всех людей и произвольно создается неравенство между людьми. Чтобы помешать развитию подобного рода систем, надо заботиться одновременно о потребностях всего человечества в целом и о потребностях каждого отдельного человека, имеющего право на свободную жизнь в обществе. Но если мы согласны с идеей о том, что потребности-запросы стимулируют движение вперед, то как мы тогда можем надеяться, что эти запросы разовьются во всем человечестве и во всех секторах общества одновременно, а не в некоторых небольших привилегированных секторах?

Изучать зарождение запросов в социальной среде — дело трудное. Совсем недостаточно в ходе быстрого опроса мнений узнать у людей, что они думают по тому или иному поводу, чтобы определить их запросы. Необходимы разнообразные дополняющие друг друга исследования. Но возникает еще и другая проблема: независимо от используемых методов подхода иногда возникает впечатление, что в некоторых секторах общества на самом деле нет больше

запросов. Может быть, определенные условия жизни ставят людей в такое положение, что для них уже отрезана возможность стремиться к чему-либо или у них отняли всякую возможность проявлять свои запросы? Уничтожили ли в них то основное, о чем мы только что говорили, т. е. надежду? Как же в таком случае вернуть им ее? Необходимо сделать первый шаг.

Необходимо уничтожить все условия, в которых невозможно развитие запросов, иначе мы будем свидетелями удушья человечества. Создание необходимых условий предполагает договоренность о необходимости дать каждому возможность добиться успеха в хорошо организованном обществе. Однако пристально изучая условия жизни людей, мы видим, что существуют пороги, ниже которых запросы проявляются с большим трудом, поскольку повседневные заботы берут верх над свободным интересом. Мы можем определить их, но не вообще и не абстрактно, а весьма конкретно в определенном обществе в отношении жилищ, семейного бюджета или питания. В этом случае мы должны различать определение этих порогов от прожиточного минимума, как он понимается в настоящее время, поскольку изучение прожиточного минимума не принимает во внимание потребностей-запросов. Это понятие прожиточного минимума служит правителям для очистки совести. Но тот факт, что он подсчитывается исключительно на основе обязывающих потребностей, приводит к ужасному ограничению целой части общества, целой части человечества, которая не может больше участвовать в движении вперед.

Мы видим, как здесь проявляется одно из противоречий капиталистического общества, в отношении которого мы согласны с марксистами. Как марксисты, так и христиане бьют тревогу в отношении капиталистического мира, но по причинам отчасти различным. Уже две тысячи лет христианство кричит в лицо миру об этом позоре, но нужно признать, что христианство слишком часто оказывалось бессильным. Диалог с марксистами может послужить новым толчком, который позволил бы обрести эту первоначальную силу. Христианство иногда слишком легко приспособлялось к потребностям капиталистического общества, связанным с системой ценностей, основанной на деньгах— этом полнейшем отрицании христианства. И не с этой формой христианства будет возможна дискуссия. Только

опираясь на подлинное христианство, верное своим источникам, революционное в своей основе, во всяком случае столь же революционное, что и марксизм, мы сможем возобновить диалог.

Запросы, надежда и прогресс

При этих условиях изучение запросов в общественной жизни было бы равносильно исследованию надежд человечества вообще. Мы возвращаемся к мысли о стоящем впереди ориентире, с которой мы начали. Цели, на которые ориентируются марксисты и христиане, несомненно, не совпадают. Было бы иллюзией считать, что может завязаться диалог, что можно перейти к действию, игнорируя то, что может повести нас по различным путям. Нужно видеть проблему во всей ее полноте. Если мы говорим одновременно об эволюции потребностей в мелочах повседневной жизни и о надежде вообще, то мы делаем это намеренно, с тем чтобы соединить две крайности. Именно в мельчайших делах нашего существования происходит в основном наше становление.

Как же тогда рассматривать прогресс? Многие христиане разделяют ту мысль, что наука — основа прогресса человечества. В этом отношении замечания, содержащиеся в некоторых выступлениях, говорят о недостаточном знании наших позиций. Некоторые, как казалось, утверждали, что христианство, а не капиталистическое общество боится науки. Однако, напротив, все, что может идти в направлении прогресса, все, что может освободить людей, все, что может дать тем из них, кто поставлен в самые неблагоприятные условия, возможность подняться выше отмеченных нами порогов, — все это отвечает христианской надежде. Все, что может служить прогрессу, будет принято нами.

Следовательно, нас пугает не наука, а, напротив, то, как ее кое-кто хочет использовать, опираясь на негодные системы ценностей. Науку можно использовать различным образом, и чем дальше идем мы по пути научного и технического прогресса, тем больше наши возможности роста, тем больше наша надежда, но тем больше также и возможность самоубийства. Именно это тревожит нас: как избежать того, чтобы техника, которую мы во всех случаях должны развивать, на которую мы должны во всех

==297

случаях работать, могла обернуться против людей? Именно поэтому мы должны спорить о системах ценностей, от которых зависит наше поведение, и об ориентирах, которые мы хотим выбрать.

Если мы сможем продвинуться по этому пути, мы сможем обрести один и тот же оптимизм, один и тот же динамизм и, может быть, одну и ту же надежду; во всяком случае, мы сможем сойтись вместе в одном движении вперед ради нашего освобождения от всех сил реакции, которые, в каком бы обществе мы ни жили, давят на нас. Мы будем бороться за освобождение всех людей. Мы будем бороться также за единство человечества, осуществляемое, как мы сказали вначале, не в силу общения по сродству, которое достигается путем принуждения людей употреблять одни и те же выражения, один и тот же язык, носить одинаковые одежды, а благодаря общению, основанному на общности, в которой люди обретут себя, каждый лично в соответствии со своим призванием и все вместе — в соответствии с одной и той же судьбой.

ДИСКУССИЯ

ЛАДИСЛАВ ШТОЛЛ (Чехословакия)

В некоторых выступлениях прозвучал определенный пессимизм в отношении неограниченных возможностей прогресса.

Когда я говорю о прогрессе человека, я думаю не только о прогрессе в области техники и производства. Социализм — это критика капиталистического социального строя, а также в наше время — это социальная действительность, основанная на присвоении общественного человеческого труда всеми трудящимися, это борьба против основных проявлений разрушения человеческого характера.

Прогресс гуманизма свершается не только в сфере экономического производства. Подлинное господство человека над миром предполагает, что он становится настоящим хозяином мира во всей своей деятельности, всеми своими органами чувств — не только зрением, слухом, обонянием, осязанием и вкусом, но и чувствами музыкальными, поэтическими, пластическими, развивает вкус к наукам, к математике и т. д. Только тогда, когда человек начинает

==298

испытывать потребность удовлетворить свои многочисленные чувства, являющиеся результатом исторической эволюции, можно сказать, что перед прогрессом человечества широко открываются все дороги. В этом смысле социализм освобождает не только пролетариат, но всех людей. Я думаю здесь о мыслях Гегеля в его «Феноменологии духа», где в главе о хозяине и рабе великому немецкому диалектику удалось выявить настоящую взаимную обусловленность, установленную рабством между хозяином и рабом. Производительные силы порождают потребность в более высоком образовании, высшей профессиональной квалификации, более широком культурном горизонте.

Прогресс подлинного гуманизма основывается лишь на единстве научных знаний общества и жизненных интересов трудящихся масс. Социалистическая революция, освобождая производительные силы и создавая новые производственные отношения, вызывает у миллионов людей потребность жить на более высоком культурном уровне. Именно в этом заключается логическая необходимость эволюции социалистического общества. В условиях социализма прогресс гуманизма тесно связан с общественным развитием, с явлением, которое мы называем культурной революцией. В упрощенном виде понятие культурной революции может быть применено к определенной фазе развития экономически отставших стран, где, например, имеется необходимость ликвидировать неграмотность. Пример же Чехословакии не требует подобных упрощений.

Чехословакия была уже с конца прошлого века высокоразвитой в промышленном отношении страной. Проблема неграмотности в стране практически не существовала. Однако только построение социализма обеспечило развитие системы образования такими темпами, которые превосходят все показатели старой буржуазной республики. В 1947 г. в стране насчитывалось 9 высших учебных заведений. В 1961 г. их было уже 50. Число студентов увеличилось в четыре раза. То же самое можно сказать об увеличении количества учащихся в средней школе и в технических училищах. Однако речь идет не только о расширении традиционной системы обучения. Социализм уничтожает основы социальных антагонистических противоречий, постепенно устраняет противоречия между физическим и умственным трудом, а также стирает грань между тем периодом в жизни человека, который он

==299

проводит в школе, и периодом, посвященным профессиональной деятельности. Этот факт находит свое отражение у нас в стране в появлении и развитии самых различных форм общей профессиональной подготовки трудящегося народа. В 1960 г. правительство Чехословацкой Социалистической Республики издало декрет об создании народных художественных школ, которые появляются во всех районах страны. Аналогичным образом организована сеть средних школ для взрослых, народные университеты, где трудящиеся могут в свободное от работы время расширять и углублять свои общие и профессиональные знания. Я уже не говорю о большом количестве других учреждений, занимающихся воспитанием народа, среди которых наиболее важную роль играет Общество по распространению политических и научных знаний. В распоряжении Общества находится в настоящее время более 50.000 специалистов, которые читают лекции в самых разнообразных факультативных образовательных учреждениях. Проф. Семенов уже говорил о такой деятельности.

Таким образом, марксисты представляют себе прогресс человека как единое целое. Поэтому, отдавая приоритет развитию материальной базы социализма и коммунизма, мы создаем в то же время условия для углубления культурной революции, которая представляет собой социальное явление, в развитии которого необходимо проявляются в качестве основного стимулирующего начала постоянно возрастающие культурные потребности самих трудящихся. Прогресс гуманизма в форме союза между

подлинными знаниями, основывающимися на науке, и основными жизненными интересами масс становится в этих условиях со держанием деятельности социалистических наций.

ЛЮСЬЕН ГОЛЬДМАН

Как ярко и поэтично сказал доктор Вьен, капиталистическое развитие уничтожило ценности человеческого сообщества. Их восстанавливает социализм, преодолевая то, что мы, философы, называем фетишизацией. Таким образом, целая совокупность ценностей восстанавливается как раз путем преодоления капиталистического общества. Это подчеркивали профессора Гулиан и Штолл. Однако — и в этом заключается проблема — либеральное буржуазное

==300

общество, кроме всех тех коренных человеческих культурных ценностей, которые оно разрушало и душило, все же дало ценность, которая мне кажется положительной и введение которой в социалистическую культуру и социалистическое общество заслуживает серьезного внимания: это свобода личности, право на несогласие. Докапиталистические общества не знали отдельной индивидуальности, им не было известно то, что можно назвать правом ошибаться. Либеральное общество принесло идею о том, что люди равны, что каждый свободен не соглашаться, ошибаться.

Итак, вопрос в следующем: каким образом будет возможно включить в наследство развивающегося социалистического общества не только элементы истины, заимствованные у немарксистов, но и свободу личности, право ошибаться? Такая позиция не имеет ничего общего с одобрением ошибки. Напротив, с ней надо бороться. Я прекрасно понимаю, что требования политической борьбы могут на определенное время привести к ликвидации этого права во имя неотложных задач. Но важно уже сегодня знать, что мы должны создать и в каких терминах должна ставиться проблема. Мы не можем удовлетвориться дилеммой: или сообщество, или право ошибаться, ведущее к анархии; такая дилемма неприемлема для социалистического общества, каким оно должно быть в конце концов. Основная проблема наследства заключается в том, чтобы суметь, кроме ценностей человеческого сообщества, которым будет придан новый, действительно народный и действительно приемлемый для всех людей характер, взять из него также этот единственный положительный момент капитализма: возможность несогласия, или, как говорит Жан Валь, возможность писать такие вещи, как, например, «Цветы зла», а не только произведения, имеющие положительное общественное значение.

ПЬЕР ВИЛАР

Я подумал об этом, уже слушая Шомбара де Лов; мне ft кажется, что нельзя сказать, что проблема равенства и проблема свободы стоят уже две тысячи лет. В средневековом обществе ремесленник или крестьянин не считались равными другим общественным классам. Есть тенденция

==301

также преувеличивать усилия зарождающейся буржуазии, направленные на утверждение равенства. Буржуазное общество конца XVIII века не допускает равенства. Его нет у работников физического

труда, это пассивные граждане во время Французской революции. Я хочу здесь также напомнить г-ну Гольдману о том, что «Цветы зла» подвергались преследованиям по закону.

КОНСТАНТИН И. ГУЛИДН (Румыния)

Что касается права ошибаться (которое часто смешивается с правом быть оригинальным), то я могу сказать вам на собственном примере, что в социалистических странах есть право ошибаться, поскольку многие из моих книг были раскритикованы. У меня было право ошибаться.

П. А. ШОМБАР ДЕ ЛОВ

Г-н Вилар сослался на средневековье, но средневековье во многих отношениях уже изменило христианские традиции: разлад начался со времен Константина. Вначале именно свобода, равенство и братство между людьми были сутью раннего христианства, при этом им придавался смысл как для сообщества в целом, так и для человеческой личности. Тогда были произнесены слова, форма которых была иная, но которые сводятся для нас к одному — к проблеме одновременного освобождения личности человека и всех людей: это апокалипсис святого Иоанна!

С другой стороны, говоря о более актуальных вещах, нужно подумать о направлении эволюции. Не надо забывать, что уже до христианства, предвосхищая его, еврейский мир открыл направление истории, открыл линейное время в отличие от циклического. Эти факты происшедшего и последующий ход событий вынуждают нас подчеркнуть важность эволюции. Вот почему Тейяр кажется нам одновременно настолько актуальным и настолько в то же время близким к истокам христианства. Мы ищем в этой эволюции также смысл счастья людей, смысл совершенствования личности и совершенствования всех. И здесь мы присоединимся к заявлению профсоюзного деятеля, упомянутого

==302

американским писателем Стейнбеком: пока есть люди, живущие в таких условиях, мы не сможем бездействовать.

Будь мы марксистами или христианами, мы должны иметь право сказать, что мы не успокоимся до тех пор, пока есть люди, живущие в таких-то условиях. Мы стремимся не только к собственному счастью, к собственному совершенствованию, но и к совершенствованию всего человечества, а то и другое образуют одно целое.

ТЕОРИЯ ПРОГРЕССА И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ

ЮРИИ ФРАНЦЕВ (СССР)

ЗА

Ни одно понятие общественной науки не вызывает за последние 50—60 лет столько возражений, как понятие общественного прогресса. И ни одно понятие не является столь широко распространенным в наше время великих научных открытий и грандиозных социальных изменений. Как объяснить это парадоксальное явление?

Обоснования, которые дают своим взглядам противники теории прогресса, многочисленны. Остановимся на некоторых, наиболее часто повторяющихся возражениях против современной теории прогресса и касающихся вопроса о связи, существующей между теорией прогресса и общественным идеалом.

Формирование социального идеала

Одно из главных возражений против теории прогресса сводится к тому, что теория прогресса допускает смешение двух видов суждений — суждения о наличии факта и суждения о его ценности. Наука должна оперировать суждениями о наличии факта. Оценка факта — дело убеждений. Я не касаюсь здесь таких теорий, которые считают, что и суждение о наличии факта есть лишь состояние сознания.

В соответствии с выдвинутыми возражениями еще в конце прошлого века было предложено решительно разграничить теорию эволюции общественных явлений от теории прогресса. Теория эволюции не должна содержать понятия прогресса, требующего оценки явления, т. е. понятия

==303

субъективного, по своей природе подчиненного той или иной формулировке социального и нравственного идеала. Фактически уже у Спенсера эволюция была сведена к некоторой формальной классификации фактов, к их описанию и размещению во времени. В дальнейшем последовательное развитие такого взгляда привело к требованию отказа от самого понятия эволюции и замены этого термина еще менее определенным — «социальное изменение». Этот термин получил особенно широкое распространение после выхода работ ряда американских социологов, в том числе Огборна.

Однако познание социального изменения предполагает установление того факта, что налицо имеется изменение именно данного явления, а, скажем, не исчезновение одного и замена его другим. Но это значит так или иначе решать вопрос о развитии, о становлении, о тенденциях изменения, о его направлении. От этого научное познание никуда уйти не может. В ходе этого познания рождается и оценка познаваемых явлений. Природа познания социальных явлений такова, что даже констатация наличия или отсутствия тех или иных важнейших элементов общественной жизни невозможна без выявления отношения познающего к этим элементам. Как хорошо говорил Маркс, только животное ни к чему не относится, для человека же его отношение к его среде и есть его сознание. Безразличное, автоматическое фиксирование явлений социальной жизни • может говорить лишь о донаучной стадии мышления, его полусознательной форме. Процесс научного познания включает установление связей одного явления с другими явлениями, а в конечном итоге выработку своего отношения к познаваемым явлениям, определения возможности изменения этих явлений и т. д. В основном так обстоит дело и с познанием явлений социальной жизни.

Таким образом, и идеалы или представления о должном в общественных отношениях рождаются в ходе познания социальных явлений. Возникновение социального идеала невозможно без критического, сознательного отношения к действительности. Можно даже сказать, что социальный идеал есть показатель сознательного отношения к существующему в общественной жизни. Но сознательное, критическое отношение к действительности не может быть сколь-нибудь прочным и глубоким без научного познания фактов, явлений социальной жизни в их взаимной

связи. Следовательно, невозможно отделять китайской стеной суждение о наличии факта социальной жизни и суждение оценки этого факта. Суждение «В обществе существует бедность, нищета» есть суждение о наличии факта, но социальная позиция познающего не позволяет ему оставаться безразличным к констатации наличия такого социального явления, требует выработки своего отношения к факту существования этого явления. Субъективная, в конечном счете классовая позиция познающего может мешать или помогать познанию явлений и их объективных связей. Но от этого сами явления и их связи не становятся субъективными, они существуют вне познающего субъекта. Да и сама социальная позиция познающего есть в конечном счете явление объективное, а не простой результат его субъективных вкусов, произвола или игры фантазии.

Формирование социального идеала означает, что в данном обществе имеются группы людей, для которых сознательное отношение к существующему социальному строю или к его отдельным элементам сопряжено с критикой, протестом, со стремлением изменить общественный порядок или, наоборот, со стремлением его отстоять, удержать. Появление того или иного социального идеала есть симптом происходящих в обществе социальных процессов, духовное выражение этих процессов, смутное, извращенное или более четкое научное их осознание.

Нравственный долг, моральное побуждение к деятельности могут развиваться в полной мере только в связи с осознанием существующей действительности. Безразличное отношение к явлениям социальной жизни не может ни к чему побуждать. Моральная оценка явлений социальной жизни, таким образом, не находится в каком-то внутреннем противоречии с научным, объективным познанием этих явлений. Конечно, возможны случаи (они широко известны в истории), когда морализирование заменяло строго научную оценку фактов и явлений социальной жизни, а научный анализ давался так, что исключал моральное осознание человеком социальных условий и всякий социальный идеал. Но это говорит лишь о разорванности единого сознания человека как субъекта социальной жизни. Отсюда, однако, никак нельзя вывести заключения, что научное познание противоречит моральному сознанию, и наоборот. На самом деле глубокое, научное познание

социальной действительности ведет к формированию глубокого нравственного побуждения к деятельности, к углубленному пониманию нравственного долга и формированию научно обоснованного социального идеала.

Таким образом, исторический процесс включает в себя развитие научных знаний, явлений общественной жизни, их связей, тенденций их развития и возникновение социального идеала, который всякий раз указывает на тот или иной этап объективного общественного процесса, на позицию тех или иных групп, участвующих в нем.

Когда люди оценивают настоящее по сравнению с прошлым и говорят об объективно возможном будущем, о необходимости своей деятельности для того, чтобы победили те или иные тенденции, то это значит, что они проявляют сознательное отношение к социальной действительности. В свою очередь, пробуждение сознательного отношения людей к действительности, оценка ее является важной стороной развития самой действительности, исторической деятельности людей. Наличие различных социальных идеалов говорит о наличии противоборствующих социальных групп (классов), наличии различных тенденций в самой действительности, о борьбе за то, чтобы в ближайшем или более отдаленном будущем возобладала та или иная тенденция.

Теория прогресса — это уверенность в будущем

Марксисты-ленинцы никогда не представляли себе общественный прогресс как некое совершенно автоматическое движение вперед, как фатальный механический процесс. Прогресс — это в конечном счете деятельность народных масс, преодолевающих на своем пути препятствия и трудности. Прогресс всегда связан с первооткрывателями новых путей, с их почином, с их творческой инициативой. Но без деятельности масс превращение открывающихся возможностей в действительность неосуществимо. Теория прогресса, если коротко определить ее смысл, означает уверенность человечества в своем будущем. Эта уверенность опирается на знание законов развития общества, на понимание людьми своих сил и тех возможностей, которые таятся в исторической действительности. Значение теории прогресса и измеряется тем, насколько она

==306

верно выявляет исторические возможности людей, указывает им реальный путь для деятельности.

Теория прогресса в начале XVIII века в трудах французских просветителей была теорией главным образом прогресса человеческого разума, знания, науки. Уже тогда было ясно, какое огромное значение для развития человечества имеет развитие положительного знания. В наш век открытия ядерной энергии и покорения космоса отрицать прогресс науки в человеческом обществе едва ли можно. Едва ли кто будет отрицать и наличие прогресса техники со времен каменного топора до ядерной энергии. Отчасти теория просветителей была также теорией политического прогресса, которая лишила государство ореола сверхъестественного происхождения и поставила в порядок дня вопрос о политическом развитии общества, но основа этого развития не была вскрыта. Однако, сосредоточив все внимание на разуме и науке, их теория лишь отчасти касалась вопроса морального прогресса, ибо она оставляла в тени вопрос о ликвидации эксплуатации, угнетения. Такая теория прогресса не может быть стимулом для многообразной деятельности народных масс.

Прошло несколько десятилетий, и великие французские социалисты-утописты начала XIX века внесли существенную поправку в старую теорию, заговорив о необходимости дополнить ее теорией социального прогресса, указав, что частнособственнические отношения — не предел в общественном развитии человечества. Это было глубоко верно, ибо теория прогресса не может быть только теорией прогресса интеллекта или политических форм, она не может не рассматривать вопрос об изменении общественного строя. В наше время также едва ли кто-либо будет с этим спорить. Но и эта теория не указывала путей для деятельности народных масс, превращающих исторические возможности в действительность. Социальный идеал был утопичным.

Наконец, прогресс в области экономики общества также никто не отрицает, и вряд ли найдется хоть один ученый, который не считал бы, что со времен феодализма хозяйство претерпело прогрессивные изменения. Но и теория экономического прогресса может стать исторической силой только в том случае, если она не закрывает правильный путь для деятельности народных масс по преобразованию жизни.

О наличии прогрессивного развития в отдельных сферах общественной жизни споров ведется сравнительно меньше. Острые разногласия начинаются, собственно говоря, тогда, когда эти отдельные теории прогресса отдельных сторон общественной жизни стремятся заменить единой теорией. Такая научная теория является одновременно фундаментом социального идеала и морального побуждения к действию. Не этим ли и объясняются современные возражения против теории прогресса? Не потому ли и раздаются многочисленные нападки на теорию прогресса?

Из сказанного следует, что вполне возможна теория прогресса, которая одновременно была бы научной, покоилась на точном знании явлений общественной жизни и вместе с тем была бы фундаментом для социального идеала и содержала бы основу для морального побуждения и убеждения людей.

Основная линия общественного развития нашего времени, говоря словами Н. С. Хрущева, состоит в борьбе за торжество прогресса над эксплуатацией и угнетением. В этом, собственно, и состоит современная теория прогресса, указывающая массам путь исторической деятельности, творчества, опирающаяся на научный анализ возможностей, содержащихся в условиях нашей эпохи.

Наш идеал — мир и справедливость

Сейчас по поводу сказанного можно слышать такое возражение из уст некоторых буржуазных теоретиков. Как раз соединение коммунистического социального идеала с убеждением коммунистов в том, что в силу прогрессивного развития общества этот идеал будет неизбежно осуществлен, именно это обстоятельство якобы придает остроту современному идеологическому конфликту и даже якобы ведет к «холодной войне». Этот идеологический конфликт, углубляясь, может, по мнению этих горе-теоретиков, привести и к войне. Однако их рассуждения несостоятельны. «Холодная война» отнюдь не является просто идеологической борьбой; она в области идеологии представляет собой идейную, психологическую подготовку войны. Острота и глубина идеологической борьбы вовсе не означает, что эта борьба должна стать психологической подготовкой войны. Идеологическая борьба становится психологической подготовкой войны тогда, когда в этой борьбе заложена идея

недостаточности борьбы идеологическими средствами, когда в ней обосновывается неизбежность военного конфликта, когда идеологи начинают проповедовать лозунг: пушки вместо идей.

Для коммунистов нет никакой необходимости проповедовать такой лозунг, ибо они глубоко убеждены в прогрессивном развитии общества, в великой силе идей коммунизма. Социальный идеал может побуждать к тому, чтобы навязать его вооруженной рукой только в том случае, если этот идеал не опирается на научную теорию прогресса, если он находится в противоречии с закономерным ходом исторического процесса и с интересами широких народных масс. Тогда волюнтаризм становится основой политики, тогда авантюризм подменяет собой уверенность в закономерном ходе исторического процесса, а идеологическая борьба вырождается в психологическую войну, сопутствующую вмешательству с «позиций силы» в ход истории.

Наш идеал включает идею мира и дружбы народов. Мирное сосуществование не может, разумеется, исключать борьбу идей. Но это отнюдь не значит, что борьба идей несет в себе семена войны. Наше научное представление о прогрессе необходимо включает и нашу уверенность в том, что победа нового строя общественной жизни в конечном счете решается в главной сфере деятельности человека — в производительном труде, а отнюдь не на кровавых полях сражений.

Расковать народное творчество

Для советского общества социальный идеал состоит в том, чтобы расковать богатейшие творческие возможности человека. Для этого необходимо уничтожить эксплуатацию и угнетение. Необходимо, далее, добиться, чтобы общественное богатство достигло такого уровня, когда могут быть удовлетворены все потребности человека. Необходимо также, чтобы вырос и развил все свои способности сам человек. Работать по способностям — краеугольный принцип социализма, охватывающий и сферу морального сознания человека. Тот, кто хоть сколько-нибудь следит за политической жизнью Советского Союза, не может не знать, какое огромное значение мы сейчас придаем инициативе, творческому почину личности. Н. С. Хрущев назвал передовых людей, работающих в нашем народном хозяйстве,

==309

маяками, указывающими путь вперед. У нас первооткрыватели, люди инициативы, творческого почина имеются буквально на всех участках общественной жизни. Развитие творческой личности, всех ее способностей — наша главная задача. Это и есть воспитание нового человека. как мы обычно говорим. Задача руководителей — прислушиваться к опыту масс, организовать процесс так, чтобы создать максимально благоприятные условия для выявления творческих возможностей, способностей каждого человека, а следовательно, и всей массы народа. Тот из руководителей, кто этого не понимает, быстро теряет всякий престиж и неизбежно перестает быть руководителем. Творчество масс — важнейшая черта эпохи строительства коммунизма; оно окрыляет и ускоряет наше прогрессивное развитие. Чрезвычайно далеки от истины все те, кто подобно проф. Гурвичу рисует наше общество зажатым в тиски какими-то бюрократами, технократами, организаторами и т. д. Как раз в развитии способностей человека, всех его возможностей состоит важнейшая черта нашего социального идеала — коммунистического общества. В этом направлении и развивается советское общество, этому подчинено и развитие сознания советского человека.

Мы боремся и будем бороться за осуществление нашего социального идеала. Но для этого нам нужен мир, а не война. Мы отбрасываем идею, что прогресс осуществляется с помощью войн, наоборот, в наше время с помощью войн, вооруженного вмешательства хотят задержать прогресс. Конечно, остановить прогресс невозможно. Но история показывает, что с помощью военных конфликтов можно увеличить, так сказать, издержки общественного прогресса. Мы же стоим за то, чтобы всемерно облегчить человечеству продвижение по пути прогресса. Научная теория прогресса и социальный идеал в наше время включают требования мира, идеологической борьбы, а не борьбы с помощью атомных бомб.

АЛЕКСАНДР СОБОЛЕВ

Мне бы хотелось, со своей стороны, показать на примере, как в эпоху строительства коммунизма конкретно ставятся некоторые проблемы социального прогресса. Я

немного иначе подойду к вопросу о равенстве в удовлетворении потребностей.

Социализм уничтожил уже немало разновидностей неравенства: отменил частную собственность на средства производства, обеспечил всем право на труд как возможность получения настоящей профессии и образования; в плане политической жизни уравнил всех людей, все национальности и — что не менее важно — мужчину и женщину.

Однако при социалистическом строе возможности людей остаются различными: в отношении уровня их технических и гуманитарных знаний, их здоровья, числа членов семьи и т. д.

Распределение предметов потребления происходит в соответствии с количеством и качеством осуществленного труда. Некоторые элементы социального неравенства, следовательно, существуют, и основная задача — полностью искоренить их во время перехода к коммунизму.

Как добиться этого? ^

Личная собственность, т. е. количество предметов потребления, которые будут находиться в исключительном распоряжении того или иного члена социалистического общества, будет возрастать в абсолютных показателях по мере роста общественного богатства страны. ^

Но вместе с развитием производительных сил и укреплением социалистических производственных отношений механизм распределения будет меняться. Непрерывно будут вырастать общественные формы удовлетворения потребностей. Такие услуги, как газ, электричество, жилье, транспорт, радио, кино и другие зрелища, станут постепенно бесплатными. В то же время общество возьмет на себя расходы, связанные с содержанием, воспитанием и образованием детей. Бесплатное образование должно будет дополниться для них прежде всего бесплатным питанием, одеждой и учебниками. Я думаю, что мы все будем свидетелями того, как общество возьмет на себя полную заботу о подрастающем поколении до возраста 14—16 лет. Учитывая также и другие расходы, которые возьмет на себя общество, взрослые будут нести лишь расходы, связанные со своим питанием, одеждой и покупаемой мебелью. Но для решения этой проблемы потребуется еще немало лет.

И когда общество освободит людей от всякой материальной заботы, то равенство обретет прочную основу. Но оно зависит не только от этого. В области производства, например, различия в квалификации порождают разницу в характере труда: у одних труд носит действительно творческий характер, труд других однообразен и не требует высотой профессиональной подготовки. Эта проблема не может /быть решена одним лишь всеобщим распространением сред/ него или высшего образования. Если даже самый образованный человек занят работой на полуавтоматическом токарном станке, он не сможет придать своей работе многообразный творческий характер. Появится противоречие между природой его труда и уровнем его подготовки. Переход от социализма к коммунизму, следовательно, ставит перед человечеством один из самых серьезных вопросов, когда-либо встречавшихся в ходе его истории: полностью устранить отрицательные последствия разделения труда и — конкретно — различия между физическим и умственным трудом. Советские социологи и инженеры уже вступили в борьбу с этой трудностью. Не входя здесь в подробности, я могу утверждать, что принципиальное решение уже найдено. Речь идет о том, чтобы поднять технологические процессы на уровень

автоматизации высшего типа. Мы добьемся этого путем внедрения электронных машин и установления органической связи между навыками физического труда и применением знания. Когда будут преодолены элементы неравенства в области самого производства, человек сделает новый решающий шаг по пути своего развития.

Наконец, если между советскими мужчинами и женщинами достигнуто равенство в области производства и культурной жизни, его еще нет внутри семейного очага. Экономисты подсчитали, что в семье из трех человек (отец, мать и ребенок) жена работает на 1,5—2 часа больше, чем муж. Эта разница достигает 2—3 часов для семьи из 4 человек и увеличивается по мере роста членов семьи. От этого страдают ее культурное развитие, отдых и досуг. Необходимо, следовательно, устранить эти элементы неравенства в повседневной жизни.

Здесь встает вопрос о воспитании детей. Однако его нельзя ставить только в связи с работой и досугом матери. Воспитание подрастающего поколения зависит от направления в развитии общества. Как будет формироваться

==312

человек коммунистического общества? Этот вопрос обсуждается социологами социалистических стран. Мне кажется, что его решение заключается в совместном воспитании семьей и коллективом.

Первая проблема возникает в связи с воспитанием детей до трехлетнего возраста. Несмотря на разнообразие точек зрения, многие философы и социологи считают, что женщин, имеющих детей младше 3 лет, надо освободить от всякой профессиональной работы. Общество должно взять, на свое попечение и ребенка, и мать в силу важности выполняемой женщиной функции.

На следующих этапах будет вырисовываться сочетание общественного воспитания в детских садах и воспитания в семье. В развитом коммунистическом обществе семья действительно укрепитя, но она претерпит революционно" преобразование, связанное с исчезновением всех материальных пут и трудностей. По выражению Шарля Фурье, мы будем свидетелями семьи любви.

Наконец, развитие равенства неотделимо от прогресса свободы. Наши противники говорят, что в условиях социализма царит диктатура. Однако сегодня в Советском Союзе мы наблюдаем быстрое преобразование государственной структуры. На смену диктатуре пролетариата пришло общенародное государство. В течение тысячелетий человечество испытало классовые диктатуры — диктатуру рабовладельцев, затем землевладельцев, затем капиталистов. В борьбе против буржуазии родилась диктатура рабочего класса. Но ныне в СССР начинается исторический период, когда мы сможем с полным правом провозгласить, что в человеческом обществе не существует больше никакой классовой диктатуры.

Построение коммунизма связано также с моральным перевоспитанием человека, с завершением великого процесса очеловечивания человека. Когда будет построен коммунизм, исчезнут эгоистические тенденции, пережитки классового общества в сознании людей. Человек действительно становится человеком.

Короче, мерило прогресса — это победа гуманизма. В этом смысле коммунистическое общество представляет собой шаг вперед по сравнению с любой другой формой общественной организации. Разумеется, нам придется еще немало поспорить о планах подобного здания, о его

внутренней организации и его структуре. Нам придется сопоставлять наши взгляды о размерах комнат, дверей или окон, которые нужно сделать в нем. Но мы твердо знаем, что здание прогресса — здание коммунизма.

П. А. ШОМБАР ДЕ ЛОВ

В частной беседе после моего выступления г-н Францев говорил мне, что он не понял, почему я настаиваю на запросах и на различии между запросами и обязывающими потребностями. Он упомянул о постоянном переходе запросов в обязательства. Здесь дело лишь в моем способе выражения или просто в переводе, а по сути я хотел сказать именно это. Запросы зарождаются у населения в целом и должны постепенно приниматься во внимание. Происходит постоянный переход потребностей-запросов в обязывающие потребности. Итак, между нами полное согласие.

С другой стороны, г-н Поршнев только что заявил, что он не понял, почему ниже определенного порога жизненного уровня запросы исчезают. Я думаю, что здесь также мы вполне согласны друг с другом. Необходимо, чтобы все население могло участвовать в созидании нового общества; речь идет об уничтожении определенного числа неблагоприятных, ненормальных условий. Но если присмотреться к определенному числу людей (люмпен-пролетарии, семьи, поставленные в наиболее трудное положение), которые живут в так называемых условиях отсталости, то можно отметить, что наступает такой момент, когда материальные заботы начинают занимать такое место, что уже если не невозможно, то трудно иметь запросы и выражать их. Если в то же время наряду с материальным давлением в дело вступают другие формы давления, то тогда и только тогда трудность может действительно превратиться в невозможность.

Возьмем пример депортированных, находившихся в самых ужасных условиях. Несмотря ни на что, они сохранили некоторые глубокие стремления и запросы, потому что у них была возможность духовно восставать против угнетавшего их общества. По возвращении в свою родную страну у некоторых из них сложилось впечатление, что они

еще более несчастны, чем в лагерях: их положение на этот раз было лучше, но у них не было больше возможности ухватиться за надежду, за надежду, связанную раньше с выходом из лагеря и с возвращением в общество, где они бы нашли спасение; теперь же они вернулись в это общество, и это общество разочаровало их. Итак, исчезновение запросов предполагает одновременно низкий уровень жизни, а также уничтожение надежды.

Мне бы хотелось обратить внимание на необходимость связывать появление запросов с культурным развитием. А. Соболев, в частности, намекал на участие рабочих, на участие всего населения в управлении, в выработке законов через целый ряд звеньев. Но чтобы это было возможным, необходимо постоянное культурное развитие. Я бы хотел сравнить то, что он сказал, с другим выступлением о Советском Союзе, которое я на днях слышал. В нем описывались методы, используемые для повсеместного подъема культуры, которые позволили бы работникам заводов, колхозов и т. д. быть в курсе достаточно большого числа общих проблем, чтобы иметь возможность реально участвовать в управлении. У меня сложилось впечатление, что основная проблема, которую мы должны обсуждать сегодня и которая примыкает ко всей дискуссии, — это участие всех слоев населения в управлении

предприятием или в управлении государством. Наша задача — определить, какие слои не участвуют в нем, каковы средства привлечения их к этой деятельности, их материального, умственного и морального участия в ней, и в то же время рассмотреть, каковы в настоящей обстановке-возможности прогресса, связанные с динамизмом определенных групп определенных слоев населения.

В происходящем сегодня диалоге слишком часто, может быть, забывалось о том, что в обоих мирах, о которых мы говорили, в советском и в западном мире, были и трудности, и возможности. Я считаю, что можно было бы использовать наблюдения опыта в западном мире, опыта, который, впрочем, может быть в полном противоречии с капиталистическими структурами, при которых он приобретен; я считаю, что в этом опыте есть конструктивный момент, которым не следовало бы пренебрегать. Я думаю, что если бы вместо того, чтобы спорить, постоянно нападая на того, кто не стоит на твоей стороне, если бы вместо того, чтобы спорить о существовании технократии в СССР

==315

и критиковать ее, вместо того, чтобы лишний раз повторить критику много раз разоблаченных сторон капитализма,— если бы вместо всего этого попытались увидеть, каков наиболее конструктивный опыт, пусть даже в ограниченной области, то наша дискуссия продвинулась бы гораздо быстрее.

НАУКА И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС

НИКОЛАИ СЕМЕНОВ (СССР)

Избавить всех людей от тяжелого физического труда, от труда автоматического, не требующего работы мысли, сделать так, чтобы гнет холода, бездомности и голода не поработал людей, сделать их подлинно свободными и приобщить каждого человека к радостям творчества, наслаждению культурными, духовными ценностями — вот основная гуманистическая идея, которая в сущности близка всем честным людям, независимо от их социальных воззрений и верований.

Современная наука и техника открывают для этого все новые великие перспективы. Реализация этих возможностей в жизни определяется лишь общественным устройством и общественными усилиями.

Каковы основные научные и технико-экономические проблемы, которые определяют благосостояние людей?

Энергия

Решающее значение для уровня промышленности, сельского хозяйства, быта людей имеет энерговооруженность. Если бы можно было иметь к услугам человека электроэнергию в любой точке Земли в неограниченном количестве, то при соответствующем общественном устройстве можно было бы практически беспредельно повысить благосостояние всех членов общества. Сейчас в среднем на одного жителя земного шара приходится всего около одной десятой установленного киловатта. Это очень мало. При такой энерговооруженности тяжелый физический труд человека неизбежен, особенно в слаборазвитых в экономическом отношении странах.

==316

Однако природные ресурсы позволяют во много раз поднять эту величину. Примером тому служит наша страна, которая за 43 года увеличила выработку электроэнергии в шестьдесят раз. Ее ежегодный прирост составляет у нас ныне примерно 10 процентов. Таким образом, при соответствующей организации сил общества, при полной ликвидации угрозы войны, при раскрепощении колониальных народов и активной помощи в построении их собственной промышленности можно довольно быстро увеличить энерговооруженность мира в десять раз.

Если бы прирост добычи электроэнергии во всех странах был таким же, как у нас, то уже к 2001 году можно было бы в 40 раз увеличить производство электроэнергии и иметь в среднем по земному шару четыре установленных киловатта на одного человека. Рост населения можно было бы компенсировать за счет увеличения коэффициента полезного действия (КПД) электростанций, особенно атомных. Очень большой резерв в этом отношении представляет разработка топливного элемента, который работал бы на нефтяном и угольном сырье, так как здесь химическую энергию топлива можно в принципе преобразовывать в электрическую почти без потерь. Большие перспективы откроет также разработка магнетогидродинамического генератора, в котором, по-видимому, топливо будет использоваться с КПД 60 процентов.

И все же современные методы «добычи» энергии, в частности электрической, на базе запасов угля и нефти, залежей урана и тория и на базе гидроэнергии не вечны. Постепенно все эти запасы будут исчерпываться — ресурсы их хотя и велики, но ограничены.

Совершенно иные, ни с чем не сравнимые возможности открылись бы перед человечеством, если бы удалось осуществить термоядерную управляемую реакцию. Возможность осуществления подобных реакций под действием атомного взрыва доказана самим существованием водородной бомбы. Осуществление же непрерывной термоядерной реакции вначале казалось невозможным. Ведь при этом выделяются громадные количества тепла, и температура зоны реакции достигает сотен миллионов градусов. Это именно та температура, которая необходима для того, чтобы реакция шла достаточно быстро и сама себя поддерживала. Разумеется, из какого бы материала ни были

==317

сделаны стенки «термоядерной топки», они мгновенно превратятся в пар.

Однако советские и зарубежные физики выдвинули принцип магнитной изоляции, который решает вопрос об уменьшении передачи тепла к стенкам. Но на пути решения проблемы магнитной изоляции в условиях непрерывной термоядерной реакции стоит много серьезных трудностей. Здесь нужны дополнительные новые идеи. Так, например, внимание физиков во всем мире привлекло открытие сплавов, обладающих свойством сверхпроводимости при очень больших магнитных полях. Такие сплавы, быть может, сделают возможной магнитную изоляцию высокочастотными полями. Когда человек сможет управлять термоядерной реакцией — завтра или через много лет, — сказать сейчас нельзя. Но, я думаю, проблема эта будет решена учеными и инженерами и решена еще в нашем веке

Что даст освоение термоядерной реакции?

Энергия, выделяемая при термоядерных процессах, образуется за счет превращения легких ядер — в основном ядер дейтерия (тяжелый изотоп водорода) и лития — в более устойчивые ядра гелия. Возможна и реакция чистого дейтерия, приводящая в конечном счете к получению ядер обычного гелия и быстрых нейтронов. При превращении одного грамма дейтерия будет выделяться энергии столько же, сколько при сжигании примерно 10 тонн угля. Энергия дейтерия, который содержится в одном литре обыкновенной воды, равна теплоте сгорания 160 килограммов угля. Это означает, что в кубе воды со

стороной 230 метров заключены ресурсы, энергетически эквивалентные всей мировой ежегодной добыче угля.

При использовании термоядерной реакции для получения электроэнергии придется строить станции очень большой сосредоточенной мощности. Есть ли для нее пределы? Как это ни странно, такой предел существует, и определяется он перегревом поверхности земли и атмосферы в результате выделения тепла термоядерными реакциями. Можно считать, что средняя температура на Земле повысится на 7 градусов, если тепло, выделяющееся от термоядерных котлов, составит 10 проц. от солнечной энергии, падающей на Землю. Такое повышение средней температуры, вероятно, вызовет бурное таяние снегов Арктики и Антарктиды. Поэтому вряд ли разумно увеличивать добычу

==318

термоядерной энергии больше, чем в количестве около 5 проц. от солнечной.

Это означает, что допустимо добывать в 12 500 раз больше электроэнергии, чем сейчас. Тогда, даже если население земного шара увеличится в десять раз, на одного человека придется 125 установленных киловатт. Это очень много — в 1.250 раз больше, чем приходится на человека сегодня. Надо сказать, впрочем, что сейчас в виде электричества потребляется лишь примерно 5 проц. от общей энергии всех видов добываемого горючего. Поэтому указанный предел добычи термоядерной энергии превышает современный уровень потребления всех видов энергии на душу населения не в 1.250 раз, а примерно в 60. Однако и эта цифра колоссальна, особенно если учесть несравненно большую ценность электрического вида энергии в сравнении с тепловой.

Масштаб полученных цифр позволяет считать, что энергетические ресурсы будут достаточными для полного благоденствия человека даже при увеличении населения Земли во много десятков раз.

Столь же грандиозные перспективы откроются перед человеком, если мы научимся превращать солнечную энергию в электрическую с КПД, несколько превышающим тот, который имеет место в растениях. Солнце посылает на Землю столько тепла, что каждые две с половиной минуты можно было бы доводить до кипения такое озеро, как Севан. Большая часть этого излучения, правда, рассеивается и отчасти поглощается атмосферой, а до поверхности доходит около 40 процентов. Но если бы все то, что получает Земля от Солнца, превратить в электричество с КПД, скажем, 20 проц., то мы оказались бы богаче, чем при предельном использовании термоядерной энергии. Правда, для этого пришлось бы покрыть кассетами с фото чувствительной жидкостью всю поверхность суши и воды, не говоря уже о грандиозных технических трудностях создания таких покрытий на океанах. Но даже десятой доли полученной энергии было бы достаточно для полного обеспечения электричеством населения, в десятки раз превышающего современное.

Вот второй грандиозный потенциальный источник энергии.

Солнечная энергия имеет много преимуществ, но она крайне рассредоточена. Собирать ее надо, как урожай в

==319

сельском хозяйстве, с огромных площадей. В силу этого, по-видимому, единственный технически приемлемый путь ее сбора — покрытие поверхности слоем фоточувствительной жидкости или водной эмульсии, покрытым тонкой пластической пленкой. Богатый энергией продукт выделяется на центральной станции и используется в электрических элементах типа топливных с КПД близким к 100 про центам.

Кроме больших технических трудностей, решение этой задачи потребует значительной научной работы. Надо создать такие энергетические катализаторы, которые позволили бы с достаточно большим КПД трансформировать солнечную радиацию в химическую энергию продуктов реакции. Природа создала подобные катализаторы в растениях в виде хлоропластов или хлорофилла. Они позволяют за счет солнечного света получать из углекислоты и воды богатые энергией органические вещества с выделением кислорода. КПД этого фотосинтеза в растениях около 10— 15 процентов. А нам нужны катализаторы, действующие по этому же принципу, но имеющие КПД, скажем, в два раза больше, чем в растениях. Я думаю, что задача эта при организованной и большой научной работе окажется разрешимой.

•Перспективы, которые раскроются вслед за этим, поистине фантастичны. Если удастся достигнуть КПД преобразования солнечной энергии в электрическую, то при использовании под поверхности облучения всей площади материков (без Антарктиды) можно создать 60.000 электростанций, каждая из которых была бы равна по мощности Красноярской ГЭС. А с поверхности облучения, равной одному квадратному километру, можно было бы снимать мощность 22.000 киловатт. Это в среднем, а в южных широтах даже значительно больше. Можно представить себе, какое огромное значение это имело бы для полной электрификации сельского хозяйства, сельского строительства, быта сельскохозяйственных рабочих, для местной промышленности.

Есть еще один, третий по счету, грандиозный перспективный источник энергии — подземное тепло магмы. Здесь нет принципиальных научных неясностей, однако технические трудности использования этого источника энергии, вероятно, очень велики.

Итак, мы видим, что, помимо угля, нефти, урана и

==320

тория, есть ряд значительно более мощных источников энергии, при овладении которыми мы сможем полностью обеспечить потребности все увеличивающегося населения земного шара в электроэнергии. Важное свойство новых источников — это их практическая неисчерпаемость. Но для решения этих вопросов необходимы могучие и организованные усилия не только ученых и инженеров, но и народов всего мира.

Материалы

Для того чтобы обеспечить человека всем, что необходимо ему для жизни и труда, необходимо колоссальное количество материалов. Море электроэнергии, которое у нас будет, если мы научимся использовать термоядерную или солнечную энергию, создаст основу для неограниченного получения металлов.

Мощное применение электролиза и электротермии изменит лицо современной металлургии. Алюминий приобретет большее значение, чем железо. Вероятно, удастся широко ввести в сферу использования материалов все наиболее распространенные в земной коре элементы. Не исключена возможность, что

люди будут получать сырье из глубин недр земли — бурить до магмы и управлять ее истечением на поверхность по типу вулканической лавы. Возможно, со временем будет использовано получение руды со дна океанов.

Огромное развитие получают сплавы большой прочности, жароустойчивости и коррозионной стойкости. Что касается строительных материалов, то наряду с увеличением и коренной реорганизацией методов получения цемента и бетона необычайно расширится ассортимент неорганических строительных материалов — организованный в любом месте карьер будет давать полноценный строительный материал.

Однако наиболее характерными материалами будущего станут новые синтетические продукты органического синтеза, так называемые полимеры — пластмассы, синтетическое волокно, синтетические каучуки, кожа, мех. Несомненно, все эти материалы, созданные химией последних десятилетий, уже в этом веке станут доминирующими и в промышленности, и в строительстве, и в быту. Синтетические полимеры не только вытеснят в ближайшие

==321

десятилетия природные полимерные материалы, но и в значительной мере заменят металлы. Потому что они столь же прочны, как и металлы, более устойчивы к окислению, легче обрабатываются, а в дальнейшем, быть может, и более жаропрочны (я имею в виду неорганические полимеры). Поистине переворот произойдет в технике, когда наука откроет методы получения неорганических полимеров, обладающих нужными свойствами. Сырьевые ресурсы для их производства неисчерпаемы.

Предположим, что нам удастся использовать термоядерную и солнечную энергию. Тогда ресурсы электроэнергии будут достаточно велики, так что нефть можно будет использовать в основном на изготовление синтетических полимерных материалов.

Таким образом, при быстром и мощном развитии новых методов получения электроэнергии материалы никогда не будут лимитировать потребность людей, как бы ни увеличивалось население нашей планеты.

Электроника

Телемеханика, электроника, автоматизация производственных процессов таят в себе колоссальные возможности экономии труда человека. Используя их, человек сократит свой рабочий день на производстве, скажем, до трех-четырех часов и, следовательно, освободит необходимое время для разнообразной творческой деятельности, отдыха, спорта, искусства.

Особо важные перспективы открываются перед человечеством с быстрым развитием математической логики и устройством счетных электронных машин. Если обычно машины, производящие механическую работу, освобождают человека от тяжелого физического труда, то электронно-счетные устройства призваны освободить человека от таких видов умственного труда, которые не требуют творческой мысли и носят в значительной мере автоматический характер. Это, например, управление автоматическими линиями производства, управление движением транспорта, многие виды канцелярской работы.

Но этого мало. Электронные машины сделаны так, что в более или менее узкой сфере их специализации присущая этим машинам «память», а также быстрота и точность анализа данных бесконечно превосходят человеческие

==322

возможности. Счетные машины ближайшего времени будут способны давать информацию по огромному количеству материалов, и притом информацию систематизированную и частично проанализированную. Это исключительно расширит возможности творческой работы человека, так как освободит его мозг от запоминания и первичного анализа огромного фактического материала, который необходимо учитывать в современном научном и любом другом творчестве.

А ведь именно непрерывное увеличение научного материала в результате бурного развития науки затрудняет широкое обобщающее научное творчество, мешает всестороннему рассмотрению явления, превращая ученых в очень узких специалистов. Электронные машины призваны снять это противоречие и таким образом позволить человеку в гораздо большей, чем сейчас, степени сосредоточить свои умственные силы на собственно творческом процессе.

Хлеб насущный

Переходим к вопросу о питании. Этот раздел мы обсудили с профессором Нечипоровичем. Еще большая часть человечества, особенно в колониальных странах и странах экономически угнетенных, сейчас недоедает, и есть места, где голод — частый гость. Между тем уже одно улучшение методов обработки, удобрения и ирригации имеющихся пахотных земель до наиболее высокого современного уровня (не говоря уже о расширении посевных площадей) обеспечило бы высококачественное и абсолютно достаточное питание не только всему современному населению земного шара, но и много большему. Этого было бы легко достигнуть, если бы народы приложили к этому совместные организованные усилия.

Известно, что при достаточно высокой агротехнике и механизации, при достаточном количестве влаги можно получать урожаи порядка 15 тонн сухого вещества на один гектар. Так, в наших передовых совхозах и колхозах собирают урожаи зеленой массы кукурузы 1.000 центнеров с гектара. Принимая, что вес сухого вещества составляет здесь пятую часть, этот урожай соответствует 20 тоннам сухого продукта с гектара. Примерно то же относится и к культурам свеклы и зерновых.

Если посевы предназначены для питания людей (например, зерновые), то из указанных 15 тонн сухого

•

==323

органического вещества примерно 6 тонн может быть непосредственно использовано для пищи людей. Если посевы предназначены для корма скота, то используются все 15 тонн. Но небольшая часть этого продукта, а именно десятая — 1,5 тонны, возвращается от сельскохозяйственных животных уже в виде мяса, молока, масла, сала, яиц (это тоже в расчете на сухой вес).

Нормальный рацион человека — около одного килограмма сухого веса пищи в день, причем растительная пища должна составлять примерно 750 граммов, а животная — 250. Значит, в год

человеку нужно 270 килограммов растительной и 90 килограммов животной пищи. Населению Земли в три миллиарда человек на год надо 800 миллионов тонн растительной и 270 миллионов тонн животной пищи в сухом весе. На все это, конечно, при условии, что люди научатся получать большие урожаи, потребовалось бы всего 130 миллионов гектаров под культуры, нужные человеку, и 180 миллионов гектаров под кормовые культуры для сельскохозяйственных животных. Это 2,2 процента от площади земной суши (не считая Антарктиды). А на самом деле еще меньше — ведь в южных районах можно собирать 2—3 урожая в год.

Но я не вижу причин, по которым при должной агротехнике и ирригации мы не сможем в будущем освоить под посевы, например, до 30 проц. суши. Если у нас будут практически неисчерпаемые запасы энергии для организации полива и отопления парников и теплиц, если мы научимся делать дешевые и прочные пленки из пластмасс для парников, для укрытия почв, для прокладки их под песчаные почвы, то это даст возможность дальше расширять посевные площади, снимать еще более высокие урожаи.

В этой связи стоит рассмотреть вопрос о предельно возможных урожаях. Известно, что для фотосинтеза используются лишь видимая и ультрафиолетовая части спектра, т. е. приблизительно половина общей солнечной радиации, падающей на Землю. Теоретически КПД фотосинтеза, измеряемый по величине химической энергии, запасенной в продуктах, составляет 25—30 проц. от поглощенной в листьях солнечной радиации. Вследствие прозрачности листьев и отражения света от их поверхности, а также учитывая, что лишь 50 проц. солнечной радиации используется в фотосинтезе, КПД фотосинтеза в расчете на общую падающую на Землю радиацию теоретически

==324

может достигать 10 процентов. Близкие цифры реально получены при культивировании хлореллы, где суспензии клеток в воде создают сплошной поглощающий слой. Так как мы знаем среднее количество солнечной энергии, падающей на каждый гектар за время вегетационного периода солнечной энергии, а также учитывая, что в ранней стадии вегетации листья не покрывают всей поверхности почвы, то мы можем подсчитать максимально возможную урожайность с гектара. Она оказывается значительно (примерно в 5—6 раз) больше, чем указанные 15 тонн в сухом виде. Таким образом, у нас есть значительные перспективы дальнейшего подъема урожайности. И при должной организации сельского хозяйства в мировом масштабе, применяя к сельскому хозяйству все возрастающие возможности науки и увеличенное производство электроэнергии, можно обеспечить полноценное питание населения, даже в десятки раз большего, чем сейчас.

Две проблемы

Какие главные принципиальные проблемы науки сегодняшнего дня стоят перед нами? Я вижу две такие проблемы.

Одна из области физики — создание теории элементарных частиц и теории поля. Это касается едва ли не самой важной тайны природы, тайны, определяющей основы мироздания. Я думаю, что огромную роль в изучении и решении этого вопроса будут иметь эксперименты в космосе. Вполне вероятно, что со временем окажется возможным создать лаборатории с научными сотрудниками и совершеннейшими приборами на грандиозных искусственных спутниках Земли или даже на Луне.

Вторая главная задача лежит в области химии и биологии — это создание молекулярно-физико-химических основ процессов, происходящих в живых организмах, иначе говоря, раскрытие тайн жизнедеятельности. За последние годы в область биохимии и биологии наряду с биохимиками устремились лучшие физики и химики во всем мире.

Белки и нуклеиновые кислоты — главные составные части живой материи не только в количественном отношении, но и в смысле той активной роли, которую они играют в жизни, т. е. в процессах обмена веществ, роста и деления клеток, наследственности. Эти очень сложные

»

==325

полимерные молекулы являются не только материалами, но и, так сказать, молекулярными машинами, осуществляющими с необычайной специфичностью и легкостью разнообразные химические реакции в организме, трансформирующие с высоким коэффициентом полезного действия один вид химической энергии в другой, химическую энергию в механическую энергию и так далее. Белки и нуклеиновые кислоты — это по существу большие полимерные молекулы, содержащие сотни и тысячи мономерных групп. Но количество сортов этих групп невелико: всего около 25 различных сортов аминокислот во всех белках и всего 4 пуриновые и пиримидиновые группы у нуклеиновых кислот. Во всех живых организмах виды белков отличаются друг от друга: 1) чередованием и количеством этих двух десятков аминокислот; 2) взаимной ориентацией групп, определяющей форму полимерной молекулы белка. В каждом данном организме каждый вид белка имеет абсолютно строгое чередование и форму, столь же строгую, как, скажем, самолеты данной конструкции, выходящие с поточной линии производства, как изделия, выходящие из-под штамповочной машины.

Оборудованием, с помощью которого синтезируются белки и нуклеиновые кислоты, служат сами молекулы нуклеиновых кислот, материалом — продукты пищеварения у животных, продукты фотосинтеза, азотные и другие имеющиеся в почве соединения у растений.

Таким образом, в живом организме процессы синтеза сложнейших полимеров идут путем применения каких-то совсем иных физико-химических принципов, чем те, которые мы сами применяем в наших лабораториях. Практически мы не в состоянии осуществить такие сложные синтезы. Жизнь организма, кроме того, сопровождается и определяется множеством других более простых реакций, которые протекают под действием разнообразных катализаторов организма, так называемых ферментов. Большинство ферментов имеет активную группу, содержащую атом того или иного металла — железа, молибдена, марганца и тому подобное, соединенную с белковой молекулой. Для каждой реакции есть свой фермент, являющийся катализатором, неотравляемым и исключительно специфическим, в том смысле, что он проводит строго определенную реакцию в среде, где существует много разных других молекул. Подобных катализаторов мы не знаем в обычной химии, хотя

==326

многие реакции такого рода мы можем проводить. Ферменты работают на каких-то совсем иных физико-химических принципах, чем наши катализаторы, и могут проводить процессы в таких условиях, при которых мы эти реакции осуществить не в состоянии. Так, например, ферменты азотных бактерий при обычных температурах и давлениях легко химически фиксируют азот воздуха, в то время как на наших заводах, производящих азотные удобрения, мы должны получать чистейший водород, например, из метана, чистейший азот из воздуха и соединять их в аммиак при очень высоких давлениях и температурах.

Особенно замечательна функция биополимеров как хороших трансформаторов энергии, например, химической энергии, освобождающейся при окислении элементов пищи в механическую работу мышц.

Мы в наших обычных машинах производим эту операцию так: сжигая топливо в котле, получаем тепло, за счет которого получаем водной пар,двигающий поршень паровой машины или вращающий турбину. Это очень невыгодный процесс, потому что благородную химическую энергию, которую в принципе можно без всяких потерь переводить в механическую, мы превращаем сначала в низшую форму — тепловую энергию, а затем используем тепло для получения механической работы. Молекулярная машина организма (мышца) действует иначе Там имеются специальные молекулы, содержащие фосфор. Эти молекулы играют роль микроскопических «комков», запасующих химическую энергию, выделяющуюся при реакции окисления пищевых продуктов, но не в виде тепла, а в виде химической энергии. Присоединившись к молекуле мышечного белка, молекула, содержащая фосфор, передает каким-то пока не известным нам путем свою энергию молекуле белка. Под действием этой энергии в молекулах белка происходит недостаточно нам пока известная перегруппировка, которая приводит к изменению формы белковой молекулы, — это выражается в сокращении мышцы. Как видите, это совершенно иной тип машины, чем наша, и работает эта машина с коэффициентом полезного действия близким к 70 процентам.

Химики и биохимики всего несколько лет интенсивно изучают молекулярную биологию Ученые получили первые сведения о химической структуре и внешней картине явлений, механизм которых пока от нас скрыт. Нам нужно проникнуть в механизмы штампования молекул белка и

==327

нуклеиновых кислот, каталитического действия ферментов, преобразования энергии. Сейчас работа в этой области во всем мире направлена на раскрытие сущности биологических процессов. Ее цель — понимание природы биологических процессов, отыскание путей рационального воздействия на организм химическими средствами, в частности, для лечения человека. Это, конечно, очень важное направление для развития биологии.

Но меня лично интересует не эта сторона дела. Меня интересуют перспективы, которые открывает это исследование непосредственно для химии. Я уверен, что раскрытие физико-химических принципов указанных жизненных процессов позволит нам, используя эти принципы, осуществить подобные процессы вне организма. Осуществить, не повторяя природу, но в совсем иных химических системах. Наблюдение за полетом птицы позволило создать теорию крыла, а затем и самолеты. Самолет — совсем не птица, но в определенном отношении, а именно в смысле мощности и скорости движения, он несравненно превосходит птицу. Это, конечно, грубый пример, но я уверен, что и здесь, поняв принцип действия белков и нуклеиновых кислот в организме, мыслимо создать общую теорию процессов в высокоорганизованной материи. Используя все богатство химических соединений, находящихся в нашем распоряжении, мы сумеем создать катализаторы, подобные ферментам, но еще более мощные, использовать солнечную энергию лучше, чем это делают растения, построить машины, подобные мышцам, пусть менее универсальные, но более мощные, и т. п.

Думается, что в результате исследования механизма химических процессов в организме и нахождения тех новых физико-химических принципов, которые лежат в их основе, мы придем к будущей великой революции в области химии, химической промышленности, быть может, металлургии, энергетики и машиностроения.

Творчество 1

Цель, идеал общественного прогресса можно сформулировать примерно следующим образом: максимальное

i Этот раздел написан академиком Н. Н. Семеновым совместно с доцентом Ю. Н. Семеновым. Он послужил основой соответствующего раздела доклада, который был прочитан Н. Н. Семеновым в Сорбонне.

==328

счастье для максимального количества людей — практически для всех. Первой предпосылкой для этого, естественно, является полное удовлетворение различных материальных и культурных потребностей каждого человека.

За последние 20—30 лет темпы развития науки и техники приобрели совершенно исключительные, ранее невиданные масштабы, и трудно представить себе, с какой головокружительной быстротой будут развиваться далее возможности овладения человеком силами природы. Это создает совершенно реальную научно-техническую базу для осуществления любой степени благоденствия всех людей всего мира. В сущности лимитировать этот процесс будут не научно-технические возможности, не ресурсы труда и средств, но общественное устройство, в особенности противоречия капиталистического строя, опасность войн, колониализм.

Однако удовлетворение материальных и культурных потребностей при всей его первостепенной важности само по себе еще недостаточно для счастливой жизни людей на земле, хотя это, конечно, основная предпосылка для полноценной духовной деятельности человека. Человек по природе своей не только потребитель, но и творец материальных и духовных ценностей. Потребность в творческой деятельности — не только одна из самых благородных, но и одна из самых первичных, глубоких и неискоренимых потребностей человека.

Творческое начало в жизни и деятельности — в большом или малом — в сущности главное условие подлинного счастья каждого человека, достойного этого имени. Опыт жизни людей — от гениев до самых скромных тружеников — показывает, что наслаждение творчеством в труде или в других проявлениях жизни — высшее из всех наслаждений.

«Низменные» интересы в сущности являются второстепенными для человека, и, как правило, их гипертрофия наблюдается тогда, когда нет условий для полноценной творческой жизни и деятельности.

Для того чтобы каждый человек мог проявлять заложенные в нем творческие силы и получать от этого наслаждение, нужен определенный уровень образования, знаний, эстетических вкусов, морали, политической зрелости и т. п.

==329

А для этого необходимы такие экономические и социальные условия во всем мире, которые обеспечивали бы возможности всестороннего развития творческой деятельности всех людей.

В капиталистическом мире создание таких условий не ставится как общественная цель. В условиях социализма забота о каждом человеке, об удовлетворении его материальных и культурных

потребностей, о максимальном развитии и проявлении его творческого потенциала является главной и основной целью общества

Выдающиеся творческие деятели существовали и до бивались успеха во все времена, даже в самые мрачные. Но это не решало и не могло решить основной задачи, ибо главное для создания счастливой жизни человечества в том, чтобы духовная творческая деятельность в той или иной мере стала присущей каждому. Таким образом, величайшая задача общественного прогресса заключается в приобщении к активной и всесторонней творческой деятельности широчайших народных масс.

Между творческой деятельностью выдающихся людей, творчеством профессиональных деятелей культуры и массами населения существует глубокая органическая связь. Творчество высокоодаренных профессиональных деятелей культуры может по-настоящему развиваться и достигать подлинных вершин только при условии тесного взаимодействия с массами, когда массы по-настоящему заинтересованы в этом творчестве и обладают высокими культурными запросами. История показывает, что именно в таких случаях возникают эпохи удивительно быстрого развития и расцвета искусства, литературы, философии, науки. Для подтверждения вспомним хотя бы об удивительном расцвете скульптуры, архитектуры, театра и философии в Древней Греции. И, конечно, одной из важнейших причин высокого развития эллинской культуры было то, что она опиралась на высокие эстетические запросы сравнительно широких слоев населения. Нельзя не вспомнить и неутолимую жажду эллинов познать законы мироздания.

Активный интерес масс к творческой деятельности выдающихся мастеров науки, техники, культуры всегда окрыляет творчество последних и одновременно является побудительной причиной для развития творческого начала в жизни и труде простых людей, становящихся

==330

непосредственными участниками создания не только материальных, но и духовных ценностей. Непосредственное участие народных масс в создании великих творений духовной культуры своего времени часто очень трудно проследить, однако подлинные гении хорошо его чувствуют. «Создает музыку народ, а мы, художники, только ее аранжируем»,— говорил великий русский композитор Михаил Глинка.

Что касается современной науки, то в наше время, как никогда, ее развитие стало делом коллективным. Талант выдающегося ученого или изобретателя, как правило, проявляется и обогащается только через коллектив, с ним связанный, через школу, им созданную, через производственников, воплощающих в жизнь его теории и проекты. Вне и без большого коллектива соратников, помощников и последователей современный деятель науки и техники рискует оказаться совершенно бесплодным, как бы ни велика была его одаренность.

Широкие народные массы все больше интересуются наукой. Однако настоящего ее расцвета следует ожидать тогда, когда научно-техническая самодеятельность превратится в одну из основных потребностей людей.

Поскольку любой создатель духовных ценностей живет в обществе и является его членом, именно общество, его структура, социальный строй в значительной мере определяют направление и возможности творчества. С этой точки зрения духовная деятельность тогда наиболее свободна, когда она не зависит от влияния отдельных людей или узких групп (такая зависимость характерна для

капиталистического строя), а сознательно подчинена интересам всех людей и поддерживается обществом материально и морально

Наличие реальных возможностей для духовного творчества лишь у «избранных» слоев населения — у так называемой «творческой элиты», недостаточная заинтересованность и недостаток предпосылок для активного участия народных масс в духовном прогрессе, разобщенность, бесплановость и господство индивидуалистического начала в духовном творчестве — все это роковым образом тормозило и тормозит духовный прогресс человечества

Исходя из цели и идеала общественного прогресса — максимального счастья для всех людей,— уже в течение более полутора веков сначала передовые мыслители, а

==331

затем постепенно все более и более широкие круги людей во всех странах мира приходят к сознанию, что насущно необходимо коренным образом перестроить всю жизнь общества. Достижение указанного общественного идеала немыслимо без создания для всех людей возможности проявлять свои творческие силы. Оно немыслимо без освобождения народных масс от тяжелого физического и механического умственного труда, иными словами, оно требует изменить характер их труда и увеличить их досуг, для этого нужна высокая степень автоматизации производства. А такое переустройство немыслимо без уничтожения стихии частнособственнических отношений и возможности эксплуатации человека человеком, не говоря уже об эксплуатации одних наций другими. Вряд ли оно возможно и без ликвидации господства стихийных общественных сил над людьми и замены царства общественной стихии плановой социально-экономической системой, управляемой на началах разума и справедливости. В условиях такой системы вся производственная деятельность должна быть направлена непосредственно на увеличение благосостояния всех людей а в связи с этим кризисы перепроизводства и безработицы становятся принципиально невозможными.

Войны как средство разрешения международных конфликтов должны быть устранены из мировой политики и соответственно ликвидированы непроизводительные затраты на военное производство и содержание армий.

Мы считаем, что наша советская общественная система, основанная на принципах научного социализма на учении Маркса — Ленина и развивающаяся к коммунизму, отвечает всем выдвинутым выше требованиям. Коммунистические идеалы ведь как раз в том и состоят, чтобы каждый человек мог в максимальной степени удовлетворить свои материальные и культурные потребности и максимально развивать и применять свои творческие способности на благо общества и одновременно в своих собственных духовных интересах.

> Каковы бы ни были трудности, возникающие на нашем пути к коммунизму, мы неуклонно, успешно и притом невиданно быстрыми темпами поднимаем экономический и научно-технический уровень нашей страны, страны, которая сорок с небольшим лет назад была очень отсталой в технико-экономическом отношении. Чрезвычайно быстро решает

==332

наша страна центральную задачу духовного прогресса — приобщение широчайших народных масс к творческой духовной деятельности.

Прежде всего мы создали поистине всенародную систему образования, которая даже противниками нашего строя за границей признается наиболее эффективной. Мы стремимся далее совершенствовать эту систему, в частности путем максимального развития элементов творческой работы в средней и высшей школе, открывая вечерние и заочные факультеты непосредственно при заводах и стройках для рабочих, желающих получить высшее образование без отрыва от производства.

Существуют и другие массовые общественные формы, которые доносят знания до рабочих и колхозников. Прежде всего лекционная деятельность существующего в нашей стране Общества по распространению политических и научных знаний. Оно включает в себя республиканские, областные и городские организации, а также свыше 70 тыс. групп общества на предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах. Это общество объединяет свыше одного миллиона членов, которые ежегодно читают более десяти миллионов в основном бесплатных лекций.

Научно-техническая самодеятельность рабочих — движение рационализаторов производства и передовиков сельского хозяйства, рабочее изобретательство, соревнование за звание коллективов коммунистического труда — приобретает на наших глазах поистине массовые масштабы. Наряду с дипломированными инженерами и учеными передовые рабочие — новаторы производства во все возрастающей степени становятся также творцами новой техники. Можно сказать, что труд наших рабочих и крестьян с каждым годом все более наполняется духовным содержанием и превращается в труд глубоко осмысленный и творческий.

Стремление создать счастливую жизнь всем людям жизнь материально обеспеченную и полную духовных радостей творчества, где каждый человек в меру своих индивидуальных способностей становится создателем техники, науки, искусства, морали общественного устройства, — это стремление понятно и желанно всем народам всех стран. Это общий идеал всех честных людей. Реализация этого стремления и есть общественный прогресс, который поможет человечеству прийти к наиболее справедливому общественному устройству — к коммунизму.

»

==333

ДИСКУССИЯ

жан валь

Вполне можно представить, что нам говорят: «Это в конце концов две буржуазные идеи: идея счастья и идея свободы». Но я вижу, что нам говорят не это. Тогда что же такое счастье, каково отношение счастья к благосостоянию? В конце XVIII века революционер Сен-Жюст говорил, что счастье — новая идея. И сегодня также — здесь я вполне согласен с г-ном Семеновым — оно представляется новой идеей. Но что же такое счастье? Я вижу, что идея счастья, как он ее понимает, настолько широка, что, может быть, нет противоречия между тем, что я думаю, и тем, что он говорит. Но я хочу заметить, что счастье и эстетическая деятельность, если взять всего лишь одну из форм нашей деятельности, развиваются во всякого рода состояниях; эстетическая деятельность развивается, может быть, лучше, когда все люди свободны, однако этим не сказано, что при том или ином отвратительном строе эстетическая деятельность не может развиваться полностью. Факт, например, что Вергилий создал прекрасные вещи и что он писал во времена Августа, когда не было идеального строя, что Данте и, очевидно, Шекспир также писали не при идеальном строе.

Вопрос в том, чтобы выяснить связь между различными формами деятельности, и я спрашиваю себя — здесь я буду немного дерзок, — не вредит ли очень большое счастье некоторым формам эстетической деятельности? «Цветы зла» Бодлера не были бы желательны и не появились бы при коммунистическом строе — это очевидно; однако они есть и принадлежат к сокровищнице человечества. Так же обстоит дело и с произведениями, о которых я говорил. Так же обстоит дело и с творчеством, которое могут объявить достойным осуждения, — с творчеством Кафки. Итак, что касается меня, то мне кажется, что в предлагаемой нам концепции излишне много морали. Употребляя выражения Кьеркегора, можно сказать, что частично я нахожусь на эстетической стадии, а частично перехожу на религиозную стадию. Когда же мне предлагают этику, то, признаюсь, у меня возникают некоторые подозрения. Г-н Гароди скажет мне, что то, чего я хочу, — это трагическая, трагико-эстетическая концепция. И мне нечего ответить, кроме как

==334

задуматься над тем, чем окажется это искусство и что такое искусство, когда оно воспеваает то, о чем поют советские колхозники, советские граждане, о которых нам рассказывалось. «Борис Годунов» появился не в современном обществе. В этом и заключается вопрос, и я оставляю его в состоянии вопроса.

Капитализм тормозит, говорят нам, развитие производительных сил, он часто приводит к уничтожению огромных материальных богатств. Но нужно было бы сравнить это достойное сожаления уничтожение с остальными последствиями и с принципами данного общества.

Другое, что поражает, — это сходство между обществом, как оно выглядит в Америке, и обществом, как оно выглядит в СССР, несмотря на их принципиальные различия. Нет ли в этом чего-то похожего на хитрость разума, разума, по правде сказать, больше хитрого, чем разумного?

В своем выступлении г-н Поршнев показывал нам, что строители долменов и кромлехов сменяются строителями пирамид и храмов, городов и дорог. К какому же, может быть, ужасному зданию будущего ведет нас хитрость разума, о которой мы только что говорили?

Я немного усиливаю трагическую сторону, но несомненно, что в условиях весьма нищенских цивилизаций были созданы прекрасные творения, как, например, этот замок, в котором мы собрались.

Итак, я не знаю.

Мы несколько обеспокоены, читая в докладе г-на Семенова, что достигнутый за последние 30 или 40 лет прогресс науки и техники позволяет удовлетворить во всех отношениях материальные и духовные потребности человека; он обеспечивает развитие его творческих сил во всех областях. Уверены ли мы, что во всех отношениях и во всех областях потребности удовлетворены и что развитие творческих сил обеспечено? Более того, что касается удовлетворения всех потребностей, то нужно сказать, что у нас есть потребность иметь неудовлетворенные потребности, чтобы происходило нечто вроде сублимации, как говорят психоаналитики (о которых, к счастью, мало говорилось, но которые тем не менее существуют). Большое впечатление производят как тексты докладов, имеющиеся в нашем распоряжении, так и достижения и победы советской науки.

Только что говорилось об удовлетворении

==335

материальных и духовных потребностей. Именно это «и» меня и беспокоит. Какова связь между материальными потребностями и духовными потребностями? Я говорю о слове «и» и прошу за это прощения. Г-н Семенов сказал нам, что в СССР государство и общество планируют научные исследования. В другой раз нам говорят: государство и партия; затем нам говорят: наука и техника. Это, конечно, микроанализ, но я спрашиваю себя, что же означает слово «и» в этих различных случаях. Мне скажут, что между ними есть аналогия, но я спрашиваю, какова связь между этими различными элементами?

Я думаю, что философов, которые, начиная с Платона, уделяют такое большое внимание самым мелким элементам языка, не будут упрекать за то, что они так пристально интересуются в данном случае частицей «и».

Мы хотели бы привлечь внимание к трудности включения в общий экономический план научных исследований, например, в области чистой математики. Мне, может быть, скажут, что я не прав. И, несомненно, одной из сторон величия СССР является то, что он обеспечил полную поддержку той области математических исследований, которая считается фундаментальной. Но можно ли здесь составлять планы? Естественно, по мере того как ученые приходят к правильным и плодотворным результатам, их работы будут включаться в общий экономический план, но, может быть, их нельзя включать в него заранее. Сам г-н Семенов сказал, что связь между гениальным человеком, если этот термин еще приемлем, и остальными является чем-то важным. Достаточно прочитать переписку Декарта, чтобы увидеть всю связь, существовавшую между Декартом и остальными; здесь имело место нечто вроде совместных изысканий, сегодня это называется коллективом. Но гений Декарта, гений Ньютона, гений Эйнштейна остаются...

ЛЮСЬЕН ГОЛЬДМАН

Я рад, что г-н Валь поставил проблему прогресса в связи с проблемой литературного творчества. Действительно, до тех пор пока дискуссия остается в области абстракций, существует опасность, что она замкнется в кругу готовых формул и останется в плену идеологий, вместо того чтобы вступить на путь изучения реальности.

Мне бы хотелось высказать перед вами несколько

==336

мыслей относительно одного конкретного исследования, которое находится сейчас в стадии разработки и касается социологии романа. Анализ этот еще не закончен. Однако он уже позволяет мне высказать определенные гипотезы и выделить некоторые общие идеи не о человеческом развитии в целом, а о прогрессе в области культурного творчества в современных западных странах. Роман — не единственная литературная форма на капиталистическом Западе. Я сам, например, рассмотрел в одной из своих книг трагедию. Не перестали существовать ни поэзия, ни театр. Но есть одна литературная форма, тесно связанная с французским капиталистическим обществом, беспрестанно изменявшаяся вместе с ним в ходе его эволюции, — это роман. Однако я считаю, что написанные до сих пор исследования, как марксистские, так и немарксистские, не смогли с достаточной ясностью выявить эту связь между литературной формой романа и капиталистическим обществом. Решить эту конкретную проблему — значит добиться в то же время большей ясности в проблеме развития и перспектив культуры в западном мире.

Что такое роман? Наиболее приемлемый ответ я нашел до сих пор в двух произведениях: в работе Лукача от 1920 г. «Теория романов» и в очерке «Романическая истина и романическая ложь» Жирара (мне не известно, читал ли последний Лукача или нет, но он высказал ту же гипотезу).

Роман представляется им историей неполноценного поиска в неполноценном обществе. Этот поиск неполноценен во многих отношениях, но основным является то, что между героем романа и социальной средой нет единства. Например, именно рыцарские ценности придают структуру «Дон Кихоту». Проблема заключается не в том, принимаем ли мы их или отвергаем. Мы пытаемся понять произведение искусства, исходя из его собственного значения. Поиск Дон Кихота, несомненно, является неполноценным по отношению к рыцарским ценностям, которые тот воспринимает через кривое зеркало рыцарских романов, т. е. под углом зрения совершенно абсурдным и, следовательно, не имеющим никакого отношения к подлинным рыцарским ценностям. И, с другой стороны, неполноценность общества, в котором происходит поиск, также реальна. Поиск имеет место не в рыцарском, а в другом, существенно отличном от него обществе. Только в этих условиях может

==337

появиться роман, являющийся эпической формой и предполагающий, следовательно, определенную общность между персонажем и миром, но в то же время представляющий собой частную эпическую форму романа, которая предполагает непреодолимую пропасть между героем и миром, в котором происходит поиск.

Итак, вот гипотеза, которую я хотел бы предложить вам для обсуждения. Где в этом романе рыцарские ценности? Где подлинные ценности в любом крупном романе — от «Дон Кихота» до Кафки? Эти ценности — не в голове героя романа, поскольку все его мышление, все его сознание неполноценны. Как говорит Лукач, герой — личность проблематическая, часто преступная или довольно безрассудная, это не положительный герой, способный бороться за ясно осознанные им ценности. Эти ценности не заключены также и в обществе, поскольку это общество есть общество «условного», общество неполноценное. Оно может содержать некоторые положительные элементы, но его структура не определяется подлинными ценностями мира романа. Тогда в сущности они находятся каким-то образом в голове романиста; это и заставляет Лукача сказать: «Роман — единственная литературная форма, где этика романиста есть эстетическая проблема произведения».

Ударение ставится на «этике», в голове романиста эти ценности представлены абстрактно, иначе бы он не рассказывал о неполноценном поиске, а воссоздал бы мир, построенный на этих ценностях. Он пишет роман потому, что приобрел уверенность в том, что даже его собственные идеи могут быть лишь неполноценными, абстрактными, этическими перед лицом общества, перед лицом мира, который или отрицает или игнорирует их.

Вот почему большинство крупных романов заканчивается обращением героев по примеру романов «Дон Кихот», «Красное и черное», «Обретенное время» Пруста. Это обращение не означает признания подлинных ценностей; роман стал бы тогда бесполезным, и писатель обратился бы к эпосе или другой литературной форме. Но персонаж признает тщетность, неполноценный характер своего поиска и оказывается в положении романиста, т. е. отдает себе отчет, в том, что нет никакого средства осуществления подлинного поиска. В сущности это обращение — не начало новой жизни, это — конец романа. Это то, что

Лукач называл невысказанной иронией романа, а Жирар — невысказанным юмором романа.

Такова схема. Лукач не был социологом, Жирар даже убежден, что никакая социология не могла бы дать эту схему. Однако здесь вырисовываются возможности марксистского анализа романа. До сих пор, когда мы — я и большинство марксистских мыслителей — размышляли над романом, мы не могли прийти к окончательному заключению, потому что мы применяли марксову схему, пригодную для всей истории, но не вводили в нее самой важной модификации, на которую указывали Маркс и Лукач в связи с анализом роли сознания внутри капиталистического общества. Проблема именно в этом. Марксисты объясняли нам, что в капиталистическом мире развитие фетишизации подавляет основные ценности, ценности человеческого сообщества и заменяет их личным интересом «экономического человека». Весь социологический, экономический анализ, данный марксистами, характеризует буржуазное общество как общество с деградирующим сознанием, с заменой качественной стороны количественной. Это, впрочем, не мешало марксистам и мне, как и остальным, разрабатывая социологию литературы, обращаться к старым схемам, исходящим из состояния производительных сил, чтобы определить затем место производственных отношений, идеологических течений и, наконец, литературного творчества. Но если теория фетишизации серьезна, то идеологический элемент должен ослабевать, и мы должны иметь дело с явлением, в котором сознание все больше достигает стадии прямого отражения. И вот оказывается, что романическая форма романа, как я вам только что ее описал, строго отражает развитие рынка. Что такое в действительности появление рынка? Это затушевывание нормального и здорового отношения людей к вещам, т. е. отношения к потребительной стоимости, это та власть, которую приобретают тогда над нами одежда, обувь, дом... Отношение к вещам постепенно заменяется неполноценным посредничеством, количественным посредничеством цены. Потребительная стоимость выполняет в производстве функцию, подобную рыцарским ценностям в «Дон Кихоте», любви мадам де Реналь в «Красном и черном», ценностям, которых ищет рассказчик в романах Пруста. Ибо, в конце концов, даже в капиталистическом мире фетишизации и рынка именно потребительная стоимость царит, в конечном счете, над

*

производством: обувь производится в определенном количестве в соответствии с платежеспособным спросом, дома строятся в зависимости от платежеспособного спроса, все это сопровождается кризисами, развивается неравномерно, но не без всякого правила. Каждый раз, когда ее игнорируют, потребительная стоимость проявляет свое действие в форме перепроизводства и кризиса. Таким образом, она царит над рынком. Однако в сознании людей существует непосредственно только меновая стоимость. Лишь понемногу потребительная стоимость, несмотря на все, оказывается необходимой.

Невозможно представить себе, чтобы один человек смог произвольно создать форму романа, такую, как я вам ее описал, еще труднее представить, чтобы эта форма, силой какого-то необычайного чуда, была воспроизведена столькими писателями. Классический роман — это история неполноценного поиска, структура которого определена скрыто предполагаемыми ценностями, которые утверждаются как реализующиеся в виде искаженных и опосредствованных ценностей в условном обществе; т. е. роман — это перенесение в план литературного творчества того, что мы делаем ежедневно. Вот первое положение, которое я предлагаю вашему вниманию.

Второе мне кажется еще более важным: как это происходит? Легко сказать: прямое отражение экономики в сознании и на литературном творчестве. Но возникает вопрос: если не обращаться к представлениям о каком-либо «объективном духе» или общей идее, то каков тот совершенно конкретный процесс, который позволяет подобное творчество?

Так мы приходим к постановке коренных проблем: каковы перспективы и условия эволюции культуры в капиталистическом обществе? Не по мановению волшебной палочки и не путем стихийного творчества экономика и повседневная жизнь людей оказываются вдруг воплощенными. не проходя через оформившееся коллективное сознание, в соответствующих формах в голове романиста или романистов. Существуют, конечно, процессы опосредствования. Мне кажется, на заднем плане романического творчества заметна смутная, но общераспространенная в капиталистическом мире позиция, враждебная фетишизации. Во всяком случае, процесс фетишизации вызывает сопротивление. Оно скорее аффективного характера, малоосознанное,

==340

принимаящее часто форму романтического сопротивления, но оно существует и находится на заднем плане всего романического творчества на всем протяжении истории капиталистического общества. Имеется здесь лишь один важный элемент преобразования, на котором мы остановимся ниже.

То, что прежде всего характеризует роман, достойный этого названия,— это отсутствие полностью положительного героя, поскольку нет ясно осознанных ценностей. Когда социальная группа оформляет в своем сознании определенное число ценностей, писатель может создать персонаж, соответствующий этим ценностям. Но когда ценности становятся скрытыми, то под пером писателя существует лишь личность проблематическая.

Итак, фон, на котором развивалось литературное романическое творчество, — это прежде всего существование аффективной реакции, чувства тревоги и иногда противодействия, в зависимости от различных индивидуальностей по отношению к постепенной замене нормальной качественной связи человека с природой и с окружающими его людьми количественным ее выражением.

Но необходимо рассмотреть еще, как происходит этот прямой перенос повседневной жизни, создающий роман, и какие преобразования при этом имеют место.

Итак, вот мое третье положение. В капиталистическом либеральном обществе и даже после его исчезновения, поскольку надстройка живет дольше базиса, в плане литературного творчества существовала оформленная в определенных понятиях идеология, принесенная капиталистическим обществом. Мы называем ее либеральной идеологией или, в ее наиболее положительных формах, идеологией формирования, идеологией развития индивида. Господствующее положение в этой идеологии занимали четыре ценности, которые являются, впрочем, подлинными, но лишенными исторического характера. Это следующие ценности: техническое господство над природой; идея свободы; идея универсальности; идея равенства.

Отсутствовали, естественно, все ценности, связанные с человеческим сообществом, с отношениями между людьми как индивидами, наконец, со всем тем, что стоит выше индивида. И только когда на фоне недовольства

выработалась эта концептуализация, появились произведения, ставившие проблему развития индивида, но ставившие ее только проблематично. Действительно, развитие индивида рассматривалось либеральным капиталистическим обществом как ценность, но оно ставилось под сомнение самим этим обществом, которое не давало реальной возможности для его развития. И, во-вторых, в этом родившемся обществе сами писатели, художники, артисты были проблематическими личностями, потому что в своей работе они ориентировались на качество, а жили в обществе, которое необходимо ориентировано на количество. Ориентация на качество делала их проблематическими, превращая в возможных героев романа. Они могли пересказывать свою собственную историю. В общем, в обществе совершался процесс концептуализации положения индивида, но не в положительном плане, а в плане проблематичном.

Но произошло коренное преобразование романа, общее всему современному культурному творчеству и характеризующееся исчезновением индивида. Оно выражается тем, что, например, персонаж Сартра в произведении «Тошнота» или у Робб-Грийе говорит: «Я не могу больше рассказывать историю, это не имеет значения». Это означает, что история индивида уже не дает нам возможности говорить о существенном. В этом отношении мы находим в истории культуры вторую важную марксистскую категорию: смену либерального капитализма империализмом. Недовольство, реакция против количества продолжают существовать, потому что фетишизация растет и прогрессирует, а общие понятия либеральной идеологии, которая была на заднем плане романа, исчезли вместе с либеральным обществом. Теперь можно создавать лишь культуру отсутствия, отсутствия общения и, в конечном счете, разрушения объекта. Таково положение всех творцов культуры.

Мне хотелось бы закончить выступление несколькими критическими замечаниями, относящимися к традиционному отношению марксистов ко всей этой литературе. Они ограничиваются утверждением, что она декадентская. Эта литература отражает и выражает фактическую эволюцию. Для писателя, для тех, кто создает культуру, сопротивление миру фетишизации не является абстрактным. Оно не зависит просто от личного решения. Оно нуждается в социальной концептуализации. Как литературная форма роман был выражением этого сопротивления до тех пор,

пока существовала либеральная идеология. Когда же последняя исчезла,— и писатели или художники убеждаются в этом, — то в этом обществе уже невозможно высказать что-либо подлинное иначе, чем констатируя недостаток, отсутствие общения. Они отказываются выразить свои мысли с помощью лиц, поскольку лицо стало условным.

Именно здесь, может быть, и нужно отойти от Маркса во вполне определенном плане. Маркс думал о появлении пролетарской культуры, которая не поддалась бы фетишизации и принесла бы нам положительные ценности сообщества. Слой, который бы воспротивился фетишизации, преобразовал бы это общество, создал бы социализм, добился бы господства своей идеологии, оказался в западном обществе недостаточно сильным. Вот почему не смогла сложиться эта новая культура, которая должна была родиться из классового пролетарского сознания, не смогло появиться это литературное или философское, изобразительное или артистическое творчество. И эта слабость пролетариата привела к тому, что интеллигенция, писатели, художники, все творцы культуры вынуждены были опираться лишь на гораздо более слабую базу. Перед лицом данного общества им оставалось — как возможность творчества — лишь ориентироваться на слабые ценности, на идейные ценности, все еще приносимые либерализмом, и затем — на констатацию отсутствия, невозможность создать персонаж или рассказать историю, не впадая в ложь или условность. С социологической точки зрения нужно отметить

существование переходного периода, когда исчез либерализм и различные идеологии, в том числе социалистическая, заполнили существующие на Западе формы романа. В это время романисты пытались рассказать историю коллективов, как, например, Золя, стремившийся проследить эволюцию семьи. Делались попытки внедрить идею сообщества, но тщетно. В конечном счете, проблема культуры на Западе, проблема искусства, которое в действительности все более обедняется и опустошается, оказывая тем не менее сильное и подлинное сопротивление фетишизации, связана с возможностью социального преобразования, которое создаст наконец социальную реальность и идеологию человеческого сообщества и братства. Только оно позволит писателям, артистам и художникам писать, создавать литературные формы, в которых идеал человека был бы положительно выражен.

==343

*•

ПЬЕР ВИЛАР

Я совсем не собирался отвечать моему другу Гольдману, поскольку я не знал, о чем он будет говорить. Но так как он затронул дорогую мне тему — «Дон Кихота», я бы хотел сделать несколько замечаний.

Он сказал нам: «Необходимы конкретные исследования, а традиционный марксизм не проводит конкретного исследования». Тогда я сошлюсь на свой собственный пример: я считаю, что 15 или 20 лет своей жизни я посвятил тому, что называется конкретными, историческими исследованиями, в том числе изучению кривых заработной платы, цен, морским путешествиям XVI и XVII веков. Я много читал и писал на эту тему, и затем однажды мне пришло в голову, что было бы интересно написать статью о «Дон Кихоте»; в этой статье о «Дон Кихоте» не больше 12 или 13 страниц.

Марксизм должен исходить из чрезвычайно подробного исследования исторической конкретности и завершать его определенным идеологическим анализом. Если я и согласен со многим из того, что оказал Гольдман, то это потому, что я действительно нахожу, что «Дон Кихот» передает весь комплекс упадка Испании, испанского общества, феодального общества вообще, так же как сегодня наш роман передает весь комплекс упадка нашего общества. В этом смысле я совершенно с ним согласен. Но я считаю, что он не вправе говорить от имени марксизма, заявляя следующее: «Потребительная стоимость царит над производством». С этого момента Вы перестаете быть марксистом. У Вас есть полное право допускать это, но тогда Вы должны сказать: «Я либеральный экономист». Впрочем, этот призыв к конкретному во многом напоминает мне формулы, употреблявшиеся субъективной социологией в конце XIX века. Этот призыв к конкретному был направлен против марксистов. Я считаю Ваше выступление очень интересным, но оно не направлено на конкретное, а является теоретизацией, теоретическим поиском.

Это вызывает у меня одно воспоминание: несколько дней назад на семинаре ЮНЕСКО по проблеме развития и социального прогресса сам г-н Мюрдаль признал, что в течение 30 лет он является свидетелем совершенно необычайного расцвета литературы о социальном развитии, но что эта так называемая конкретная литература не дала

==344

абсолютно никакого конкретного результата. Именно эту мысль я недавно выразил, сказав, что если бы действенность борьбы с отсталостью измерялась длиной англосаксонской библиографии об отсталости, то, разумеется, первые реальные шаги вперед были бы сделаны не в Китае.

ЛЮСЬЕН ГОЛЬДМАН

Прежде всего по первому вопросу. Я считаю, что сказанное мною строго соответствует идеям «Капитала»: потребительная стоимость не царит в сознании людей, где господствует фетишизация. Но она существует таким образом, что когда происходит конфликт, когда имеет место слишком большое отклонение от связанных с нею требований, то она вступает в действие на рынке в форме перепроизводства.

В капиталистическом мире, где труд становится товаром, потребительная стоимость, конкретное качество человека выражаются профсоюзным, политическим действием и т. д. С другой стороны, я также только что сказал, что нет ничего опаснее конкретного без общих понятий и, наоборот, общих понятий без обращения к конкретному. В этом и заключена задача; я не сказал, что марксизм не производил конкретного анализа. Я сказал, что в течение 20 или 30 лет дискуссии о социализме и капитализме велись только в общей форме, а я предпочитаю ставить эти проблемы исходя из конкретного анализа.

^(ЖИЛЬБЕР МЮРИ

Мне кажется, что вопросы, поставленные г-ном Валем, получили ответ. Прежде всего, хотя Virgilii и жил во время рабовладельческой цивилизации, вопрос заключается в том, сколько virgiliiev среди массы рабов было обречено на молчание. В конце концов Сент-Экзюпери не был марксистом, но он, видя поезд польских эмигрантов, доведенных до крайней нищеты, сожалел о том, что в каждом их ребенке погублен возможный Моцарт, так и не успевший проявиться. Кроме того, мне хотелось бы заметить, что в выступлении Гольдмана дается очень четкое определение связи, существующей между формами эстетической деятельности и формами социальными. Ясно, что

»

==345

эстетическая деятельность преобразится в будущем в соответствии с изменениями коллективной жизни. Но поскольку литературное творчество утвердилось через все исторические революции, у нас нет никакого основания ждать, что оно исчезнет после появления новой системы. В конечном счете, почему нас должен беспокоить тот факт, что перестают разрушать? Я не понимаю, почему строй, восстающий против разрушения даже материальных богатств, должен был бы препятствовать процессу художественного творчества.

Наконец, счастье — это не инерция: удовлетворение потребностей влечет за собой появление новых потребностей. Эта диалектика и дает ответ на беспокойство г-на Валя: потребность является в основном социально-исторической категорией, она появляется по мере того, как человеческая природа, данная биологически, совершенствуется социально и исторически. И, как мне кажется, то, что сказал Шомбар де Лов о связи между необходимой потребностью и потребностью-запросом, приобретает в этом отношении решающее значение. Следовательно, в этом и заключается в основном ответ на беспокойство, высказанное г-ном Валем.

НАУКА И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС

/ ДЖОН ДЕСМОНД БЕРНАЛ (Великобритания)

Сегодня мы уже переступили порог новой научно-технической революции, которая окажет самое глубокое воздействие на культурную и духовную область человеческой деятельности. Наша конференция, собравшая людей культуры и науки, даст возможность совместно обсудить многие проблемы. Идеи, которые изложил перед нами академик Семенов, касаются прежде всего вопроса о будущем человечества.

Что мешает прогрессу?

Научно-техническая революция нашего времени в принципе кладет конец периоду нищеты в человеческой истории. Практически же она пока мало что изменила в положении большей части населения земного шара.

Это объясняется прежде всего тем, что открытия,

==346

вызвавшие научно-техническую революцию, были сделаны в мире, две трети которого по-прежнему остаются в рамках капиталистической системы хозяйства, основанной на частной собственности и господстве монополий. Эта система не могла обеспечить планирование и координацию, которых требовали новые силы. Капиталистический мир лишен экономического равновесия. Природные богатства, как правило, используются плохо, промышленность очень редко загружена на полную производственную мощность. Хозяйственную жизнь расшатывают депрессии и рецессии. Средний рост производства остается низким, порядка 2—3 проц. в год. Еще более низки темпы экономического прогресса в экономически слаборазвитых странах, которые продолжают находиться под прямым или косвенным контролем капиталистических держав. Темпы промышленного прироста там редко превышают темпы прироста населения, а порой и отстают от них.

В нашем мире не обеспечена безопасность, и из года в год растет законный страх атомного уничтожения. Средства, растрачиваемые сегодня на военные приготовления, равняются национальным доходам Азии, Африки и Южной Америки, взятым вместе. В капиталистических странах почти половина научного потенциала используется в военных целях. В социалистических странах это бремя, хотя и является менее тяжелым, но тем не менее также затрудняет экономический прогресс.

Есть немало других препятствий, мешающих всестороннему использованию возможностей, открытых научно-технической революцией. В капиталистических странах эти препятствия создаются самим государственным строем, в котором господствует элита, прочно укрепившаяся и тесно связавшая себя с интересами финансового капитала, но чаще всего совершенно несведущая в том, что касается науки и техники. Эта элита в значительной степени монополизировала систему образования, ограничив ее определенными рамками. Контролируя и используя такие средства пропаганды, как печать и телевидение, она поддерживает отжившие свой век идеологические учения. Отсюда отсутствие общей перспективы и сознательно поддерживаемая атмосфера гедонизма. В свою очередь это ведет к политической апатии и фатализму.

Но, помимо этих препятствий, на пути к использованию достижений научно-технической революции

==347

существует еще немало трудностей, связанных с быстрым развитием самой науки и ее распространением в новых странах. Бессистемность в прогрессе науки тормозит установление связей между различными отраслями науки и между научными открытиями и их применением на практике. Эта бессистемность усиливается также перегородками, создаваемыми языковыми и культурными различиями. И все это происходит в эпоху, когда сам характер научных исследований ведет ко всеобщему единству науки и к ее все более тесному сближению с сельским хозяйством, промышленностью, медициной. Практически использовать новые, открытые наукой перспективы и обуздать ее разрушительную силу — такова главная задача, которая встает сегодня перед человечеством.

Материальные возможности науки известны. Они обеспечены неограниченными запасами энергии, таящейся в таких классических источниках, как нефть и уголь, а также в новых источниках — атом и атомное ядро. С помощью этой энергии из природы можно извлечь металлы и другие материалы, а также химическим путем создать различные пластические массы. Вместе с тем может быть произведено достаточное количество энергии и машин — для выполнения грандиозных задач в строительстве и в сельском хозяйстве — основных отраслях с точки зрения обеспечения материальной основы для жизни и трудовой деятельности человечества.

В организации труда — как в сфере производства, так и в сфере управления — наука начинает играть огромную роль. Она создала новый тип счетно-измерительной и контрольной аппаратуры — электронные машины. В обществе, которое обеспечивает рациональное использование этих машин, чего нельзя сказать о современном капитализме, они позволяют уничтожить повторяющиеся и монотонные операции в промышленности и в сфере управления. Тем самым высвободятся способности человека к творчеству. Но это лишь первый шаг. Вполне очевидно, что электронные машины, работающие в тысячу и даже в миллионы раз быстрее, чем человеческий мозг, окажут вскоре глубокое влияние и на мышление и труд человека. Отказаться от них — значит неизбежно затормозить рост производства. С другой стороны, с их использованием обязательно устареют не только методы производства, но и административная и идеологическая надстройка. Уже сейчас

==348

конструируются электронные машины, учитывающие в своих операциях предшествующий опыт, а также предусматривающие процесс своего собственного усовершенствования и контроля над ним. Иными словами, помимо своей первой функции — осуществления математических и механических операций, — они начинают выполнять биологические функции приспособления и воспроизводства. По мере дальнейшего развития научно-технической революции открывается новый этап, на котором будут гармонически объединены усилия человека и машин, с тем чтобы человек все более и более освобождался от механического труда.

Всякая смерть — убийство!

Человечество, вооруженное новой техникой, полностью обеспечит себя предметами необходимости — продовольствием, одеждой, жилищем. Ему предстоит расширить научно-исследовательские работы в области медицины, с тем чтобы оградить человека от болезней на протяжении всей его жизни и научиться продлевать жизнь.

Сегодня мы можем с полным основанием сказать, что в современном мире всякая смерть есть убийство. Каждый человек, который сегодня умирает, убит действиями или бездействием людей. Для большинства человечества, для миллионов людей, проживающих в колониях и зависимых странах, — это прямое убийство. Они умирают в возрасте 30—40 лет. Они смогли бы жить по крайней мере еще столько же, как мы. Но их лишают пищи, их лишают лекарств и медицинского обслуживания, и они

неизбежно погибают. Наша первейшая обязанность в мире — положить этим убийствам конец! Но есть убийства не столь явные. Смерть от болезней, которые могут быть предупреждены,— тоже убийство. От туберкулеза умирают бедные — это социальное явление. Но есть и богатые люди, которые умирают от болезней сердца и сосудов. Это не убийства, а самоубийства. Эти люди слишком много едят, слишком много пьют. Они прожигают жизнь и убивают сами себя. С религиозной точки зрения подобное самоубийство осудить нельзя, потому что люди не знают, что делают. Но сейчас, когда нам известны причины, это уже не бессознательные убийства. Зло проистекает из того, что не прилагаются необходимые усилия для изучения причин смерти и изыскания средств ее предотвращения.

•

==349

В Англии, стране, которую называют цивилизованной, нет ни одного научно-исследовательского коллектива, занимающегося изучением болезней сердца, убивающих треть англичан. Наша цель — уничтожить познанное нами зло, зло, которое нельзя считать неизбежным только потому, что человечество всегда от него страдало.

Уже сегодня благодаря усовершенствованию методов ведения сельского хозяйства мы могли бы обеспечить продуктами питания то население земного шара, которое будет проживать на нем несколько веков спустя и которое будет несравненно более многочисленным, если принять современную и даже более высокую норму демографического прироста. Позднее мы сможем создавать продукты питания непосредственно химическим путем. Более того, с открытием эпохи космических путешествий представится возможность расселения человечества на других планетах. Более трудным и сложным делом окажется исследование биологических процессов и изучение органических клеток и их взаимодействия в высших организмах. Но и этого можно будет добиться, если предпринять необходимую работу в соответствующих областях науки.

Я полностью согласен с проф. Семеновым в том, что он говорил здесь относительно находящихся в нашем распоряжении ресурсов. Мир в состоянии покончить с нищетой. Но мы останемся бедными, пока мир будет организован по-старому. Дело не в знаниях: знаний достаточно. Дело в организации. Здесь я перехожу к главному пункту. Вполне очевидно, и об этом говорилось вчера, что в условиях капиталистического общества познанные возможности не могут быть использованы. Это факт, и он должен быть признан. Возникает вопрос, как выйти из этого положения, где выход из него для народа? У капиталистов ответ готов: они ищут выхода в мировой войне. Среди них есть немало людей, которые думают, что мировая война — путь к победе капитализма и уничтожению коммунизма. Один видный американский автор полагает, что вполне можно пожертвовать 40 миллионами американцев с тем, чтобы уничтожить или по крайней мере остановить коммунизм.

Новая эпоха, в противоположность предыдущим периодам, потребует научной организации всей системы производства. Преобразование в методах производства

==350

неизбежно скажется в формах общественной и особенно экономической организации. Современные формы экономической организации являются архаичными. В значительной степени они утратили то

прогрессивное, что имели на предшествующих стадиях капиталистического развития, и, естественно, для них не может быть места в мире, основанном на новейших достижениях науки и техники. Они неспособны обеспечить рациональное использование природных и человеческих ресурсов и уводят производственную деятельность в сферу создания средств разрушения.

Первая задача людей всех стран заключается в том, чтобы положить конец всякому извращению науки и повсюду в мире бороться за торжество единой идеологии свободного и созидательного труда, основой которой будет познание человеческих потребностей и изыскание средств их удовлетворения.

Ближайшие перспективы, открывающиеся перед человечеством, непосредственно определяются тем фактом, что сегодня в мире существуют страны капиталистические, социалистические и экономически слаборазвитые. Добиваясь независимости, последние становятся все менее и менее экономически зависимыми от капиталистических держав и все теснее связывают свою хозяйственную жизнь с развитием социалистических государств. Из опыта социалистических стран мы знаем, что социально-экономическая эволюция может идти значительно быстрее, чем в XIX веке, когда темпы прироста производства в самых высокоразвитых промышленных странах составляли 3 проц. в год. Рост на 10—20 проц. в год позволяет любой стране менее чем за период жизни одного поколения превзойти самый высокий на сегодняшний день уровень производства, ликвидировать бедность и нищету, а затем и приведет нас в золотой век изобилия и счастья.

Мощь разума безгранична

Помимо вышеупомянутых материальных средств, это потребует дополнительных усилий человеческого разума. Важнейшим достижением нашей эпохи является то, что в благоприятной социальной среде мощь человеческого разума практически не имеет предела. Я приведу два примера, отдаленных один от другого по времени всего лишь

==351

пятнадцатью годами В 1946 г. в Лондоне я присутствовал на конференции специалистов по вопросам образования в странах Азии На конференции выступал представитель Индии, который заявил, что при существующих темпах для полной ликвидации неграмотности в этой стране потребуется тысяча лет. По его словам, Индия настолько бедная страна, что не в состоянии дать образование своему народу, а безграмотный народ всегда будет бедным В 1961 г. я был в Гане, и я видел, как в этом году страна готовится охватить, начиная с сентября, все население системой начального образования Я видел это также и в Китае Любой человек, умеющий читать и писать, может научить этому и других

Опыт ликвидации неграмотности в бывших колониальных и зависимых странах свидетельствует о том, что в течение веков умственный потенциал человечества использовался, как правило, минимально Мы знаем сейчас, что за десять лет можно втрое увеличить число лиц, имеющих высшее университетское или техническое образование. Ликвидация неграмотности в слаборазвитых странах даст уже не трехкратное, а семикратное увеличение В итоге интеллектуальный потенциал мира вырастет за это время в 20 раз На деле же это увеличение будет еще большим, поскольку с усовершенствованием средств сообщения интеллектуальная продукция будет расти быстрее, чем число лиц, получающих образование В результате столь быстрого роста безусловно возникнут проблемы организации и связи, но в то же время будут обеспечены средства для решения этих проблем

Тенденцией ко взаимному обогащению обладают не только различные отрасли науки, но и различные культурные традиции в мировой истории, родившиеся в Египте, Греции, Индии, Китае Стремящееся к единству человечество познает себя Об этом мечтал Маркс, и мы видим, как сегодня повсюду в мире эта мечта превращается в действительность

Распространение повсеместно образования значительно важнее, чем, скажем, рост производства стали, поскольку особенность новой научной революции заключается в том, что произошла переоценка экономических ценностей

Теперь центр тяжести находится не в области производства сырья или такой продукции, как сталь Он—
в

==352

области электронной техники, в тонком химическом производстве. А это значит, что один работник умственного труда стоит десятков тысяч тонн стали. Произошла переоценка ценностей, поскольку впредь небольшое научное открытие может повлечь за собой серьезные экономические и даже социальные изменения. Например, открытия в химии позволят нам производить химическим путем продукты питания. Речь, конечно, идет не об искусственном производстве спаржи или клубники, чего никто не собирается делать, а о продовольственном сырье. Его нам даст химическая промышленность. Эти новые возможности человеческого разума являются центральным моментом революции.

Та эпоха, когда наибольшая часть человечества будет занята наукой, не за горами. Уже сейчас существуют заводы, где в лабораториях сотрудников больше, чем рабочих в цехах. Я согласен с академиком Семеновым в том, что научной деятельностью будет заниматься значительная часть человечества. 15 лет тому назад я говорил, что науке может посвятить себя 5 проц. населения. Сегодня я уже не назову эту цифру. Разве не удваивается ежегодно число ученых? Один статистик не без основания утверждает, что если темпы останутся такими же, то со временем ученых будет больше, чем просто людей.

Я смотрю на аббатство, в котором мы находимся, и думаю, что, наверно, в этом зале выступали в свое время ораторы, которые вопрошали, зачем отказываться от высокой морали феодального общества ради опасной идеи буржуазной торговли? Были времена, когда люди не могли и представить себе, что буржуа смогут управлять всей экономической жизнью. Но произошли большие изменения, охотники-кроманьонцы уступили место землепашцам, сельское хозяйство уступило место промышленности, а теперь промышленность, в свою очередь, уступает место науке. Наука одновременно является и добровольным и коллективным трудом, т. е. как раз тем, что характеризует коммунизм. Об этом в одной из своих книг я говорил 20 лет тому назад, и именно так и произошло. Однако речь не о том, чтобы констатировать, а о том, чтобы делать. Великий Бэкон говорил: «Не удовлетворяйтесь тем, чтобы созерцать,— делайте!». Конечно, на этом пути было и будет немало трудностей. Но человечество всегда сталкивалось с трудностями и, именно преодолевая трудности, добивалось успеха

==353

ОБЪЕКТИВНЫ ЛИ КРИТЕРИИ ПРОГРЕССА?

Понятие «прогресс» употребляется для оценки общественных явлений и деятельности людей. В зависимости от того, называем ли мы данную политику, учреждение, закон, движение прогрессивными или же реакционными, мы выражаем свое к ним положительное или отрицательное отношение.

Мне хотелось бы обсудить как раз следующий вопрос: имеют ли такие суждения о прогрессе объективную основу? Возможно ли с помощью наблюдений установить, имел ли место прогресс и если имел, то в какой мере? Или же такие суждения суть попросту выражения субъективного предпочтения и групповых интересов?

С вопросом об объективности прогресса связан другой — о необходимости прогресса. Иначе говоря, существуют ли объективные законы, действие которых делает неизбежным или, по меньшей мере, наиболее вероятным, что определенные процессы будут иметь поступательный характер?

Это отнюдь не академические вопросы. Коль скоро прогресс является установленным фактом, следствием определенных законов, значит должны быть и объективные критерии, руководствуясь которыми мы можем и сформулировать реальные цели, и найти путь для достижения этих целей.

Прогресс как научная категория

У меня не вызывает никаких сомнений, что в мире существуют объективно прогрессивные процессы и что существуют законы прогресса. Виды процессов, к которым можно применить термин «прогресс», — это, очевидно, те, которые движутся по восходящей линии, развиваются в определенном направлении, связанном с более совершенным, высшим существом организаций тех объектов, о развитии которых идет речь. В памяти возникает множество примеров такого рода процессов: у человека — процесс познания; среди живых организмов — процесс роста; в неживой природе — некоторые геологические процессы. Имея дело с любым процессом мы должны заняться поисками

==354

причин, почему он идет в том направлении, а не в другом. Такие причины могут быть названы движущими силами прогресса, и они определяют закон его развития. Прогресс состоит в поэтапной реализации потенциалов развития, и это происходит всюду, где существуют структуры или организации со свойствами такого рода, что ими можно обладать в большей или меньшей степени; когда они развиваются по стадиям, то в каждой из них они приобретают такие свойства в возрастающей степени. В этом смысле мы говорим о «более низких» и «более высоких» стадиях развития. Более низкая стадия содержит в себе силы развития, которые приводят к более высокой стадии, а переход на более высокую стадию, в свою очередь, зависит от прохождения через более низкую стадию

В свете этих определений мы будем правы, сказав, что прогресс является объективным фактом; там, где он происходит, его можно опознать и сформулировать закон прогресса для данного случая. Критерий или мера прогресса должны выводиться в каждом отдельном случае не из абстрактной идеи прогресса. Каждый процесс несет в себе свой собственный критерий или меру прогресса. Так, о прогрессе в области здравоохранения и материального благосостояния людей можно судить по средней продолжительности жизни, о прогрессе культуры дают представление такие показатели, как процент грамотных, и т. д.

По мнению некоторых людей, прогресс — это представление, приложимое исключительно к людям. Но мне кажется, что такая ограничительная концепция прогресса является отголоском идеализма или дуализма, который видит непреодолимую пропасть между человеком, как существом одухотворенным,

и остальной природой. В действительности же человек сам является продуктом предшествующего поступательного развития природы и продолжает его в виде общественного прогресса.

Конечно, силы развития, вызывающие общественный прогресс, являются специфически человеческими, охватывающими такие вещи, как цели и идеалы, в то время как силы развития в природе попросту «естественны» и в отношении них не возникает вопроса о сознательности или цели. Люди действуют сознательно, и их прогресс движется вперед целями, которые они сами установили. Но во всем остальном прогресс имеет место безо всякой внутренней цели, поскольку цель возникает только в

==355

человеческом сознании. Я со своей стороны вообще не вижу смысла говорить о цели, оперирующей вне человеческих дел, и не считаю, что концепция прогресса включает концепцию цели.

Обратившись к обществу, следует, во-первых, сказать, что в истории человеческого общества можно найти случаи прогресса, например, в отдельных странах — прогресс здравоохранения или прогресс грамотности; а во-вторых, следует сказать, что основная линия всей истории человечества является прогрессивным развитием. Никто, мне кажется, не станет оспаривать первое предложение. Но многие сейчас оспорили бы второе, и оно стало предметом разногласий между марксистами и их оппонентами.

Если мы примем во внимание факт, что необходимым условием существования какой бы то ни было формы общества является производство средств существования, то становится очевидным прогресс человечества в этом отношении на протяжении всей истории. Расстояние, пройденное от каменных орудий до автоматизированной фабрики, ядерного реактора и космического корабля, — это и есть мера человеческого прогресса в наши дни.

Прогрессивный характер смены общественно-экономических формаций, через которые прошло человечество, обусловлен в конечном счете развитием производительных сил. Открытое Марксом соответствие между производительными силами и отношениями собственности, а также покоящейся на них государственной и идеологической надстройки (и еще никто не смог опровергнуть эту связь, лишь оспаривалось, так ли она важна, как считают марксисты) предполагает, что параллельное прогрессивное развитие можно проследить во всей социальной организации, поскольку она поэтапно развивалась в направлении общественных систем, представляющих большие возможности для развития производительных сил.

В соответствии с этим критерием капитализм, например, не просто приходит на смену феодализму, но эта смена, ввиду большего развития производительных сил, возможного при капитализме, представляет собою социальный прогресс. И поскольку система общественной собственности и планового производства открывает больший простор для производительных сил, чем система частной собственности и производства на рынок, постольку замена

==356

капитализма социализмом представляет собой дальнейший прогресс.

Прогресс и свобода

Часто утверждают, что эта в основе своей экономическая концепция общественного прогресса умаляет разносторонние человеческие стремления: не хлебом единым, мол, жив человек. Однако экономическое развитие вовсе не является самоцелью и не ограничивается распределением одного «хлеба»; оно способствует развитию всех человеческих потребностей, а также создает средства для их удовлетворения. Вообще говоря, по мере экономического развития общества происходит расширение человеческих возможностей. Например, для того чтобы пользоваться досугом и материальными условиями для культурной деятельности, требуется достичь определенного уровня производства; куда больший уровень требуется, чтобы встал вопрос о всеобщем образовании и т. д. Но когда производство достигает требуемого уровня, то тогда становятся необходимыми, в свою очередь, различные формы культурного прогресса для успешного хода общественной жизни на достигнутом экономическом уровне.

С учетом этого история общества предстает не просто как процесс совершенствования производства, определяемый строго экономическими терминами, но как прогресс в направлении человеческой свободы — процесс непрерывного расширения человеческой свободы. Разумеется, это справедливо только в том случае, если мы рассматриваем довольно длительный промежуток времени. В определенные быстротечные периоды часто происходят события, отбрасывающие назад экономическое развитие и ограничивающие завоеванные перед тем свободы. В конечном итоге такой регресс оказывается временным и местным, и поступательное развитие торжествует.

Свобода в данном контексте должна, мне кажется, пониматься как нечто, что действительно появляется в ходе человеческого развития и способно как к расширению, так и к ограничению. Ее следует определять, исходя из возможности людей проявлять свои способности и удовлетворять свои потребности, а не апеллировать к трансцендентальным аргументам.

Руссо начал свой «Общественный договор»

==357

проникновенными словами: «Человек рожден свободным». Эта сентенция, хотя и волнует, является неверной. Человек не появляется на свет в условиях свободы; дело в том, что свою свободу, которой человечество может обладать, оно должно создать в процессе исторической деятельности. Ибо человек рождается в невежестве и беспомощности; и какой бы трансцендентальной свободой ему ни полагалось обладать по праву своей принадлежности к человеческому роду, на самом деле он ею обладает в весьма незначительной мере или же не обладает совсем в своей мирской юдоли. Предпосылка свободы — это знание и опыт. В той мере, в какой ими владеют люди, они совершенствуют свои качества и способность успешно применять их для удовлетворения своих потребностей. Но чтобы полностью раскрыть свои качества и способности, им необходимы также и соответствующие социальные условия.

Овладевая силами природы, люди расширяют пределы своей деятельности, развивают свои способности и увеличивают сумму потребностей. Но развитие производительных сил сопровождалось порабощением человека человеком, причем большинство низводилось до положения эксплуатируемых, а правящее меньшинство присваивало себе богатства, досуг и связанные с ними возможности. Вместе с тем классовое общество не только ограничивает свободу масс, но также ставит рамки для деятельности господствующих классов, поскольку они сами во многих отношениях являются рабами собственных методов эксплуатации. Тем не менее на протяжении всей истории классового общества происходило поэтапное расширение человеческой свободы. Такие грубейшие формы личной зависимости и угнетения трудящихся, как рабство и крепостное право, были сметены.

С победой социализма происходит решающее движение вперед, трансформация. При социализме и переходном периоде к коммунизму люди, наконец, преуспели в создании социальных условий, в

которых, увеличивая свою власть над природой, они могут планировать общественное производство, с тем чтобы удовлетворить свои возрастающие материальные и духовные потребности. Как говорил Энгельс: «Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому

==358

что они становятся господами своей обобществленной жизни». Это вовсе не значит, что каждый отныне становится рабом некоего производственного плана. Напротив, участвуя в плановом производстве, люди наконец получают простор для раскрытия и совершенствования своих потенциальных способностей. Сокращение благодаря техническому прогрессу до минимума необходимого рабочего времени позволит каждому человеку выявить всю заложенную в нем творческую энергию. И это будет конечным результатом торжества подлинного царства свободы.

Существуют ли, однако, законы общественного прогресса? Иначе говоря, случайно ли, что до сих пор прогресс действительно имел место, или же силы развития таковы, что всегда имеется высшая степень вероятия в отношении конечного торжества прогресса?

Рассматривая любой процесс развития как в природе, так и в обществе, всегда приходится иметь дело с итоговыми результатами множества частных причин, действующих в данных обстоятельствах; здесь и появляется на сцену концепция вероятности. Эта вероятность во многих случаях может быть настолько велика, что практически эквивалентна неизбежности.

Прогресс — результат деятельности людей

Силы развития в человеческом обществе, очевидно, сводятся к деятельности людей. «Люди сами делают свою историю», — отметил еще Маркс в своем известном изречении, добавив при этом: «...Но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого». («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»). Так происходило до сих пор в истории, и, как показал Маркс, это происходило в соответствии с определенным законом развития, состоящим в постадийной реализации общественной деятельности людей. Отсюда вытекает и предвидение Маркса, что прогресс будет продолжаться и что следующей его стадией будет социализм.

Некоторые, например проф. Р. Арон во «Введении в философию истории», считают, что при исследовании общества и его истории представляется чрезвычайно трудным и зачастую невозможным установить мотивы отдельных человеческих поступков и показать, почему люди были

==359

вынуждены поступить именно так, как они поступили, а не иначе. С этим вряд ли стоит спорить. Ибо мотивы вообще довольно сложны и чрезвычайно многообразны; что бы ни могли сделать люди, перед ними всегда открыта возможность поступить иначе. Но это не имеет отношения к главному вопросу — существует ли закон прогресса применительно к истории человечества или к частному вопросу — точно ли Маркс сформулировал этот закон.

Другие утверждают, что коль скоро существует закон общественного развития, делающий прогресс неизбежным, то, следовательно, индивидуальные усилия людей не влияют на исход событий. Однако как бы ни был прогресс неизбежен, он есть и может быть лишь результатом индивидуальных усилий людей, исходом борьбы сил прогресса против сил реакции. В этом нет никакого противоречия. Когда, например, возникает промышленный капитализм, наемные рабочие неизбежно спланиваются в профсоюзы; предприниматели сделают попытку помешать им, но рабочие будут продолжать свои усилия, пока не достигнут успеха. Каждый рабочий свободен в выборе — вступать или не вступать в профсоюз, но в высшей степени вероятно, прямо-таки неизбежно, что рано или поздно большинство рабочих вступит в профсоюз. Можно ли после этого говорить, что индивидуальные усилия не влияют на организацию профсоюзов? Напротив, профсоюзы создаются, существуют и растут лишь в результате больших индивидуальных усилий. Что верно для данного примера, верно и вообще. Так что марксистов нельзя обвинять в непоследовательности, если они сочетают положение о том, что социализм наступит в соответствии с необходимым законом общественного развития, с тем предположением, что это произойдет лишь тогда, когда необходимое количество людей приложит для этого достаточно сил и разума.

Более того, законы общественного развития не могут сами по себе предотвратить частные случаи перерыва в прогрессе. Прогресс всегда зависит от того, что делают люди, от силы и разума соперничающих общественных сил. Это как раз то, что Маркс имел в виду, когда писал в «Коммунистическом Манифесте», что классовая борьба всегда кончается или «революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов». В наше время, когда запасы ядерного

==360

оружия достаточны для того, чтобы разрушить нашу цивилизацию, к этому положению надо отнестись со всей серьезностью. Ибо ядерная война в наши дни могла бы прервать прогресс. Это то, чему мы должны помешать любой ценой.

Английский философ Уильям Оккам, живший в позднем средневековье, задавался вопросом: является ли благо благом потому, что его одобрил Господь, или же Господь одобрил его потому, что оно благо. Считая любую концепцию абсолютного блага несостоятельной, он пришел к выводу, что благо стало благом потому, что его одобрил бог. Тем самым критерии для оценки поведения людей были им поставлены в зависимость от совершенно произвольного одобрения, исходящего свыше.

Марксисты, а также все философы, придерживающиеся материалистической традиции мышления, не могут не согласиться с Оккамом в том, что назвать какую бы то ни было норму или цель абсолютной и благой от природы значило бы сказать нечто, чего никак невозможно удостоверить ни наблюдением, ни абстрактным обоснованием. Многие умные люди и до и после Уильяма Оккама предпринимали попытки умозрительно доказать обратное, и их неизменные неудачи служат дополнительным подтверждением невозможности найти критерий для оценки общественных явлений вне общества, так же как нельзя построить квадратуру круга или сконструировать вечный двигатель.

Я считаю, что Оккам был прав, говоря, что суждения о благе и желаемом не являются констатацией факта — будь то эмпирического или какого-либо трансцендентального, — но представляют собой скорее моральные предписания и императивы. Правда, в отличие от самого Оккама, апеллировавшего к богу, и от Канта, искавшего его источник в трансцендентальном Я, материалисты находят для таких предписаний вполне земное происхождение. Подобные предписания так же необходимы в обществе, как и констатация фактов. Социальное общение обязательно предполагает, чтобы люди в своей

деятельности обменивались не только фактической информацией, но и своими суждениями, содержащими оценку социальным явлениям и человеческим поступкам. Причем и констатация фактов и оценочные суждения могут быть вполне объективными" (в том смысле, что они не зависят от личных желаний людей), хотя основания для проверки их истинности

==361

различные Критерием истинности информации служит ее соответствие объективным фактам, тогда как критерием истинности оценки является отражение в ней перспектив исторического развития.

Вот почему неверно полагать, будто для оценочных суждений и моральных предписаний не может быть никаких объективных норм, что их якобы не с чем сравнить. так что они ни истинны, ни ложны С одной стороны, мы можем бросить взгляд назад и проследить причины появления определенных норм поведения и целей общественного действия до того момента, когда их выдвинули на передний план действительные обстоятельства внутри общества. Определенные нормы, определенные цели выдвигаются на передний план, когда они отвечают действительным условиям жизни, интересам и запросам членов общества или классов внутри него Этим объясняется разнообразие, зачастую весьма противоречивое, таких суждений, и этим подводится основа под марксистское утверждение, что мораль поэтому является классовой моралью и социальные цели (включая цель социализма) являются классовыми целями. Но если мы можем бросить взгляд назад, то мы можем и заглянуть вперед, ибо если есть причина, то должно быть и следствие. Так что мы можем поставить и вопрос, насколько определенные нормы и цели соответствуют объективным требованиям общественного развития или, что одно и то же, шестую человеческой свободы.

Те, кто требует абсолютной, вечной и неизменной истины в любой сфере суждения, вряд ли ее получат. Тем не менее остается объективная норма, с которой можно сравнивать оценки. И если истина состоит в соответствии суждения объективной реальности, тогда суждение о том, что социально желательно, истинно постольку, поскольку оно соответствует тому, что действительно требуется для общественного прогресса, для свободы и удовлетворения человеческих потребностей.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СОЦИАЛЬНОМ БЫТИИ ЧЕЛОВЕКА

ГИ БЕСС (Франция)

Недавний подвиг космонавта Гагарина вызвал в самых различных кругах всякого рода комментарии Так, П -А Симон (газета «Монд» от 19 4 1961 г) спрашивает, не

==362

скрывается ли за этим подвигом, одержанным под знаком марксистского гуманизма, сверхъестественное призвание человека? Не Маркс, говорит он, по существу, а Паскаль должен был бы вдохновлять современное человечество. Можно не разделять точку зрения П.-А Симона, но, действительно, подвиг Гагарина как бы требует от человечества, чтобы оно задалось вопросом о том, куда оно идет и что оно собой представляет Я думаю, что в этом отношении необходимо напомнить известный тезис Маркса о социальном бытии человека.

Необходимо уточнить, что исторический материализм берет тезис о социальном бытии человека во всей его строгости и полноте.

Тот факт, что сознание несет моральные суждения и что поведение человека основывается на одной или нескольких аксиологических системах, никак не ставит под сомнение, по нашему мнению, это основополагающее положение исторического материализма, поскольку моральные суждения всегда являются суждениями исторически сложившегося и социально ориентированного человека. На наш взгляд, нельзя допускать разрыва между сферой человеческого бытия, которое всегда является непосредственно конкретным бытием *hic et mine*, и радикально-трансцендентным миром ценностей, который бы подчинял человечество требованиям и императивам теологического абсолюта.

Но для нас также немыслимо, чтобы собственная диалектика человеческого бытия как бытия социального могла бы быть так или иначе обойдена путем метаисторического утверждения «свободного акта» (в смысле чистой случайности), творящего ценности таким образом, что последние не берут начала в самом бытии. Исторический материализм исключает всякий дуализм как теологический, так и светский. Тот факт, что ценности стихийно предстают перед сознанием как трансцендентные, не означает, что они берут свое начало вне истории, он означает, что человечество неспособно стихийно осмыслить свое собственное историческое бытие как таковое. Эта неспособность является сама по себе формой отчуждения, которая будет преодолена практикой коммунистического человечества.

Другими словами, подлинно историческая наука раскрывает нам человека не только как производителя своей жизни, но и как производителя своего сознания и,

1

==363

следовательно, как творца этических ценностей. Сознание — это модус социальной практики, а последняя порождает как ценности, так и произведения. Чем больше дифференцируется социальная практика (через разделение труда и возникновение классов) и чем больше совершенствуются интеллектуальные способности говорящего человека, тем больше эти способности стремятся противопоставить себя как отдельную, особую реальность другим проявлениям человеческого существования. Отсюда истинное бытие человека отделяется от него в виде потустороннего мира, который может, впрочем, представать и как мир философа, ищущего подлинную вневременную «человеческую природу», и как мир теолога. Как же в этих условиях идея о том, что все будущее человечества целиком зависит от истории, может не отталкивать как первого, так и второго?

Имея в виду то непонимание, которое еще сегодня окружает исторический материализм, нам кажется полезным подчеркнуть: — насколько, с одной стороны, марксистское понятие общественного бытия является основополагающим понятием, в котором выражается сама сущность человечества; — насколько, с другой стороны, заблуждаются философы, которые считают, что они нашли надлежащее место историческому материализму, приравняв его к социологизму (например, социологизму Эмиля Дюркгейма). а) Представление многих философов о социальном является непосредственным, эмпирическим. Они понимают его только в том случае, если его можно увидеть и потрогать. Для них общественное бытие человека — оболочка. Оно не может быть, следовательно, присуще субъективности, которая кажется им трансцендентной по отношению ко всякой социальной практике. Отсюда неустанно повторяемая тема снятия (ср., например, книгу Р. Полена «*La creation des valeurs*»). Не видя в диалектике общественных отношений как таковых источника индивидуализации, не признавая, что индивид — это индивид как существо общественное, они рассматривают «социальное» как надстройку, которая могла бы быть ликвидирована, не вызывая уничтожения человека.

Жорж Гусдорф пишет: «Общественный мир мысли имеет... эталоном или шифром саму структуру личной жизни» («*Traite de l'existence morale*», p. 75). Но чем

может быть эта личная жизнь вне всякой социальной практики? Тот же автор считает, что социология «остаётся гуманитарной наукой, т. е. наукой описательной и всегда гадательной, остаётся социальным познанием человека» (там же, стр. 76).

Как будто общество является «видимостью» человеческого бытия! Как будто где-то есть человеческое бытие, внезапно проникнувшее в историю! Как будто человеческое бытие не тождественно всему общественному становлению!

Являются ли потребности и восприимчивость человека рудиментарными или утонченными, является ли его мышление робким или высокорациональным, человечество образуется и преобразуется путем своей собственной деятельности. Вот почему, каким бы большим ни был интерес философа к проблемам структуры, последние никогда не должны преобладать над проблемами генезиса, являющимися основными. Главный недостаток феноменологии Гуссерля заключается в том, что, признавая, что сознание — это всегда «сознание чего-то», она не хочет знать, что сознание — это непременно что-то сознание.

Это барское безразличие к проблемам генезиса свойственно антидиалектическому методу, занятому исключительно определением и дифференцированием сущностей и выявлением необходимой связи между последними и трансцендентальным субъектом. Понимаемое таким образом сознание может, разумеется, льстить себе тем, что ускользает от истории; но как не видеть искусственности хода мысли, который приводит Рикёра, комментатора работы Гуссерля «Ideen» к утверждению: «В руинах мира я был бы еще сознанием интенциональным, но стоящим перед хаосом» («Ideen», Paris, p. 162, N 1)

Иными словами, всякий феноменолог исчезает, а феноменология тем не менее остается.

Независимо от уровня человеческого опыта, независимо от объективной или субъективной точки зрения на него есть исторический генезис структур, и в конечном счете только с его помощью можно понять последние. Именно так обстоит дело в отношении этических ценностей и норм, предлагаемых для поведения людей

Абсолютизация ценностей в ее теологической или трансцендентальной форме является операцией, которая

»

вытекает из социальной практики и ее внутренних противоречий. Например, само движение революционной буржуазии, борющейся против феодальных производственных отношений, приводило ее к идеализации своих классовых мотивировок в понятии универсальности. Ее классовая борьба принимала, таким образом, форму требования человека как такового. Действительно, объективно эта борьба способствовала прогрессу конкретного человечества, но по причинам, коренящимся в самой истории общества: ликвидация феодального строя обусловила новый подъем производительных сил, с которыми буржуазия была связана как поднимающийся класс; тем самым революционная буржуазия способствовала прогрессу человеческого рода. Но вместе с тем раскрывается собственно историческое значение метаисторических ценностей, которые отстаивал этот класс.

Итак, именно бытие придает смысл ценности, хотя большинство современных философов — в силу недостаточного внимания к историческому материализму — считает, что можно провести пропасть между бытием и смыслом.

Бытие человека (мы имеем в виду общественное бытие) проступает в самом акте и, следовательно, содержится (так или иначе) в ценности. Именно поэтому этические ценности не более незыблемы, чем порождающая их социальная практика.

б) Следует все же предупредить от всякого смешения исторического материализма с социологизмом.

Если этические ценности не обладают реальностью сами по себе, — так же как «идеология» вообще в том смысле, как ее понимали Маркс и Энгельс, — то из этого не следует, что они лишены всякой силы. Совсем наоборот. Сущность исторического материализма заключается в том, что он показывает одновременно, что нет самостоятельного морального мира, поскольку ценность — ничто вне зависимости от конкретного человечества, которое создает ее, и что это идеологическое отражение оказывает возвратное действие на человечество, породившее это отражение. Маркс далек от растворения ценности в бытии, он показывает, как бытие, стремясь преодолеть конкретные противоречия, в идеальном плане противостоит самому себе.

Марксистская теория этических ценностей не

==366

уподобляет — как ее много раз в этом упрекали — идеальное факту, поскольку, напротив, она подчеркивает, что самые мистифицированные идеологии, возникающие из отчужденной социальной практики, могут играть решающую роль в личном и коллективном поведении и противостоять — по крайней мере некоторое время — реальности.

Если идеальное — это, в общем, модус бытия, то понятно, что «перейти от реального к идеальному» не значит выпрыгнуть за рамки истории. Когда, например, Маркс анализирует положение пролетариата в капиталистическом обществе, он характеризует его не только определенной практикой, но и совокупностью идей, рождающихся из при существ этой практике противоречий. Пролетариат, эксплуатируемый и борющийся за свое освобождение от эксплуатации, является самим собой как в том, чем он хочет стать, так и в том, что он есть. Именно осознавая свое бытие, ведя борьбу, на которую его толкает его положение, пролетариат выковывает свои идеалы и открывает перед собой горизонты. Именно осознание им своей собственной реальности в истории одушевляет ценности, которые он отстаивает в борьбе за преобразование своего существования. Чем больше углубляется это сознание, тем неразрывней становится связь между тем, что он есть, и тем, чем он хочет стать. Мы охотно воспроизведем здесь высказывание Рауха: «Человек создает свою модель, действуя», но мы придаем понятию человечества исторический социальный смысл.

Если трансцендентность ценностей относительная и ее ли их историчность абсолютна, если справедливо, что ценности ускользают от истории лишь в той мере, в какой сознание не замечает историко-социального процесса, присущего всякому суждению о ценности, то можно спросить, не являются ли лишенными основания претензии философов, которые хотят или заменить, или дополнить, или подкрепить исторический материализм «антропологией»?

Действительно, после Фейербаха антропология изображает себя как решительный реванш реального человека над теологией. Она стремится восстановить бытие человека, которое было отчуждено религией. Но антропология не сдерживает своих обещаний. Иначе и не может быть, поскольку в ней не признаются полностью права истории.

Чтобы понять собственно субъективистское значение этого течения, было бы полезным отметить, что для всех

==367

этих авторов (включая Сартра) общество является отчуждающим по самой своей сущности (знаменитое «оно» Хайдеггера). С этой точки зрения становится очевидной тщетность попыток поставить Маркса и Хайдеггера в один ряд как атеистов под тем предлогом, что и тот и другой ведет борьбу против отчуждения. Это сближение искусственно. Именно в общественном акте и через него, как считал Маркс, человечество может преодолеть отчуждение; именно общественный человек был отчужден, именно общественный человек преодолевает отчуждение, и это сама диалектика истории. Для Маркса объективная история — это измерение, в котором существует человечество, так же как пространство есть измерение, в котором существует Вселенная. Для Хайдеггера совсем наоборот, только поворачиваясь спиной к объективной истории (в частности, к классовой борьбе), освобождаясь от «наличного бытия», стремясь к действию вне рамок истории, человечество обретает истинное «бытие». Для Маркса, в отличие от Хайдеггера, освобождение человечества — впереди, в направлении его движения.

Нам, несомненно, могут заметить, что упомянутые здесь философы стремились найти за пределами иссушающих идеалистических построений богатство конкретного и трепет пережитого. Не следует ли, таким образом, сблизить их с Марксом, поскольку последний искал подлинно человеческое под внешней коркой идеологических построений? Сближение было бы противозаконным, поскольку выявляемое историческим материализмом ядро человека имеет своим содержанием практику общественного бытия и ее внутренние противоречия. У сторонников современной антропологии (и экзистенциализма) ядро не имеет другого содержания, кроме чисто субъективной временности или возникающей из ничего свободы или воли фихтевского типа. Абсолютная оригинальность Маркса заключается как раз в том, что для него субъективность не может быть первоначальной и теряет всякую реальность, когда она ставит себя вне объективного мира.

Вот почему тщетна попытка Сартра, так сказать, привить исторический материализм экзистенциализму, в частности, когда он делает индивидуальную практику источником общественной практики, так же как тщетна попытка Арвона вписать исторический материализм в антропологию «Материализм пренебрегает вечным человеком,

==368

находясь на службе мирского человека», — пишет Арвон в своей книге «Фейербах» (глава III)

Но чем может быть этот «вечный человек», как не двойником той «человеческой природы», которой из века в век без износа пользуются теологи и метафизики? В наше время, когда обвинение в догматизме так легко произносится всеми теми, кто предъявляет права на марксистскую мысль во Франции, марксисты не могут не вернуть подобное обвинение в адрес тех, кто, усердствуя на службе «обновленного» марксизма, советует историческому материализму подчиниться наконец приговору судилищ, которые он окончательно отверг вот уже более столетия назад

Не отражает ли экзистенциалистское утверждение на деле страха перед действительной историей? Не является ли оно выражением отступления от задач, которые ставит сегодня история перед личностью, стремящейся преодолеть противоречия буржуазного общества, которое находится в разгаре кризиса?

Уже Маркс увидел в субъективном бунте Штирнера отказ от исторической борьбы, которая одна может действительно ликвидировать присущее буржуазному обществу отчуждение.

В наши дни вокруг темы личности и ее свободы разворачиваются самые горячие споры философов. Не говоря об этом, невозможно действительно задаваться вопросом о будущем человечества

Невозможность объективно осмыслить отношения «личность — общество» представляется нам одной из господствующих черт буржуазной мысли. Эта невозможность связана как раз с положением, в которое ставит капитализм отдельную личность. Действительно, нельзя ли рассматривать загнивающий капитализм как в определенном смысле чудовищное предприятие обезличивания, как постоянное покушение на человеческую индивидуальность — на эту инициативную и творческую силу?

Индивидуальность, которую поставила в центр своих размышлений современная буржуазная философия, особенно экзистенциализм, являет собой трагический контраст с революционным оптимизмом. Одиночество стало законом индивидуального существования, единственно возможной «средой» субъективности. «Человек — это мир человека». Но затравленное сознание, замкнутое в самом себе, не

==369

узнает больше этот мир в условиях капиталистических джунглей. Тогда философ берет реванш за нечеловеческую реальность в абстракции. Отсюда это изобилие теорий свободы, общим знаменателем которых, несмотря на много численные оттенки, является ирреальность.

Вместо того чтобы видеть в свободном акте счастливое утверждение творческой силы, философ «свободы» не преподносит ничего другого, кроме негативного субъективизма. Не поэтому ли так часто смешиваются «объективация» и «отчуждение»? Возводится в принцип, что всякое человеческое творение является отчуждающим. Как же после этого не заключить, что свобода не в «созидании», а в «разрушении»?

Вместо того чтобы видеть в свободном акте положительное проявление индивидуальности как таковой, оригинальное выражение ее связи с историей, которая создает личность и творению которой эта личность способствует, философ «свободы» представляет себе последнюю как форму без содержания, как радикальную неопределенность — не как полноту бытия (наподобие Спинозы), а как пустоту бытия.

Абстракция здесь — это всего лишь метафизическое олицетворение надрыва и одиночества, знак неспособности восстановить, через историко-социальное опосредствование, конкретное содержание индивидуальности. И действительно, в конечном счете нет ничего более обманчивого и более бедного, более смехотворно безличного, чем эта слабавольная субъективность, которая стремится противопоставить свои богатства разуму общественного человека. Потерявшее почву «Я» не более богато, чем «Они», от которых оно хотело бы освободиться. И то и другое является двумя сторонами той

же нищеты, нищеты отчужденного человека Свобода как отчаянная негативность — это не преодоленное, а подтвержденное отчуждение Не находимся ли мы перед лицом кризиса «личных» ценностей, проявления общего кризиса буржуазного мира? Нужно было бы провести сравнение с коммунистическим образом жизни, таким, как он предстает перед нами, например, в лице молодых бригад коммунистического труда в СССР Их деятельность — это постоянный призыв к человеку, к каждой личности.

Те, кто свидетельствует об этом, далеки от того, чтобы считать, что овладение природой могло бы быть

==370

достаточный для человечества Они не думают, что подвиг Гагарина вводит человечество еще глубже во Вселенную лишь для того, чтобы отвратить его от самого себя.

Человечество раскрывает себя и совершенствуется неделимо в овладении своей естественной средой, бесконечной Вселенной и своим общественным бытием Самое богатое проявление сущности этого бытия — это братство коммунистического человека

ЧТО ТАКОЕ ПРОГРЕСС?

МИХАИ РАЛЯ (Румыния)

Если подвести итог тысячелетним усилиям человека, направленным на достижение лучшей жизни, то история говорит об общем бесспорно прогрессивном движении во всех областях общественной жизни, несмотря на временные периоды застоя или даже попятного движения. Тем не менее в различные века существовали чрезвычайно разнообразные, если не сказать противоречивые, взгляды на прогресс Как и Парменид, некоторые мыслители еще сегодня отрицают не только подъем, прогресс, но и само движение как таковое Они утверждают, что имеет место, в сущности, «стабильность», «неподвижность», застой всего и вся и что становление — это просто-напросто иллюзия

Другие доказывают даже, что происходит регресс, «эволюция назад», «инволюция», беспрестанное вырождение человечества, скользящего от (предполагаемого) «идеального» или «райского» состояния к несовершенству и упадку

Некоторые мыслители так или иначе признают, — присоединяясь тем самым к философии Гераклита,— что существует процесс человеческого возвышения, который ведет от животного состояния и дикости ко все более высоким ступеням гуманизации

Если мы не дадим обескуражить себя пессимистическим теоретикам прогресса и будем искать условия, порождающие и объясняющие последний, то будет нетрудно найти причину этих противоречивых взглядов перед лицом столь бесспорной реальности, как прогресс Эта причина— в разделении общества на антагонистические классы Один

==371

и тот же класс, прогрессивный в своей фазе подъема, революционный, когда он представлял интересы всего общества, становится противником прогресса, когда он достигает фазы разложения, когда он выполнил свою историческую миссию и должен уступить место другому революционному классу, поднимающемуся против него с тем, чтобы обеспечить непрерывность человеческого прогресса. Представители поднимающейся французской буржуазии Гельвеций, Дидро, Гольбах, Тюрго, Кондорсэ, Сен-Симон, Прудон и др. были сторонниками прогресса как на практике, так и в теории. Напротив, сторонники контрреволюции, идеологи реставрации во Франции: де Бональд, Ж де Местр, затем Шарль Моррас — все враждебны прогрессу. Представители капитализма, такие как Бергсон во Франции, Шпенглер в Германии, Тойнби в Англии, Морено в США, также выступают против идеи прогресса. Находятся такие, кто с невинным видом выступает за возврат к патриархальной жизни, к идиллической жизни пастуха и виноградаря. Леон Додэ, не смущаясь, называет век Дарвина, Пастера, Клода Бернара, Менделеева, Сеченова и многих других гениев «глупым XIX веком». Что может быть глупее, чем оспаривать ценность техники, благодеяния науки и философии, благородство борьбы за социальную справедливость, одним словом, самые драгоценные продукты разума? Для тех, кто отрицает прогресс, последний является лишь чистой иллюзией или, в лучшем случае, делом вкуса или произвольной субъективной оценки. Один и тот же факт может быть определен как факт прогресса или регресса в зависимости от точки зрения, принятого критерия, в зависимости от выбранной нами ценности или идеала. Прогресс — это всего лишь видимость. Вещи даны раз и навсегда; они изменяются лишь на поверхности. По мнению платоников, как, впрочем, и феноменологов, сущность незыблема. Допускается в крайнем случае движение по кругу, повторение одних и тех же циклов, «вечный возврат»; кончается тем, что отрицается сама категория времени.

Однако после триумфа дарвинизма, после успехов палеонтологов, археологов и этнографов в деле восстановления первичных форм человеческой жизни, наконец, после необычайного подъема современной науки и техники число тех, кто осмеливается еще оспаривать научно-технический * прогресс, уменьшается с головокружительной быстротой

==372

Отрицать научно-технический прогресс в его самом точном значении, т. е. как непрерывное движение вверх от низшего к высшему в промежутке времени от каменного века до века атомного, электронного и космического — это просто-напросто отрицать очевидность.

Противники прогресса укрываются за более «хитрыми» позициями

Эта хитрость заключается в том, что научный и технический прогресс против воли признается, но объявляется несущественным, а то и вредным. Что же касается духовного и особенно морального прогресса, прогресса человека как человека, то он отрицается.

Те, кто утверждает, что человек происходит непосредственно от рук «творца», часто склонны рассматривать всякий научно-технический прогресс как победу сатаны, как бунт против божества. Экономика, техника, наука — это всего лишь искушения, которые неизбежно ведут к гибели, материальные ценности развиваются лишь в ущерб духовным. Чем выше поднимаются в материальном плане, тем ниже опускаются в плане духовном. Материя «опошляет» дух, «цивилизация» уничтожает «культуру». Дух, противопоставляемый материи, культура, противопоставляемая цивилизации, — эти ложные антитезы суть странные плоды этих доктрин.

Зато те, кто безоговорочно признает эволюционизм, не признавая, однако, гигантского прогресса, достигнутого человеком впоследствии, рассматривают науку и технику как «оснащение», культурное «вооружение» «человеческого зверя», которые, наподобие клыков, когтей, змеиного яда, рискуют превратить человека в самого ужасного и самого опасного хищного зверя на земле. Чем больше будет

прогрессировать человек в научном и техническом плане, тем шире будут возможности и разнообразней средства для проявления его свирепости, пределы которой предвидеть невозможно. Те современные народы, которых мы называем «первобытными», — это всего лишь народы «выродившиеся», побежденные более сильными и отодвинутые на «периферию истории». Существует не «первобытный» или «развитый» человек, а только «сильные» и «слабые». Отсюда «право более сильного» господствовать и эксплуатировать менее сильного: Also sprach Zarathustra («Так говорил Заратустра»).

За исходную точку в теории прогресса марксизм берет

==373

научно-технический прогресс, изучая его во всех аспектах, учитывая все его последствия для человека.

Научная (мы имеем в виду здесь только естественные науки) и техническая деятельность не является автономной. Она — неотъемлемая часть экономической деятельности общества. Как говорит Маркс, в общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, независимые от их воли отношения — в производственные отношения, соответствующие определенному уровню развития материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальную базу, на которой возвышается юридическая и политическая надстройка и которой соответствуют определенные формы общественного сознания. Главным, но не единственным фактором, определяющим характер общественного строя, а также переход общества от одного строя к другому, является способ производства материальных благ, т. е. производительные силы и производственные отношения. Необходимо уточнить, что в теории прогресса производительные силы включают в себя не только орудия производства, но и людей, приводящих их в движение, опыт в области производства и трудовые навыки. Этот факт имеет огромное значение. На деле это означает, что научно-технический прогресс происходит не вне человека, а через человека, приводя к очень значительным последствиям для самого человека, последствиям не только техническим и материальным, но также интеллектуальным и моральным. Опыт в области производства означает расширение интеллектуального горизонта. Он является увеличением не только физической силы, но и духовной власти человека над природой, следовательно, новым шагом вперед по пути к истине. Трудовые навыки являются в то же время навыками моральными: искусство властвовать над собой, дисциплина, сотрудничество, производительность, творчество. Труд является основным фактором не только антропогенеза, но и беспрестанного всестороннего совершенствования человека.

Более того, всякая перемена в способе производства влечет за собой соответствующее изменение в социальной, политической и духовной жизни.

Каждая социальная революция именно потому, что она производит коренной переворот в экономическом базисе общества и переводит его на более высокий уровень, рано

==374

или поздно более или менее полно совершает коренной переворот и в надстройке, поднимая ее на тот же уровень развития. Если этого не происходит, то от этого страдает все общество в целом, в том числе его способ производства.

Здесь мы затрагиваем другой факт, лежащий в основе понимания социального прогресса. Этот прогресс всегда и необходимо является разносторонним. Он включает, разумеется, и экономический прогресс. Однако он не исключительно экономический, но вместе с тем и технический, научный, политический, юридический, моральный, художественный, философский и т. д. То основное и бесспорное, что мы имеем здесь в виду, это то, что прогресс во всех своих без исключения формах есть прогресс человеческий. Он всегда совершается людьми, только людьми и для людей и несет в себе преобразующие последствия для людей. Итак, единственный пригодный — объективно пригодный — критерий в области прогресса — это степень улучшения человеческого существования, степень совершенствования человека как такового. Ставить проблему иначе значило бы отрицать само значение всякого социального прогресса, лишать это понятие всякого теоретического или практического интереса. Прогресс — это наиболее драматичная из проблем человечества именно потому, что он содержит в себе в конкретной и непосредственной форме вопрос о смысле истории.

В этом корень проблемы, а также и ее неизбежное решение. Те, кто верит в ценности, стоящие над человеком, — в религиозные, метафизические, идеалистические, спиритуалистические ценности, склонны рассматривать прогресс как упадок и отчуждение человека.

Реальный прогресс, т. е. исторически реальный, соответствующий объективным законам развития общества, происходит в двух различных, но связанных плоскостях, которые постоянно поддерживают друг друга. Он заключается, с одной стороны, в постоянном завоевании и все лучше овладении природой — господство, выражающееся в непрерывном развитии науки и техники, точнее, в развитии экономического производства. С другой стороны, прогресс есть движение ко все более высоким типам общественных формаций, развивающихся революционным путем от первобытной общины к рабовладельческому строю, от феодализма к капитализму и, наконец, от социализма к коммунизму. Коммунизм знаменует собой высший этап

==375

I

освобождения человека, конец эксплуатации и угнетения человека человеком. В коммунистическом обществе, которое строится на наших глазах во всех социалистических странах, и прежде всего в Советском Союзе, научно-технический прогресс сопрягается с прогрессом социальным, политическим, юридическим, философским, артистическим и особенно моральным. Этот прогресс в духовной области вполне очевиден и играет решающую роль. При коммунистическом строе человек становится хозяином не только природы, но и общества. Он строит не только новую экономику, планируемую социалистическую экономику, но и новую мораль, которая со временем сделает ненужными государство и право. А новая этика — это новый человек, гармонично развитая личность, но не в «аристократическом» смысле исключительности, а в том смысле (речь идет здесь о массовом явлении), что каждому дается возможность всестороннего образования в соответствии с высшей моралью, с коммунистической моралью, которая оценивает и гармонично соединяет все великие достижения человечества. Став хозяином природы и общества, — что предполагает знание и использование их объективных законов, поставленных на службу потребностям человека, — человек сделает самый важный шаг в своем развитии: освободит себя от слепого господства природы и общества, возьмет в руки свою собственную судьбу.

Такой необычайный, беспрецедентный прогресс смог появиться в истории только на основе самого передового способа производства, на основе производительных сил, предполагающих очень развитую науку и технику, — на основе социалистических производственных отношений, характеризующихся сотрудничеством и взаимопомощью, отношений в высшей степени моральных в самой своей основе. Действительно, самый показательный качественный скачок, вызванный строительством

социалистической экономики, — это высокая нравственность трудящихся, энтузиазм масс по отношению к образованию, к обогащению своих знаний, к творчеству.

Человек коммунистического общества занят только той деятельностью, которая на деле обеспечивает ему господство над природой и обществом, а также его собственное непрерывное совершенствование: экономической, технической, научной, философской, артистической, моральной деятельностью. Ничего не отброшено в сторону из тех

==376

достижений цивилизации, которые способствуют развитию людей, ничего не оставлено от того, что его задерживает или ослабляет. Марксизм-ленинизм — это единственный реальный и всеобщий гуманизм.

Все средства, находящиеся в распоряжении социалистического и коммунистического общества, служат людям, их материальному и духовному процветанию. При социализме и при коммунизме человек есть и остается высшей ценностью. Ничто не может быть поставлено выше человека.

Речь идет не о простом моральном пожелании, а о реальном историческом процессе. Только социалистическое и коммунистическое общество способно указать критерии, а также реальные направления прогресса. В новом обществе теория прогресса ежесекундно подтверждается на практике.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЗВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

ВЕРКОР (Франция)

Мне немножко страшно выступать в этом собеседовании, так как по образованию я не являюсь ни историком, ни экономистом, ни юристом, ни социологом, ни философом, и даже в литературе я писатель только в силу случайности. Однако настаивали, чтобы я сказал здесь, как я представляю себе будущее человечества. Я уступил этим настояниям, так как у меня действительно есть некоторые собственные идеи относительно этого будущего, вернее, о том, как следует рассматривать это будущее. Мне самому мои идеи кажутся очень сильными, так как они производят впечатление совершенно очевидных; но мне трудно сформулировать их соответственно системе, принятой у специалистов по гуманитарным наукам, т. е. соответственно системе, к которой я не очень привык. Надеюсь, что ко мне отнесутся доброжелательно и снисходительно и не взыщут за то, что мои слова, несомненно, будут звучать дилетантски для слишком просвещенного слуха. Заранее вас за это благодарю.

Итак, меня спрашивают: «Какое будущее, по вашему мнению, ожидает человечество?» Я чувствую себя обязанным ответить прежде всего тоже вопросом: «О каком именно будущем идет речь?» В зависимости от того, о какой

==377

определенной области будет речь, ответы будут весьма различны. Но в большинстве случаев у них будет то преимущество, что, ограниченные таким образом, они будут возможны. Например, можно сделать некоторый правдоподобный прогноз относительно того, каким будет наш быт в более или менее близком будущем. Исходя из имеющихся у нас данных, можно строить гипотезы, имеющие

некоторые шансы оказаться правильными. Так же, если спросить, «каких можно ждать открытий в физике или биологии в течение ближайших лет?», то ученые окажутся более или менее в силах сформулировать серьезные предположения. Или: «каков будет политический и общественный строй будущего мира?» Диалектика исторического материализма — метод, который, если его правильно применять, позволит, несомненно, сформулировать не слишком смелые предположения. И все же, если даже сложить один с другим эти вопросы, образуют ли они сумму, которая может содержать исчерпывающий ответ? К тому же к этой сумме можно прибавить еще сколько угодно вопросов и ответов — о будущем искусства, религий, философии, правосудия, медицины, промышленности, источников энергии, производства и оборота товаров и т. д. и т. п. И когда мы ответили бы на все эти частные вопросы, пришлось бы признать, что мы еще и не начали отвечать на первый и такой простой вопрос о будущем человека.

Профессор Поршнева и Морис Корнфорт поставили вопрос о прогрессе человечества именно так, как только и можно его ставить, — объективно. Но я не уверен, что ответы на этот вопрос скажут нам что-то объективное о будущем человека. Г-н Корнфорт спрашивает: можно ли сказать, что существуют объективные законы прогресса, которые действуют в истории? Можно ли в свете этих законов научно оценивать прогресс в прошлом и предвидеть его в будущем? Профессор Поршнева развивал идею, что вопрос о прогрессе надо рассматривать исходя из хронологической непрерывности и ускорения ритма истории. Главное в прогрессе, в этой непрерывности — процесс экономического и политического освобождения все более широких масс.

Именно объективное определение исторического прогресса позволяет научно изучать кривую развития и относительно верно видеть состояние прогресса человечества в любой точке этой кривой, хотя бы и в будущем.

==378

Однако есть вопрос, на который нельзя ответить и изучая эту кривую, — куда она нас ведет?

Другими словами, можно сказать: кривая прогресса человечества показывает, что экономическое и политическое освобождение масс ускоряется; но когда это освобождение завершится, что же будут делать массы с это» свободой?

Извините, но я должен сказать, что, пока на этот вопрос не будет дан объективный и вразумительный ответ, все другие ответы останутся связанными с частичными представлениями о прогрессе, которые нельзя смешивать с представлением о будущем человечества, т. е. с понятием прогресса, взятым в целом. У нас будет некоторое представление о направлении хода прогресса, но не будет никакой уверенности, что именно это направление ведет куда-нибудь. Например, если бы оно, к несчастью, вело к исчезновению человечества путем уничтожения его ядерной энергией, то можно ли было бы назвать такую кривую кривой прогресса человечества? Таким образом, мы можем составить себе довольно точное представление о координатах, к которым не должна вести нас кривая прогресса. Но фактически мы не можем составить себе никакого представления о координатах, к которым она должна привести. Мы не можем быть объективно уверены, что с точки зрения исключительно биологического совершенства вид „человек» превосходит вид «обезьяна». Эволюционный прогресс можно понимать только как развитие разума, ?мозга, а следовательно, как появление мысли.

Отсюда следует, что мы не можем отрывать прогресс рода человеческого от прогресса мысли или можем сделать это только искусственно. И тогда вопрос формулируется так: куда ведет нас кривая прогресса человеческой мысли?

У нас, конечно, есть некоторое представление и об этой кривой; к тому же ход ее равнозначен ходу социального освобождения, я, как мы увидим, это не случайно. После тысячелетних усилий мы кое-что знаем о нашем происхождении, о нашем биологическом строении, о некоторых законах мышления, мы начинаем постигать отношение между психикой и телом и обратно, мы знаем кое-что о том, как формируется мысль и функционирует память. Правда, по этим двум последним пунктам мнения весьма различны

==379

«

(если не противоположны) даже среди специалистов. С одной стороны, последователи Павлова не хотят видеть в памяти и мысли ничего, кроме нервного тока, возбуждаемого или усыпляемого условными рефлексам. С другой стороны, их противники — антипавловцы — утверждают, что мышление находится вне какой бы то ни было материальной системы; однако они до сих пор не в состоянии сказать, где же именно. И та и другая сторона опирается на серьезные опыты, проводившиеся рационально и с критическим подходом; таким образом, мы имеем право говорить себе, при нынешнем уровне наших знаний, что обе они правы или обе неправы. Что касается меня, то я склонен полагать, что крупницы энергии, образующие как неживую, так и живую материю, обладают внутри себя вторым свойством, скрытым или явным—ощущением. В неживой материи оно скрытое. Если последняя подвергается действию закона энтропии, случая или растущего беспорядка, то, может быть, это происходит вследствие того, что ощущение не может в ней актуализироваться. В живой материи оно, наоборот, явное, и последняя, таким образом, подчиняется антислучаю, воле к организации, присущей энергии, когда условия наконец становятся такими, что может реализоваться первенство восприятия, чувствительности. По-видимому, еще далеко то время, когда можно будет подвергнуть такую гипотезу экспериментальному исследованию. Это будет возможно тогда, когда будут созданы достаточно тонкие приборы для измерения и наблюдения, и в особенности тогда, когда будет найдено средство устранить главное препятствие для экспериментов этого рода: невозможность получить результаты, точность которых не нарушалась бы присутствием приборов и экспериментаторов.

Я позволил себе высказать здесь такую гипотезу — скорее необоснованную, чем неосторожную — только для того, чтобы проиллюстрировать свои первые положения. То, что это предположение, объясняющее появление жизни из неживой материи, нельзя отбросить сразу, каким бы несолидным оно ни было, означает, что никакое другое, при нашем уровне знаний, не является ни более вероятным, ни менее несолидным. Значит, в настоящее время мы пребываем в глубочайшем незнании глубин структуры мира, а вместе с ней и структуры протоплазмы и, наконец, вершины эволюции — людей, хотя эти создания нам так хорошо знакомы. Из этого следует, что их будущее и

==380

кривая того, что они называют прогрессом, также погружены во тьму, и мы о них ничего не знаем.

Мы не знаем, что мы такое, и в сущности в этом-то и дело. Если мы примем это незнание за отправную точку, . тогда мы сможем дать этой кривой приемлемую конечную точку. Анализируя наше положение

на земле — прежде всего положение невежд, — мы можем найти средства, чтобы выйти из этого положения, и затем, изучая применение этих средств, мы сможем составить себе более определенное представление о будущем, к которому идут люди.

Раз я уже заговорил о том, что мы невежды, придется остановиться на этом подробнее. Я убедился на опыте, что эта мысль, несмотря на всю свою очевидность, не принимается сразу рассудком, когда ему ее предлагают. Реагируя на нее, наш разум почти всегда пытается ее опровергнуть. Между тем незнание — первооснова нашего духовного мира. Наши мысли — это усилия, цель которых — уничтожить наше незнание, подвинуть вперед наши знания, заткнуть в них дыры и устранить недочеты. При свете солнца не зажигают свечу, чтобы лучше видеть; если мы что-либо знаем в совершенстве, нам об этом больше не к чему думать. Следовательно, идя до конца, мы должны сказать, что если не останется ничего нам неизвестного, то мысль станет излишней. Мы еще сможем жонглировать нашими совершенными знаниями, но поскольку это не могло бы дать, раз наше незнание истощено, никаких новых знаний и никакого прогресса в этих знаниях, то неверно было бы вообще называть мышлением эту бесплодную и бесцельную духовную деятельность. Конечно, это — невозможная гипотеза, потому что, даже обладая всезнанием, мы должны были бы еще мыслить, чтобы ориентироваться в обстоятельствах жизни; но ясно также, что это означает одно: поскольку жизненные обстоятельства являются проблемами, они состоят также из незнания и решений, иначе нам не нужно было бы принимать относительно них никаких решений, а следовательно, и думать. Например, если инженер знает все о сопротивлении материалов, ему уже не нужно думать об этих знаниях, пока ему не понадобится рассчитать сопротивление какой-нибудь плотины; а раз ему нужно его рассчитать — значит он не знает еще решения этой частной проблемы. Таким образом, мы снова возвращаемся к неразлучной паре, которую составляют мысль и незнание, подобно свету и тени; и первый

==381

краеугольный камень картезианской формулы *cogito ergo sum* (мыслю — следовательно существую) следовало бы дополнить так: *cogito ergo ignore* (мыслю — следовательно не знаю).

Но к этому положению: «я мыслю — следовательно не знаю» следовало бы добавить: «я мыслю — следовательно я отказываюсь». Я отказываюсь не знать. Если я не могу мыслить без предварительного незнания, то обратное неверно, и я прекрасно могу не знать и не мыслить. И надо признаться, так обстоит дело со многими людьми... И вполне возможно, что род человеческий, как и другие виды животных, спокойно выносил свое незнание в течение десятков, если не сотен тысячелетий, прежде чем захотел его победить, прежде чем даже задумался о нем. Человек действительно выделился из мира животных только в тот день, когда, очутившись перед каким-то препятствием или проблемой, которую поставила перед ним его жизнедеятельность, не удовольствовался уже одним-единственным ответом, немедленно продиктованным ему автоматическим импульсом, его врожденными и благоприобретенными рефлексам, а попытался, сделав совершенно новое для себя умственное усилие, преодолеть это препятствие или разрешить эту проблему, выбрав, более или менее сознательно, одно из нескольких средств. Именно в этот день началась великая и полная приключений, настоящая жизнь человека. «Животное знает, — писал Тейяр де Шарден, — а человек знает, что он знает», а из этого следует и обратное — он знает, что он не знает. Если бы он принял это незнание, не реагируя на него, не пытаясь его преодолеть, одним словом, не отказываясь от него, он остался бы приматом, сделавшим несколько шагов вперед по пути эволюции, несколько лучше умственно вооруженным, чем обезьяна. В своей «Диалектике природы» Энгельс очень хорошо показал, как это превосходство привело человека к более общественному образу жизни в племени, как одновременно выбор между несколькими средствами удовлетворения насущной потребности вел его к практическому изобретению все более совершенных орудий труда. Может быть, он все же недостаточно подчеркнул тот факт, что все это было бы невозможно, если бы человек удовольствовался, разрешая множество жизненных проблем,

повиновением своим автоматическим импульсам — притом вполне целесообразным, как у всех других видов; если бы в один

==382

прекрасный день он не противопоставил бы тем бесчисленным препятствиям, с которыми он сталкивался ежедневно, отказ испытывать их, не изучая их, т. е. не познав их. Как ни медленно и ни постепенно осуществлялось это осознание, нельзя представить себе такую перемену без зарождения в человеческом мозгу совершенно нового процесса: воли. Между любопытством и исследованием лежит пропасть, состоящая из усилия сосредоточить внимание на чем-то и это что-то объяснить. Это усилие не может быть продуктом автоматического импульса, полученного посредством атавизма. Оно требует совершенно самостоятельной мобилизации нервной энергии. И поскольку невозможно представить себе систему автоматических импульсов, незаметно переходящую в противоположную систему — систему сознательной воли, то ясно, что на определенном уровне усложнения чувственности произошел разрыв, произошло то, что Тейяр де Шарден назвал «шагом рефлексии», — это необыкновенное обращение чувствительности на самое себя и в то же время отделение от окружающей среды, освобождение, или, если можно так выразиться, «взятие в свои руки» своей судьбы. Но в этот момент происходит нечто, пока для нас необъяснимое. Этот «шаг рефлексии» совершен на уже прекрасно организованной территории: в мозгу. Новые ассоциации, новые контакты между нервными токами, которые устремляются одни к другим из миллиардов нейронов, новые сцепления, которые образуют сознательную мысль, совершаются на той же территории, между теми же нейронами или, по меньшей мере, эквивалентными. А эти нейроны в течение тысячелетий умеют пользоваться, или, лучше сказать, во избежание всякого антропоморфизма, непосредственно участвуют в наиболее сложных физико-химических законах, начиная с волновой механики (в зрении). Нейроны мозга коровы, получая сигнал от сетчатой оболочки, которая сообщает им о вторжении некой дозы квант энергии, умеют прекрасно преобразовать эти сигналы в зеленый цвет и в образ травы, которую можно есть. И эти же самые нейроны, с того момента как благодаря им ощущение превращается в сознание, вдруг как будто все забывают. Та же волновая механика, которой нейроны легко управляют в течение дня, потребует от разума тысячелетних усилий на то, чтобы вырвать у тех же нейронов, хотя они-то и образуют этот самый разум, бесконечно малую частицу познания

==383

явлений, которые они порождают. Нейроны породили разум, но в то же время они как будто опустили железный занавес между ним и собою. И разум блуждает в одиночестве, он нащупывает во тьме, как слепой ребенок, покинутый в лесу. Какое будущее ожидает этого ребенка? Вот настоящее значение поставленного перед нами вопроса.

Каково может быть будущее детища природы, живущего в природе и ею, но покинутого природой в полном незнании? Какое может у него быть другое будущее, кроме того, чтобы вырвать у природы то, что она отказывается дать? Конечно, внутри природы существует страшная раздвоенность, но это дело не наших рук. Мы делаем как раз обратное: отказываемся от этой двойственности и боремся за ее уничтожение. «Это был человек, — говорит Гете о Шиллере, — то есть борец». Для человека, как мыслящего существа, нет другого будущего, кроме этой борьбы.

При таком подходе будущее представляется нам менее темным и неясным. В этой перспективе у человека появляется наконец цель, кривая прогресса идет к координатам, которые можно себе вообразить. Отец Тейяр де Шарден, будучи религиозным, называет эту цель Омегой, обозначая этим символом конечное единение, которое предлагает нам бог. Умы нерелигиозные могут, я думаю, назвать эту цель познанием, к которому нас зовет только внутренняя воля осознанной энергии, наиболее законченным воплощением которой является в настоящее время человек. В представлении Тейяра, движущая сила — бог, который притягивает нас к себе извне; в представлении рационалиста, движущая сила кроется в материи, которая сама себе сообщает движение изнутри. Но цель одна и та же.

Что касается меня, то я, как вы знаете, склонен ввести в это движение еще одно понятие — понятие отказа и бунта. Мне не кажется вероятным, что материя, одухотворенная ли богом или обладающая присущей ей самой чувствительностью, могла бы стремиться в течение миллиардов тысячелетий к осознанию самой себя, к осознанию, с которым ей, по-моему, было бы нечего делать. Мне очень трудно вообразить, что материи или Богу, через все головокружительные космические потрясения, породившие вместе с галактиками солнечную систему, нужно было создать мозг Альберта Эйнштейна для того, чтобы появилась теория относительности. Тут есть что-то неправдоподобное. Мне кажется более похожим на истину предположение,

==384

что по мере того как организация сознательной энергии, эволюционируя, становилась все более совершенной и функции мозга, развиваясь вместе с человеческим родом, приобретали все новые возможности, произошло некоторое переполнение, эта функция перешагнула за свои прежние пределы простой эффективности. Одним словом, произошло нечто вроде гипертрофии чувствительности, положительными последствиями которой с точки зрения рода была победа человеческого рода над другими конкурировавшими видами. Но были и последствия отрицательные: в силу различных причин, императивных с точки зрения сохранения индивидуума, это переполнение, эта гипертрофия сознательного начала разорвали органическую связь с глубинами бытия. И отсюда — участь слепого ребенка, покинутого в лесу в полнейшем незнании, незнании даже того, что он там делает и что он сам такое. Отсюда и этот отказ, и эта потребность, это волевое стремление к свету. Повторяю, это только мое личное толкование вещей, и оно ничего не изменяет в самой цели, которая остается той же. что вытекает из толкования как отца Тейяра, так и материалистов: борьба за познание.

И именно в этом, я считаю, самое удивительное: толкований много, они различны, иногда противоречивы, и все же они приходят к одному заключению: будущее человека — познание, а средство его достижения — труд. Я лично уверен, что другого ответа нет. Средства нам известны: надо дать возможность наибольшему числу умов вступить в тысячелетнюю борьбу. Благодаря их числу и взаимодействию в конце концов будет завоевано познание. Отсюда следует, что первейший долг человеческих обществ — дать возможность этим умам функционировать в наилучших условиях. Таким образом, ясно, что материальный прогресс не может быть целью сам по себе, но является необходимым средством для достижения истинной цели, победы человека через познание. И поскольку, исходя из этого, с другой стороны, ясно, что в этой перспективе понятия добра и зла сливаются с понятиями о том, что способствует или мешает борьбе человека за познание, нельзя не видеть также, что есть хорошие и плохие человеческие общества. Уже не говоря об обществах абсолютно, органически плохих, как мальтузианские аристократии, всякий эгоистический политический строй, преследующий иноплеменников, всякий рабовладельческий или

колониальный строй, наконец, всякий расизм, и прежде всего нацизм, проповедующий учение о расе господ, есть и общества внешне демократические, но стоящие немногим больше; это те, которые выливаются в некую религию государства с ее застывшими и императивными догмами, враждебные всяким исканиям, которые могли бы поставить под сомнение эти догмы; те, гражданам которых с раннего детства внушается вера, что счастье человека — это только материальный комфорт и вместе с ним личное счастье. Мы должны бороться изо всех сил против нищеты и голода не только потому, что этого требуют справедливость и милосердие, но и потому, что нищета и голод — главные препятствия на пути приобщения миллионов умов к общей борьбе людей против незнания. Материальный комфорт и экономическая обеспеченность нужны, они необходимы, но не ради личного счастья, для которого их, впрочем, и недостаточно, а потому, что в условиях необеспеченности и отсутствия комфорта мозг работает плохо и неизбежно направляет все усилия исключительно к тому, чтобы избавиться от этой необеспеченности и отсутствия комфорта, и, таким образом, не участвует в общей борьбе. Итак, ясно, что всякое общество; в котором одни люди эксплуатируют других, в котором каждый, являясь врагом всех других, должен бороться за свою жизнь или свободу, если даже эта борьба лично ему дает известную обеспеченность и, как следствие, известное счастье, — такое общество неспособно содействовать в первую очередь стремлению к познанию, а следовательно, оно принадлежит к обществам, которым надо измениться, чтобы идти вперед по пути развития человеческой мысли.

Нельзя не видеть также, какие опасности угрожают прежде всего таким обществам, в которых каждый человек должен бороться в одиночку за жизнь, каждый народ — за свое экономическое превосходство. Вместо того чтобы поощрять солидарность умов в борьбе за познание, эти общества, наоборот, постоянно восстанавливают их друг против друга, стараются отвлечь их от этой общей и братской борьбы ради конкуренции, которая может стать убийственной. И это не единственная опасность. Предположим, будет достигнуто достаточное благоденствие для того, чтобы битва за жизнь приняла мирный и деликатный характер, — останется другая и серьезная опасность, что техника поглотит науку, т. е. что практические исследования,

неотъемлемо связанные с этим благоденствием, похоронят исследования бескорыстные.

А для истинного будущего человека технические исследования всегда будут только средством, бескорыстные же сливаются с высшей целью — познанием. Таким образом, господство первых над вторыми было бы несчастьем. Признаем, однако, что та же опасность может угрожать и другим формам общества, поскольку и они могут потерять из виду высшую цель, увлекшись техническим прогрессом. Поэтому я считаю, что с каждым днем становится все более необходимой этика, основанная на присущем нам незнании, на нашем отказе его принимать, на нашем бунте против этого положения илотов. Нам грозит опасность, что верх возьмет другая этика, насквозь практическая, опирающаяся на потрясающие успехи современной техники; эта этика замкнула бы человеческий разум в самом себе, в безграничном самодовольстве, которое может привести нас к новой духовной дикости. Кое-где раздаются уже тревожные вопли. Уже необходимость ограничивать исследования все более узкими областями приводит к тому, что многие молодые искатели замыкаются в своих специальностях, перестают интересоваться всем остальным, подчас даже своими ближайшими соседями, начинают презирать другие виды умственной деятельности и — что еще хуже — случается, этим хвастают. В

результате уже сейчас во многих областях наблюдается начало склероза, исследования душатся. Я считаю необходимым — и надо начать это немедленно — с детства приучать молодые умы понимать истинные цели человеческого прогресса, научить их понимать, что эти цели не ограничиваются личным успехом, экономическим благосостоянием и дорогим автомобилем. А ведь многие из них воспитаны именно в таких устремлениях! Надо внушить им также, что они не могут ограничиться развитием источников энергии, открытием новых, даже отправкой астронавтов на другие планеты, если единственной целью всего этого будет — водрузить там свое государственное знамя. Надо заставить их понять, что эти великолепные победы — только необходимые орудия для освобождения людей от всякого разъединения, для того, чтобы они благодаря материальной обеспеченности и фантастическому прогрессу технических наук могли, используя могущество своего разума, продолжать двигаться вперед по terra Incognita — неизвестной, полной бесчисленных тайн,

==387

стоящих перед их волей к знанию. Истинная цель человеческого прогресса — это чтобы люди вырвали у природы (и прежде всего у той части природы, которая управляет их собственным организмом) то, что им странным образом недоступно и от них скрыто. Победить свое незнание как таковое — вот, по моему мнению, единственное и истинное назначение людей, как существ одаренных способностью мыслить. И мне кажется, что эта длящаяся тысячелетиями борьба достаточно величественна, чтобы увлечь всю молодежь мира.

ДИСКУССИЯ

ДЖОН ДЕСМОНД БЕРНАЛ

Веркор определил прогресс как движение знаний, разума, направленное на то, чтобы познать и понять Вселенную. Это — критерий и даже цель прогресса. Я согласен с этим, но с добавлением, что в этом только половина истины. Существует более глубокое положение: мы все признали здесь, что конец эксплуатации открывает перед всеми возможности культуры.

КОНСТАНТИН И. ГУЛИАН (Румыния)

Споры о прогрессе, бесспорно, носят этический характер, независимо от того, сознают это или нет противники технического прогресса. Конфликт достигает максимальной остроты между теми, кто видит в техническом прогрессе настоящую моральную рану, подавление духа, и теми, кто рассматривает его как основное условие гармоничного развития человека.

В наши дни многие западные философы, социологи и экономисты откровенно выступают против техники.

Самым ярким представителем этой теории является Мэмфорд. Его концепция «оригинальна» потому, что, ненавидя технику и прогресс, он прославляет войну. Он утверждает, что производство должно опираться на массовое уничтожение. Он также применяет диалектику, но применяет ее по-своему. «Ибо это вполне установленный факт,— говорит он, — что ничто не обеспечивает замены продуктов лучше, чем организованное уничтожение. В этом смысле

==388

война предстает не только как душа пышущего здоровьем государства, но и как душа машины».

французский социолог Ж. Бардэ в своей книге «Завтра — 2000 год!» (Париж, 1952 г.) призывает нас заменить современный технический прогресс феодальной деревней, он убеждает нас, что тогда человек смог бы избежать поглощения машинами и смог бы обрести «ритм космоса и бога». Английский философ А. Д. Ритчи в своем произведении «Наука и политика» (1947 г.) заявляет, что технический прогресс — это обманчивое понятие, что по сути дела не человек покоряет природу, а, напротив, именно он «покоряется силой машин». Нужно напомнить также, что многочисленные западные философы и публицисты хотят доказать, что Запад — единственно признанный представитель гуманизма.

Г-н Магала-Видена показал нам значение техники в греческой культуре. Нужно добавить, что вера в прогресс у гуманистов — мы имеем в виду Леонардо да Винчи, Джордано Бруно, Декарта, Дидро, Гёте — была тесно связана с глубоким пониманием науки и техники, их значения как орудия господства над природой. Да Винчи был великим изобретателем. Бэкон провозглашал, что технический прогресс — основа науки и философии, познания и господства над природой, что его единственная цель — улучшение жизни людей. В последние годы своей жизни Гёте с большим интересом следил за основными техническими проблемами своего времени. Он очень хотел, чтобы был построен Суэцкий канал. И «Фауст» заканчивается показом героя, который осушает болотистую местность, чтобы превратить ее в плодородное поле.

Идеи, враждебные технике, кажутся нам выражением идеологии соответствующего класса, который не верит больше в прогресс или пытается превратить его в козла отпущения противоречий капитализма. Очень большое число западных идеологов представляет борьбу за технический прогресс в социалистических странах как огромную моральную слабость.

Многие авторы-немарксисты упрекают социализм в его якобы «невнимании» к человеку и заявляют, что при социалистическом строе все подчинено технике и производству. Так, например, священник Биго доказывает, что единственным законом при этом строе является будто бы «индустриализация ради индустриализации». Жан Мар

==389

шаль утверждает, что марксизм рассматривает человека «только с материальной точки зрения». Извращение отношения «средства — цель» — это очень избитый и затасканный способ поношения марксизма.

Марксистская концепция гуманизма исходит из того, что развитие духовной жизни человечества было бы невозможно без высокого уровня развития материального производства на основе общественной собственности на средства производства. Это производство, следовательно, является не целью в себе, а средством, необходимой базой духовного развития. С момента своего возвышения и до наших дней буржуазия ставила на первый план материальные наслаждения ничтожного меньшинства; марксисты же, впервые в истории добились политического и духовного развития всех членов социалистического общества. Великая социалистическая революция показала эксплуатируемым массам всего земного шара, что смысл жизни должен быть обретен политической борьбой. Для марксистов смысл жизни не имеет ничего общего с эстетическими наслаждениями горстки избранных.

Марксистский гуманизм не только возвещает об огромных возможностях людей в деле создания ценностей, но он еще и показывает, -что нельзя создавать духовные ценности, не поняв существования. Но не того существования, которое возвещают экзистенциалисты: вопрос стоит о завоевании людьми элементарных прав на существование. Диалектика политической и этической сферы такова. что, борясь

за существование, массы в то же время поднимаются до духовных ценностей, ибо политическая борьба против капитала невозможна без солидарности трудящихся, являющейся самым конкретным выражением преодоления узколичных интересов, диалектического преодоления людьми собственного «Я»...

Сегодня среди христиан «атеистов» есть люди, которые искренне, честно стремятся найти смысл жизни. Можно сказать, что их отправная точка является этической. Выше всего они ставят духовные ценности, они верят в человека, они хотят служить человечеству. Но как можно лучше всего в наше время служить человечеству, если не участием в борьбе за материальное и духовное освобождение человека?

У спиритуалистских или экзистенциалистских философов и писателей, которые присваивают себе монополию в

==390

спорах о судьбе человека, довольно странный взгляд на человека и его действительные потребности. Неужели они могут считать, что война, эксплуатация, голод и унижение — все бедствия, от которых страдает человечество, исчезнут сами по себе от их писаний о судьбе человека?

Любовь никогда не ограничивается простым заявлением. Те, кто действительно стремится служить человечеству, должны действовать, поскольку в нашу эпоху лучшие намерения и самые проникательные размышления о человеке ничего не стоят, если они не воплощаются в деятельность ради освобождения человечества.

В социалистических странах непрерывный рост производительности труда, самый короткий рабочий день неразрывно связаны с техническим прогрессом. Так, в социалистическом обществе технический прогресс становится основным условием для создания как материальных, так и духовных ценностей.

Но взятая отдельно техника не является ни положительной, ни отрицательной. Она становится средством прогресса, если она подчинена целям, которые преследует рабочий класс, представляющий в настоящее время исторический прогресс.

Значение социалистического гуманизма заключается как раз в том, что он унаследовал все предшествующие прогрессивные этические идеалы, сохранил идеал непрерывного развития человека в двойном, физическом и моральном, плане, но оно заключается в то же время в том, что он показал, что развитие человеческой личности возможно лишь тогда, когда устранены все препятствия, мешающие доступу масс к ценностям духовной жизни, и, наконец, в том, что он показал, что все это зависит в первую очередь от исчезновения эксплуатации и угнетения. Свободный от эксплуатации труд — это основа, на которой строится духовная жизнь; и ее главной чертой является новое отношение к труду. В социалистических странах сотни рабочих ежегодно становятся инженерами; множество талантов выявляется во время десятков конкурсов — по музыке, драматургии, пластическому искусству и т. д. Для тысяч простых людей открываются чудесные перспективы, позволяющие им беспрепятственно развивать свои собственные духовные способности. Бесчисленные изобретатели и артисты служат доказательством того, что при социалистическом строе гуманизм — это постоянное творчество, а не

обманчивая картина. Значительные бюджетные суммы расходуются на народное просвещение, здравоохранение, физическое воспитание, на выявление и развитие способностей и талантов; все это — конкретное, практическое применение гуманизма, о котором никогда и не мечтали самые смелые домарксистские утописты. Как бы многочисленны ни были книги с претенциозными заголовками, написанные о гуманизме в капиталистических странах, они остаются не более как напыщенной фразеологией, откровенно опровергаемой бесчисленными искаженными жизнями, бесчисленными талантами, задавленными нищетой.

Прочтите просто статистику министерств здравоохранения, образования и культуры Советского Союза и других социалистических стран; в ней содержится краткий и разящий ответ всем апологетам капитализма, всем клеветникам на социализм; это — статистика социалистического гуманизма, гуманизма в действии.

П. А. ШОМБАР ДЕ ЛОВ

Нарисованная г-ном Семеновым картина замечательна. Многие из нас могли бы подписаться почти подо всем, что он сказал. Но разве в области воспитания и образования масс не существует других исследователей, которых можно было бы сравнить с марксистскими? Я имею в виду, например, Данию, в которой начиная с 1850 г. развернулось прекрасное движение высших народных школ, Швецию, Англию. Нужно было бы посмотреть, как в различных странах в зависимости от различных идеологий могут совпадать искания, усилия и в какой мере марксизм, например, дает нам решения, совпадающие с другими решениями. Это было бы очень важно для начинаемого нами диалога.

Если пойти дальше и подумать об идеале, направленном на то, чтобы уничтожить социальные различия между людьми, дать одинаковые возможности всем без различия людям, то мы увидим, что вопрос об этом стоит уже две тысячи лет. Трудность христианства сегодня в том, что оно не всегда было верно тому, что проповедовало. С этим мы согласны, и если марксисты могут помочь нам вернуться к нашим истокам, мы будем им очень благодарны. В этом отношении между нами не -будет спора.

И еще одно слово о другом вопросе: о роли гуманитарных наук в социальных преобразованиях. Вчера социология больше ставилась под сомнение, чем описывалась. Нужно было бы посмотреть, как параллельно идеологическим спорам гуманитарные науки могли бы помочь избежать того, чтобы развитие техники не происходило в ущерб интересам самого человека, в ущерб возможности зарождения новых запросов. Главное — это гармоничное развитие гуманитарных и прочих наук. Как в странах Востока и Запада могут совпасть усилия, которые мы предпринимаем в этой области? Нужно было бы описывать конкретный опыт. Я был бы рад, пользуясь случаем, обсудить этот вопрос с советскими коллегами и с коллегами из различных стран Востока'.

ПРОГРЕСС И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

РОЖЕ ГАРОДИ V:—

"V Поскольку приближается конец "нашей работы, позвольте мне высказать свои соображения насчет того, что, как мне кажется, является центром наших разногласий относительно прогресса и будущего человечества.

Хотя целиком отрицающих прогресс среди нас и мало, многие выражали здесь тревогу, которую вызывает у них будущее. И показательно, что это происходило всякий раз, когда намечалась тенденция замолчать отрицательные стороны прогресса, его противоречивый, диалектический характер. Шла ли речь о несколько ханжеском оптимизме французских материалистов XVIII века или о мировоззрении Тейяра де Шардена, или о некоторых упрощениях марксизма, приписывающих движению к будущему характер механической необходимости; одним словом, всякий раз, когда прогресс изображался как некая идиллия, а не как битва, которую надо выиграть, возникали наиболее серьезные разногласия.

I В соответствии с пожеланием г-на Шомбара де Лов марксистские и христианские социологи собрались вне рамок настоящей встречи и провели первый обмен мнениями в Центре марксистских исследований.

==393

Я имею в виду, в частности, философию Жана Валя, которая кажется мне характерной для нашего времени. Лично я в области философии — антипод Валя, его мировоззрение является, по моему, полной противоположностью марксизму. Но я у него и учусь. В конце концов, если было бы нечему учиться даже у тех, чьи идеи мы оспариваем, то в чем же состоял бы диалог? Во всех своих произведениях — от «Несчастливого сознания» до «Кьеркегорианских этюдов» и «Метафизики» — Валь напоминает о важности отрицательного, «трагического» элемента в развитии жизни. Однако он склонен в своей справедливой реакции против линейной, упрощенческой или ханжеской концепции прогресса порой переоценивать этот трагический момент, идеализировать его и в конечном счете увековечивать. Вот в этом состоит, я думаю, центр разногласий, выявленных на нашей дискуссии и сделавших наш диалог жизненным и ценным.

Что касается выступлений д-ра Шошара и проф Фурастье, то в их взглядах есть много общего.

II Шошар, как, впрочем, в несколько иной форме и председатель нашей конференции А Ложье, усматривает движущую силу прогресса в биологических явлениях. Как утверждает II Шошар, все возможности человека заложены были в нем с самого начала существования человеческого рода. Подобная точка зрения, по моему, грешит финализмом, выходящим за рамки научного анализа и приближающимся к традиционной теологической концепции. Сущность этой концепции коротко сводится к тому, чтобы мысленно перенести результат развития в его начало и возвести в ранг «конечной причины» самого процесса. Благодаря такой операции идеи вещей объявляются первичными в качестве их творческого начала, сами же вещи — вторичными. И как бы ни возражал сам Шошар против этого обвинения, его биологическая интерпретация прогресса ведет к умалению социального начала в человеке.

Основное положение Ж Фурастье на первый взгляд прямо противоположно: он утверждает, что единственная движущая сила истории — не биология, а техника. Однако в сущности его концепция совпадает с концепцией II Шошара, оба они рассматривают прогресс линейно как количественный рост, а не как качественное развитие. Только Фурастье измеряет прогресс не развертыванием

==394

интеллекта, а ростом производительности труда Несомненно, что этот критерий прогресса очень важен и в масштабе тысячелетий был бы, вероятно, удовлетворительным, так как позволял бы нам устанавливать вехи для истории прошлого Но в применении же к будущему этот критерий не дает нам возможности ни увидеть перспективу, ни ее подготовить Жозуэ де Кастро весьма остроумно заметил, что выступление Фурастье отличалось пророческим тоном, но не исходило ни из какого реального предвидения Почему это так? Я думаю, потому, что проводимая им экстраполяция прошлого на будущее односторонняя; она учитывает лишь один из факторов (в данном случае производительность труда), но отвлекается от социальных отношений, внутри которых этот рост происходит А это не позволяет понять, как может рост производительности труда одновременно приносить и положительные для человечества результаты и ужасные, порождая кризисы, безработицу, войны

Общим у биологической и технократической концепций является то, что они не понимают противоречивого, диалектического характера общественного прогресса Между тем уже два столетия тому назад Жан-Жак Руссо, размышляя в своем «Рассуждении о неравенстве» о переходе от первобытного состояния к неравенству, порожденному зачатками прогресса, подчеркивал: «Каждый шаг последующего прогресса был, по видимости, шагом к совершенствованию индивидуума, а на деле — к одряхлению вида В глазах поэта род человеческий цивилизовали и погубили золото и серебро, в глазах философа — железо и хлеб». Высказывая это суждение, Руссо, если и не дал решения проблемы, то очень хорошо ее сформулировал Разделение труда с самого начала имело два ряда последствий благодаря ему возросла власть человека над природой, но одновременно и власть человека над человеком Не только богатство и власть сосредоточиваются на одном полюсе общества, а нищета и порабощение — на другом, но и умственный, или руководящий, труд, ставший привилегией, отделяется от физического, или исполнительского, труда, который становится уделом преобладающего большинства людей И пресловутая технократия, которую Ж Гурвич склонен рассматривать как всеобщее явление, неизбежное при всяком строе, является не чем иным, как одним из следствий частной собственности на средства производства.

==395

В результате разделения труда, повлекшего за собой разделение общества на классы, власть человека над природой неизмеримо возросла. В XIX веке техника и производительность труда достигли такого уровня, что практически стало возможным обеспечить средствами существования всех людей, принести всем богатство и могущество. Однако именно тогда стала еще более расти пропасть между теми, кто владеет этим богатством и властью в обществе, и теми, кто их лишен, как нам продемонстрировал Эрнест Лабрусс. Именно тогда, как нам показал Жозуэ де Кастро, голод и нищета, вместо того чтобы исчезнуть, стали распространяться по земному шару в результате колониализма

Как положить конец этому антагонистическому характеру прогресса? В наш век ядерной энергии и космических ракет общественный прогресс не может оставаться стихийным Однако планирование, за которое сейчас ратуют все, само по себе не является панацеей от всех зол Без ликвидации частной собственности на средства производства единственным результатом планирования оказывается замена конкуренции десятков тысяч частных предприятий конкуренцией между несколькими десятками монополий А эта борьба гигантов таит в себе еще больше опасностей для человечества. При наличии термоядерной бомбы и средств для ее почти моментальной доставки ракетами в любую точку земного шара нельзя допустить, без риска катастрофы, чтобы мощь, которой обладает современное человечество, оставалась на службе частных интересов, отличных от интересов народных масс

Таким образом, современное состояние техники настоятельно требует, под страхом смерти, научной организации производства и потребления в масштабе планеты. Пока же существует частная собственность на средства производства, всякое планирование, каким бы смелым оно ни было, противопоставляет достижения человеческого гения самому человечеству, как внешнюю, угрожающую его существованию силу. Только ликвидация частной собственности на средства производства позволит приступить к настоящему планированию, упорядочивающему производство не ради выгоды немногих, а для удовлетворения материальных и духовных потребностей всех. Это и есть определение социализма. Только тогда кончается разъединение, только тогда массы людей перестают быть средством для

==396

достижения целей немногих личностей, только тогда личные интересы перестанут противопоставляться интересам общественным. Человека будут ценить не по тому, чем он обладает как собственник, а за то, что он есть, что он собой представляет как творческая личность.

Мне кажется, эти перспективы не только открыты ныне для общества, но обязательны для человечества. Могущество современной науки и техники пробудило в массах одновременно и сознание грозящей опасности и сознание своей ответственности; во власти человечества ныне и уничтожить себя и достигнуть того гармоничного и всемогущего единства людей, которого христиане всегда ждали от бога и которое стало исторической действительностью благодаря победам, одержанным социализмом.

ЖАН ВАЛЬ

Я очень благодарен моему другу Гароди за сказанное им обо мне, меня это очень тронуло. Он характеризует меня словами «анти», говоря «антипод», «антитеза». Это, может быть, справедливо, но так как он говорил об отрицательном, то я чувствую себя отрицательным также и по отношению к самому себе и задаюсь вопросом об идее отрицательного. Та мысль, что отрицательное есть всегда отрицание чего-то, позволяет мне подчеркнуть две идеи: во первых, что это — общая идея и что, если хотите, барокко как нечто, отрицающее классицизм, отлично от отрицания, допустим, одного класса другим. Здесь заметны два момента отрицательного. Во-вторых, поскольку мы говорим «отрицательное по отношению к чему-то», то ему всегда предшествует положительное, следовательно.» я прихожу к тому, чтобы поставить идею отрицательного на второй план. Я признаю, что в своей книге о Гегеле я, может быть, излишне настаивал на элементах романтизма Гегеля, я его слишком притянул к Кьеркегору. В сущности, я предпочитаю иногда идею положительного идее отрицательного, только это бы устранило тот элемент трагического, которым я все же дорожу. В сущности, мое замечание относилось не столько к идее отрицательного, сколько к трагическому и к трудности найти решение. Момент отрицательного — это всего лишь форма для моего мышления, мышления вопрошающего.

==397

ПОЛЬ ШОШАР

Мне бы хотелось избежать недоразумения, поскольку я полностью согласен с г-ном Гароди. Я никогда не хотел сказать, что биология — двигатель истории; двигатель истории выявляют специалисты гуманитарных наук; в сущности, двигатель истории — это прежде всего научный прогресс, но мне

хотелось бы показать, что этот прогресс заключается в хорошем или плохом использовании человеком мозга. Я действительно считаю, что после кроманьонского человека в человеческом роде нет никакого биологического прогресса. Мозг совершенно не прогрессирует. И поскольку мой кроманьонский ребенок все больше выходит на сцену, я хотел бы, чтобы он был огражден от расизма! Говоря, что мой кроманьонский ребенок может поступить в политехнический институт, я все же хочу подчеркнуть следующее: чтобы он поступил в политехнический институт, нужно, чтобы этот институт существовал; мой кроманьонский ребенок не мог бы его создать, это продукт социального и исторического прогресса. И, выражаясь языком, более близким марксистам, я не вижу, почему мой кроманьонский ребенок, приведенный в бесклассовое коммунистическое общество, был бы вынужден обязательно пройти через стадию феодализма или капитализма. Разумеется, он был бы совершенно неспособен создать бесклассовое общество и коммунизм, но если его поместить в это общество, созданное всей эволюцией истории, то он сможет прекрасно войти в него.

ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ И ТЕОРИИ ПРОГРЕССА \

ЭДВАРД АРАБ-ОГЛЫ

Проблема общественного прогресса всегда была и остается одной из наиболее сложных и вместе с тем идеологически наиболее острых, полемичных в философии и социологии, в политэкономии и историографии. Она была поставлена и становится поныне в тесной, непосредственной зависимости от объективного хода истории, от перипетий происходящей в обществе борьбы за социальное и национальное освобождение человечества.

==398

Возникновение идеи прогресса

Само понятие «прогресс» для обозначения поступательного развития человечества, перехода от низших форм социальной жизни к высшим было впервые отчетливо сформулировано лишь в XVIII веке просветителями, идеологами восходящей буржуазии. До этого античные и средневековые философы и историки, как правило, рассматривали общественные явления и процессы либо сквозь призму циклического повторения событий; либо как регрессивное движение человечества от «золотого века»; либо, наконец, как претворение в жизнь божественного предопределения «избранным народом», поборниками «истинной веры». В подобных концепциях не было места идее прогресса, а сами конечные причины общественных процессов переносились на потусторонние, мистические силы, действующие якобы вне общества.

Это легко объяснимо: слишком скудными и разрозненными были их сведения о прошлом своего народа и жизни других стран, чтобы обнаружить объективные закономерности истории; слишком медленно протекал и сам общественный прогресс, слишком непрочными и преходящими были его достижения, чтобы быть замеченными на протяжении жизни одного или даже нескольких поколений.

Вот почему не приходится удивляться тому обстоятельству, что общественное развитие человечества вплоть до XVIII века изображалось преимущественно как «история величия и падения» отдельных народов (древних греков, римлян, германцев, арабов, монголов, турок и т. д.), о чем свидетельствуют хотя бы стереотипные заглавия исторических сочинений той эпохи. Даже бурный экономический и культурный расцвет, начавшийся в Западной Европе в XV веке, воспринимался его современниками просто как «возрождение» античной культуры и под таким именем, как известно, вошел в историю. «На средние века смотрели как на простой перерыв в ходе истории, причиненный тысячелетним всеобщим варварством,— замечал по этому поводу Ф. Энгельс... — А тем самым становился

невозможным правильным взгляд на великую историческую связь, и история, в лучшем случае, являлась не более, как готовым к услугам философа сборником примеров и иллюстраций».

Научное познание в общем и целом следует за

==399

объективным ходом развития предмета своего исследования. Так, история общества предстала перед учеными в виде борьбы классов лишь после того, как буржуазные революции сорвали с них сословные покровы. Аналогично этому и общественный прогресс, чтобы быть обнаруженным, должен был прежде сам обратить на себя внимание философов и историков. Только тогда, когда Западная Европа по уровню своего экономического и культурного развития явно превзошла античность и в ходе начавшейся промышленной революции дали о себе знать качественно совершенно новые, своеобразные процессы и явления, порожденные капитализмом, для выдающихся умов XVIII века стало очевидным, что они имеют дело с чем-то иным, а не просто с «возрождением античности». Именно тогда и появилось понятие «прогресс» и возникли различные теории поступательного движения человечества ко все более совершенным формам общественного строя — Тюрго и Кондорсэ во Франции, Присли, Гиббон в Англии, Гердер в Германии и т. д.

В идее прогресса воплощался исторический оптимизм революционной буржуазии того времени. Кондорсэ, например, прямо ставил своей целью «показать путем рассуждения и фактами, что не было намечено никакого предела в развитии человеческих способностей, что способность человека к совершенствованию действительно безгранична, что успехи в этом совершенствовании отныне независимы от какой бы то ни было силы, желающей его остановить... Без сомнения, прогресс может быть более или менее быстрым, но никогда развитие не пойдет вспять...» («Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума», М., 1936, стр. 5—6).

Буржуазная общественная мысль, однако, даже в пору своего расцвета оказалась неспособной сколь-нибудь удовлетворительно и последовательно-научно осветить проблему общественного прогресса. И, за немногим исключением (вроде философии истории Гегеля, а также Руссо), она даже отдаленно не приближалась к пониманию его диалектики.

Ее представители так и не смогли пойти дальше, чем элементарное расчленение всей истории общества на докапиталистическую и капиталистическую эпоху (представление о «натуральном» и «товарном» производстве у

==400

классиков английской политэкономии), чем идеалистическая интерпретация прогресса как увеличения суммы знаний человечества, как религиозного и морального совершенствования человека, как количественного роста и усложнения социального организма (О. Конт и Г. Спенсер). Исторический горизонт этих ученых был ограничен рамками капиталистических отношений: они не видели

преходящего характера института частной собственности. Но коль скоро капиталистические отношения воспринимались ими в качестве естественных и единственно разумных, то вся предшествовавшая история утрачивала иной смысл, кроме подготовки капитализма, а будущее человечества выглядело не имеющим дальнейших перспектив.

Только встав на позиции иного, революционного класса — пролетариата, не заинтересованного в увековечении существующего строя, можно было увидеть новые горизонты истории, выходящие за пределы капитализма. Это и сделали, опираясь на философское и научное наследие своей эпохи, Маркс и Энгельс. Открыв объективные закономерности общественного развития, они оказались способными дать научное определение прогресса как последовательной, исторически необходимой смены социально-экономических формаций — первобытно-родового, рабовладельческого, феодального, капиталистического и коммунистического способов производства. Живя и творя в период, когда капитализм в целом еще развивался по восходящей линии и победоносно распространялся по земному шару, Маркс и Энгельс предвидели его последующий упадок, неминуемую гибель под бременем собственных противоречий и смену его в ходе социалистической революции новой, коммунистической формацией, кладущей конец, социальным антагонизмам предшествующей эпохи.

Материалистическое понимание истории, выработанное Марксом и Энгельсом, является единственной концепцией общественного прогресса из всех созданных в XIX веке, которая выдержала испытание временем. Она одна вплоть до настоящего времени сохраняет свое теоретическое и методологическое значение для современной науки об обществе и с каждым десятилетием завоевывает себе все большее признание как среди ученых и политических деятелей, так и у широких народных масс. Концепции же прогресса Гегеля, Бокля, Конта, Спенсера и др. представляют собой ныне разве лишь академический интерес для

==401

историка философии и науки. И, кстати, это мнение не только марксистов; как отметил на конференции, посвященной обсуждению проблемы развития в природе и обществе (в университете штата Миннесота) проф Герберт Хитон, именно Маркс был тем ученым, который «разработал наиболее сложную, современную и влиятельную концепцию развития, какую мы когда-либо имели» («The Concept of Development», Minneapolis, 1957, p. 207).

Диалектическая и позитивистская концепция прогресса

Непреходящее значение марксистской теории общественного развития определяется прежде всего ее последовательно диалектическим характером, тогда как недолго вечность буржуазных концепций прогресса обусловлена присущим им позитивистским подходом к истории и современности.

Отправным пунктом логических построений всякой позитивистской концепции прогресса служит весьма банальное суждение «прогресс состоит в увеличении наличной суммы добра и в сокращении суммы зла в нашем мире» И вслед за тем авторы подобных концепций проецируют на прошлое и экстраполируют на будущее свои представления о добре и зле в данном обществе; при этом они весьма наивно ожидают, что в соответствии с их представлениями о прогрессе, по мере углубления в прошлое, зло (вернее, то, что они считают злом) с каждым столетием должно преобладать над добром, и наоборот, в будущем то, что есть сейчас хорошего, должно постоянно накапливаться и становиться

достоянием все большего числа людей и народов, а все плохое — соответственно смягчаться и постепенно исчезать.

Однако подобного рода концепции прогресса, несмотря на ухищрения их авторов, естественно, не выдерживают сколько-нибудь серьезного и длительного соприкосновения с реальной социальной действительностью. И дело здесь не только и не столько в том, что сами представления о добре и зле непрерывно меняются на протяжении истории человечества. Объективный процесс общественного развития не поддается механическим экстраполяциям позитивистов и опрокидывает их. Любая экстраполяция, исходящая из увековечения данного уровня техники и данных

==402

социальных отношений, раньше или позже приводит к абсурду

Развитие транспорта и торговли, например, вовсе не

сопровождалось простым увеличением количества и размеров галер, умножением конных повозок, а привело к появлению парусного, затем парового флота, железных дорог, автомобилей, авиации. Мощность мирового автомобильного парка сейчас приближается к 10 млрд. лошадиных сил; любой мыслитель в древности справедливо мог бы заключить, что человечество никогда не сможет себе позволить содержать такое количество «лошадей». А тем не менее оно их содержит! Правда, в такой форме, какую тогда нельзя было себе представить. Опять-таки ежегодный объезд современных морских перевозок достиг таких размеров, что даже если бы все человечество село за весла, оно не смогло бы их перевезти на галерах и за десятилетие. Аналогичным образом обстоит дело и в других сферах общественной жизни.

В свою очередь и социальное зло не пребывает неизменным на протяжении веков. Такой социальный институт, как рабство в античном обществе, исчез не благодаря распространению вольноотпущенничества и наделению гражданскими правами все более широких слоев населения, а личная зависимость трудящихся не исчезла вместе с рабством. На смену рабству пришло крепостничество, а затем наемный труд при капитализме. Уничтожение сословных преград отнюдь еще не принесло трудящимся равенства; ликвидация монархии не привела непосредственно к торжеству демократии и свободы; рост знаний и распространение грамотности не сопровождалось соответствующим упадком религиозности и предрассудков; проповедь человеколюбия, гуманизма несколько не уменьшила кровопролития на земном шаре. Для позитивиста все это служит доводом против объективности прогресса; для диалектика-марксиста — подтверждением относительности, противоречивости общественного прогресса в условиях классового, антагонистического строя.

Ученые-позитивисты, замкнутые в рамках капиталистического общества, не могут даже между собой прийти к единодушному мнению насчет того, является ли само по себе добром или злом, скажем, развитие знания, науки и техники" с одной стороны, оно, несомненно, во многих отношениях обогащает человечество, с другой же —

==403

угрожает ему гибелью в результате термоядерной войны. Подобные неразрешимые для позитивиста сомнения вызывают также автоматизация, концентрация и специализация производства, рост городов и т. п. В лучшем случае позитивист перекладывает решение проблемы на исход данного процесса в будущем — если, мол, человечеству удастся избежать термоядерной войны, то тогда можно будет считать развитие науки прогрессом, если же нет — регрессом. Социальная природа различных общественных явлений и процессов ускользает от его анализа. Все это делает позитивистские концепции прогресса, ведущие к релятивистскому и прагматическому пониманию истории, чрезвычайно шаткими и подверженными ломке в зависимости от поворота событий.

Вот почему, как только капитализм на Западе пережил в конце прошлого столетия свой апогей и со всей силой дали о себе знать порожденные им противоречия, социальные конфликты и потрясения, — позитивистские концепции прогресса в буквальном смысле увяли и уступили место воинствующему отрицанию поступательного развития человечества.

Проф. Бейли в своей книге «Современная социология перед лицом пессимизма» в следующей форме лаконично выразил эту трансформацию отношения к идее прогресса:

100 лет назад

Прогресс существует.

Общественная эволюция развивается прямолинейно.

Западная цивилизация непрерывно развивается как в культурной, так и в социальной области.

Социология изучает прогресс.

В настоящее время

Прогресса не существует.

Общественная эволюция носит циклический характер.

Западная цивилизация переживает упадок и находится в состоянии распада.

Социология изучает упадок общества.

Общий кризис капитализма сопровождался кризисом идеи прогресса в буржуазной общественной мысли, намеренной фальсификацией самой проблемы вообще. К создавшемуся положению как нельзя лучше подходит афоризм Гейне: «Когда из моей бочки вытекает вода, мне кажется, что приходит конец света».

Для настроения широких кругов интеллигенции на капиталистическом Западе, не нашедших еще пути к

марксизму, характерна, как правило, растерянность перед лицом исторических событий. Можно ли говорить о прогрессе человечества, с тревогой вопрошают они, когда все больше увеличивается разрыв между индустриальными державами и экономически отставшими странами Азии, Африки и Латинской Америки? О каком моральном совершенствовании человечества может идти речь после того, как злодеяния нацистов затмили собой зверства вандалов, жестокость Чингиз-хана, средневековую инквизицию? Не пора ли перестать прославлять науку, влекущую человечество по пути термоядерного самоубийства, медицину, лишь умножающую количество голодных людей на земном шаре, технику, обрекающую трудящихся на безработицу?..

Это смятение части интеллигенции лежит в основе отречения многих современных либеральных ученых, вроде » Б. Рассела, М. Гинсберга и др., от идеи всеобщего прогресса; разделяемое известной частью масс, оно же широко используется идеологами реакции в повседневной пропаганде, призванной примирить общественное мнение с социально-экономической действительностью, с авантюристической, антинародной политикой правящих кругов.

Конечно, поскольку некоторые, наиболее вопиющие •противоречия капиталистической системы (военные конфликты, колониальная система, экономическая депрессия, массовая безработица и др.) периодически смягчаются и имеет место ее относительная стабилизация, постольку и в современную эпоху время от времени происходит воскрешение позитивистских иллюзий о прогрессе как в буржуазно-апологетическом, либеральном, так и в реформистском облачении. Достаточно сослаться на технократическую концепцию, связывающую дальнейшее общественное развитие с приходом к власти технической интеллигенции и весьма популярную в 20-е годы, на ее возрождение Ж. Фурастье, А. Фришем и другими в 50-е годы, на концепцию «стадий экономического роста» У. Ростоу, рекламируемую ныне на Западе. Популярность подобных концепций, однако, не переживает очередного обострения общего кризиса капитализма, и со временем они приобретают все более пессимистический оттенок.

Аналогична и судьба реформистских концепций прогресса. Кто сейчас может вспомнить без улыбки, например, Доктрину Э. Бернштейна, который, ссылаясь на быстрый рост кооперативного движения на рубеже XIX—XX веков,

==405

»

предсказывал, что не пройдет я нескольких десятилетий, как рабочие с помощью кооперативов выкупят все промышленные предприятия у буржуазии?

Общественный прогресс сопровождается разрывом количественной постепенности в ходе социальных революций, которые каждый раз выводят человечество .из очередного тупика истории и открывают перед ним новые перспективы. Однако объяснить и предвидеть объективно такие исторические повороты можно лишь опираясь на диалектический метод. Позитивист, исходящий из метафизического метода мышления, неспособен предусмотреть этого разрыва постепенности; в своих экстраполяциях он неизбежно соскальзывает на путь дурной бесконечности -и приходит к пессимистическому заключению, будто прогресс должен затухать.

Пренебрегая диалектикой истории, игнорируя необходимость коренных социальных преобразований для дальнейшего прогресса человечества, идеологи реакции оказываются обманутыми в своих ожиданиях. Реальное общественное развитие всегда ускользает от попыток (будь то в теории или на

практике) .заклЮчить его в традиционные отношения, устаревшие социальные институты существующего строя; оно порождает по мере необходимости новые формы для нового содержания.

Критерий прогресса

Все рассуждения о наличии или же об отсутствии поступательного развития в истории человечества неизбежно и естественно упираются в вопрос о нахождении удовлетворительного критерия общественного прогресса. Без такого критерия, очевидно, вообще невозможно судить ни об объективности прогресса, ни о его характере в различные эпохи и в разных странах.

И как ни странно, затруднение, с которым сталкивается социолог, знакомясь с историей проблемы, состоит отнюдь не в отсутствии предложенных критериев, а, скорее, в их избытке. В свое время на это обстоятельство уже обратил внимание Альфредо Ничефоро, пытавшийся установить количественные показатели прогресса и уровня развития цивилизации. Бросается в глаза, что буквально нет такой сферы человеческой деятельности, к которой бы не обращались в поисках универсального критерия общественного

==406

прогресса: развитие интеллекта (Тюрго), улучшение нравов (Гиббон), развитие религии (Тойнби), возрастание свободы (Гегель), усложнение социального организма (Спенсер), прогресс техники (Фурастье), рост благосостояния (Ростоу), расцвет искусства, распространение культуры, увеличение продолжительности жизни, возрастание власти человека над природой, установление равенства и справедливости и т. д. и т. п.

Сама проблема в сущности сводится вовсе не к тому, чтобы во имя единого критерия игнорировать поступательное развитие в остальных областях социальной жизни, а к тому, можно ли свести меру прогресса к какому-либо одному критерию и какой из них в этом случае предпочесть? Чтобы избежать при этом субъективного произвола, такого рода предпочтение должно, разумеется, исходить не из относительной ценности, которая придается отдельным сторонам жизни человека в обществе, а из выявления определяющего, ведущего фактора в общественном развитии. Иначе говоря, споры о том, что представляет собою большую ценность — свобода либо благосостояние, равенство либо добродетель, искусство либо техника, равно как и их противопоставление друг другу, останутся демагогическими и бесплодными до тех пор, пока не будет установлено, от чего в конечном счете зависит обладание этими ценностями.

Эта проблема достаточно сложна сама по себе, чтобы заставить многих социологов и историков заведомо отказаться от единого критерия и вместо него оценивать прогресс по сумме нескольких показателей, относящихся к разным сферам деятельности человека. Вряд ли, однако, такой паллиатив можно считать удовлетворительным. Прогресс различных сторон социальной жизни, как установлено эмпирически, совершается не одновременно и не параллельно, так что одни стороны могут иногда развиваться в ущерб другим. В эпоху феодализма в Европе, например, возросла личная свобода трудящихся, несколько усовершенствовалась техника производства и увеличилась производительность труда, но в то же время пришли в упадок наука, искусство и демократические институты, существовавшие в античном обществе. Выбор критерия прогресса, следовательно, в значительной степени предопределяет наше суждение о том, имеет ли место поступательное развитие общества или нет. Эклектическая же сумма

показателей отдаляет нас, но не избавляет от этой принципиальной альтернативы.

Кстати, как ни парадоксально, быть может, покажется на первый взгляд, не концепции общественного развития вытекают из положенных в их основу критериев, а, наоборот, именно критерии прогресса молчаливо следуют из заранее принятых, нередко предвзятых концепций. Если тот *f* или иной идеолог пришел к убеждению, что прогресса в *f* обществе нет, то он, естественно, выберет в качестве критерия прогресса наиболее спорный показатель, окажем, нравы, или такой, который на протяжении истории человечества не обнаруживает постоянного и устойчивого возрастания, скажем, искусство, или же, наконец, показатель, свидетельствующий об упадке в данной области, скажем, религиозность. При этом он будет защищать и обосновывать не свою предвзятую концепцию, а мнимую ценность и объективность избранного им критерия.

Вот почему выявление движущих сил общественного развития по необходимости должно предшествовать формулировке критерия прогресса. Коль скоро такая определяющая другие стороны жизни общества нами обнаружена, нахождение и формулировка объективного критерия прогресса уже не представляют собою трудности, а установление количественных показателей, «меры» прогресса, в свою очередь, становится делом чистой техники. По отношению к этой ведущей сфере общественной деятельности прогресс в остальных сферах окажется подчиненным и будет более или менее непосредственно вытекать из нее. Временный же упадок и даже регресс в отдельных сферах деятельности, будь то в искусстве, морали, нравах и т. п., явится уже подтверждением не релятивистской относительности самой идеи поступательного развития общества, а лишь проявлением противоречивого, антагонистического характера прогресса в предшествовавшей истории человечества. Тем самым обсуждение проблемы перемещается из беспредметного спора об иерархии социальных ценностей, о которой пространно рассуждал на прошлой неделе Раймон Арон (на семинаре о прогрессе, организованном в ЮНЕСКО), в научную дискуссию о взаимной обусловленности различных сторон общественной жизни.

Мы, марксисты, не без основания считаем, что такой определяющей, ведущей стороной в жизни общества является производство материальных условий жизни. И не

только потому, что люди должны есть, одеваться, иметь кров прежде, чем заниматься другими видами деятельности, но также потому, как это убедительно показали Маркс и Энгельс, что прогрессивные изменения в способе производства в конце концов неизбежно влекут за собою соответствующие изменения в социальной структуре общества, | во взаимоотношениях между людьми, в государстве и пра-1 ве, в нравах и искусстве. И это не мнение одних лишь марксистов. В поисках объективного критерия прогресса многие ученые-специалисты уже обращались и продолжают обращаться в той или иной форме (общественное богатство, уровень благосостояния, развитие техники и т. п.) именно к материальной жизни общества. Упомянутый выше Ничефоро после бесплодных поисков показателей прогресса в различных сферах деятельности человека назвал «увеличение материального благосостояния» (рост производства и потребления масс, облегчение труда, развитие транспорта, улучшение быта и увеличение времени для досуга) такими показателями прогресса, которые «не могут вызвать сомнений» («Les indices numeriques de la civilisation et du progres», Paris, 1921, p. 166).

В соответствии с материалистическим пониманием истории экономический фактор в конечном счете является определяющей силой поступательного развития общества; в качестве же объективного критерия прогресса принимается уровень производительных сил. При этом наиболее подходящим количественным показателем, «мерой» прогресса служит производительность труда. Эта мера обладает целым рядом очевидных преимуществ: 1. Она соединяет в себе развитие всех составных элементов производительных сил общества — как технику и орудия производства, так и самого человека с его знаниями и трудовыми навыками; 2. Она выражает не индивидуальные трудовые усилия одного, изолированного человека, а совокупную производительную силу данного общества в целом; 3. От нее в конечном итоге зависит как уровень материального благосостояния в обществе, так и объем тех средств и времени, которые могут быть посвящены другим сферам общественной деятельности; 4. Она сравнительно легко может быть выражена в

==409

непосредственно сопоставимых единицах измерения, например, в общественно необходимом времени для производства тонны зерна или мяса, угля или стали, для обеспечения одной семьи жилищем, для перевозки людей и товаров либо же опосредовано через потребление энергии на душу населения и т. д.

Конечно, производительность труда, как мера прогресса, пригодна лишь для сравнения между собой больших исторических эпох, ибо неравномерность развития отдельных сторон жизни общества и разных стран может вносить свои коррективы на какой-то отрезок времени. Производительность труда, далее, представляет собой лишь потенциальную возможность прогресса, так как ничего не сообщает о том, каким образом распределяется произведенный в обществе прибавочный продукт (на социальные мероприятия, науку и искусство или же на милитаризацию, расточительство). Наконец, рост производства и производительности труда — не самоцель, а средство обеспечения прогресса во всех областях общественной жизни: роста материального благосостояния членов общества и облегчения их труда, установления социальной справедливости, возрастания власти человека над природой, увеличения свободного времени, подъема и распространения культуры, развития науки, расцвета личности и т. д.

От тех ученых, которые усматривают критерии прогресса прежде всего в свободе, развитии интеллекта и нравственном совершенствовании человека, марксисты отличаются вовсе не тем, будто придают меньшее значение свободе, знаниям и моральному облику личности, чем производству и материальному благосостоянию. Вместе с тем, возражая поборникам технократического направления в социологии, марксисты далеки от того, чтобы урезать роль науки и техники в поступательном развитии общества.

Речь, стало быть, идет не о том, кто что больше ценит в человеке и в обществе. Или, как пытался изобразить Р. Арон, будто для сторонников западной цивилизации на первом месте стоит свобода, затем следуют моральные [добродетели, материальное благосостояние, равенство, техническое могущество и т. д., тогда как для коммунистов перечисленные ценности располагаются, дескать, в обратном порядке. Такая постановка вопроса в лучшем случае просто научно несостоятельна, в худшем — представляет

==410

собою дешевую пропаганду. Для марксистов все эти ценности являются не взаимоисключающими и могущими существовать лишь одна в ущерб другой, но взаимообусловленными и предполагающими друг друга.

Марксисты не могут согласиться с фетишизацией техники, вырываемой из своего социального контекста. Техника — это один из элементов производительных сил общества и один из факторов роста производительности труда. Человек, обладающий определенными знаниями и опытом, воплощает в себе данный уровень развития производительных сил не в меньшей мере, чем приводимая им в действие техника. Больше того, в процессе производства человек с его научными знаниями, техническим опытом и трудовыми навыками перевешивает технику, орудия производства. Умение сконструировать машины, обращаться с техникой важнее простого обладания ими. Как справедливо отмечал А. Сови, уровень производительных сил нельзя рассматривать в отрыве от технических способностей человека: «Пусть образованные и квалифицированные люди обоснуются на девственном острове, лишенном достаточных естественных богатств; через десять лет этот остров будет покрыт заводами, театрами, госпиталями, виллами и т. д... Разве у нас нет примеров? Австралия, СССР. Наоборот, дайте наиболее совершенные электронные машины народу, состоящему из неграмотных людей. Вернитесь к ним через несколько лет, и вы увидите эти машины поломанными, а людей столь же несчастными и невежественными» («De Malthus a Mao Tse-Toung», Paris, 1958, pp. 171—172). Человек всегда создаст необходимые ему машины, машины же не могут создать соответствующего им человека.

Было бы заблуждением полагать, будто споры о критерии прогресса носят чисто академический характер и не имеют практического значения. Ведь выбор критерия прогресса предопределяет не только оценку нами прошлого, но и направление нашей деятельности сегодня. Особое значение эта проблема имеет для народов экономически отставших стран, где проживает две трети человечества. От того, каким критерием они будут руководствоваться, во многом зависит, осуществляются ли и как скоро их надежды догнать страны, ушедшие вперед по пути общественного прогресса.

==411

Необратимость прогресса

При всей неравномерности, сложности, диалектической противоречивости общественного прогресса он обладает одной безусловной, принципиально важной чертой, а именно — необратимостью поступательного развития человечества от низших форм социальной жизни к высшим.

Констатируя и теоретически обосновывая объективный характер развития общества, марксисты, вопреки утверждению своих идейных противников, отнюдь не разделяют взглядов осмеянного Вольтером в «Кандиде» доктора Паяглоса, который даже при самом плачевном для себя стечении обстоятельств неизменно восклицал: «Все к лучшему в этом лучшем из миров!» Конечно, в истории отдельных народов, реже — человечества в целом имели место более или менее продолжительные периоды застоя, когда, казалось, общество десятилетиями и даже столетиями пребывало в неизменном состоянии. В качестве иллюстрации можно сослаться на античную Грецию в III — I веках до н. э., на продолжительные периоды в истории Византии, на сёгунат Токугава в Японии в XVII — начале XIX века и т. д.

Больше того, в результате тех или иных естественных бедствий и социальных катастроф общество иногда оказывалось отброшенным далеко вспять в экономическом, политическом и культурном

отношении, как это произошло, например, в Европе после падения рабовладельческого строя и нашествия варваров, затем после эпидемии чумы в XIV веке, а также в России, Китае и Средней Азии вслед за татаро-монгольским нашествием.

И если подобные факты регресса, попятного движения затрагивали общество в целом, то тем чаще они происходили в отдельных сферах человеческой деятельности: в методах эксплуатации («второе издание» крепостничества в Восточной Европе и рабства в Америке), в форме правления (реставрация монархии в Англии и Франции после буржуазных революций), в морали, науке и искусстве. В условиях антагонистического общественного строя целые народы и созданные ими цивилизации были буквально стерты с лица земли, так что с «локальной» точки зрения, скажем, шумеров, этрусков, карфагенян, инков сама постановка проблемы прогресса выглядела бы просто нелепо.

==412

Подвергая сомнению либо прямо отрицая прогресс в обществе, многие ученые обычно как раз и ссылаются на эти и аналогичные примеры; они метафизически абсолютизируют «моменты» застоя и регресса в истории отдельных народов и безосновательно распространяют их на историю человечества в целом. Такого рода ссылки на историю в самом деле могут произвести впечатление веских доводов против идеи общественного прогресса, особенно в тех случаях, когда упадок постигал страну, которая шла в авангарде человеческой цивилизации.

В каждом конкретном случае, однако, «момент» застоя и регресса на поверку оказывается либо иллюзией, либо относительным, либо временным явлением. Это подтверждается, в частности, данными археологии. Так, известный английский ученый Вир Гордон-Чайлд отмечал: «Археология может и должна в любом отдельно взятом месте и в любой области проследить не только прогресс, но и регресс в архитектуре домов, сельском хозяйстве, орудиях и средствах сообщения. Эти явления, без сомнения, отражают естественные катаклизмы или социальные перевороты, которые занимают такое большое место в письменной истории. Но случаи регресса обычно бывают лишь временными. Слои любого тела, указывающие на разрушение, сменяются слоями, отражающими восстановление» («Прогресс и археология», М., 1949, стр. 185—186.—Подчеркнуто мной). Упадок цивилизации в наиболее развитой стране, разумеется, в определенном смысле отбрасывает назад все человечество до уровня следующей по развитию страны; но в масштабах мировой истории, по отношению к поступательному развитию общества в целом, это имеет не больше значения, чем одна обломившаяся ветка, пусть самая высокая из множества побегов, для молодого, растущего дерева.

Общественное развитие представляет собою не автоматический процесс, а результат стихийной и сознательной V деятельности огромных масс людей, колоссальную арену столкновения противоборствующих интересов и стремлений (социальных, национальных, личных) людей, за которыми стоят объективные общественные отношения и материальные потребности данной эпохи. «История не делает ничего, она «не обладает никаким необъятным богатством», она «не сражается ни в каких битвах»! Не «история», а именно человек, действительный, живой

==413

человек — вот кто делает все это. всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека», — подчеркивал Маркс, возражая тем, кто искал внешних по отношению к человеку агентов общественного прогресса. Общественный прогресс с необходимостью вытекает из развития и совершенствования производительных сил, в чем заинтересовано в конечном счете человечество в целом. Однако сметая на своем пути преходящие социальные отношения, развитие общества не может не приходиться в столкновение с интересами привилегированных сословий и классов, стремящихся присвоить себе плоды прогресса и законсервировать данные социальные отношения.

В каждом отдельном случае исход борьбы между прогрессивными и реакционными силами в данном обществе, разумеется, заранее не предрешен в пользу первых. Он зависит от конкретного стечения исторических обстоятельств, от наличного соотношения классовых сил в данном обществе и во многом также от привходящих случайностей, в том числе от того, кто стоит во главе сил реакции и сил прогресса, насколько сильны внутренние противоречия противостоящих друг другу социальных группировок, какова международная обстановка и т. д. Не исключено, что прогрессивные силы могут временно потерпеть поражение, а реакция надолго одержать верх. Вот почему, как отмечал Ленин, «...представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно».

В любом случае, тем не менее, как свидетельствует история, торжество реакции может быть лишь временным явлением, ибо в исторической перспективе оно обусловлено именно привходящими обстоятельствами, тогда как победа прогрессивных сил, носителей новых социальных отношений, хотя и не всегда окончательна, все же несравненно более устойчива, прочна и постоянна, поскольку она выражает объективные, материальные потребности эпохи. Для того чтобы остановить общественный прогресс, силы реакции, подобно Ганнибалу в Италии, должны были бы в каждом отдельном сражении неизменно одерживать верх; даже одно поражение после серии

==414

последовательных побед, как правило, становится для нее последним и окончательным. В противоположность этому ни одно проигранное прогрессивными силами сражение само по себе не может быть для них окончательным, не может предотвратить их дальнейшей борьбы вплоть до решающей победы

Эта диалектика социальных конфликтов объясняет один из самых удивительных, на первый взгляд, парадоксов общественного прогресса: хотя история человечества знает несравненно больше неудачных и подавленных революций, чем революций успешных и победоносных, тем не менее именно последние в конечном счете перевешивали первые на чаше весов истории и определяли собой направление общественного развития, его поступательный и необратимый характер.

В истории античного общества ни одно восстание рабов не увенчалось успехом, и все же Евн, Аристоник, Спартак, Катилина и багауды оказались могильщиками рабовладельческого строя. И Жакерия, и восстание Уота Тайлера, и движение гуситов, и Великая крестьянская война в Германии были потоплены в крови, тем не менее крепостное право, против которого они боролись, пало под их ударами. Как известно, и английская революция XVII века, и французская революция XVIII века спустя несколько десятилетий завершились реставрацией монархии. Это было, несомненно, поражением прогрессивных сил. Однако реакции так и не удалось вслед за политической реставрацией осуществить реставрацию социально-экономическую, ибо коренные преобразования, последовавшие за революцией, оказались необратимыми. И как только реакция посягнула на эти завоевания и попыталась обратить вспять движение истории, она была им сметена, причем сравнительно быстро и легко в революциях

1688 г. в Англии и 1830 г. и 1848 г. во Франции Царизм сравнительно благополучно вышел из кризиса в 60-х годах прошлого века, задушил в буквальном смысле революционное движение народолюбцев в 70—80-х годах и подавил революцию 1905—1907 гг. — все это не смогло предотвратить краха самодержавия и победы социалистической революции в России. Французским колонизаторам было достаточно проиграть одно крупное сражение у Дьен Бьен Фу, чтобы все их предшествовавшие победы были сведены на нет и

==415

их господство над Индокитаем было окончательно утрачено.

Марксистов нередко обвиняют в том, будто они «обожествляют понятие прогресс», преподносят его как социологическую и историческую аксиому, не требующую доказательств, а затем уже отсюда умозаключают о неизбежности общественного развития и в дальнейшем. Тем самым материалистическое понимание истории перевертывается вверх ногами. На самом деле, согласно марксистам, не фатальность общественного прогресса предопределяет его необратимость, а именно необратимость социально-экономических процессов обуславливает собой прогрессивное развитие общества. Не на вере в прогресс, а на понимании объективных причин этой необратимости социальных процессов в сущности и покоится исторический оптимизм марксистов.

Ускорение прогресса

Другой важнейшей чертой прогресса, наряду с его необратимостью, является ускорение поступательного развития общества по мере перехода от ранних ко все более поздним периодам в истории человечества.

Для того чтобы обратить внимание на это возрастание темпов прогресса, которое проф. Б. Ф. Поршнев в своем выступлении весьма удачно назвал «ускорением ритма истории», отнюдь не обязательно разделять марксистскую точку зрения и рассматривать развитие общества сквозь призму марксистской концепции формаций. Для констатации ускорения общественного прогресса можно воспользоваться и такими критериями, показателями, с которыми не могут не согласиться и немарксисты. Так, взяв для сопоставления прогресс техники и науки в разные исторические эпохи, мы легко обнаружим, что в первобытном обществе, до возникновения цивилизации, целые десятки поколений сменяли друг друга без сколько-нибудь заметного усовершенствования в используемых ими орудиях труда; в древнем мире и в средние века интервалы между появлением новых технических изобретений, измеряемые в поколениях людей, постепенно сокращаются, а ныне на протяжении жизни одного поколения происходит больше научных и технических открытий, чем прежде в течение веков и даже тысячелетий.

==416

Ускорение «ритма истории» буквально бросится нам в глаза, если мы вслед за Дж. Люисом Пауэллом мысленно сведем 50 тысяч лет истории человечества (со времени появления кроманьонца) к 50 годам жизни одного человека; тогда окажется, что десять лет тому назад этот человек переселился из пещеры в первое, сделанное своими руками жилище, пять лет назад овладел грамотой (письменностью); два года с небольшим прошло с тех пор, как он познакомился с первыми законами механики и логики; полгода назад он изобрел книгопечатание и узнал, что земля, на которой он живет, — это шар,

вращающийся вокруг солнца; всего лишь месяц назад построил паровую машину и вскоре затем открыл электричество, две недели назад построил первый самолет, изобрел радио и задумался над теорией относительности; на прошлой неделе изобрел телевизор, атомный реактор и электронную вычислительную машину, а вчера уже впервые облетел вокруг Земли на космической ракете.

Об этом же ускорении общественного прогресса свидетельствует увеличение средней продолжительности жизни человека с 10—12 лет в родовом обществе до 20—25 лет в античности, до 30—40 лет к концу средневековья и до 70—75 лет сейчас в наиболее развитых странах. Для удвоения численности населения земного шара до нашей эры, вероятно, требовались многие тысячелетия; однако затем интервалы времени между каждым последующим удвоением быстро сокращались: мировое население возросло с 150 до 300 млн. человек примерно за полторы — две тысячи лет, к XII веку н. а.; с 300 до 600 млн. уже в течение шестисот лет, к 1700 г.; с 600 до 1.200 млн. всего за полтора столетия, к 1850 г.; с 1.200 до 2.400 млн. на протяжении одного века, к 1950 г., и достигнет 4,8 млрд. еще до конца нашего столетия. Можно, конечно, спорить насчет того, насколько рост населения сам по себе является критерием прогресса; во всяком случае, вряд ли могут быть сомнения в том, что он служит хорошим косвенным показателем развития техники, совершенствования орудий производства, роста производительности труда и освоения человеком земного шара.

Ускорение общественного прогресса, в частности развитие производительных сил, можно формально изобразить в виде своего рода геометрической прогрессии, где удвоение происходит через все более краткие промежутки

==417

1

времени. «Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые», — справедливо отмечали Маркс и Энгельс еще в 1848 году. А мы сейчас с не меньшим основанием можем заявить, что только за последние три десятилетия мировые производительные силы, а также уровень развития науки и техники выросли больше, чем за всю предшествующую историю человечества.

Не представляет большого труда проиллюстрировать ускорение общественного прогресса примерами, относящимися к самым различным сферам деятельности человека: росту образования и распространению грамотности, развитию науки и техники, политическим процессам и т. д.

Именно это ускорение общественного развития, как ни странно, служит одним из источников довольно-таки распространенного на Западе заблуждения. Речь идет о том, что, признавая прогресс как объективное явление нового времени после возникновения капитализма и промышленной революции, многие буржуазные социологи и экономисты вместе с тем отрицают, что поступательное развитие имело место на протяжении всей истории человечества.

Причину подобного заблуждения легко объяснить. Как мы уже отмечали выше, ускорение общественного прогресса можно для наглядности представить себе в виде геометрической прогрессии с удвоением во все более краткие промежутки времени. Отсюда естественно заключить, что в свою очередь, по мере углубления в историю человечества, количество и значение социальных изменений,

имевших место в прошлом на протяжении одинаковых интервалов времени, должно постоянно и резко убывать в той же геометрической прогрессии. Аналогично тому, как механическая экстраполяция современных процессов на будущее вызывает сомнения в возможности дальнейшего прогресса, метафизический, ретроспективный подход к прошлому с современными масштабами столь же неизбежно порождает соблазн пренебречь прогрессом на ранних стадиях истории человечества. Подобная историческая ограниченность буржуазного социолога и экономиста питает его иллюзии и мнимой неподвижности, застойности предшествовавшего капитализму общества; она лежит в основе представления о «натуральном хозяйстве» в буржуазной политической экономии, о «традиционном обществе» в концепции У.

==418

Росту, о «восточной деспотии» в сочинениях К. Виттфогеля

и др.

Как ни очевидно ускорение общественного прогресса, вряд ли можно удовольствоваться одной лишь констатацией данного исторического явления, не стремясь в то же время выявить его причины.

На одну из таких причин еще в конце XVIII века обратил внимание Эдуард Гиббон. Отмечая, что к его времени цивилизация в Европе стала достоянием не одного народа, а нескольких больших самостоятельных наций, он не без основания усматривал в этом определенную гарантию, что ее не может постигнуть участь античной цивилизации, погибшей вместе с падением Рима. Действительно, чем большим количеством стран, находящихся в непосредственном общении, представлен данный уровень общественного развития, тем меньшими последствиями для человечества в целом грозит упадок цивилизации в одной из них, тем скорее произойдет возобновление прогресса после скачков назад в развитии отдельных стран. Гибель античной цивилизации, например, сопровождалась длительным экономическим и культурным регрессом в Западной Европе, так как ее народы не могли воспользоваться достижениями цивилизации, которая продолжала существовать и развиваться на Востоке — в Индии и Китае. В XX веке, напротив, Западная Европа сравнительно быстро оправилась от последствий двух мировых войн в значительной мере благодаря прямой и косвенной помощи неевропейских стран.

Кроме того, как справедливо отмечает А. Сови, темпы экономического восстановления (после сравнительно кратковременных периодов регресса) определяются не столько уровнем сохранившихся средств производства, сколько уровнем развития техники перед упадком. Население страны тем быстрее восстановит уровень, предшествовавший упадку, чем выше был сам этот уровень, носителями которого являются люди. Германии понадобились многие десятилетия, чтобы оправиться от опустошений тридцатилетней войны в XVII веке и всего десять лет для восстановления довоенного уровня производства после второй мировой войны.

Ускорение общественного прогресса происходит, следовательно, уже потому, что сокращаются периоды регресса и застоя как в истории отдельных стран, так и в масштабах

==419

всего человечества/Изложенные выше соображения, однако, не объясняют, почему оно действует и в периоды поступательного развития. Для ответа на этот вопрос приходится прибегнуть к дополнительным соображениям.

Прежде всего экономическая эффективность приложения труда и капитала, как известно, неодинакова в различных отраслях производства. Она значительно выше в промышленности, чем в сельском хозяйстве, и несравненно выше в науке, чем в промышленности. Экономический прогресс, при прочих равных условиях, прямо пропорционален не объему производства, а удельному весу и размерам труда, накопленного обществом и овеществляемого в средствах производства, в образовании, в науке и технике. Чем больший удельный вес в производстве занимает промышленность, а затем и применение науки в производстве, тем выше должны быть темпы экономического развития.

Далее, прогресс науки и техники, вообще говоря, имеет тенденцию аккумулироваться в геометрической прогрессии. Допустим, что за какой-то отрезок времени удельный вес ученых и изобретателей в населении увеличился в два раза, население также удвоилось и скорость обмена информацией возросла вдвое; в этом случае количество открытий и изобретений должно будет возрасти в восемь раз. В идеале сто ученых в ста странах должны делать не сто одинаковых, а сто разных открытий, а так как каждое открытие ускоряет другие, то фактически и больше.

Наконец, хотя и не последней по значению причиной ускорения общественного прогресса является вовлечение все более широких народных масс в активную, творческую историческую деятельность: рост материальной заинтересованности трудящихся в результатах своего труда по мере перехода к более прогрессивным общественно-экономическим формациям; демократизация общественной жизни, ограничивающая возможности реакции сдерживать социальный прогресс; распространение образования и научно-технических знаний среди всех слоев населения. Этот процесс приобрел колоссальный размах в нашу эпоху благодаря социальному освобождению трудящихся в результате социалистической революции и национальному освобождению угнетенных народов в борьбе за независимость своих стран. А это в свою очередь не может не привести к дальнейшему ускорению общественного прогресса человечества.

==420

Мы справедливо можем заключить, что проповедуемые многими буржуазными идеологами концепции «затухания прогресса», законы «убывающего плодородия почвы», «убывающей производительности труда и капитала», «снижения темпов роста производства» и т. п. противоречат объективной тенденции ускорения поступательного развития человечества на протяжении всей его истории. Такого рода законы имеют силу лишь для исторически преходящего общественного строя, когда он исчерпывает свои возможности и должен уступить место новому, более высокому строю.

Прогресс для всего человечества

На протяжении всей истории человечества две тесно связанные между собой и взаимообусловленные стороны поступательного развития общества — продвижение вперед и распространение достижений прогресса — постоянно приходили в столкновение друг с другом. Причем господствующие классы, ставившие свои личные интересы выше интересов общества в целом, свои корпоративные интересы выше интересов всего народа, а интересы своей страны выше интересов человечества, всякий раз, когда перед ними вставала подобная дилемма, задачу распространения результатов прогресса намеренно приносили в жертву таким эгоистическим целям, как укрепление своего господства над собственным

народом и расширение его на другие страны, увеличение своего богатства и могущества, поддержание престижа и т. п.

Это, разумеется, не могло не сопровождаться резким обострением социальных антагонизмов, которые находили свое выражение в неравномерности развития отдельных сторон общественной жизни, в обездоленности широких масс трудящихся даже в передовых странах, в увеличении пропасти между уровнем развития отдельных стран. В результате присвоения плодов прогресса незначительным меньшинством, использовавшим их по своему усмотрению, социальная несправедливость в мире до сих пор во многих отношениях скорее возрастала, чем устранялась. Для идеологического обоснования такого положения апологеты господствующего привилегированного класса неизменно прибегали к утверждению, будто продвижение вперед и

»

==421

распространение плодов прогресса взаимно исключают друг друга, будто последовательное претворение в жизнь социального равенства и национального братства может осуществляться лишь в ущерб поступательному развитию человечества.

Несостоятельность подобного аргумента сейчас более очевидна, чем когда-либо в прошлом. Социалистические страны убедительно продемонстрировали, что стремительное продвижение вперед по пути общественного прогресса может идти параллельно с распространением его достижений среди самых широких масс. Все более очевидным также становится и тот факт, что обездоленность масс в самых различных формах (неграмотность, недоедание, низкая покупательная способность, отстранение от культуры и т. п.) представляет собой основную преграду для дальнейшего прогресса как в развитых, так и в экономически отставших странах.

Социальный прогресс, как справедливо подчеркнул здесь Жозуэ де Кастро, сомнителен и непрочен, пока две трети людей на земном шаре голодают и неграмотны. Прогресс не может быть привилегией меньшинства, он должен стать наконец достоянием всего человечества.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ЭТОЙ ВСТРЕЧЕ

ЖАК МАДОЛЬ (Франция)

Мне несколько неудобно выступать на нашей встрече последним, поскольку я должен сразу же сказать, что разочарую вас в том смысле, что не буду делать выводов. Это было бы слишком долго, слишком трудно и выше моих возможностей. А может быть, и не надо делать выводов, и мы должны рассматривать этот обмен мнениями просто как начало, и если в нем кое-что осталось незавершенным (разумеется, не закончено многое), то это является прологом и призывом к другим подобным встречам, на которых мы сможем углубить поднятые здесь вопросы. Мне бы больше хотелось высказать вам некоторые впечатления о проведенных здесь днях. Прежде всего мне кажется, что подобные диалоги между марксистами и немарксистами не только полезны, но в настоящее время и необходимы. Они необходимы потому, что, хотят этого или нет,

==422

человечество, несмотря на существующий глубокий раскол, несомненно, по-моему, идет к единству и что, следовательно, важно, чтобы люди, несогласные в идеологическом плане, но близкие друг к другу в своем гуманизме, вели диалог о том, в чем они расходятся и в чем они согласны. В этом — одна из необходимостей этого мирного существования, без которого трудно было бы представить, каково будущее человечества. Теперь, установив пользу и необходимость подобных встреч, можно утверждать, что даже не обязательно делать подобного рода эксперимент, чтобы заметить его трудности. Эти трудности заключаются, например, в том, что, с одной стороны, т. е. со стороны марксистов, мы видим единство и, я бы сказал, почти полное единодушие (я не хочу не признавать некоторых разногласий, которые могут разделять вас, я не спутаю польского коммуниста, например, с албанским; я думаю, есть некоторые различия, но все же марксисты выступают единым идеологическим фронтом). Но зато поражаешься разнообразию и колебаниям других — я не говорю, впрочем, что это обязательно противники марксистов, но во всяком случае те, кто просто не разделяет полностью марксистскую идеологию.

Но есть еще нечто более серьезное: если марксисты располагают орудием, позволяющим им действительно связным образом раскрывать реальность, то нужно сказать, что немарксисты не располагают аналогичным орудием, таким же точным и вместе с тем таким же действенным, и что у них есть еще и другая слабость, заключающаяся в том, что иногда они не знают или недостаточно знают марксизм. Например, неоднократно упоминалось имя Тойнби. Я бы не сказал, что Тойнби — писатель-антимарксист, он больше чем антимарксист — он совершенно не знает марксизма; в индексе к его основному произведению Маркс упоминается лишь два или три раза. И если вы посмотрите страницы, где упоминается Маркс, вы увидите, что на деле Тойнби совершенно не знает марксизма. Я не хочу, впрочем, сказать, что попытка синтеза всемирной истории Тойнби не обязана кое-чем и даже многим марксизму и что, если бы марксизм не существовал, он построил бы свой синтез так же, как он это сделал, но я хочу сказать, что он как бы восстал против марксизма, не зная и даже не потрудившись узнать его. Итак, в этом часто заключается серьезная слабость немарксистов. Сказав об этом,

==423

я хочу теперь спросить: действительно ли существует между Тойнби, например, и марксистами та коренная противоположность, на которую указывали все, кто упоминал его? Говорилось, что он не верит в прогресс; я считаю, что это неправильно. Я думаю, что прежде всего он недостаточно точно измерил ускорение истории, и это привело его к утверждению, что пять тысяч лет истории — совершенное ничто по сравнению с 200 или 300 тысячами лет человечества до этого периода, по сравнению с двумя миллионами лет, которые оно должно еще прожить, а это, в свою очередь, привело его к утверждению, что все цивилизации, развившиеся в течение этих пяти тысяч лет, могут рассматриваться как современные. Иначе говоря, по Тойнби, прогресс настолько медлен, что его нельзя заметить на протяжении пяти тысяч лет истории. Но в то же время он совсем не против прогресса. Но это всего лишь пример.

Я считаю тем не менее, что здесь были созданы определенные условия, которые все-таки делают диалог возможным. Первое из этих условий — это, я думаю, максимум откровенности по отношению к другим. Парижанин, встретивший персов у Монтескье в «Персидских письмах», широко открывал от удивления глаза и говорил: «Как можно быть персом?» И вот перед нами немарксисты, и я уверен, что среди вас сейчас уже нет таких, которые спрашивали бы себя: как можно быть марксистом? Но с позволения моих друзей марксистов я скажу, что среди них есть люди, спрашивающие себя: как можно не быть марксистом? Итак, я считаю, что одно из достоинств этого диалога заключается в том, что он показывает марксистам, как можно не быть марксистом, и показывает немарксистам, как можно быть марксистом. Иными словами, несмотря ни на что, эпод диалог позволяет встать немного на место другого, чтобы лучше понять его, поскольку данный опыт убеждает нас в том — хотя мы знали об этом и раньше, — что с той и с другой стороны есть люди честные, люди доброй воли. Это и есть два

действительно необходимых качества, два единственных качества, которых можно с правом требовать от участников подобных диалогов: прежде всего честность, без которой невозможен диалог, во-вторых, добрая воля. Это значит, что даже если эти люди не разделяют одну и ту же идеологию, у них есть по крайней мере общая конечная цель. Мы узнали здесь, что социализм — это гуманизм; я думаю, что не было ни

==424

одного выступления наших друзей марксистов, которое бы не носило сильного отпечатка гуманизма. В действительности, социализм — это лишь средство для полного развития самого человека. Но я думаю, что присутствующие здесь немарксисты также являются гуманистами и что, следовательно, так же как и марксисты, они стремятся к всестороннему самосовершенствованию человека; таким образом, если мы признаем, что мы люди честные, что мы люди доброй воли, тогда мы должны отдавать себе отчет в том, что, несмотря на наши разногласия, у нас есть возможность работать вместе ради возвышения человека. Уже сама констатация, что мы можем работать вместе ради возвышения человека, является чрезвычайно важным результатом. И я предполагаю, речь и для тех, и для других идет не об обращении каждого в другую идеологию, а о терпеливом отыскании пункта или пунктов, по которым мы сможем работать вместе. Здесь было много сказано о том — и это истина, под которой я, со своей стороны, полностью подписываюсь, — что сегодня человек взял в руки свою собственную судьбу, что именно он должен строить эту судьбу и свое будущее. И я думаю, что пункт, на котором мы все сходимся, независимо от нашей точки отправления, это — работать ради того, чтобы устранить, уничтожить все виды отчуждения, которые мешают всестороннему самосовершенствованию человека.

Сама эта возможность диалога,- точки соприкосновения, к которым он нас привел, позволяют нам обнаружить — и именно этим мне хотелось бы закончить — ценность этого диалога.

Я думаю, что ценность этого диалога в том, что он показал точки соприкосновения в различных идеологиях, какие-то возможные совпадения, и эта идея совпадения кажется мне чрезвычайно важной. Эта идея не моя, она принадлежит человеку, который много раз здесь упоминался, отцу Тейяру де Шардену. Отец Тейяр де Шарден действительно считал, что одна из отличительных черт прогресса — это стремление к одной цели. Когда был период расхождения, он сравнивал его с меридианами, идущими от одного полюса земли к другому: до экватора эти меридианы постепенно расходятся все дальше, но как только экватор преодолен, вы видите, что все меридианы сближаются друг с другом и в конце концов сливаются.

И я думаю, что наше присутствие здесь —

==425

доказательство того, что мы перешагнули экватор. Мы преодолели линию и подошли как раз к тому моменту, когда все усилия уже не расходятся, как прежде, а направляются к одной цели. Это совпадение усилий не влечет за собой их обязательного смешения и немедленного слияния в единственном, поскольку это слияние было бы концом современной истории. То, что Шомбар де Лов только что называл апокалипсисом или вторым пришествием Христа, это в определенной степени совпадает с тем, что вы называете бесклассовым обществом. Когда это общество будет создано, — и я думаю, я не обманываюсь в этом отношении, — завершится нынешняя история (или предыстория) и

начнется другая история, история, о которой мы, естественно, не можем ничего сказать, поскольку она вся в будущем и принадлежит к другому, чем предшествующая история, порядку. Итак, начиная с этого момента единство будет правилом и законом, но до тех пор различия, являющиеся не разногласиями, а сходящимися различиями, могут и должны быть сохранены в целях взаимного обогащения. И мне хотелось бы закончить свое выступление, просто зачитав вам несколько строк из Тейяра, которые могут послужить для нашей встречи заключением, с которым, мне кажется, мы все здесь согласны: «Чтобы объединить живые силы человечества, так болезненно разрозненные в настоящий момент, прямым и эффективным методом было бы бить сбор и объединить всех тех, кто считает, что великое дело современного человечества — это найти себе выход, поднявшись на ступень более высокого сознания. Христиане они или нехристиане, люди, движимые этим убеждением, образуют однородную категорию». (В тексте у Тейяра этот термин «однородная категория» подчеркнут). «Хотя они и находятся на разных флангах шагающего человечества, они могут идти вперед рука об руку, поскольку их позиции не только не исключают одна другую, но в потенции продолжают друг друга и лишь требуют взаимного дополнения. Что же они ожидают, чтобы создать единый фронт всех тех, кто верит, что мир идет вперед и что нам поручено двигать его? Не это ли было бы прочным ядром, вокруг которого должно развиваться человечество завтрашнего дня?» Итак, позвольте мне надеяться, дорогие друзья, что в течение нескольких дней мы создали здесь, несмотря на наши разногласия, нечто похожее на это прочное ядро.

==426

ЖАН ВАЛЬ

«Какое будущее ожидает человечество?» — вот что было темой наших размышлений. Но стоит нам только задуматься над этими словами, как мы убедимся в том, что не следует представлять себе будущее пассивным, ожидающим нас; люди сами делают свое будущее. Я заранее извиняюсь за характер своих размышлений, которые — я спешу сразу же сказать об этом — могут быть объяснены с точки зрения исторического материализма или психоанализа или с любой другой точки зрения. Но я высказываю их так, как они есть. Они не являются выражением мыслей счастливого человека, обладающего той уверенностью, которую нам иногда преподносят по крайней мере как желаемую. Сегодня, пребывая в неуверенности относительно многих вещей, мы стараемся выразить свои мысли и обрисовать ситуацию, которую нельзя назвать полностью счастливой.

В сущности, что касается цели, то мы все здесь согласны; мы расходимся в отношении средств. И с самого начала мы сознаем две опасности: опасность излишней несознательности и опасность излишней сознательности.

Нам много говорилось о мирном сосуществовании; и мы должны быть рады этому. Мы, следовательно, далеки от формулы: «это убьет то», так же как далеки от прекрасной, но страшной революционной формулы: «братство или смерть». Вопреки Гераклиту, видевшему в войне отца всех вещей, вопреки Гегелю и Ницше, которые продолжили его мысль в этом направлении, мы можем развивать идею плодотворности мира. Вспоминая Жан-Жака Руссо, мы можем сказать, что в человеке, в естественном человеке, отсутствует злоба, а порой в нем даже есть доброта.

Войны можно избежать. Находящиеся в распоряжении человека средства ставят нас перед лицом новой ситуации, которую мы вполне можем назвать предельной ситуацией; очевидно, главная польза от атомной бомбы заключается, должно быть, в том, что мы приходим к мысли, что мы не должны использовать ее; на место формулы: «братство или смерть» встает формула: «мир или смерть».

И несмотря на все, завязывается борьба; нужно полностью отдавать себе отчет в том, что наши предвидения вполне могут быть опрокинуты. Мы помним вторую

мировую войну, помним, как надежды на некую армию были сначала обмануты, а потом оправдались. Непобедимая армия была сначала побеждена, а затем оказалась непобедимой.

Нам говорили о диалектическом материализме. Но ничто не является тем, что оно есть, даже диалектический материализм. Решимся ли мы сказать, что он и не материализм, и не диалектика? Сегодня человеку не удастся и, быть может, никогда не удастся определить, что такое материя. Если все — материя, то само это положение теряет смысл, поскольку, принимая все формы, она уже не является материей в прежнем понимании; и если материя — все, то нельзя уже говорить о сведении других явлений к материи, тем более, что мы не знаем, что это такое. Во всяком случае, материя есть динамика, она — сила; скажем даже, что она — диалектика, и в силу этого она не может быть сама заключена в понятие материи.

Впрочем, мы видим, что нам говорили об удовлетворении материальных и духовных потребностей; каково значение этого «и»? Делается, следовательно, различие между теми и другими; и это, безусловно, шаг вперед, когда нам говорят, что должны быть удовлетворены как первые, так и вторые.

Нужно отметить, с другой стороны, что под материализмом часто понимается то, что часто называлось реализмом, т. е. утверждение о независимости познаваемого от нашего акта познания, утверждение, которое нам действительно кажется необходимым для самого этого акта. Но диалектично ли это утверждение? Диалектический материализм, следовательно, более сложен, чем кажется.

В марксистской форме этот диалектический материализм, выступая как материализм исторический, является объяснением; однако нужно признаться, что мы испытываем некоторое недоверие к тому, что называется объяснениями, будь они марксистскими, фрейдистскими или любыми другими. Мы охотнее придерживались бы того, что есть и что должно быть объяснено, чем самого объяснения.

Мы говорили о Гераклите, Гегеле, Ницше. Мы думаем также о Марксе. Все эти мировоззрения могут быть объяснены; но в силу того, что они могут быть объяснены различным образом, мы убеждаемся в том, что ни одно из объяснений не является вполне удовлетворительным.

Надо, следовательно, придерживаться самих этих мировоззрений.

Исходя из только что сказанного об объяснении, мы можем поставить перед собой вопрос о ценности науки. Отметим, что отправная точка науки — в восприятии; оптика, наука о теплоте существуют лишь постольку, поскольку прежде существуют свет и цвета, существует теплота. Во-вторых, хотя ни одна формулировка в данном случае не может быть удовлетворительной, мы скажем, что человек приспособлен к этому положению, в котором он находится, — к положению человека, воспринимающего цвет, теплоту и т. д. Ученый создает ситуацию, которая не является полностью естественным положением человека: он, так сказать, дополняет себя инструментами, которые оттачивают его органы чувств; как ученый он живет в мире формул, в то же время как человек он продолжает жить в мире людей. В-третьих, — и здесь мы возвращаемся к первому замечанию, — какой

бы высокой ни была научная деятельность, она заключается в том, чтобы, так сказать, выявить инфраструктуру вещей.

Нам говорили о коллективной работе. Но, с одной стороны, достаточно прочитать переписку Декарта, чтобы увидеть, что ученые XVII века, так же как и ученые XX века, работали сообща, с другой стороны, мы были рады отметить, что здесь говорилось и о гениях (хотя их и объясняют), а также о духовных потребностях; и в этих двух идеях мы видим возможность взаимопонимания.

Одна из особенностей диалектического материализма состоит в том, что он является одновременно объяснением и созиданием. Он дает возможность объяснения и вместе с тем преобразования вещей. Мы могли бы, по крайней мере в этом отношении, сравнить его с ролью психоанализа в области индивидуальной психологии. Итак, существование таких теорий, являющихся одновременно объясняющими и преобразующими,— это черта конца XIX и начала XX века.

С другой стороны, мы должны отметить, что если диалектический материализм — это философия большей части человечества, то другая его часть обучается логическому позитивизму или логическому анализу (или той теории, которая, независимо от того, как ее называют, сводит всякую вещь к названиям и которая, однако, не нашла названия для самой себя).

*

==429

Возможно ли нечто вроде союза между диалектическим материализмом и логическим позитивизмом? Это не невозможно; но мы не должны слишком стремиться к этому союзу и в особенности к союзу между великими державами, где господствуют эти учения, ибо, может быть, это было бы в некотором смысле страшнее войны между великими державами: полный союз между ними привел бы к полной стандартизации человечества в силу своего рода хитрости разума, умеющего, идя различными путями, достигать одной и той же цели.

Как выясилось, прогресс заключается в господстве над природой, в разрушении привилегий, в освобождении, в осознании человечеством своей собственной судьбы; говорилось о тотальном гуманизме. Совершенно правильно, что был поставлен вопрос о социальном прогрессе; по нашему мнению, это значит признать и то, что есть социальный прогресс, и то, что есть области человеческой деятельности, где его трудно обнаружить, поскольку они не лежат полностью в сфере социального. Есть прогресс по отношению к Ньютону, но, может быть, нет прогресса по отношению к Платону. Даже если допустить, и мы допускаем это, что платоновская мысль может быть превзойдена, мы бы все же утверждали, что Платон не может быть превзойден. Если взять психоанализ, то мы склонны сказать, что нет прогресса по отношению к Фрейдю, и более того, что есть регресс по отношению к нему. Что касается Маркса, то вопрос о том, может ли быть прогресс по отношению к Марксу, остается открытым.

Мы с радостью выслушали нашего болгарского друга, говорившего о реальном и тотальном гуманизме. Однако мы задаем себе вопрос в связи с идеей о создании новых потребностей, выдвинутой во время дискуссии: полезно ли вообще создавать новые потребности? В этом отношении мы охотно бы вспомнили мысль Жан-Жака Руссо.

Наука — прекрасная и великая вещь; но этот диалог научил нас тому, что иногда было бы неплохо сохранять неведение, что не всё должно переходить в область чистого сознания.

Мы также были рады услышать о творческой способности человека. Но это же заставляло нас задуматься над тем, что эта творческая способность часто выражается, не имея ясной и четкой цели в этом своем выражении.

Почему поэт пишет такую-то поэму? Почему художник создает такую-то картину?

Один современный философ, говоря о том, что лежит вне релятивного, изобрел термин «иррелятивное». И именно перед лицом этого иррелятивного мы часто находимся, когда берем процесс творчества.

Человек — это существо, которое надеется, т. е. для которого открыто будущее.

Вспомним тройную добродетель: вера, надежда и милосердие. Вспомним формулу революции: свобода, равенство, братство. Нет сомнения в том, что братство и милосердие идут рука об руку. Допустим, что равенство — это надежда, надежда, беспрестанно приближающаяся к осуществлению, и что свобода — это наша вера.

Так понемногу определился бы человек. Иногда перед ним появляется видимость тупика; но человечество никогда не попадало в полный тупик.

Мы выходим из этих диалогов теми же самыми и вместе с тем изменившимися. Жак Мадоль говорил нам, что одни нашли ответ на вопрос: как можно быть коммунистом, а другие на вопрос: как можно не быть коммунистом. Сейчас я вновь вижу лица Жозуэ де Кастро, нашего друга из Вьетнама, Бернала, всех советских -участников встречи. В течение этих дней мы с ними понимали друг друга, т. е. одновременно мы понимали их и понимали себя; в этом смысле эта встреча была бесполезной. Пожелаем же, чтобы за ней последовали другие встречи.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

АНРИ ЛОЖЬЕ

Прежде чем проститься с вами и закончить наш живой обмен мнениями, позвольте мне сделать три беглых замечания в связи с наступательным и конструктивным выступлением моего коллеги Семенова.

1. Я рад тому, что в этой дискуссии, затронувшей философские, экономические, социальные, политические и Другие проблемы, поставленные развитием науки и техники, он со всей компетентностью сосредоточил внимание на том, можно сказать, первостепенном значении, которое приобретают вопросы, поставленные прогрессом ряда

к

только еще зарождающихся точных наук, и особенно молекулярной биологии и биохимии, для тех, кто работает над осмыслением будущего человечества. Я счастлив констатировать, что таким образом мое вступительное слово при открытии собеседования в Руайомоне почти полностью согласуется с одним из важнейших выводов, сделанных г-ном Семеновым. Возможно, что именно применение биологии для изучения живых существ в равной, а может быть, в большей степени, чем физическая наука, определит жизнь человека в будущем.

2. Я весьма обрадован тем, что г-н Семенов, глубоко изучающий воздействие науки на будущее человека, остановился на перспективах развития энергетических ресурсов, которые являются основной предпосылкой прогресса. Мне хорошо понятна его озабоченность, и я считаю уместным напомнить, что в свое время Высший совет научных исследований Франции, к сожалению, ныне не существующий, побудил по моей инициативе французское правительство внести на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН предложение о созыве конференции по новым источникам энергии (помимо атомной) с тем, чтобы удовлетворить потребности человечества, и особенно слаборазвитых стран, в энергии. Это предложение французского правительства встретило поддержку Генеральной Ассамблеи ООН, и в августе будущего года в Риме соберется международная научная конференция для обсуждения этой жгучей проблемы нашего будущего. Мы надеемся, что советские ученые примут активное участие в этой конференции и поделятся своим богатым опытом (солнечная энергия, энергия ветра, энергия приливов, геотермическая энергия).

3. Я очень обрадован тем, что г-н Семенов призвал к совместной работе ученых всех стран. Я думаю, что не только из любезности по отношению к Франции он подчеркивал в своих беседах важную роль такого человека, как Луи де Брولي, в развитии современной теоретической физики и химии. Он назвал его рядом с именами Эйнштейна и Нильса Бора. Этот список можно было бы пополнить многими именами немецких, английских, итальянских, советских, индийских и других ученых. Я не буду их перечислять, чтобы не забыть кого-либо. Они работают на благо общества и принадлежат всему человечеству.

Всю жизнь борясь за мощную международную организацию научно-исследовательских работ, я считаю свою:

==432

долгом развить до логического конца мысль г-на Семенова, с которой я целиком согласен. Сегодня кажется абсурдным тот факт, что великие державы, располагающие огромными ресурсами, распыляют силы человеческого ума, материальные и финансовые средства, соревнуясь между собой и засекречивая свои научно-технические открытия, что приводит их с разрывом в несколько месяцев к одним и тем же результатам. Их сотрудничество сэкономило бы массу средств и ресурсов, которые сегодня разбазариваются в угоду национальному престижу или национализму. Я хочу высказать пожелание, чтобы крупные страны совместно вели исследования в космосе и чтобы путешествия вокруг Земли, на Венеру, Луну и т. д. организовывались бюро международного туризма, стоящим на службе одновременно Востока и Запада, Севера и Юга. Как говорил Сент-Экзюпери: «Заставьте их вместе построить башню, и они станут братьями...».

Некоторые, если не многие из вас, возможно, сочли слишком смелым название, предложенное для этого обмена мнениями: «Какое будущее ожидает человечество?». Мне понятны эти сомнения, и я охотно соглашусь с тем, что наше собеседование не дало определенного и решительного ответа на этот вопрос. Но слушая иногда очень острые споры между участниками обмена, я подумал, что все эти споры отражают разногласия по поверхностным процедурным вопросам и в то же время глубокое единодушие относительно целей, за которые должен бороться человек. Один из современных писателей заметил, что подлинную ценность представляют собой только те соглашения, которые удается заключить между затаенными мыслями людей. Мне кажется, что даже в самый разгар дискуссии, при самом остром столкновении мнений у нас было заключено молчаливое соглашение затаенных мыслей. Все мы упорно стремимся найти средства, методы и структуры, при которых наука и техника служили бы человеку, а не угрожали поработить его, средства, методы и структуры, при которых огромный научный прогресс, достигнутый в нашем веке, не привел бы к полному уничтожению всякой цивилизации, к отвратительному преступлению, каким была бы новая война. Вот эта общая затаенная мысль вдохновляла нашу дискуссию.

Я думаю, мы договорились, что глупо обвинять науку и технику в том, что они несут в себе смертельную угрозу

==433

для человечества. Приведенный пример и сравнение с учеником чародея, который стал жертвой им же разбуженных сил, никак не подходят к отношениям между научными открытиями и человеком. Ученик чародея в конечном счете становится жертвой своей неосторожности, потому что он абсолютно не знает ни природы, ни законов, управляющих силами, которые он бездумно освободил; в своем невежестве он не может управлять ими. Но энергия, рожденная научными открытиями, существует только благодаря воле и уму человека, который знает если не ее природу, то по крайней мере основные законы; эти силы и эта энергия — рабы, они не способны ни на бунт, ни на проявление инициативы. И если бы случилось так, что атомная энергия, открытая человеком, уничтожила цивилизацию, человечество, а может быть, всю планету в апокалиптической катастрофе, то не следовало бы обвинять в этом науку и технику, которые безразличны к добру и злу; вся ответственность легла бы на человека или группу людей, которые, отлично все понимая или по драматическому непониманию, пошли на это. Этот простой вывод заставляет снова задуматься над тем, какую ответственность за судьбы человечества несут человеческий мозг и социальная организация.

Однако это не исключает того, что даже самые сильные духом люди могут быть обеспокоены и, более того, обескуражены перед лицом растущей мощи техники. Прежде чем закончить, я хотел бы прочесть вам небольшой отрывок из Поля Валери, который известен далеко не только специалистам и где этот писатель со всей силой и блеском своего таланта показывает беспокойство человека перед лицом трудностей, встающих в современном обществе на пути разума, стремящегося выполнить свою миссию. Воспев гражданское мужество Вольтера, его революционную роль, когда со своим талантом, авторитетом и верой он вступает в политическую борьбу на поле правосудия для того, чтобы защитить невинно осужденных, и поднимает свой голос против применения пыток, Поль Валери восклицает: «Что мог бы сделать Вольтер сегодня? Что может сделать сильный духом человек? Какой голос может сейчас возвыситься над всеми другими, пробиться через грохот взрывов, шум машин, пропагандистскую трескотню, которая раздается со всех сторон, каждую минуту, в каждом доме? Где тот Вольтер, который напишет

==434

обвинительный акт сегодняшнему миру? Создается впечатление, что все усилия мысли, весь неслыханный рост наших позитивных знаний направлены на то, чтобы укрепить дикое в своей сокрушительной силе могущество средств, которые должны уничтожить человеческий род и в первую очередь убить в нем многовековую надежду на смягчение его собственной природы. Долго ли мы будем мириться с тем, что жестокость, варварство, злой и холодный расчет никогда не смогут считаться уничтоженными и окончательно стертыми с лица земли? Что стало с королевским указом, запрещающим применение пыток? Но что стало и с договорами, конвенциями, робкими попытками в

Гааге, с учреждениями и уставом международного суда, который обязан своим созданием единодушной воле людей (я имею в виду людей, сохранивших человеческий облик), добившихся этого от тех, кто их представляет? Где тот Вольтер, чей голос поднимется сегодня? Как велик должен быть этот Вольтер в пылающем мире, чтобы заклеить, проклясть и свести огромное всемирное злодеяние до уровня грязного преступления? В наши дни речь идет уже не о нескольких невинных мучениках, не о жертвах, которых можно было пересчитать... Сегодня счет идет на миллионы; уже не считают ни Каласа, ни Шевалье де ла Бар. Речь идет уже не о том, чтобы изменить несколько законов. Речь идет о всем политико-экономическом устройстве мира, который даже в мирное время плохо защищен и сотрясается неожиданным вторжением совершенно новых потребностей, колеблется между сверхизобилием и нищетой, между неподвижностью приобретенных привычек и завоеванного положения и беспорядочной спонтанностью возникающих творений и запросов, мира, который может стать жертвой всемирного пожара войны».

Дамы и господа, я не хочу заканчивать свое выступление такой мрачной картиной будущего. Конечно, как сказал великий канадец, лауреат Нобелевской премии мира Лестер Пирсон: «Человек трудится для войны, как гигант среди гениев, но он трудится для мира, как последний карлик».

Однако давайте черпать в самой нашей ответственной борьбе свою веру в будущее. Сам по себе факт, что на это собеседование собралось столько людей из стран, разделенных большими расстояниями, людей, принадлежащих к

»

==435

таким разнородным течениям мысли и к столь противоположным политическим течениям, свидетельствует о том, что всех вас в высшей мере обнадеживающе связывает непоколебимая вера в свободный диалог научной мысли и духа, призванного найти и открыть перед человеком пути к лучшему будущему, вера в социальный прогресс и во всеобщий мир.

Я уверен, что все без исключения, кто приехал в Руайомон со всех континентов, пройдя все абсурдные занавесы, которые разделяют нации,—железные, золотые или бамбуковые, собрались здесь, движимые всегда вдохновляющей нашу борьбу верой в то, что когда-нибудь война будет окончательно изгнана с нашей планеты, как были изгнаны из цивилизованных стран чума и холера.

==436

[00.htm - glava04](#)

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

АДАМ ШДФФ (Польша)

Мне кажется уместным начать с наиболее точного определения поднимаемой темы. «Теория социального развития» — эта тема настолько широка, что, если не ограничиться определенным кругом вопросов, можно затеряться в тупике пустых рассуждений.

Интересующий нас вопрос может рассматриваться под двумя различными углами зрения: можно рассматривать проблему социального развития, опираясь на конкретные данные, относящиеся к определенной стороне социальной жизни (например, экономика, технология, право или мораль), или же можно анализировать категорию развития на основе различных теорий, объясняющих механизм и взаимозависимость различных сторон социальной жизни. Название настоящей статьи говорит о том, что я выбрал последний путь и поставил перед собой задачу изложить марксистское понимание данной проблемы.

Чтобы еще яснее сформулировать эту задачу, нужно сказать о выбранных для анализа проблемах.

Я рассчитываю ограничиться тремя проблемами: 1. Точное значение терминов, употребляемых в родственных исследованиях, как-то: «движение», «изменение», «развитие», «прогресс»; 2. Значение выражения «социальное развитие», а также механизм и критерии этого развития в свете марксистской теории; 3. Возможность оказания сознательного влияния на направление и темп этого развития (при условии принятия марксистской теории).

И прежде чем приступить к собственному анализу, мне остается уточнить еще один пункт: как я намереваюсь преподнести марксистскую теорию социального развития? Я не ставлю своей задачей дать полное изложение учения, Приложение составлено из докладов и сообщений, которые были представлены на обмен мнениями в Руайомоне, но не зачитывались на нем по техническим причинам.

==437

которое стоит сегодня в ряду классических теорий и основные линии которого хорошо известны специалистам общественных наук. Мое намерение — дать анализ, основываясь на этой теории и на присутствии ей методе исследования, ряда проблем, которые могут представлять интерес для нашего общего дела.

1. Наша тема охватывает, в частности, то, каким образом изображается общественное развитие сторонниками различных теорий. И ввиду многообразия и спорной природы этих теорий обсуждение данной темы может быть плодотворным только в том случае, если терминология будет возможно более точной. Дело не в том, что семантический анализ может сам по себе решить какую-либо проблему, однако он помогает избежать умственной путаницы и пустословия, которые лишь усугубляют сложность обсуждаемых проблем. Вот почему мы должны мобилизовать все ресурсы семантики, чтобы различать значение таких терминов, как «изменение», «движение», «развитие» и «прогресс».

Начнем с термина «изменение». Это самый широкий термин, поскольку он указывает на всякий процесс, характеризующийся тем фактом, что в момент [^] он существует в состоянии, а в момент он существует в состоянии изменение заключается в том, что рассматриваемые нами объекты, чье существование не зависит от познающего субъекта, являются в некоторых отношениях различным в разные моменты времени. Если дело обстоит не так, то изменения нет, и мы говорим тогда, что объект неизменен, по крайней мере относительно. С другой стороны, изменение происходит тогда, когда имеет место перемена состояния в каком-нибудь отношении (например, в отношении места, температуры, электрического заряда, химических свойств, социальной системы, умственных процессов и т. д.).

Это определение изменения ясно показывает, что слово «движение» указывает на определенную подгруппу явлений, входящих в класс изменений. Здесь речь идет о перемене положения в

пространстве, так что слово имеет здесь тот же смысл, что и в механике; его значение уже значения слова «изменение».

Это терминологическое различие необходимо, если есть желание точно определить термин «развитие». Учитывая издавна установившееся употребление как в

==438

обычном языке, так и в научной терминологии, мы можем сказать, что слово «развитие» также имеет более узкое значение, чем слово «изменение». Каждый раз, когда мы говорим о развитии, мы думаем о некотором изменении; но когда мы отмечаем изменение, мы не всегда вправе говорить о развитии — во всяком случае тогда, когда речь идет о регрессивном изменении. Так, например, если мы говорим о развитии человеческого организма с детства до зрелого возраста, мы указываем тем самым на ряд биологических, психологических и других изменений, происшедших в этом организме; но если мы говорим об изменении, связанном со смертью вышеназванного организма вследствие несчастного случая, то мы не можем дать этому изменению название развития, поскольку это бы явно противоречило смыслу, который мы вкладываем в используемые нами слова. Аналогичное положение возникает и в области социальных явлений. Изменения, происходящие в обществе, переходящем от рабства к феодализму, затем от феодализма к капитализму, будут безусловно рассматриваться как развитие, несмотря на противоречивую природу некоторых проблем, выдвигаемых этим процессом. Но мы не будем говорить о развитии в отношении изменений, связанных с ликвидацией Римской империи в результате нашествий варваров, даже если можно утверждать, что эти нашествия и вызванные ими материальные и духовные разрушения были предварительным условием и содержали в себе зародыш дальнейшего социального развития.

Таким образом, слово «развитие» указывает на определенный тип изменений: это изменения, которые в каком-то данном отношении и в соответствии с установленной системой измерения представляют собой количественный рост явления, рассматриваемого как положительное в данной системе ценностей.

Это определение — безусловно сложное и сделанное с оговорками — показывает, если оно правильно, что сама проблема очень сложна. Попробуем же объяснить по крайней мере некоторые из возникающих сложностей.

Мы говорим, что рост демократии является проявлением социального развития — слово «развитие» является здесь синонимом «прогресса». Если мы согласны с этим положением, то мы не должны терять из виду два факта: во-первых, это положение применимо не вообще к общественной жизни, а только к одной из ее сторон — к

к

==439

отношениям между индивидом, с одной стороны, и политической и экономической властью — с другой (это то отношение, в рамках которого берется изменение); во-вторых, у нас есть метод, чтобы определить, произошло ли действительно увеличение демократии (это система измерения). Но недостаточно определить рассматриваемое отношение и уметь оценить рассматриваемые явления. Чтобы утверждать, что количественный рост этого явления представляет или не представляет собой развития (в смысле прогресса), мы должны также соотнести это явление с некоторой системой

ценностей. Большая демократия — это признак социального развития, в то время как увеличение детской преступности является признаком упадка или социального регресса. И только на основе социально установленной системы ценностей можно ответить на всегда конкретный вопрос о том, является ли рост данного явления признаком развития или регресса. Таким образом, для определения категорий развития необходимы многочисленные и разнообразные связи (в данном случае я положительно отношусь к различию, сделанному Мангеймом между реляционизмом и релятивизмом, хотя я и не согласен с тем, как он применил его к проблеме идеологии). Только основываясь на этой концепции, можно понять общее определение развития как перехода от низших форм к высшим (проблема как раз заключается в том, чтобы определить, какие формы и почему являются высшими), а также ограниченный характер тезиса, в соответствии с которым развитие как бы является переходом от сравнительно простых форм к более сложным (во многих областях общественной жизни происходят противоположные явления).

Мы подняли лишь некоторые из вопросов, связанных с понятием развития. Всякий более глубокий анализ этой сложной проблемы вышел бы за границы наших настоящих рассуждений, которые необходимо носят в данном случае вспомогательный характер. Но в этом разрезе достаточно ясно, что слово «развитие» является синонимом «прогресса».

2. Каково значение этого определения развития для истолкования выражения «социальное развитие»?

Это значение заключается прежде всего в сознании того факта, что проблемы социального развития могут изучаться лишь конкретно и в рамках каких-то данных отношений — как в смысле системы социально принятых

==440

ценностей (т. е. не абсолютной, а социально определенной и изменяющейся системы) и ограниченности тем аспектом социальной жизни, которым конкретно занято данное исследование, так и в смысле системы измерения, прилагаемой к рассматриваемой области. Выражение «социальная жизнь» указывает на очень многое в силу большого числа проявлений того, что мы называем социальной жизнью. Оно охватывает чрезвычайно различные формы общественных отношений, а также их следствия, идет ли речь о институциональных формах или о других объективных формах (как, например, искусство, наука и т. д.). В этом значении выражение «социальная жизнь» охватывает, в частности, экономические, политические и другие отношения между людьми, а также науку, искусство, мораль, религию и т. д. Таким образом, говорить, что всякий вопрос, касающийся общественного развития «вообще», а не конкретной сферы общественной жизни в специфических для нее рамках выделенных отношений, является или слишком обширным, или слишком узким и не может получить никакого правильного ответа — значило бы повторять всем известные, общие места. Хотя бы только потому, что развитие различных сфер социальной жизни не представляет собой гармоничного целого (как это показывает опыт). Случается даже так, по крайней мере в определенные периоды, что прогресс в одной области сопровождается регрессом или во всяком случае застою в других областях.

Если дело обстоит так, то нельзя разумно ставить вопроса об общественном развитии «вообще», не уточняя области, к которой вопрос относится; это можно сделать лишь в одном случае: в том случае, когда вопрос сопровождается постулатом, что существует определенная иерархия влияния на общественную жизнь, рассматриваемую в целом, помимо связей и взаимозависимостей, которые участвуют в развитии различных областей общественной жизни. Если подобная иерархия существует, то изменения, затрагивающие одно звено в цепи взаимных связей между различными областями общественной жизни, вызывают в результате долгого развития соответствующие изменения в других

звеньях этой цепи, что нисколько не ликвидирует их взаимозависимостей и влияния, которое они оказывают друг на друга. Этот постулат, основанный на опытных данных, составляет основу марксистской теории общественного развития.

==441

Уже более столетия марксизм, в частности его концепция общественного развития, а также практические выводы, вытекающие из этой концепции, являются объектом борьбы, представляющей собой одну из самых захватывающих тем исследования для социологии познания. Основным здесь является не то, на чем чаще всего настаивают противники марксизма, утверждающие, что научная теория стала идеологическими узами, цементирующими массовое политическое движение: при определенных обстоятельствах этот факт может подтолкнуть к догматическому обращению с теорией и к нежеланию изменять ее, даже когда того требуют факты и опыты. По моему мнению, существует другой аспект проблемы, заслуживающий большего внимания: это догматическое обращение с марксизмом со стороны политических противников массового движения, основывающегося на этой теории. Для социолога или психолога, изучающего процессы познания в масштабе общества, по-настоящему увлекательно наблюдать, как предубеждения или политическая враждебность мешают некоторым исследователям принять определенные научные истины и как эта социальная направленность исследования ведет к забавным последствиям, когда человек фактически принимает теорию, против которой выступает, сохраняя вместе с тем впечатление, что он ее не принимает. Марксистская теория общественного развития, против которой так яростно выступали, которую так бессовестно искажали и фальсифицировали более ста лет, добилась самого большого успеха, какого только может добиться научная теория. Она так глубоко вошла своими корнями в общественные науки нашего времени (это верно, во всяком случае, для основного положения об определяющей роли производственных отношений в общественном развитии в целом), что уже давно забыли о ее происхождении. Сегодня нет ни одного серьезного историка, который бы в своем анализе исторического развития пренебрегал бы ролью экономических факторов и общественных отношений, основанных на этом факторе. Но сколько историков помнит или считает необходимыми: подчеркнуть, что этим открытием они обязаны Марксу и что они не перестают заимствовать идеи из марксизма? Разве не так обстоит дело с классовым анализом социальных явлений, против которого так яростно выступает большинство социологов, которые неспособны или отказываются видеть, скольким на деле они обязаны

==442

Марксу и марксизму? Разве редко можно сегодня обнаружить, причем совершенно неожиданным образом, экономический материализм, оспаривавшийся как один из самых серьезных грехов Маркса (и с которым, кстати, Маркс не имеет ничего общего), в произведениях историков и других представителей общественных наук, которые в других отношениях борются с марксизмом? Хотя бы только по этим причинам мы должны были бы напомнить некоторые из положений марксистской теории общественного развития, прежде чем перейти к выводам о возможностях и методах сознательного вмешательства человеческой деятельности в это развитие.

Вопреки господствующему в определенных кругах мнению, согласно которому толкование истории, данное Марксом и его теорией общественного развития, не имеет никакого отношения к его философии — диалектическому материализму, анализ истории и сути проблемы показывает нам, что Ленин был прав, утверждая, что так называемый исторический материализм является распространением принципов

марксистской философии на исследования, касающиеся социальных явлений. Как раз опираясь на диалектику, понимаемую как наука о наиболее общих законах, управляющих развитием природы, общества и человеческого мышления, Маркс ясно увидел связи и взаимозависимости, объединяющие все стороны общественной жизни. Нет ничего более далекого от этой диалектической концепции общественного развития, чем одностороннее сведение этого развития к единственному фактору, фактору экономическому, чем сведение исторического материализма к вульгарной форме экономического материализма, от которого Маркс и Энгельс решительно отмежевались в критике в адрес некоторых своих последователей. Однако исторический материализм признает, что экономический фактор, истолковываемый определенным образом, играет особую роль в развитии общественной жизни.

Одним из предварительных условий производства является существование производительных сил, т. е. орудий труда и людей, способных использовать их. Для нужд производства люди определенным образом организуются, приводят сообща в действие свою силу и завязывают между собой общественные отношения, которые называются производственными отношениями. Производительные силы общества и производственные отношения людей образуют

==443

способ производства. Надо подчеркнуть, что здесь речь идет не о сочетании разнородных элементов, а о подлинном единстве; производственные отношения нераздельно связаны с производительными силами, от которых они зависят. Каковы производительные силы, таковы и производственные отношения; если гармония между этими элементами нарушается, общество вступает в период кризиса и борьбы, который должен рано или поздно привести к приспособлению производственных отношений к существующим производительным силам или к катастрофе для рассматриваемой социально-экономической системы. То, как люди регулируют свои отношения и организуют производство, а также общественные отношения, которые они устанавливают с этой целью, зависит в конечном счете от имеющихся в их распоряжении орудий труда. Именно это и выражено в сжатой форме знаменитой фразой Маркса: «Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом».

Состояние производительных сил, определяющих производственные отношения, определяет также способ производства, который становится, в свою очередь, базисом социального развития. В общем, именно так социальная система зависит от экономической структуры общества. Мы видим, что выражение «социальная система» относится к более широкой реальности, чем «экономическая структура», которая, как подчеркивалось, служит фундаментом для всего общества и является его самым важным элементом.

Производственные отношения прямо отражаются на политической жизни и на юридических нормах. Таким образом, политическая и юридическая надстройка оказывается тесно связанной с экономическими устоями существования общества.

С другой стороны, связи между высшими формами идеологической структуры и их экономической базой являются гораздо более слабыми. Между ними стоит определенное число промежуточных звеньев; но связь между ними существует. Мы можем проверить это на опыте: достаточно увидеть, как изменение экономической структуры общества неизбежно влечет за собой изменение политических взглядов, вкусов, законов, философии, религии, морали и т. д. Так, например, переход от феодализма к

==444

капитализму означает не только изменение экономической структуры, но и изменение во всех формах и всех областях культуры. Невозможно хорошо понять эту связь между идеологической надстройкой и материальным базисом, если не принимать должным образом во внимание решающее влияние экономического фактора на общественную психологию.

В истории марксизма неоднократно делалась попытка исказить концепцию исторического материализма. Отношение между базисом и надстройкой общественной организации часто представляли в форме односторонней зависимости, совершенно устраняя фактор взаимного влияния.

К этому прибегали не только противники марксизма. Некоторые его сторонники также искажали эту позицию в силу недостаточного знания проблемы. Именно об этой категории «марксистов» думал Маркс, когда он писал: «Я знаю только одно, что я не марксист» (Письмо Энгельса Конраду Шмидту от 5 августа 1890 года). Действительно, позиция Маркса не имела ничего общего с попытками, направленными на то, чтобы установить одностороннюю связь между культурой и материальным базисом общества и чтобы истолковывать различные аспекты литературных произведений, основываясь исключительно на экономических факторах, на социальном происхождении авторов и т. д. Очевидно, что так называемый «экономический материализм» мешал всякому объективному анализу сложного мира идей и нисколько не способствовал их полному и точному объяснению. Как прекрасно доказал Плеханов в критической рецензии на произведения Лабриолы, «экономический материализм» чужд духу исторического материализма; единственная связь между двумя теориями заключается в некотором внешнем сходстве некоторых их элементов.

С другой стороны, противники марксизма также стремились извратить его аналогичным образом. В самом деле, гораздо легче опровергнуть учение исторического материализма, предварительно истолковав его особым образом, чем нападать на него в его оригинальной форме. Здесь использовалась широко известная стратегия: прежде всего искажались тезисы противника, а затем их «опровергали». У меня нет намерения рассматривать здесь распространенный метод, заключающийся в том, что марксистскому выражению «материализм» придается неточный и

==445

преувеличенно упрощенный смысл, т. е. в том, чтобы истолковывать его не в философском смысле, а в вульгарном, как будто бы марксизм является выразителем лишь грубых интересов живота и кошелька. Этот «аргумент» не заслуживает никакого серьезного внимания. Более важна критика якобы одностороннего характера исторического материализма, который будто бы пренебрегает влиянием идеологии на развитие общественного бытия и не признает роли идей в истории.

В этом отношении большой интерес представляют собой указания, содержащиеся в письмах Энгельса различным социалистическим руководителям. В этих письмах основоположник марксистского учения незадолго до своей смерти исправил некоторые ошибки в истолковании марксистской концепции истории.

Толкование, которое давали некоторые «марксисты» отношениям между материальным базисом и надстройкой, должно было стать к 1890 г. явно неточным, чтобы Энгельс счел необходимым дать его критику.

«Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует,— писал Энгельс Блоху в 1890 году. — Нам приходилось,

возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отрицали, и не всегда находилось достаточно времени, места и поводов отдавать должное и остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до изображения какого-либо исторического периода, т. е. до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки. К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, да и то не всегда правильно. В этом я могу упрекнуть многих новейших «марксистов»; ведь благодаря этому также возникала удивительная путаница». (К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 469—470).

Каково настоящее марксистское толкование всей этой проблемы отношений между идеологической надстройкой и экономическим базисом общества? Мы находим ясный и недвусмысленный ответ на этот вопрос в письмах Энгельса об историческом материализме.

«Согласно материалистическому пониманию истории,—заявляет Энгельс в том же письме,—в

==446

историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если кто-нибудь это положение извращает в том смысле, что будто экономический момент является единственно определяющим моментом, то он тем самым превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение, это — базис, но на ход исторической борьбы оказывают также влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки...» (стр. 467—468).

В других письмах Энгельс еще сильнее настаивает на взаимодействии элементов общественного базиса и надстройки.

«...То, что мы называем идеологическим воззрением,— писал он Шмидту, — в свою очередь оказывает обратное действие на экономическую основу и может ее в известных пределах изменить, — это мне кажется само собой разумеющимся» (стр. 474).

«Следовательно,—продолжает Энгельс,—если Барт полагает, что мы отрицали всякое обратное влияние политических и т. д. отражений экономического движения на само это движение, то он просто сражается с ветряными мельницами. Ему следует заглянуть лишь в «Восемнадцатое брюмера» Маркса, где только почти и идет речь о той особой роли, которую играют политические битвы и события, конечно, в рамках их общей зависимости от экономических условий; или посмотреть «Капитал», например, отдел о рабочем дне, где показано, какое решительное действие оказывает законодательство, которое ведь является политическим актом, или отдел, посвященный истории буржуазии (24-я глава)» (стр. 476).

«В связи с этим,— писал Энгельс Францу Мерингу,— находится также нелепое представление идеологов: так как мы за различными идеологическими областями, играющими роль в истории, не желаем признать самостоятельного исторического развития, то, значит, мы отрицаем за ними и всякое воздействие на историю. В основе этого лежит шаблонное, недиалектическое представление о причине и следствии, как о двух неизменно противостоящих полюсах, и абсолютно упускается из виду взаимодействие. Эти господа часто намеренно забывают о том, что, как

»

==447

только историческое явление вызвано к жизни другими, в конечном итоге экономическими причинами, так оно тоже воздействует на окружающую среду и даже может оказывать обратное действие на породившие его причины» (стр. 479).

Еще одна цитата: «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является единственной активной причиной, а все остальное является лишь пассивным следствием. Нет, тут имеет место взаимодействие на основе экономической необходимости, в конечном счете всегда прокладывающей себе путь» (там же, стр. 484).

В свете этих отрывков из писем Энгельса отношение между идеологической надстройкой и экономическим базисом предстает как нечто совершенно отличное от толкования, которое дают ему обычно противники марксизма. Повторим еще раз: это отношение не носит никакого одностороннего характера. Если изменения в экономическом базисе, вытекающие из различных производительных сил, влекут за собой соответствующие изменения в мире идей, то этот мир, в свою очередь, приобретает в определенных границах самостоятельность существования и может по-своему реагировать на функционирование экономического базиса. Творческая мысль человека, изобретающего все более совершенные орудия производства, постепенно и косвенно преобразует общую экономическую структуру, все общественные отношения и, следовательно, всю человеческую реальность.

Последователи Маркса и Энгельса творчески развили их идеи о взаимодействии экономического базиса и идеологической надстройки и, в частности, об активной роли последней в общественном развитии. Больше всего в этом отношении мы обязаны Ленину.

Но мне бы хотелось привлечь здесь ваше внимание к произведениям крупнейшего польского социолога Людвиг Крживицкого (1859—1941), который находился под сильным влиянием марксистских идей. Я хочу сделать это еще и потому, что в силу лингвистических помех произведения этого видного исследователя, принесшего в общественные

==448

науки столько оригинальных элементов, совершенно не известны в странах Запада.

Учитывая единство материального базиса и идеологической надстройки в социальных процессах, Крживицкий понимает важность стихийного развития материального базиса, которое носит тот же характер необходимости, что и естественные процессы, и которое определяет развитие всей структуры общества и, следовательно, его идеологии. Стремясь удовлетворить свои материальные потребности и повысить свой жизненный уровень, люди сознательно или бессознательно вводят мелкие изменения в процесс производства, и когда со временем эти различия «усваиваются», как говорит Крживицкий, материальный базис общественной жизни преобразуется. Именно таким образом произошел переход от типа производства, представленного корпорациями и цехами, к типу производства, соответствующему мануфактурам. Так изменяется содержание общественной жизни (способ производства), но политико-юридические формы не изменяются с такой же скоростью из-за интересов руководящего класса, который отстаивает выгодные для себя производственные отношения и политико-юридические формы, отражающие эти отношения. Из этого вытекает социальная неудовлетворенность, сначала неосознанная, а затем сознаваемая общественными классами, которые заинтересованы в изменении порядков. Именно на этой стадии рождается общественная идея, выражение желания изменений, и

именно на этой стадии сознательно завязывается классовая борьба. Таким образом, социальная идея, родившаяся в результате объективного и стихийного общественного процесса, приобретает в момент своего появления значительную важность и влияние на дальнейшее общественное развитие. Таким образом, идея является всего лишь сознательным выражением изменений, которые уже произошли в материальном положении общества; но в тот момент, когда она появляется, она становится могучим оружием для продолжения этих изменений.

Общественная идея — это отражение в человеческом сознании потребностей, вытекающих из развития материальных условий существования общества. Таким образом, социальное развитие покоится на своем материальном субстрате, но это не означает, что общественная идея теряет свое значение и что социальное развитие характеризуется чем-то вроде фатализма. «Не надо подозревать историю в

==449

фатализме», — пишет Крживицкий, — другими словами, не надо считать, что решение может произойти без участия человека. Последний не может остаться пассивным зрителем событий, поскольку человек, стихийно создав задачу или цель, может решить ее только путем сознательной деятельности

Естественно, не все идеи участвуют в преобразовании общества. Это относится только к тем идеям, которые отражают действительное изменение материальных условий существования; только эти идеи могут овладеть массами и стать историческими идеями. Индивидуальные фантазии могут стать всего лишь утопиями, которые Крживицкий называет «идеологическими отбросами истории»; они не имеют для масс никакой притягательной силы, если не отражают реальных потребностей общества

Но Крживицкий не удовлетворяется общей идеей о том, что общественное бытие определяет общественное сознание. Классики марксизма неоднократно подчеркивали важную роль идей в общественном развитии, относительную самостоятельность развития общественного сознания и его влияние на изменения материального базиса. Именно этим проблемам посвятил Крживицкий свои работы об идеологии, в которых он развивает общие положения классиков, формулируя свою теорию о «миграции идей»

Общественная идея — это вторичное проявление изменений, происходящих в материальных условиях существования общества. Это предложение бесспорно справедливо, но необходимо придать ему должные оттенки — оно полностью справедливо в стране, где материальная база привела к рождению новой идеи. Но как только идеи выражены, они мигрируют в другие страны, они путешествуют в пространстве и во времени. Подобная мигрирующая идея — продукт определенного способа производства в данной стране — может стать в другой, менее развитой стране фактором, который будет предшествовать материальным процессам социального изменения и стимулировать их. Миграция идей, которую Крживицкий изобразил и проанализировал с марксистской точки зрения, является одним из аспектов взаимодействия между материальным базисом и идеологической надстройкой.

Еще более интересна миграция идей во времени, родившись от определенных объективных условий, идея, послужив потребностям, соответствующим этой материальной

базе, вновь оживает в другую эпоху. И когда она появляется таким образом в последующее время как удачное выражение новых условий, мигрирующая идея становится фактором, который предшествует общественному развитию и стимулирует его. Введение римского права в средневековых городах в то время, когда появлялось товарное хозяйство в рамках феодальной экономики, является одним из классических примеров подобной миграции идей во времени.

Однако, анализируя проблему идеи в социальном развитии, Крживицкий был вынужден не только признать в ней фактор, способствующий ускорению развития при определенных условиях, но и то, что она может направить или даже затормозить это развитие. Он сформулировал эти законы развития в своих теориях «исторического субстрата» и «пережитков».

Тот факт, что идея носит вторичный характер и что «общественное бытие определяет общественное сознание», объясняет, почему некоторые идеи появляются в определенных обстоятельствах и почему они становятся популярными среди масс как «исторические идеи», но он не объясняет, почему они принимают такую-то данную форму и почему они вызывают различную реакцию в различных кругах.

Чтобы объяснить это явление, Крживицкий формулирует свою теорию «социального субстрата». Общественное сознание отражает перемены, происходящие в материальных условиях общественного бытия, оно вытекает из этих условий. Но чтобы отразить эти изменения, оно использует существующие идеологические формы. Таким образом, прошлая идеология стоит над колыбелью новой идеи и, следовательно, влияет на ее развитие. Стимулирующие факторы, вытекающие из материальных условий общественного бытия, являются, так сказать, зернами, брошенными в землю существующего общественного сознания; жатва зависит не только от зерна, но и от качества почвы. Эта почва и есть то, что называется идеологической надстройкой рассматриваемого общества; учитывая, что она является продуктом исторического развития, Крживицкий дает ей название «исторического субстрата».

«Наши привычки и предрассудки, принципы и верования, наши эмоции и темперамент, наши политические и юридические учреждения, наши моральные и эстетические

^

взгляды, наконец, наши философские системы — все это составляет в ходе исторического развития связную категорию исторический субстрат»

«Этот субстрат образовался в течение веков- как на складе архивов, каждая эпоха оставила свое наследие. Даже самые отдаленные времена еще существуют в качестве пережитков в области наших привычек и предрассудков. На каждом шагу мы встречаем прошлое, оно ограничивает наши движения, тормозит устремления, которые диктуются нам нынешним состоянием общественных отношений. Мы окружены и скованы прошлыми веками. В глубине нашего «я» еще переплетаются нити, которые были когда то связаны в душе неизвестных предков. Если мы могли бы лучше анализировать наши повседневные действия и импульсы, если бы мы пристально посмотрели на нашу среду и спросили бы себя, каково происхождение наших привычек и наших принципов действия, мы бы вскоре поняли,

насколько мы управляемся не нашим собственным умом, а умом наших предков. Что бы ни говорили о нашей независимости, мы являемся рабами наших отцов и предков».

Теория «исторического субстрата» более чем спорна, но она бросает интересный свет на роль, которую играет в уме марксистов теория активного вмешательства идеи в общественное развитие. Крживицкий сочетает эту концепцию с тем, что он называет теорией пережитков в рамках борьбы реакционных классов. Он анализирует парализующую роль традиции и намечает программу борьбы с этой традицией, борьбы, которая является, по его мнению, одной из основных задач революционных движений.

Мы дали лишь общий набросок взглядов Крживицкого, предназначенный лишь для того, чтобы осветить более широкую проблему: как последователи марксизма понижают тезис, касающийся определяющей роли изменений экономического базиса по отношению к общественному развитию.

Только правильное толкование взглядов Маркса на общественное развитие и движущие им силы позволяет нам понять его теорию общественных формаций и классовой борьбы как живой силы этих формаций. Но, как я уже сказал, я не намереваюсь излагать всю теорию Маркса, которая уже стала классической. Мне бы хотелось только напомнить некоторые из ее принципов, опровергающие

==452

ошибочные и ложные толкования марксистской теории общественного развития.

Естественно, кроме такого напоминания или изложения этих принципов, моим намерением было также сделать выводы, вытекающие из этой позиции, главным образом практические выводы, касающиеся действий людей, направленных на сознательное преобразование общественной действительности. Но этот вопрос будет поставлен в следующей части моей статьи, пока мне хотелось бы добавить здесь несколько слов относительно некоторых других позиций по отношению к проблеме общественного развития.

Марксистская теория общественного развития, хотя она и подчеркивает роль экономического базиса в развитии общества, враждебна всякой концепции, которая предполагает существование единого и однородного критерия развития, пригодного для всех областей общественной жизни. Это относится как к теории Гегеля, по которой прогресс заключается в увеличении свободы, так и к идеям, например, профессора Гинсберга, для которого прогресс заключается в возрастании рациональности, т. е. в систематической организации мышления и действия. Эти идеи слишком смутны, чтобы дать ориентиры для практического действия, даже если мы безоговорочно приняли бы их. На деле они неприемлемы, хотя бы потому, что, как показывает марксизм, различные области общественной жизни, несмотря на существующие между ними связи, не имеют для оценки прогресса никакой однородной системы ценностей, ни общей шкалы измерения. Но самое серьезное возражение — это возражение практического порядка: подобные метафизические концепции не дают нам никаких указаний для действия, в то время как марксистское учение содержит имплицитные, но ясные указания практического порядка, которые — как это показал опыт — дают человеку возможность преобразовывать мир. А это, разумеется, самое главное, когда мы затрагиваем проблему общественного развития в свете нынешних социальных конфликтов и стремления положить им конец.

3 Позитивисты упрекают марксизм в тенденции к излишнему обобщению, которое будто бы мешает эффективному социальному действию в рамках «социальной механики». Поппер, защищающий этот взгляд, дает примечательный пример того, как политические соображения мешают понять некоторые теоретические предложения.

Действительно, и практика, и теория опровергают тезис Поппера.

Начнем с практики. Безусловно, в истории человечества не существует другой теоретической системы, которая сыграла и продолжает играть такую большую роль, как марксизм, в качестве основы планируемого действия, направленного на преобразование общественной жизни. Вот почему он вызывает такую враждебность в некоторых кругах. Вот почему иррациональный элемент играет в его оценке гораздо большую роль, чем рациональный. По моему мнению, специалист по социологии науки именно этот фактор рассматривал бы как фактор, определяющий позицию многих ученых-комментаторов.

Перейдем теперь к аргументам теоретического характера. Могут ли быть указания социальной механики противопоставлены марксистской теории как теории общественного развития? Я так не думаю по крайней мере по двум соображениям: прежде всего потому, что марксистская теория общественного развития предполагает некоторые прагматические указания, направленные на преобразование общества; и бесспорно, что они носят характер ориентиров социальной механики в самом широком смысле слова; затем потому, что директивы социальной механики в узком смысле обязательно предполагают более общую концепцию социального развития. Всякий принимающий эти директивы молчаливо принимает некоторые идеи о социальном развитии, например, хотя бы потому, что тем самым он опровергает абсолютный либерализм, который по принципу «laissez faire» выступает против всякого вмешательства государства в социальном плане и в силу этого исключает какую бы то ни было социальную механику.

Значение марксистской теории общественного развития заключается также (и, может быть, главным образом) в том, что она может служить основой для сознательного социального действия. Очень рано Маркс увидел в своей теории «идеологическое оружие пролетариата», и вся история марксизма подтверждает правильность этого взгляда. Этим он хотел сказать не только то, что его теория дает идеологические узы для нового массового социального движения, но главным образом то, что она позволяет научно предвидеть общие линии общественного развития и на этой основе делает возможным сознательное социальное действие, направленное к достижению определенных целей.

Действительно, марксизм не является метафизикой истории, совокупностью спекуляций о духе истории или духе нации; он не удовлетворяется выдвиганием смутных положений, лишенных тем самым всякого практического значения, или утверждением, например, что свобода, рациональность и т. д. развиваются в ходе истории. Марксизм дает конкретный анализ конкретной социальной формации, анализ, из которого вытекают конкретные указания для действия. Эти указания опираются на общие выводы из изучения исторических процессов предшествующих формаций. Но эти общие выводы носят особый характер: фиксируя взаимодействие различных областей общественной жизни, они устанавливают между ними определенную иерархию, отсюда и появляются те или иные указания для действия в рамках каждой социальной формации. Это следующие указания: чтобы изменить формацию, надо прежде всего изменить производственные отношения, т. е. отношения собственности. Чтобы придать конкретный смысл этому общему указанию, надо конкретно проанализировать историческую обстановку. Именно это и сделал Маркс, посвятив всю свою жизнь анализу капитализма. Именно на этой основе смогли выработаться указания для самой эффективной в истории социальной механики — как в смысле революционной деятельности, направленной против капитализма, так и в смысле

построения новой системы — социализма. Как раз в этом-то сочетании эвристической ценности как метода исследования и практической ценности для действия и заключается огромное значение марксистской теории общественного развития. Тот факт, что более трети человечества пользуется этой теорией для направления своей практической деятельности, хорошо показывает, что она представляет собой беспрецедентное явление. Попробуем теперь применить эти практические размышления к конкретным проблемам современной жизни. Мы стоим перед лицом проблемы общественного развития во всей его широте: речь идет о том, чтобы определить, как и в каком направлении должно развиваться общество и как мы — участники драмы — должны действовать, тем более, что социальные и идеологические системы, которые сталкиваются друг с другом в настоящее время, предлагают в этом отношении различные и часто радикально противоположные решения.

Мы можем пренебречь довольно банальной проблемой, *

==455

которая возникает, когда сравниваются различные общества на различных стадиях их развития. В этом случае надо всегда рассматривать систему отношений в ее совокупности и пытаться определить ее как можно яснее, ставя все новые вопросы, спрашивая себя, например, в каком отношении и по отношению к кому изучается развитие, поскольку всякое сравнение является сравнением с чем-то и делается по отношению к чему-то; следовательно, когда речь идет о сложных и неоднородных элементах совокупности сравниваемых объектов, то абсолютные утверждения создают опасность привести к абсурдным выводам. Это уточнение могло бы показаться излишним, если бы не так часто утверждалось, что сторонники марксистской теории развития неспособны понять и оценить развитие стран, против строя которых они выступают. Здесь скрывается недоразумение. Вполне очевидно, что Соединенные Штаты, Англия или Франция достигли более высокого общего уровня развития, чем, например, в XVII веке, и что их развитие продолжается во многих отношениях. Но прежде всего речь идет о том, чтобы понять, как происходит это развитие, что его тормозит, в каких направлениях происходит действительно прогресс и с каких сторон этот прогресс приостановлен.

Эта проблема банальна и не имеет большого практического значения. Поэтому мы обратимся к другому вопросу, значение которого быстро растет: к проблеме слаборазвитых стран и тем указаниям, которые вытекают из общих соображений, касающихся политики, которую надо проводить в этих странах.

При попытке определить выражение «слаборазвитая страна» обнаруживается, насколько глубоко марксистское понятие общественного развития вошло в науку. Для научной теории нет более прекрасной судьбы, чем быть полностью поглощенной и ассимилированной научным мнением до такой степени, что ею проникается вся эпоха и она становится очевидной истиной, потеряв всякий след своего исторического происхождения. Кто сегодня думает о том, что нынешнее понятие слаборазвитой страны, определяемой как страна, чей промышленный базис остается еще недоразвитым и которая терпит последствия этого положения вещей, является марксистским по своему происхождению? Однако это происхождение бесспорно. Разве не марксизм подчеркнул важность производительных сил в иерархии факторов общественного развития? Можно было бы,

==456

разумеется, сказать, что здесь речь идет просто о проблеме здравого смысла, легко разрешимой наблюдением общественной жизни без помощи какой бы то ни было теории. К чести марксизма можно сказать, что его позиция может быть приравнена к позиции здравого смысла. Можно, конечно, спекулировать на различных абстрактных критериях общественного развития; но даже те, кто выражает эти мнения, без колебания согласятся с тем фактом, что слаборазвитая страна — это страна, где

промышленность и, следовательно, совокупность экономической жизни являются слаборазвитыми по сравнению с современными нормами, даже если в некоторых отношениях эта страна имеет более высокий культурный уровень, чем некоторые промышленно развитые общества.

Бесспорно, что категория слаборазвитых стран является прежде всего категорией экономической.

Определить проблему слаборазвитых стран и необходимой им помощи — значит, очевидно, ставить вопрос об их индустриализации. Именно это и делают как сами слаборазвитые страны, так и международные организации, государства или федеративные группировки, которые соперничают в усилиях, направленных на то, чтобы обеспечить себе господствующее влияние в этих странах. Очевидно, что успехи сельского хозяйства, занятости и благосостояния и, следовательно, повышение уровня культуры и цивилизации (включая санитарное состояние, смертность и среднюю продолжительность жизни) зависят в конечном счете от промышленного базиса страны, в частности от ее тяжелой промышленности, благодаря развитию которой данная страна может перестать быть слаборазвитой. Такова проблема, возникающая сегодня перед колониальными странами, добивающимися суверенитета. Она актуальна для большого числа стран Азии, Африки, Латинской Америки, стран теоретически суверенных и независимых, но неспособных вести независимое существование в силу своего отставания.

Казалось бы, эти факты говорят в пользу понятия «индустриального общества», которое точно определяет критерий и цель общественного развития. Но это лишь в той степени, в какой индустриализация страны рассматривается как необходимое условие для ее общественного развития вообще. Но на этом наше согласие с этим понятием кончается, поскольку более глубокий анализ показывает, что

==457

с социологической точки зрения это абстрактное понятие лишено реального содержания, так же как и те понятия, которые принимают за критерий прогресса увеличение рациональности, моральный фактор в человеческих отношениях и т. д. Можно допустить, что современное общество является обществом, чей промышленный базис очень развит. Но с социальной точки зрения как раз здесь и начинается трудность. Речь идет о том, чтобы выяснить, в каком типе общественного строя, в какой системе человеческих отношений, выражаемых определенным способом производства, должно находить себе место промышленное развитие, являющееся целью «индустриального общества». Сама по себе промышленность, как совокупность производительных сил, составляет важный элемент общественной жизни. Но только один из ее элементов. Маркс показал, что средства производства являются лишь составной частью способа производства и начинают оказывать свое действие только в рамках данных человеческих отношений — производственных отношений. Не следует пренебрегать ролью этих факторов в анализе социальной динамики.

Вот почему указание для действий, направленное на то, чтобы как можно быстрее обеспечить слаборазвитые страны промышленным базисом, необходимо дополнить другим указанием, применение которого непременно вызовет резкие конфликты и разногласия во мнениях: указанием, касающимся рационального развития способа производства, включая человеческие отношения, складывающиеся в производительном труде.

Тот, кто придерживается понятия «индустриальное общество», легко превращается в простого экономиста, забывающего, что центр социальной проблемы — это человек. Материальное благосостояние есть один из необходимых элементов «человеческого состояния». Но оно не является единственным элементом: позиция человека по отношению к другим людям не менее важна. Это тем более справедливо, что этот вопрос лишь по видимости является самостоятельным, чуждым проблемам

производства и процветания. Промышленный рост и увеличение производства не более важны, чем тот способ, с помощью которого происходит производство, т. е. чем социальная организация производства (от которой зависит объем производства) и люди, пользующиеся результатами этого производства (что определяет характер продукта и его распределение).

==458

Давно известно, в силу нашего собственного опыта, какое огромное значение могут иметь эти проблемы. Но мнения весьма расходятся в отношении того, как надо на практике истолковывать и решать эти проблемы. И здесь мы обнаруживаем одну из причин яростных идеологических и политических конфликтов нашего времени.

Связь первого указания со вторым должна была бы привести к использованию последнего в слаборазвитых странах в соответствии с духом марксистских постулатов. Чтобы быстро и целюно решить проблемы промышленного оснащения страны (включая тяжелую промышленность), не ставя страну в экономическую и политическую зависимость от капиталиста, дающего капитал (положение, в которое большинство заинтересованных стран, вполне понятно, попадать не хочет), надо, хотим мы этого или нет, изменить производственные отношения и пойти по пути национализации и централизованного планирования. Все те, кто в подобных случаях кричит о коммунистических интригах, не понимают экономического и социального механизма общества, которое пытается выйти из положения слаборазвитой страны. Те, кто не понимает этих основных проблем, в конце концов непременно проиграют сражение.

По тем же самым причинам слаборазвитые страны, даже если ими руководит антикоммунистическая буржуазия, склонны искать поддержку в новой системе международных отношений и такую помощь в инвестициях, которая не угрожает им политической зависимостью от империализма. Принцип социалистических стран — идти навстречу этим тенденциям и порождает резкие изменения в соотношении сил на политической арене мира. И здесь все, кто изо всех сил хочет видеть повсюду коммунистические заговоры, проявляют глубокое непонимание механизма действующих сил, а это, естественно, является для них проигрышем в современной политической борьбе. Парадоксальный и сложный характер обстановки состоит также и в том, что даже если бы они понимали механизм и правила игры и хотели бы действовать в соответствии с ними, то они проигрывали бы во всех случаях. Оказывая действительно бескорыстную помощь слаборазвитым странам, способствуя их экономической независимости, помогая им быстро увеличивать свое промышленное оснащение, крупные капиталистические государства рисковали бы поставить под угрозу свое нынешнее экономическое и политическое положение.

*

==459

Анализ проблем слаборазвитых стран и их подлинных возможностей развития выявляет не только связи с марксистской концепцией общественного развития. Он также проливает свет на некоторые практические требования в отношении экономической и социальной деятельности этих стран, требования, которые касаются основных проблем политической и идеологической борьбы, разделяющей в настоящее время мир. Эти требования видны для тех, кто исходит из марксистской концепции общественного развития. Таким образом, для слаборазвитых стран, которые начали борьбу за свою экономическую и политическую независимость, подлинно привлекательным образцом

являются уже не Соединенные Штаты или Великобритания, а — несмотря на все идеологические и политические препятствия — Советский Союз и страны народной демократии. Этот огромной важности факт будет содействовать коренному преобразованию политического и социального лица современного мира.

==460

Х.

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ПРОГРЕСС СОЦИАЛЬНЫЙ

ЖИВКО ОШАВКОВ (Болгария)

(Болгария)

В наше время трудно найти разумного человека, который отрицал бы технический прогресс, т. е. который отрицал бы постоянное развитие, совершенствование орудий труда в системе общественного производства — начиная с самого примитивного орудия из кремня, шелльского рубила и вплоть до автоматических линий предприятий Рено, первого советского завода-автомата, производящего автомобильные поршни, и таких искусных мощных механизмов, которые сделали возможный героический полет в космос первого космонавта Юрия Гагарина. Но существуют разные объяснения технического прогресса и его социальных последствий.

Прежде всего следует подчеркнуть главное различие между марксистским объяснением и объяснениями немарксистскими.

Совершенно очевидно, что у марксистов всех стран нет противоположных взглядов на технический и социальный прогресс. У них существует полное соответствие основных принципов объяснения этого прогресса. Некоторые немарксисты видят в этом соответствии только проявление «догматизма» марксистов. В действительности подобное совпадение вытекает из того, что марксистское мировоззрение основывается на научном знании общих законов развития человеческого общества.

Правда, у немарксистских концепций есть одно «преимущество»: они очень разнообразны и часто весьма противоречивы. Есть концепции оптимистические и пессимистические. Имеются также немарксистские концепции, »

==461

которые можно было бы расположить в определенной последовательности между этими двумя крайностями. Но разве такое разнообразие является доказательством их научного характера, если известно, что для одной и той же действительности нет и не может быть нескольких истин, а тем более истин противоречивых?

Ахиллесовой пятой немарксистских концепций является то, что они не основываются на знании общих законов развития, и то, что они скрыто или явно даже отрицают такие законы. Один из представителей современной немарксистской социологии Р. Арон сам признает, что марксистская социология «кичится» знанием общих законов развития человеческого общества, в то время как «социология немарксистская или антимарксистская» скрыто или явно утверждает, «что она не знает таких законов и что, возможно, они не существуют». Гурвич, со своей стороны, считает вопрос о социологических законах одной из «ложных проблем социологии XIX века».

Можно ли все же дать научное объяснение развитию человеческого общества без знания или признания его общих законов?

Основной закон развития или прогресса человеческого общества Маркс сформулировал следующим образом: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» (К.Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13. М., 1959. стр. 7).

Согласно марксистско-ленинскому учению способ производства не является единственным фактором, обуславливающим прогресс, как это представляют себе немарксисты. Развитие, изменение способа производства, является всего лишь базой, определяющей прогресс общества. Марксизм-ленинизм всегда подчеркивал, что у социального, политического, духовного и т. п. развития тоже есть своя внутренняя логика, но действует она на определяющей основе развития, на основе изменения способа производства. Это означает, что социальная, политическая, духовная и т. п. стороны жизни общества развиваются не абсолютно, а относительно независимо и, со своей стороны, оказывают все _

{возрастающее обратное влияние на развитие и изменение способа производства. Это тоже один из общих законов развития человеческого общества. Марксизм как научная база построения социализма на

==462

одной четвертой земного шара все больше и больше привлекает внимание идеологов-немарксистов. Критиковать марксизм, признавая в нем «кое-что», в настоящее время весьма модно в капиталистическом мире. Но очень часто только что признанное в марксизме тотчас же отрицается. Такова позиция некоторых немарксистов по отношению к основному закону развития, открытому марксизмом. Ж.-П. Сартр, например, пишет, что он признает, что «в истории человечества способ производства является инфраструктурой любого общества» 1. Но он тут же это отрицает, утверждая, что «инфраструктура способа производства — это труд, понятый как конкретная свободная операция» 2, т. е. как конкретная неопределенная операция диалектического разума индивидуума.

Сам Ж. Фурастье пишет: «Социальный прогресс является не причиной экономического прогресса, а его следствием. Таков принцип, который первым открыл Маркс и значение которого он показал» 3.

«...необходимо, чтобы человек постепенно дал себе труд понять, что социальное, юридическое и политическое зависят от экономического, т. е. от материальных условий жизни в обществе» 4.

Но сам автор этих слов не дал себе труда привести свою теорию технического и социального прогресса в соот- ветствие с принципом Маркса, о котором идет речь.

Что же представляет собой теория Ж. Фурастье, которую он сам называет оптимистической теорией прогресса человеческого общества?

а) Согласно этой теории постоянными факторами производства являются природа и труд. И всего каких-нибудь двести лет тому назад появился новый фактор — технический прогресс, который оказывает решающее влияние на производство.

На самом же деле техника как совокупность орудий труда в системе социального производства существует с момента зарождения человеческого общества.

1 J.-P. Sartre «Critique de la raison dialectique», Paris, 1960, P. 671.

2 Там же, стр. 671. 130, 131 и др.

3 J. Fourastie «Le grand espoir du XX« siecle», Paris, 1958, P. 216.

4 Там же.

==463

Следовательно, технический прогресс является решающим фактором производства и социального прогресса вообще не в течение двухсот лет, а с тех пор, как существует человеческое общество. Было бы неправильным сводить технику всего лишь к технике машин.

б) По теории, о которой идет речь, первопричиной технического прогресса является научный прогресс, понимаемый как абсолютно автономный процесс, как плод гения ученых. Эта идеалистическая концепция не соответствует объективным фактам истории.

История человечества показывает, что технический прогресс имел место до появления естественных и технических наук, т. е., как уже было сказано, с момента зарождения человеческого общества. Именно на основе развития нужд производства и технического прогресса появились и развиваются естественные и технические науки; все более значительная роль в их развитии принадлежит всевозможной научной аппаратуре, которой производство снабжает науку в зависимости от уровня, достигнутого техническим прогрессом. Было бы, конечно, трудно отрицать тот факт, что у естественных и технических наук есть собственная внутренняя логика развития. Между тем их развитие является не абсолютно, а относительно автономным процессом, который в конечном счете, прямо или косвенно, определяется развитием, нуждами производства и техники. Еще труднее отрицать то, что естественные и технические науки, которые появились и развиваются на этой базе, оказывают все возрастающее обратное воздействие на технический прогресс, на производство и вообще на социальный прогресс.

в) Теория, о которой идет речь, полагая, что научный прогресс является первопричиной технического прогресса, делает затем из техники, из технического прогресса фетиш. Это находит свое выражение в том, что техника исследуется изолированно, независимо от производственного опыта и трудовых навыков человека. Но что представляет собой техника отдельно, сама по себе, без людей с их производственным опытом и их трудовыми навыками? Совокупность инертных предметов, которые не могут ни производить, ни оказывать какого-либо влияния на социальный прогресс. Самые совершенные машины-автоматы и даже целые заводы-автоматы стали бы этими инертными предметами, если бы их не строили, не приводили в

==464

действие и не управляли бы ими люди, имеющие производственный опыт и трудовые навыки. Следовательно, техника — это составная часть производительных сил и развивается она в диалектическом взаимодействии с другой составной частью производительных сил — людьми, обладающими производственным опытом и трудовыми навыками. Это относится как ко времени появления естественных и технических наук, так и к предшествующему периоду. В конечном счете эти науки в своем зарождении и развитии определяются не только техникой, но и производительными силами в целом; они отражают и обобщают состояние и нужды не только техники, но также и производственного опыта и трудовых навыков людей. Прогресс, достигнутый в развитии наук, точно так же как и эмпирические знания, накопленные до появления естественных и технических наук, не могли бы быть практически применены в производстве без этих двух составных частей производительных сил.

г) Рассматриваемая теория делает из техники фетиш и в другом аспекте — она изолирует ее от производственных отношений. Производственные отношения (например, капитал) отрицаются как один из «основных факторов производства» *.

Следовательно, развитие и роль техники в современном социальном прогрессе рассматриваются вне их естественных связей и взаимодействий с производственными отношениями, в высшей степени противоположными в странах капиталистических и в странах социалистических. Но таким образом невозможно дать объяснение развитию и роли техники, которое не противоречило бы реальным фактам.

В самом деле, нигде и никогда не существовало и не может существовать производства без определенных производственных отношений. Техника и производительные силы вообще развиваются в диалектическом взаимодействии с производственными отношениями. —

Историческое развитие общества до настоящего времени показывает, что производственные отношения либо помогали и ускоряли, либо тормозили развитие производительных сил, в том числе и технического прогресса.

1 J. F o u r a s l l ě «be grand espoir dii XXe siecle», p p. 1, 4—5

==465

1|

я

Решающее воздействие технического прогресса на социальный прогресс носит главным образом двоякий характер.

1) Технический прогресс оказывает различного рода воздействие на социальный прогресс в рамках данных производственных отношений, когда последние носят прогрессивный характер.

2) Для нас более важным является такое его воздействие на социальный прогресс, когда он определяет историческую необходимость замены старых производственных отношений новыми.

На некоторый период капиталистические производственные отношения определили неслыханные темпы технического прогресса, создали «более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 4, М., 1955, стр. 429).

Но настало время, когда капиталистические производственные отношения из прогрессивных, какими они были раньше, превратились в реакционные, все более и более тормозившие развитие производительных сил, развитие и практическое применение научных и технических открытий. «Современное буржуазное общество,— как это отмечали Маркс и Энгельс,— ...создавшее как бы по волшебству столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными- его заклинаниями» (там же).

Для дальнейшего развития производительных сил, и в том числе техники, требуется заменить отжившие капиталистические производственные отношения новыми, точнее, социалистическими производственными отношениями.

Главная причина этого в том, что в капиталистических странах существует частная капиталистическая собственность на средства производства, а не общественная. На этой основе нет и не может быть планового развития всей национальной экономики, ближайшей целью производства здесь является не потребление, а капиталистическая прибыль.

И наоборот, в социалистических странах существует общественная собственность на средства производства. На этой основе осуществляется плановое развитие всей

==466

национальной экономики, ближайшей же целью производства здесь является удовлетворение все возрастающих потребностей всего населения. Вот почему социалистический режим предоставляет неограниченные возможности техническому прогрессу, особенно свободному и все более широкому развитию автоматизации. Например, освобождая человека от непосредственного управления и контроля над производственными процессами, автоматизация постепенно уменьшает в производстве долю живого человеческого труда. В условиях капиталистического общества это вызывает безработицу, при социалистическом режиме — сокращение рабочего дня и рабочей недели.

Автоматизированному производству нужны рабочие нового типа — высококвалифицированные, обладающие хорошей научной и технической культурой и большим производственным опытом, вот почему оно и вызывает исчезновение основного различия между физическим и умственным трудом.

Это имеет место и будет в дальнейшем продолжаться осуществляться, беспрепятственно и все более полно, в социалистических странах, где противоположность между физическим и умственным трудом уничтожена. Но в условиях капиталистического режима переквалификация непосредственных производителей связана с большими трудностями, а ликвидация основного различия между физическим и умственным трудом неосуществима, пока существует противоположность между ними.

Автоматизация необычайно сильно увеличивает производительность труда и производство материальных благ, она дает возможность производить их в изобилии и распределять в соответствии с разумными нуждами всех членов общества. В условиях капиталистического общества, где распределение ведется в соответствии с частным капиталом или проданной рабочей силой, повышение

производительности влечет за собой кризисы перепроизводства и безработицу, обогащение богатых и обнищание бедных. При социалистическом режиме рост производства не вызывает ни кризисов, ни безработицы, а ведет к постоянному улучшению материальных и культурных условий жизни всех людей путем распределения продуктов производства по количеству и качеству их труда. Вместе с естественным переходом от социализма к коммунизму будет постепенно

==467

достигнуто изобилие материальных благ и их распределение в соответствии с разумными нуждами всех людей.

е) Ж. Фурастье перечисляет факты, которые показывают эволюцию общества, в общем чрезвычайно благоприятную для человечества. В то же время он подчеркивает, что эта эволюция сопровождается очень большими страданиями¹. Он говорит нам, что в мире царят неустойчивость и беспорядок, и что «начиная с 1900 г. неустойчивость, порожденная техническим прогрессом, стала трагической, поскольку она дала непредвиденные результаты»², и «что наблюдающийся в современном мире беспорядок происходит главным образом от того, что у нас нет времени осознать факты»³. «...Одной из вещей, которых особенно не хватает человечеству сегодня..., является отсутствие информации»⁴... «Вот в чем основная драма человечества»⁵. «Значит, центральной проблемой современного мира для человека действия является проблема информации и предвидения...»⁶.

Среди прогрессивных факторов, которые господин Фурастье охотно рекомендует человеку действия, он особенно подчеркивает, что информация может служить средством против неустойчивости.

Все эти рассуждения господина Фурастье ясно показывают, что он полностью игнорирует существующие ныне производственные отношения, т. е. отношения капиталистические и социалистические.

Однако на основе этих в высшей степени противоположных производственных отношений в настоящее время не существует единого «современного мира», а есть два мира — капиталистический и социалистический.

Факты показывают, что «неустойчивость» и «беспорядок» действительно существуют в наши дни, но только в капиталистическом мире. И причина их вовсе не в отсутствии информации или в отсутствии своевременной и полной информации. В действительности «неустойчивость» и «беспорядок», так же как и «отсутствие информации», определяются характером производственных отношений

1 J. Fourastie «be grand espoir du Xe siecle», p. 219.

2 Там же, стр. 220. 5 Там же, стр. 222.

4 Там же.

5 Там же, стр. 223.

6 Там же, стр. 222.

==468

современного капиталистического общества. И их ничем нельзя вылечить — ни своевременной и полной информацией, ни каким-либо иным средством, ибо они неизлечимо больны ^ и отжили свой век.

В социалистическом мире нет ни неустойчивости, ни беспорядка, ни отсутствия информации. В нем нет ни экономических кризисов, ни безработицы, ни какого-либо другого заболевания, свойственного капитализму.

Это и определяется как раз характером социалистических производственных отношений, которые полны молодой жизненной силы и непрестанно растут и совершенствуются.

Господин Фурастье утверждает, что капитализм был бы «полностью уничтожен техническим прогрессом» *. Но согласно Фурастье капитализм был бы заменен «третичной цивилизацией», в которой «несколько сот технических специалистов были бы хозяевами судьбы миллионов людей» . В подтверждение этого он подчеркивает роль новых «общественных наук», созданных за последние пятнадцать лет.

В действительности это лишь утопия. В наши дни не имеет никакого смысла искать утопический выход из «неустойчивости» капитализма, так как на одной четвертой земного шара уже найден и осуществлен реальный естественный выход — построение социализма и коммунизма. И этот выход не был и не будет в дальнейшем осуществлен с помощью таких средств, как «своевременная информация» и ассимиляция «человеком действия» новых «социальных наук». Большинство «социальных наук», перечисленных Фурастье (за исключением, например, кибернетики, которая, по правде говоря, наука не социальная, а скорее столь же естественная, сколь и техническая), в действительности является различными современными немарксистскими социологическими и экономическими теориями (в том числе и теория самого господина Фурастье). Не будучи основанными на знании общих законов развития человеческого общества, они не имеют строго научного характера. Общественно-историческая практика подтвердила, что естественный переход от капитализма к социализму и коммунизму может быть осуществлен только под руководством вечно новой марксистско-ленинской науки путем

12 ТаSZ^cip.1^ grand e«polr dn ххе «1ЙС1В»- р- 224

==469

решительной борьбы всех людей, которым дорог социальный прогресс.

Согласно Ж. Фурастье, «технократия не представляет опасности для человечества», а совсем наоборот, господство «технократии» было бы «третичной цивилизацией», «золотым веком» человечества. Совершенно очевидно, что настоящий «золотой век» человечества абсолютно немыслим при господстве «технократии». Здесь очень уместно привести следующую констатацию французского социолога Ж. Шапсаля: «Если вы встретите во Франции концепции технократического характера, основанные на вере в главенствующую роль специалистов, вы можете почти с полной уверенностью расположить их справа, а не слева на политической шахматной доске» 2 Но основной вопрос заключается в следующем — является ли она обоснованной или это просто ошибочная идея? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно также иметь в виду концепцию «технократии» и других немарксистов, которые делают из технического прогресса самые пессимистические выводы

Жорж Гурвич, например, боится «технократии», кого рая, по его мнению, образуется в капиталистических странах, так же как и в социалистических «Технократия», — говорит нам Гурвич,— является реальной опасностью для человечества Это потоп, который грозит захлестнуть человеческое общество. И если не произойдет коренных изменений в социальных структурах , то через несколько десятков лет не останется больше ни общества, ни цивилизации »

Фредерик Поллок выражает такое же опасение Он нарисовал мрачную картину господства «технократии», т е «авторитарной военной иерархии», которое будет иметь место, «если не будут приняты вовремя энергичные контр меры» .

Между тем концепция «технократии» Гурвича Поллока и прочих пессимистов, так же как Фурастье и других оптимистов, абсолютно ошибочна, поскольку в действительности не только в социалистических странах, но также и в

1 J. F o и г a s 11 6 «Le grand espoir du XXe siecle», pp 224— 227

2 J Chapsal «bes partis et la vie politique sous la IV-eme Republique», Paris, 1957, p 52.

5 F Pollock «L'automation: ses consequences economiques et sociales», Paris. 1957, pp 188— 197

==470

капиталистических нет и не может быть технократии как нового господствующего социального класса. Сторонники этой концепции не учитывают прежде всего основного противоречия между капиталистическими и социалистическими производственными отношениями.

Правда, в капиталистических странах, так же как и в социалистических, имеются директора, администраторы, военный командный состав, технический персонал и т. д Но они не образуют и не могут образовать нового социального класса В социалистических странах директора, администраторы и т п в большинстве своем выходцы из стоящих у власти классов рабочих и крестьян, поэтому они выражают волю этих классов и защищают только их интересы, отстаивая в то же время интересы всего социалистического общества в целом.

В капиталистических странах администраторы, директора и т п частично являются представителями класса капиталистов и монополистов, частично же — это служащие высших категорий, работающие на класс капиталистов, которые постепенно переходят в ряды этого класса Все эти «менеджеры» выражают лишь волю капиталистов и монополистов, защищают только их интересы и интересы всего капиталистического общества. Если же кто-либо из «менеджеров» случайно забудет интересы класса капиталистов и монополистов, нет никакого сомнения, он будет тотчас же изгнан

Причиной появления пессимизма у Гурвича и других является то, что в современном капиталистическом обществе есть реакционные силы, которые действительно угрожают человечеству ужасами мировой ядерной войны. Но эти силы следует искать не в вымышленном новом классе «менеджеров», а в реальном классе монополистов, которые стараются любой ценой спасти свое экономическое, политическое и социальное господство. Таких сил нет в социалистических странах. Насущные интересы социалистического общества требуют лишь сохранения мира Именно поэтому

социалистические страны стоят во главе борьбы за мир, за разоружение и т. д. Именно поэтому во всех социалистических странах любая пропаганда войны карается законом.

Грозящие человечеству мировой ядерной войной реакционные силы монополистических стран располагают очень большой мощностью. Но гораздо больше мощь огромного числа

»

==471

прогрессивно настроенных людей во всем мире, которые могут надеть на этих безумцев смирительную рубашку и, таким образом, обеспечить естественный ход развития человеческого общества.

Чтобы избежать «серьезных кризисов и ненужных страданий, которые вызывает быстрый рост автоматизации»¹, чтобы избежать «образования авторитарной военной иерархии»², т. е. господства «технократии», Фредерик Поллок предлагает следующие «контрмеры»: в принципе «только планированная экономика может разумным образом преодолеть проблемы, возникшие в связи с автоматизацией», «только общий план, выработанный с помощью новых методов и предусмотренный на длительный период, может сочетать автоматизацию со свободным обществом и сделать вторую промышленную революцию инициатором разумного социального порядка»³. Такую же мысль высказывает Жорж Фридман.

Эта идея совершенно правильная, если иметь в виду социалистическое общество, так как планирование национальной экономики возможно лишь на базе коллективной социалистической собственности. Но упомянутые выше социологи, говоря о свободном обществе, не имеют в виду социалистическое общество. В данном случае речь идет о будущем капиталистического общества, т. е. о капиталистическом обществе, преобразованном таким образом, что в нем, как пишет Ж. Фридман, «правительства, дирекции < предприятий и профсоюзы тесно согласовывают свои действия». Мысль о «сотрудничестве» между «предпринимателями и работниками» как средстве против страданий, вызываемых автоматизацией в капиталистических странах, является лейтмотивом большинства произведений современных немарксистов. Морзе, например, пишет: «Если, однако, стремиться к тому, чтобы технические новшества вводились в строгом порядке, эффективно, не вызывая при этом слишком тяжелых жертв, то необходимо очень широко развивать сотрудничество между предпринимателями и работниками».

По правде говоря, это очень старая реформистская идея, которую в капиталистических странах пытались

¹ Там же, стр. 27.

² Там же, стр. 189.

³ Там же, стр. 203—204.

==472

привести в жизнь уже на протяжении многих десятилетий. Результат же был следующий: чем больше говорили о сотрудничестве между предпринимателями и работниками и чем активнее пытались

провести его в жизнь, тем быстрее развивалось не сотрудничество, а классовые противоречия между ними. И нет никаких оснований ожидать, что в будущем это положение изменится, пока будут существовать предприниматели, обладающие средствами производства, и рабочие, которые лишены этих средств.

Для того чтобы установить действительно разумный социальный порядок, чтобы построить подлинно свободное общество с полностью планированной экономикой, «которое может разумным образом преодолеть проблемы, возникшие в связи с автоматизацией», есть только одно средство — это поставить всех людей в одинаковое положение по отношению к средствам производства.

Доказательством этому является социалистическое общество, уже построенное на одной четвертой земного шара.

==473

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

МИХАИЛ КАДЛЕЦ (Чехословакия)

Теория и метод марксизма-ленинизма рассматривают прогресс как объективный конкретно-исторический процесс, а не как отвлеченное понятие. Этот процесс затрагивает все общество в целом, а не только его отдельные стороны и сферы, где при определенных исторических условиях возможны попятные движения, взлеты или падения.

Марксизм-ленинизм считает доказанным тот факт, что развитие человеческого общества как целого определяется и обуславливается развитием его материального бытия, в первую очередь способа производства материальных благ. Следовательно, при определении критериев прогресса необходимо прежде всего исходить из развития производства, но, конечно, нельзя ни в коем случае сводить прогресс только к нему.

Исходным, самым важным и вместе с тем несомненным критерием общественного прогресса является развитие отношения человека как члена общества к природе и к силам природы. В этом процессе посредством общественно полезного труда человек приспособляет и изменяет отдельные стороны природы в зависимости от своих потребностей. В нем отражается рост господства общества над природой путем усовершенствования орудий производства и накопления опыта и навыков человека. Здесь очевиден рост общественной производительности труда, а также рост объема и структуры потребностей общества.

Степень овладения природой (уровень производительных сил, науки, техники, производительности труда) в значительной мере определяет степень свободы человека. Все

==474

возрастающая независимость человека от стихийных сил природы делает возможным дальнейшее и всестороннее развитие личности, является условием этого развития. Но она является не только условием, тем более внешним. Она является в то же время самой историей развития человека как члена общества, его становления, проявления его жизненных сил.

Наряду с материальными средствами производства формируются экономические отношения как вторая сторона того же самого способа материальной жизни. Они выражают условия и формы, в которых различные общественные системы производят и распределяют богатство. Они выражают качественно определенные, но вместе с тем исторически преходящие ступени развития человеческого общества.

Отсюда диалектическая взаимосвязь между развитием материальных производительных сил и производственных отношений, которая обуславливает ускоряющее развитие всего общественного организма. Объективный критерий общественного прогресса состоит поэтому в постепенной смене социально-экономических формаций от более низких ступеней к более высоким. Каждая более высокая формация представляет более высокую степень овладения природой, более высокую степень производительности труда и удовлетворения потребностей людей, более высокую степень подготовки материальных и духовных условий свободы человека.

В революционной смене одного общественного строя другим осуществляется как раз эта вторая сторона экономического (и зависящего от него политического и духовного) прогресса, состоящая в последовательном освобождении человека. Прогресс в овладении природой происходит в эксплуататорских формациях за счет подавляющей части общества, за счет трудящихся масс. Для них производительный труд был не выражением одной из лучших способностей, а ненавистным условием самого примитивного существования. Только ликвидация эксплуатации, господства человека над человеком и стихийных общественных сил над людьми дает возможность всем членам человеческого общества овладеть «очеловеченной» природой, а тем самым и самим собою. Такое понимание вопроса полностью отрицает линейный непрерывный и автоматический прогресс, его понимание в виде только «исторических изменений».

==475

Если развитие личности обусловлено количеством и качеством материальных и духовных средств, которыми она действительно располагает, то мы можем попытаться установить конкретные показатели общественного прогресса. Более высокая ступень прогресса будет достигнута там, где

1. Степень овладения природой является более высокой (уровень производительных сил, науки и техники, производительности труда)
2. Устранено господство стихийных общественных сил над людьми, и люди сознательно устанавливают свои собственные общественные отношения, где устранено господство человека над человеком, эксплуатация в любом ее виде (В эпоху существования антагонистических классовых обществ, которые являлись необходимым преддверием «царства свобод», прогресс в этом смысле измеряется непосредственной или более свободной формой зависимости эксплуатируемых и угнетаемых масс от господствующих классов).
3. Жизненный уровень всех членов общества, достигнутый с помощью их трудовых усилий, является более высоким. Этот критерий в настоящее время, в частности, включает в себя"
 - а) право на труд, которое общество должно предоставить каждому гражданину для обеспечения соответствующего уровня жизни;
 - б) более короткий рабочий день, лучшие условия труда, большую долю свободного времени, степень превращения труда в творческую деятельность,
 - в) долю в общественном богатстве, жилье, питание, социальное обеспечение;
 - г) уровень общего и специального образования;
 - д) состояние здоровья граждан (заболеваемость, смертность; средняя продолжительность жизни и ее активной части)

4. Граждане пользуются большими реальными и все сторонне обеспеченными гражданскими правами и свободой и т. д

Ясно, что каждый из этих показателей нужно рассматривать в связи с конкретными общественными отношениями, в которых он формируется. При этом решающее значение имеет показатель, приведенный в пункте 2, который в перспективе определяет все остальные. Одно стороннее выдвижение или даже абсолютизация от

==476

дельных компонентов прогресса неизбежно ведет к серьезному искажению действительности. Часто, на пример, допускается ошибка, когда общественный прогресс связывается исключительно с техникой производства и не обращается внимания на общественные формы, в которых он осуществляется, в результате чего не учитывается противоречивость такого прогресса. Идеалом прогресса в таком случае выступает «американский образ жизни», так как пока в США достигнут более высокий уровень производства и потребления на душу населения по сравнению с другими странами. Развитие некоторых социалистических стран свидетельствует о том, что они в ближайшее время достигнут такого же уровня, и тем самым нельзя будет в скором будущем говорить о первенстве США и в этом смысле. В основной же области, области общественных отношений, социалистическим странам уже и в настоящее время не приходится «догонять» Америку, ибо в основном, что определяет общественный прогресс, они ее уже обогнали на целую общественную эпоху.

Господство над природой может находиться на одинаковом уровне, общественное же отношение людей к труду и изделиям может быть различно, так же как различно может быть отношение между личностью и обществом. Такое явление особенно очевидно, когда одна общественная формация переходит в другую, когда их главным, связующим звеном является ранее достигнутая степень развития материальных производительных сил. При этом особенно четко выделяется роль новых производственных отношений и ими обусловленный социальный, политический и духовный прогресс.

В процессе образования социалистического способа производства, в отличие от предыдущего капиталистического, осуществляется непосредственное соединение производителей и средств производства и постепенное превращение всех функций в процессе воспроизводства в прямые общественные функции. Таким образом создается возможность развивать производство по заранее намеченному плану не только в отдельной отрасли, но и во всем социалистическом обществе. Люди начинают сознательно и прямо овладевать природой и ее благами, между тем как раньше природа владела людьми как слепая, сверхъестественная сила. Впервые в истории они начинают сознательно создавать свои общественные отношения. Планомерное

==477

пропорциональное развитие народного хозяйства приходит на смену конкуренции и анархии. Это, во-первых, дает возможность создавать общественные блага с меньшими затратами общественной энергии, быстрее мобилизуя для этого все социалистическое производство. Это, далее, делает

возможным создание общественных отношений, соответствующих природе и достоинству человека, возможность начать новую эпоху свободы в этой решающей области.

Вторая специфическая черта, отличающая социалистический способ производства,— это производство материальных благ (а не производство прибавочной стоимости!) с целью как можно полнее удовлетворить разносторонние потребности социалистического человека, что является непосредственной целью и решающей движущей силой производства.

Значительные изменения происходят в размерах и в структуре самих общественных потребностей. Устраняется удовлетворение искусственно созданных потребностей паразитических классов общества. Потребление широких народных масс не ограничивается более рамками стоимости рабочей силы. По мере роста доли трудящихся в потреблении общественных благ, связанного со все более полным и многосторонним удовлетворением их потребностей, создаются новые потребности, новые побуждения и новая цель для производства.

Сырье, орудия труда и средства производства утратили характер капитала. Они уже не ведут к господству одной части общества над другой. Сущность новых отношений состоит не в том, что живой труд служит средством сохранения и умножения капитала. Сущность новых отношений состоит в том, что накопленный труд служит живому труду средством нового и все более широкого производства материальной жизни общества.

Отношения товарищеского сотрудничества и взаимной помощи между людьми, избавленными от эксплуатации, непосредственно владеющими средствами производства, начинают превращать труд в органическую потребность человека, они дают возможность полного размаха способностей человека и их активного применения.

Бригады социалистического труда — конкретное выражение нового отношения к труду и свободному времени. Творческий труд, постоянно революционирующий производство, связан с повышением образования, активности

==478

граждан, культурного уровня и физической подготовки. Их лозунг: «Работать и жить по-социалистически!»

Прямая связь между материально-технической базой каждой системы производительных сил и отвечающим ей типом работников очевидна.

Социализм прежде всего развивает производство средств производства. Только так можно обеспечить быстрое развитие производительных сил, усилить господство человека над природой. Так как материальные производительные силы уже не выступают как обособленная сила капитала, они действуют в соответствии с самим развитием трудящихся. Вследствие того что развитие способностей всего общества перестает происходить за счет большинства человеческих индивидуумов, а происходит в соответствии с их интересами, возникает совпадение интересов трудящихся и объективных потребностей индустриализации. В связи с процессом комплексной механизации и автоматизации начинает возникать новый тип работника: постепенное превращение всех производительных профессий в инженерно-технический труд — это признак ликвидации разделения людей в будущем на людей, занимающихся физическим трудом, и людей, занимающихся умственным трудом.

Социализм сохранил современную мелкую буржуазию (в частности, мелких и средних крестьян) — этот унаследованный пережиток докапиталистического развития и, больше того, спас ее от гибели,

которая бы ее постигла в процессе капиталистической экспроприации и концентрации. Социализм путем добровольного объединения мелких производителей в социалистические кооперативы при всесторонней поддержке социалистического государства позволил внедрить закономерную тенденцию обязательной постепенной замены примитивных ручных орудий труда крупным машинным производством. Труд индивидуума стал частью общественного процесса производства.

Два ярких момента характеризуют освобождение сельского населения и повышение его жизненного уровня: прежде всего проведение последовательной аграрной реформы, «передача земли тем, кто ее обрабатывает», а затем существенное изменение самих условий труда при переходе от индивидуального труда при помощи примитивных орудий труда к общественному труду на базе использования современной техники. Эксплуатация в деревне,

==479

эксплуатация деревни городом ликвидированы. Развиваются отношения сотрудничества и взаимной помощи между двумя дружественными классами.

На полученной в наследство от капитализма материальной базе общество создает свою новую и более высокую общественную организацию труда посредством структурного преобразования и нового строительства социалистической промышленности, путем коллективизации сельского хозяйства, путем перегруппировки и комбинирования отдельных предприятий, отдельных трудовых процессов и тем самым и отдельных работников. Создается общественный механизм производственных процессов, характеризующийся новым качественным разделением труда и необходимой количественной пропорциональностью. Этим самым социализм создает свою собственную базу для быстрого социалистического развития своих производительных сил и производственных отношений.

Проявляются некоторые тенденции, для которых характерна новая организация общественного труда. Общество начинает приводить в движение большее количество труда; труд становится всеобщим, существенно улучшилось состояние здоровья населения, повысился темп роста производительности труда.

Весь общественный труд качественно меняется. Он перестает быть трудом, который приобретал свой общественный характер только посредством рынка. Он изменяется в непосредственно общественный труд, в функцию общественного организма. Как составная часть и предпосылка уже названной тенденции преодоления одностороннего разделения труда путем постепенной комплексной механизации и автоматизации происходит рост образованности, сокращение рабочего времени и по-новому используется свободное время.

В то время как при капитализме трудящимися массами управляла чуждая общественная власть — капиталисты и созданные ими органы, теперь они сами направляют свой общественный производственный процесс. Они владеют средствами производства, организуют свой собственный производственный процесс и присваивают себе его результаты. Они занимают все общественные функции, в том числе и руководящие.

Наконец, распределение и потребление. Конкретные отношения в области распределения всегда выражают

исторически определенные Производственные отношения. Сущность этих отношений всегда одинакова: они выражают долю собственности в продуктах производства.

С устранением капиталистической формы производства исчезает также капиталистическая форма распределения. Особенно бросается в глаза то, как одновременно с переходом средств производства в руки непосредственных производителей изменяется распределение, хотя размеры производства те же или почти те же.

Зарплата при капитализме предполагает наемный труд, прибыль, капитал. После ликвидации капитала и наемного труда каждый член общества приобретает равное участие & общественных благ. Социализм «вырос из капитализма»; поэтому в хозяйственном, идеологическом и моральном отношении в нем еще некоторое время сохраняются многие следы бывшего общества в качестве пережитков. Уровень развития общества не позволяет перейти сразу к распределению по потребностям. Отдельные трудящиеся получают в зависимости от того, что они дают обществу. За индивидуальное количество труда в одной форме они получают то же количество труда в другой форме: распределение осуществляется по количеству, качеству и общественному значению труда.

Будущее коммунистическое общество предполагает распределение по потребностям; но уже при социализме значительная часть жизненных средств начинает распределяться бесплатно (полностью или частично), вне прямой зависимости от произведенной работы.

Когда средства производства являются коллективной собственностью самих производителей, средства потребления также распределяются по-другому. Человек уже перестал быть только средством производства, он стал главной целью социалистического производства. Поэтому предметы потребления распределяются таким образом, чтобы они удовлетворяли его все растущие материальные и культурные потребности.

*

Социалистическая революция и строительство, если их рассматривать как объективный, конкретно-исторический процесс, подтверждают на основе эмпирических фактов быстрое развитие личности человека. В предлагаемых тезисах

мы могли обратить внимание только на некоторые Закономерные тенденции в области прогресса материальной жизни общества, в области производства и распределения средств производства и жизни на новом этапе общественного развития. Следовательно, мы могли коснуться только некоторых черт, характеризующих развитие личности человека как работника и как потребителя. На втором плане остались качества нового человека как гражданина и члена общества, как культурной и моральной личности. Эти вопросы, как я надеюсь, восполнят другие мои коллеги. Однако сам экономический прогресс, свидетелем которого являются наблюдаемые процессы, исключает малейшие сомнения в том, что человечество идет к лучшему и более ясному будущему, обеспечивающему полное развитие его личности.

СВОБОДА И ПРОГРЕСС ЗНАНИЙ

КЭНДЗЮРА ЯНАГИДА (Япония)

В жизни всегда есть проблемы, которые беспокоят нас больше других. Для меня лично, как и для многих, такой— всегда живой и волнующей — была проблема свободы, особенно свободы творчества и общественной свободы.

Свобода есть познанная необходимость

Проблемы свободы идеалисты всегда рассматривали метафизически, как вопрос внутренней жизни абстрактной личности или как вопрос о человеческой природе вообще. Пытаясь умозрительно разрешить вопрос о том, свободна ли наша воля, они нагромождали бесполезные рассуждения вне связи с объективными условиями жизни людей, с историей человеческого общества. В действительности же подлинная сущность вопроса о свободе может быть выяснена только при рассмотрении его конкретно-исторически.

В первобытном обществе, например, человек был подавлен борьбой с враждебными ему стихийными силами природы. В одиночку он был бы свободен не более чем животные, которые находятся в полной власти естественной необходимости. Окружающая природа постоянно угрожала самому существованию человека. Лишь благодаря коллективу, взаимной солидарности и взаимопомощи люди приобрели ограниченную, но все возрастающую свободу по отношению к внешней среде. Социальные же отношения тогда исключали эксплуатацию, господство одних над другими и были достаточно просты и самоочевидны, чтобы люди не чувствовали себя порабощенными ими. Добиться

освобождения от господства внешней среды, покорить природу, которая угрожала ему, — такова была первая и самая важная задача человека на пути свободы.

Задача освобождения из-под власти стихийных сил природы с помощью общественного, коллективного труда не исчезла, сохраняясь и поныне. Более того, это освобождение осуществляется теперь с беспредельной энергией. По крайней мере в этом отношении мы достигли величайшей свободы, о которой люди прежде не могли и мечтать. В нашу эпоху мы предпринимаем шаги к покорению не только природы на земном шаре, но и космоса. Никогда еще человечество не обладало такой степенью свободы по отношению к природе.

Однако для нас теперь достижение свободы уже не сводится просто к освобождению от власти стихийных сил природы. До сих пор, по злой иронии истории, чем больше люди освобождались из-под власти окружающей их природы, тем больше они попадали под власть стихийных законов антагонистического общества и его несправедливых социальных отношений. Объективная диалектика общественного развития, открытая Марксом и Энгельсом, состоит в том, что человечество в своем движении к коммунизму — царству свободы должно было пройти через эпоху классового общества, через антагонизм классов, эксплуатацию человека человеком, через национальный и социальный гнет. Как бы велика ни была власть людей над природой, в условиях частной собственности трудящееся большинство продолжает страдать не только от стихийных бедствий природы, от голода и эпидемий, но

и подвергается таким социальным бедствиям, как война, разорение, кризисы и безработица. И чтобы действительно стать свободными, люди должны наконец добиться освобождения — не от общества, как уверяют иные идеалисты, но от всех этих общественных болезней и потрясений, для которых в нашу эпоху уже не может быть никаких исторических оправданий!

В отличие от идеалистов материалисты рассматривают свободы не как произвол личности, но как результат овладения стихийными силами природы и общества. Мы, например, завидуем ловкости дрессировщика, бесстрашию и свободе его обращения с тигром. Но ведь для того чтобы избавиться от страха перед свирепым зверем, нужно было не только изучить его повадки, но и воспитать свою волю. И тогда прирученный тигр, оставаясь физически в десять

==484

раз сильнее человека, подчиняется ему. Поведение тигра становится необходимостью, и дрессировщик свободно входит к нему в клетку.

Та же логика существует и в отношении человека к стихийным силам природы и общества. Если он просто будет поступать наперекор им, то будет уничтожен ими, как неопытный дрессировщик тигром. Свобода, следовательно, состоит не в воображаемой независимости от естественных и социальных сил, а в овладении ими, в использовании их соответственно нашим интересам. Именно поэтому материалисты и говорят, что свобода есть познанная необходимость. Для того чтобы в определенной степени подчинить себе природу, человечеству понадобились тысячелетия. И осуществить это удалось лишь благодаря коллективным усилиям, коллективному опыту сотен поколений людей, воплощенному в науке.

Свобода предполагает прежде всего познание того явления, по отношению к которому хотят быть свободным. Это познание объективных законов природы и общества, без которого немислима свобода человека, как раз и является социальной функцией науки. Однако познание объективной необходимости представляет собой лишь одно из условий, только первое звено человеческой свободы. Чтобы быть действительно свободным (и не только в сознании, но и в практической деятельности), мало обладать знаниями; надо иметь возможность применять эти знания к жизни и поступать в соответствии с познанной необходимостью. И здесь мы сталкиваемся еще с одной преградой на пути к человеческой свободе, а именно — со своекорыстными интересами эксплуататорских классов. Реакционные общественные силы не только мешают развитию науки и простого народа, но и препятствуют использованию и применению в жизни уже приобретенных знаний, поскольку это затрагивает их привилегии.

История человечества — это история борьбы за свободу

Рассматривая прогресс человечества в целом, в общем плане, мы можем вслед за Гегелем и Марксом утверждать, что он одновременно является процессом достижения свободы.

По сравнению с рабом крепостной крестьянин получил большую свободу; в свою очередь рабочий современной капиталистической

==485

эпохи пользуется большей свободой, чем средневековый крестьянин. Когда же после пролетарской революции начинается строительство социалистического общества, свобода трудящихся поднимается на новую, более высокую ступень, а при осуществлении коммунистических идеалов человечество достигнет наибольшей свободы.

Развитие производительных сил, освобождая человека из-под власти природы, на определенном этапе разделяет общество на классы, порождает такое явление, как угнетение трудящихся масс немногочисленными правящими кругами. Рост производительности труда в этих условиях приводит к тому, что трудящиеся оказываются обойденными при распределении тех благ, которые дарует человечеству свобода, и жизнь их становится все более невыносимой. Тогда они поднимаются на борьбу за свои права, за свою свободу. Эта борьба, конечно, в каждом отдельном случае не всегда заканчивается полной победой эксплуатируемых классов. Но и при частичном успехе и даже при поражении участники борьбы закаляются, становятся сильнее, накапливают силы для конечной победы.

Вот почему едва ли будет ошибкой заключить, что история человечества является в определенном смысле историей борьбы за свободу, историей становления свободы.

Идеологи буржуазии настойчиво уверяют, будто свобода и демократические права представляют собой завоевание и особенность «западной цивилизации» в противоположность «деспотическому Востоку», и призывают нас принять свободу как дар Запада вместе с капиталистическим образом жизни. Однако борьба за свободу и демократию происходила не только при капитализме и не только в западных странах, но на протяжении истории всех народов и входит в прогрессивные традиции каждого народа.

В истории Японии есть немало примеров, когда народные массы восставали против социальной несправедливости и вели ожесточенную борьбу за свою свободу. В 1485 г. в области Ямасиро выступление крестьянских масс завершилось установлением народного самоуправления. Победившие крестьяне создали народное собрание, в котором участвовали все граждане в возрасте от 15 до 60 лет, и потребовали, чтобы из их района были выведены войска, земля передана им, а заставы уничтожены. Оказавшись

==486

не в состоянии сопротивляться этой организованной силе, самураи удовлетворили их требования. Крестьяне избрали из своей среды 38 представителей, которые образовали центральный орган народного собрания, и в течение семи лет эта область управлялась на республиканских началах.

В XVI веке возникли свободные города-республики в Сакаи, Хирано, Кувана, МиЦукэ и др., а в Касивадзаки и Мацуяма народ захватил в свои руки и полицейскую власть. Сакаи, в частности, был своего рода Флоренцией Востока, крупным центром промышленности, внешней и внутренней торговли. Он отказался платить феодалу ежегодную дань, став вольным городом. Власть в городе и его оборона осуществлялись на началах самоуправления.

Во второй половине XVII века крупные крестьянские восстания были возглавлены народными героями Сого Сакура и Модзаэмон Харицукэ. С течением времени крестьянское движение развивалось дальше; в конце концов именно массовые крестьянские восстания первой половины XIX века и революционное движение в Осака, Эдо и других городах Японии расшатали феодальные устои сёгуната Токугава и привели в 1868 г. к победе «революции Мэйдзи».

Естественные науки и свобода

Как же выполняла свою историческую миссию наука, какие задачи она разрешала в процессе развития свободы?

Материальная основа для достижения человеческой свободы создавалась в результате развития производства, развития, связанного с покорением природы. А покорение природы всегда зависело от развития естественных наук.

Бесспорно, однако, что при современной системе капиталистического производства ни автоматизация и рационализация, осуществляемые в результате прогресса науки и техники, ни связанный с ними рост производительности труда отнюдь не направлены на увеличение свободы и счастья рабочего. Результаты научного прогресса используются господствующими классами для своего обогащения. А для пролетариата они становятся еще одним источником интенсификации труда и безработицы.

Но в этом виноваты, конечно, не ученые-естествоиспытатели

==487

. Это только временное противоречие, неизбежно возникающее при социальных отношениях капитализма. Когда же ликвидируется частная собственность на средства производства и они становятся общественным достоянием всех трудящихся, тогда естественные науки получают возможность прямо и непосредственно служить своим первоначальным задачам, становятся мощным фактором достижения человеческой свободы. Благодаря этому неуклонный рост производительности труда обращается на пользу самим трудящимся, человек все больше покоряет природу, расширяет свое господство над ее силами. Труд значительно облегчается, сокращается рабочий день, улучшаются условия жизни трудящихся, стирается различие между физическим и умственным трудом, между городом и деревней.

Тем самым утверждается социальная основа свободы. В этом смысле можно сказать, что, за исключением социальных отношений, нет ничего более важного для свободы человечества, чем развитие науки. Без развития науки невозможно возрастание человеческой свободы. В то же время необходимо иметь в виду, что без определенной степени свободы невозможно и развитие науки. Связь между наукой и свободой не сводится к односторонней связи, где одна сторона является причиной, а другая—следствием. Они постоянно взаимодействуют друг с другом. Относительно слабое развитие науки, особенно ее применение в производстве, в рабовладельческую и феодальную эпохи по сравнению с последующими эпохами объясняется не только уровнем развития человеческого интеллекта. Как свидетельствуют открытия Эратосфена, Архимеда, Герона и Аристотеля, античные ученые были не менее талантливы, чем современные естествоиспытатели. Но их открытия не находили себе практического применения и предавались забвению. Вот почему мне представляется бесспорным, что там, где нет свободы действий, нет и свободы мысли, и там в конечном счете нельзя рассчитывать на успешное развитие науки.

Можно даже сказать, что главная причина как того, что в средневековом обществе тормозилось развитие науки, так и того, что Восток в развитии науки и техники отставал от Западной Европы, состояла именно в засилье феодально-клерикальной реакции, сохранявшей свою власть на Востоке более длительное время, чем в западноевропейских странах. В Японии, например, вплоть до эпохи Токугава

==488

укрепление феодального строя сопровождалось возрастающим закрепощением и идейным порабощением трудящихся, превращенных в объект неограниченной эксплуатации. Находясь на самом дне общества, построенного по принципу пирамиды, на вершине которой был сёгун, простой человек должен был и в буквальном, и в переносном смысле простираться ниц перед властителями и оказывать знаки почтения самураям. В противном случае непокорному отсекалась юлова, что, согласно кодексу самураев, не считалось преступлением. В свою очередь каждый общественный класс внутри себя также создавал иерархическую лестницу из низших и высших в силу различий возраста и пола, социального происхождения и имущественного положения. Не было в обществе уголка, где люди относились бы друг к другу как равные.

При такой системе люди, не относящиеся к правящим кругам и составляющие 90 проц. всего населения, звались только по имени и не имели права на фамилию (например, в то время я назывался бы только Кэндзюро и не мог иметь фамилию Янагида). Они не пользовались свободой выбора места жительства и профессии. Их детям разрешалось наследовать только профессию родителей. Не говоря уже об отсутствии всякой свободы слова, собраний и организаций, в стране не допускалась даже свобода вероисповедания: каждый человек принудительно включался в приход определенного буддийского храма. У крестьян безвозмездно отбиралось в качестве дани до 50—60 проц. урожая, они облагались разного рода налогами и поборами, несли трудовые повинности. «Не давать мужику ни жить, ни умереть!» — таков был лозунг господствующих классов, возведенный в принцип управления страной.

Конечно, нельзя сказать, что в таком обществе вообще невозможно развитие науки. Иначе пришлось бы отрицать прогресс в истории, поступательное развитие общества. И действительно, несмотря на всевозможные преграды и феодально-клерикальный гнет господствующей власти, подавляющий свободу научной мысли, и на Западе, и в Японии к концу феодализма естественные науки с неодолимой силой пробивали себе дорогу. Естественнонаучная мысль с ее рационализмом неизбежно превращалась в сильного врага феодалов и угрожала перевернуть до основания отживший общественный порядок. Связанное с прогрессом науки развитие

*

==489

производительных сил вступало в острые противоречия с феодальными производственными отношениями, что вело к революции. Буржуазная революция в огромной степени расширила свободу так называемого «третьего сословия», обеспечив тем самым огромный скачок в развитии естественных наук.

Примерно то же происходит и при смене капитализма социализмом. Нельзя сказать, что в современном капиталистическом обществе ученые совершенно лишены свободы мысли. Поэтому и при капитализме, несмотря на вопиющие противоречия этого строя, развитие науки продолжается. Но неоспоримым фактом является то, что условия для развития науки при капитализме, особенно в его империалистической стадии, значительно хуже, чем в новом, социалистическом обществе. В эпоху империализма политика господствующих классов приобретает все более реакционный характер; в обществе, которое кичится своими традициями и само себя называет «свободным миром», народные массы лишены подлинной свободы. И, конечно, не случайно прогресс науки в США замедлился и отстает от замечательных успехов советской науки. Это отставание свидетельствует не о том, что по своим творческим способностям американские ученые уступают советским, а скорее о том, что так называемое «свободное общество» на самом деле представляет собой лишь фасад.

Общественные науки и свобода

Связь между общественными науками и свободой выражается еще более явно. В любом классовом обществе правящие группы опасаются, как бы народные массы не разобрались в механизме эксплуатации. И вот, чтобы извратить реально существующие социальные отношения, господствующие круги вынуждены прибегнуть к идеологии, которая выдавала бы черное за белое. Такой идеологией является идеализм и, в частности, его приспособленная для массового распространения форма — религия.

История философии знает множество философских систем, и все они развивались в русле постоянной борьбы идеализма и материализма. Пока общество состоит из антагонистических классов, отживающие господствующие группы, как правило, отдают предпочтение идеализму, который узаконивается как официальная идеология и пользуется

==490

всевозможными привилегиями. Зато материализм в таком обществе рассматривается как оппозиционная философия и подвергается жестоким гонениям.

Чем сильнее и изощренней становятся классовая эксплуатация и социальный гнет, чем невыносимее народные бедствия и нужда, тем больше господствующие классы заботятся о процветании крайне идеалистических взглядов и укреплении религии. Так, в феодальной Японии в эпоху сёгуната Токугава конфуцианство (особенно учение Чжу Си) было принято в качестве официальной науки. Когда же Япония начала свою агрессию в Китае как прелюдию ко второй мировой войне, быстрыми темпами стал распространяться культ императорской власти. В конце концов дело дошло до того, что народу преподносилась как истина идея императора-божества. Эти времена еще не изгладились из памяти японского народа.

В черные годы, когда Япония вступила на путь империалистической войны (1931—1945 гг.), нельзя было даже произносить имя Маркса, не разрешалось иметь ни одной книги Ленина. Более того, в конце концов стали бояться употреблять такие слова, как «общество», «истина» и им подобные. Европейские песни, музыка, пьесы — все было запрещено. Вместо этого повсюду слышались дикие военные марши или же прославлявшие императора шовинистические песни. История Японии фальсифицировалась. Насаждались антинаучные взгляды. В народе культивировалась версия, будто если даже предки европейцев и произошли от одного из видов обезьян, то предки японской нации ведут все же свое начало от богини Аматерасу и сошли на землю с небес. Народ опутывали ложью. А всякого, кто обращал свои помыслы к правде, говорил о правде и действовал в соответствии с правдой, преследовали, бросали в тюрьму. Конечным уделом его была насильственная смерть.

По мере того как углублялись противоречия империализма и все труднее становилось скрывать фальшь буржуазной демократии, по мере того как усиливалась борьба колониальных и зависимых народов, термины «западные демократии», «открытое общество», «свободный мир», «демократические страны» все шире использовались буржуазными идеологами. Нечто подобное происходило в прошлом и в Японии. Чем невыносимее становились эксплуатация и гнет со стороны господствующих кругов императорского

»

==491

режима, тем с большей настойчивостью насаждались в сознании народа иллюзии «величия императора». «превосходства государственного строя».

По мере того как народы Советского Союза, Китая и других социалистических стран ликвидировали эксплуататорские классы, по мере того как они строили новую жизнь, добивались свободы и счастья, империалисты усиливали свою пропаганду, уверяя, будто народы этих стран лишены свободы и подвергаются принудительному, рабскому труду. Империалистическая пропаганда утверждает, что для того, чтобы отстоять свободу и «предотвратить завоевание мира коммунистами!», необходимо усилить гонку вооружения, разместить по всему миру американские военные базы, создавать военные союзы и блоки, производить и дальше атомные и водородные бомбы. Напрашивается вывод, что чем больше страна приобретает империалистический характер, тем активнее насаждаются в ней идеи так называемого «свободного государства». И чем сильнее эти идеи подчиняют народ, тем скорее он лишается своих последних свобод.

Какой бы бесспорной ни была истина, сколь бы объективной она ни являлась, но если она противоречит интересам господствующего класса, можно не сомневаться, что он приложит все усилия, чтобы не признать ее за истину, чтобы сжить ее со света.

Я об этом мог бы рассказать больше, чем кто-либо другой, ибо на себе самом прочувствовал, как изменялось мое общественное положение сразу же вслед за изменением моих взглядов. Как только я встал на путь материализма, мой заработок резко упал. Постепенно я был лишен всех ранее занимаемых должностей. Вокруг моего дома в Омия всегда бродит полицейский. По временам он заходит в соседний дом и справляется обо мне. Другой полицейский, переодетый в штатское платье, часто следует за мной. когда я еду читать лекции.

Однажды американский журналист метко сказал, что если в США когда-нибудь придет к власти фашизм, то он это осуществит под лозунгом «защиты демократии и свободы». Но при всех отчаянных попытках империализма насильственно лишить народные массы свободы поисков истины он не в состоянии расправиться с самой истиной. Можно попытаться изгнать из сознания человека понятие

==492

земного притяжения, но нельзя уничтожить само притяжение. Если человек, идя по мостику, оступится, то он упадет в воду, независимо от того, знаком он с понятием земного притяжения или нет. Капитализм боится истины, лишает народы свободы поисков истины и все же вынужден 1,- апиитулировать перед истиной марксизма-ленинизма. Итак, если естественные науки имеют своей целью освобождение человека от господства стихийных сил природы, то целью общественных наук является освобождение его от несправедливостей классового общества. Следовательно, цель общественных наук так же, как и цель естественных наук, пожалуй, даже в большей степени, заключается в достижении свободы.

Там, где нет подлинной науки, невозможно освобождение человека. Причем научная истина — только одна. Опыт революций, совершенных народами стран, население которых превышает один миллиард человек, показал, что такой истиной является марксизм-ленинизм. Невозможно успешно совершить в какой-либо стране социалистическую революцию, не руководствуясь теорией марксизма-ленинизма. Стоит отклониться вправо или отступить влево от этой единственно правильной линии — и революция неизбежно закончится поражением.

По мере развития марксистско-ленинской науки и претворения ее идей в жизнь человек получает все большую степени свободы. В свою очередь укрепление свободы плодотворно воздействует на науку, обогащает и стимулирует ее, делает достижение истины более определенным и быстрым. Как известно, империалисты, видя дальнейшее развитие марксистско-ленинской науки об обществе и ее широкое международное распространение, не брезгают никакими средствами, чтобы попытаться опровергнуть ее. Но результат может быть только один: противоречащий истине всегда навлекает на себя печальные последствия.

Свобода по-экзистенциалистски и свобода при социализме

В качестве одной из типичных форм идеализма в современном буржуазном обществе можно привести концепцию свободы экзистенциалистов. Попробуем сравнить спекулятивное экзистенциалистское представление о свободе со свободой в социалистическом обществе и выяснить, которая

*

==493

же из двух является подлинной свободой. Сделать это тем более целесообразно, что среди мелкобуржуазной интеллигенции есть еще немало людей, которые полагают, что экзистенциалистская свобода и есть подлинная человеческая свобода, тогда как в социалистическом обществе действительной свободы якобы нет.

Прежде всего экзистенциалисты противопоставляют тело и дух и, исходя из этого, утверждают, будто подлинная свобода невозможна, пока человек остается рабом материальных интересов. «Я» экзистенциалистов — это прежде всего дух. А дух может обрести подлинную свободу только тогда, когда сбросит узы материальных желаний.

Эта умозрительная доктрина игнорирует реальный мир, диалектическую связь тела и духа, она метафизична, антиисторична, что является общей чертой идеалистических теорий. Любой рабочий или крестьянин, испытывающий немалые трудности реальной жизни, хорошо знает, что идея свободы духа без материальной основы — всего лишь пустая иллюзия. Лишенные средств производства, трудящиеся зависят от капиталистов. В таких условиях рабочие отнюдь не чувствуют себя свободными. Этому не помогает и то, что им пытаются внушить противное, говоря: «У вас есть свобода выбирать между республиканской партией и демократической».

Идеализм видит все явления в опрокинутом виде, как через объектив фотоаппарата. Если, застегивая пальто, по ошибке пропустить первую пуговицу, то все остальные пуговицы обязательно попадут не в ту петлю. Точно так же стоит только ошибиться и начать смотреть на вещи в том порядке, в каком это делает идеалистическая теория, как все перевернется с ног на голову: правда покажется ложью, а несправедливость — справедливостью. Наши материальные и культурные потребности следует не подавлять, а удовлетворять. В этом и состоит осуществление подлинной человеческой свободы.

Конечно, нередко бывает, что человек в процессе общественной борьбы временно жертвует своими материальными потребностями во имя осуществления более высоких целей. Но кто более всего жертвует собой в современную эпоху? Это отнюдь не экзистенциалисты-идеалисты и не духовенство, которое претендует на служение богу. Это как

==494

раз/самоотверженно борющиеся за мир и демократию, за лучшую жизнь на земле материалисты, коммунисты. И тем не менее коммунисты вовсе не говорят, что свобода — это отрицание материальных желаний. Пренебрегая своими личными желаниями, отказываясь от удовлетворения своих насущных потребностей, коммунисты борются за такие условия, которые позволили бы возможно полнее удовлетворять материальные и культурные потребности народных масс, другими словами, борются за осуществление действительной человеческой свободы.

В обществе, расколотом на враждебные классы, не бывает свободы вообще, свободы для всех. В таком обществе свобода эксплуататоров, реакционеров отрицает свободу трудящихся масс. И в свою очередь свобода трудящегося большинства отрицает свободу капиталистов и помещиков угнетать народ и обманывать его. Эти две свободы непримиримы и прямо противоположны. Но реакционная буржуазия, понятно, не откажется добровольно от своей свободы обогащаться за счет народа. И для того чтобы трудящиеся массы обрели настоящую свободу жить в соответствии со своими интересами, необходимо уничтожить свободу эксплуатации и произвола. Это недостижимо без революционной борьбы за социальную справедливость. Свобода трудящейся личности предполагает освобождение всего народа. И только тот, чьи личные интересы совпадают со стремлениями народа, только тот может быть действительно свободным в нашу эпоху.

Экзистенциалисты считают, что сущность человека состоит в индивидуальности. И хотя они не могут отрицать того, что человек — существо общественное, все же для них общество — это всего лишь конгломерат независимых друг от друга индивидов. А первейший принцип каждого из этих индивидов состоит в том, чтобы любой ценой стать свободной индивидуальностью, завоевать духовную свободу вопреки обществу. Такие рассуждения совпадают с традиционной идеологией буржуазного индивидуализма и либерализма, с их утилитаристским лозунгом «Что приносит пользу мне, в конце концов идет на благо всему обществу».

Человек никогда не сможет стать абсолютно независимым индивидом, стоящим вне общественных отношений. Тем более, что его желания, интересы, страсти — это продукт общественного развития.
Сущность человека

*

==495

определяется не его индивидуальной свободной волей, а общественно-историческими отношениями, его местом в них. Поэтому и вопрос о свободе определяется не произволом личности, а общественными отношениями. Вот почему, если мы хотим действительной свободы, мы должны прежде всего бороться за истинно человеческие общественные отношения, предполагающие свободу для всех.

Отрывая вопрос о свободе от политики, экзистенциалисты стремятся свести его к одной лишь морали. Народные массы могут быть лишены всякой свободы, безработица и нищета могут переполнить реки и затопить долины, а экзистенциалисты, не внемля народному горю, будут уверять, что первейший принцип человеческой жизни состоит в «самоутверждении». Некоторые считают, что подобный взгляд может быть оправдан как субъективная идея экзистенциалистов, что он зиждется на сугубо индивидуальной позиции, которая, исходя из чисто духовных побуждений, не связана с политическими отношениями. Но чем больше в народе нейтральных, безразличных к политике людей, тем это удобнее для господствующих классов, тем легче господствовать над ними.

В современную эпоху вопрос освобождения личности — это не простой вопрос, который каждый может разрешить одним только своим внутренним духовным усилием. Для того чтобы защитить свою

свободу, мы должны, наоборот, прежде всего хорошо организовать для сопротивления тем, кто подавляет свободу. Организация для современной практики является крайне важным условием, без которого невозможно двигать историю вперед.